

Потусторонние истории

Эдит Уортон

Потусторонние истории
Эдит Уортон

Аннотация
Эдит Уортон. Потусторонние истории. Сборник рассказов
Полнота жизни
В пути
Молитвы герцогини
Колокольчик горничной
Глаза
Лишь спустя время
Торжество ночи
Керфол
Мисс Мэри Паск
Привороженный
Мистер Джонс
Бутылка «Перье»
Зернышко граната
Зеркало
День Всех Святых

Аннотация

Лауреат Пулитцеровской премии.

Сборник «Потусторонние истории» Эдит Уортон представляет собой изящную и мастерски составленную коллекцию из пятнадцати рассказов Эдит Уортон, в которых жанр классических историй о призраках переплетается с глубоким психологизмом и социальным подтекстом. Эти рассказы погружают читателя в атмосферу необъяснимой тревоги, мистики и напряжённого ожидания, где призраки часто становятся метафорой моральных конфликтов, подавленности и душевных терзаний.

Действие происходит в мрачных особняках и отдалённых усадьбах, а главными героями чаще всего оказываются женщины, сталкивающиеся с ограничениями своего времени и собственного положения. Их внутренние страхи, боль и одиночество преобразуются в непостижимые сверхъестественные явления.

Стиль Уортон характеризуется тонкой психологической проработкой персонажей,

насыщенностью описаний и тщательным построением сюжета, что делает рассказы одновременно элегантными и глубоко тревожащими. Этот сборник – не просто классика ужасов, а проникновенное исследование человеческой души, скрывающейся за маской внешнего благополучия.

«Потусторонние истории» – книга для тех, кто ценит не только атмосферу сверхъестественного, но и художественную силу слова, раскрывающего неизведанные глубины человеческого страха и чувства вины.

Эдит Уортон
Потусторонние истории
Сборник рассказов

Edith Wharton
Ghost Stories

* * *

© Каллистратова Ю., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

* * *

Полнота жизни

I

Вот уже несколько часов она пребывала в безмятежной апатии сродни той сладкой дреме, которая овладевает тобой в тишине летнего полудня, когда от зноя умолкают даже птицы и насекомые, и ты, утонув в мягком море полевой травы, смотришь сквозь навес кленовых листьев на бескрайнюю, лишенную оттенков и не оставляющую простора для фантазии синеву. То и дело, подобно все более редким сполохам зарницы в летнем небе, ее пронзала боль — слишком

скоротечная, чтобы вывести из восхитительного, умиротворяющего, бездонного оцепенения, в которое она погружалась все глубже и глубже, без малейших порывов к сопротивлению или попыток ухватиться за исчезающие края сознания.

И сопротивление, и борьба уже давно исчерпали свое неистовство и затихли. В ее сознании, долго терзаемом гротескными видениями из обрывков той жизни, которую она покидала — будоражащими строками прочитанных стихов, навязчивыми фрагментами увиденных картин, размытыми впечатлениями от рек, башен и куполов полузабытых путешествий, наслоившихся друг на друга, — теперь едва шевелились лишь примитивные ощущения бесцветного благополучия: смутное удовлетворение от мысли, что ей больше не придется глотать противные лекарства… что она больше не услышит скрипа сапог мужа — этих отвратительных сапог — и что никто не придет беспокоить ее по поводу завтрашнего обеда… или счетов от мясника…

Наконец и эти ощущения растворились в обволакивающем забытьи. Мир потонул в сумраке, который то наполнялся бледными розами, плавно и бесконечно кружащими перед ней в геометрическом узоре, то сгущался до однород-

ного иссиня-черного оттенка беззвездной летней ночи. Она все глубже погружалась во тьму, куда ее будто бы опускали нежные сильные руки. Темная волна подступила со всех сторон, заключая ее размякшее усталое тело в свои бархатистые объятия; медленно достигла груди, плеч, с мягкой неумолимостью подобралась к шее, подбородку, коснулась ушей и рта… Ай, слишком высоко — сдаваться нельзя! Нельзя вот так, без борьбы… Рот залило… нечем дышать…

На помощь!

— Все кончено, — объявила сиделка, закрыв ей веки с профессиональной невозмутимостью.

Часы пробили три. Кто-то распахнул окно и впустил поток того странного, нейтрального воздуха, который можно застать между темнотой и рассветом; кто-то другой вывел мужа в соседнюю комнату. Тот вышел послушно, как слепой, поскрипывая сапогами.

II

Ей чудилось, что она стоит на пороге, хотя никакого осязаемого входа перед ней не было. Лишь широкая полоска света, мягкого и одновременно яркого, как дорожка из бесконечного множества переливающихся звезд, пролегла перед ней, со-

здав блаженный контраст с пещерной тьмой, из которой она только что вышла.

Она шагнула — без боязни, но осторожно, — и по мере того как глаза все больше привыкали к тающим глубинам света вокруг, стала различать контуры пейзажа, сначала расплывавшиеся в опаловой неопределенности эфемерных творений Шелли, затем постепенно обретавшие более четкие формы: залитую солнцем равнину, заоблачные вершины гор, потом серебристый изгиб текущей по долине реки с голубой кромкой деревьев по сторонам… Своим непередаваемым лазурным оттенком пейзаж напоминал картины Леонардо — он был таким же таинственным, чарующим, странным, манящим воображение в страну необъяснимого блаженства. Ее сердце затрепетало от восторга и удивления в предвкушении того, что сулила кристально чистая даль.

— Значит, смерть все же не конец, — услыхала она собственный радостный голос. — Я так и знала! Разумеется, я никогда не сомневалась в Дарвине и до сих пор ему верю. Однако, если не ошибаюсь, Дарвин сам признавался, что полон сомнений по поводу души, Уоллес защищал спиритизм, а Сент-Джордж Майварт — тот и вовсе… — Она устремила взор в неземные

очертания гор вдали. — Какая красота! Какая благодать! — прошептала она. — Быть может, я наконец испытаю, что значит по-настоящему жить.

С этими словами она почувствовала, как сердцебиение участилось, и, подняв глаза, увидела перед собой Духа жизни.

— Ты в самом деле не ведаешь, что значит по-настоящему жить? — спросил Дух жизни.

— Мне неведома та полнота жизни, — отвечала она, — которую все мы считаем себя способными познать. Хотя до меня долетали разрозненные намеки на существование этой самой полноты; так тот, кто далеко в море, изредка улавливает запах земли.

— А что ты называешь полнотой жизни? — спросил опять Дух.

— Как же я объясню тебе, если ты не знаешь? — почти с упреком воскликнула она. — Ее описывают по разному — часто такими словами, как «любовь» и «привязанность», хотя, по-моему, они не совсем подходят, да и мало кто понимает их истинное значение.

— Ты была замужем, — продолжал Дух, — и тем не менее полноты жизни не испытала?

— Вот еще! — Она презрительно фыркнула. —

Мой брак был крайне неполноценным.

— Разве ты не любила мужа?

— Отчего же? Любила — так, как любят бабушку, родительский дом, старую няню. Я мужа уважала, нас считали счастливой парой. Однако порой у меня возникала мысль, что женщина подобна большому дому со множеством комнат: есть прихожая, через которую все входят и выходят; приемная для официальных посетителей; гостиная, куда заходят все члены семьи, когда им вздумается… но помимо этих есть много других комнат, двери которых, возможно, никогда не открываются — никто не знает, где они и куда ведут; а в самой дальней, потаенной комнате, в святая святых, сидит в одиночестве душа и ждет звука шагов, которых никогда не услышит.

Немного помолчав, Дух спросил:

— Стало быть, твой муж никогда дальше гостиной не бывал?

— Никогда! — отрезала она. — И самое ужасное — его это вполне устраивало! Ему там нравилось, и порой, когда он восхищался ее банальным убранством, столами и стульями, которые могли бы стоять в салоне любой гостиницы, хотелось крикнуть: «Глупец! Неужели ты не догадываешься, что совсем рядом находятся комнаты, полные

сокровищ и чудес, каких свет не видывал, комнаты, куда не ступала нога человека и которые могли бы стать твоими, если бы ты только отыскал нужные двери?»

— Значит… — продолжил Дух, — те мгновения, о которых ты говорила раньше, те разрозненные намеки на существование полноты жизни — ты испытала их не с мужем?

— О нет! Муж был другого склада. У него вечно скрипели сапоги, и, уходя, он неизменно хлопал дверью, и еще он не читал ничего, кроме бульварных романов и спортивных новостей, и… в общем, мы друг друга совершенно не понимали.

— Тогда откуда у тебя могли возникнуть те восхитительные ощущения?

— Трудно сказать. Порой их вызывал цветочный аромат, порой — стих Данте или сонет Шекспира; порой картина, или закат, или один из тех спокойных дней на море, что кажется, будто лежишь в голубой перламутровой раковине; порой — хотя реже — произнесенное кем-то слово отзывалось во мне так, как я сама и выразить не могла.

— Кем-то, в кого ты была влюблена? — не отставал Дух.

— Я ни разу не влюблялась, — печально вздох-

нула она, — и никого конкретно не подразумевала. Двум или, может, трем удавалось задеть во мне некую струну и извлечь одну-единственную ноту странной мелодии, которая обычно спала в моей душе. Крайне редко этот отклик бывал вызван людьми — и уж точно ни один человек не дарил мне такого полноценного счастья, какое однажды довелось испытать в церкви Орсанмикеле во Флоренции.

— Расскажи, пожалуйста, — попросил Дух.

— Случилось это перед самым закатом на Пасхальной неделе. Целый день шел дождь, а под вечер налетевший откуда-то ветер разогнал облака, и, когда мы вошли в церковь, марево проникало внутрь сквозь высокие окна, делая их похожими на горящие в сумерках фонари. Перед алтарем белела в дымке мантия священника; над головой его, как светлячки, мерцали свечи; несколько человек стояли, преклонив колени. Мы тихонько подошли и сели на скамью возле беломраморного табернакля Орканьи.

Хотя я и раньше бывала во Флоренции, как ни странно, ни разу в ту церковь не заходила, так что впервые увидела инкрустированные ступени, рифленые колонны, скульптурные барельефы и своды сей прекрасной обители в этом волшебном

свете. Мрамор, отмеченный печатью времени, приобрел какой-то непередаваемо розовый оттенок, отдаленно напоминавший медовый цвет колонн Парфенона, но более таинственный, неуловимый, рожденный не от обыденного поцелуя солнца, а от дуновения погребальных сумерек, пламени свечей на могилах мучеников и отблесков заката сквозь витражи из рубина и хризопраза; такой свет падает на требники в библиотеке Сиены, им светится Мадонна Беллини в церкви Искупителя в Венеции — это полусвет Средневековья, более насыщенный, возвышенный и весомый, чем незамутненный солнечный свет Греции.

В церкви было тихо, если не считать бормотаний священника да случайного скрежета стульев об пол. Я сидела, растворясь в этом свете и погрузившись в восторженное созерцание возвышавшегося надо мной мраморного чуда, с его инкрустацией драгоценными камнями, потускневшей позолотой, выполненного так же искусно, как если бы это была шкатулка из слоновой кости; и вдруг я почувствовала себя влекомой могучим потоком, берущим начало у истоков всего и вбирающим в себя бурные реки человеческих страстей и стремлений. Словно

сама жизнь, во всевозможных ее проявлениях, во всей красоте и необычности, плела вокруг меня ткань ритмичного танца — а я двигалась ей в такт и с каждым шагом, встречая чью-либо душу, понимала, что уже с ней знакома.

Пока я созерцала табернакль Орканьи, его средневековый орнамент начал будто растекаться и принимать первобытную форму: в мраморные кувшинки и греческий акант вплелись кельтские узлы и нордические чудища с рыбьими хвостами, а все ужасы и красоты рельефов, когда-либо созданных рукой человека от Ганга до Балтики, смешались в апофеозе образа Марии. Поток уносил меня все дальше, мимо чуждых масок античных цивилизаций и знакомых чудес Греции, пока не выбросил на берег бушующего Средневековья с его клокочущими вихрями страстей и безоблачной гладью искусств и поэзии. До меня донеслись ритмичные удары молотков в ювелирных мастерских и в стенах церквей, крики вооруженных людей на узких улочках, органная дробь стихов Данте, треск поленьев

вокруг Арнольда Брешианского[1], щебет ласточек, которым проповедовал святой Франциск, смех дам, слушающих на склоне холма остроты из «Декамерона» под стоны охваченной чумой Флоренции, — все это и многое другое слилось с голосами более древними и более отдаленными, неистовыми или нежными, но приглушенными до такой величественной гармонии, будто утренние звезды затянули хором песнь, которая зазвучала у меня в ушах. Сердце рвалось из груди, дыхание перехватило, слезы жгли веки; открывшиеся мне радость и тайна были почти непереносимыми. Слов той песни я разобрать не могла, однако знала точно: окажись рядом некто способный ее расслышать, мы вместе запели бы с ней в унисон.

Помню, как повернулась к мужу, который сидел с видом терпеливого уныния и разглядывал дно своей шляпы. Внезапно он встрепенулся, вытянул затекшие ноги и тихо сказал: «Может, пойдем уже? Смотреть тут все равно особо не на что, а ужин в гостинице подают в половине

---

[1] Примечания: 1

Арнольд из Брешии — итальянский религиозный и общественный деятель XII века, реформатор. Под влиянием Пьера Абеляра проповедовал отказ от роскоши в церковной жизни и возврат к первоначальному христианству, чем противопоставил свое учение римским папам. После многократных изгнаний казнен по приказу папы Адриана IV.

шестого».

Закончив рассказ, она замолчала. Тогда Дух жизни произнес:

— У меня есть то, чего ты жаждешь.

— Неужели ты меня понял?! — воскликнула она. — Что же у тебя припасено, умоляю, скажи!

— Так заведено, — ответил Дух, — что всякая душа, не нашедшая в земной жизни родственную душу, перед которой она смогла бы полностью раскрыться, встретит таковую здесь и они соединятся на веки вечные.

С ее губ сорвался восторженный крик:

— Ах! И мне суждено его найти?

— Вот он, — промолвил Дух жизни.

И действительно, перед ней стоял мужчина, чья душа (ибо в необычном свете она куда явственнее видела его душу, нежели лицо) с непреодолимой силой влекла ее к себе.

— Это и вправду ты? — прошептала она.

— Да, это я, — ответил он.

Они взялись за руки и подошли к балюстраде, нависшей над долиной.

— И что же, теперь мы спустимся вместе в эту волшебную страну? — спросила она. — Увидим ее одними и теми же глазами, опишем наши мысли и чувства одними и теми же словами?

— Это именно то, — ответил он, — о чем я мечтал и на что надеялся.

— Неужели? — радостно воскликнула она. — Неужели и ты меня искал?

— Всю свою жизнь.

— Как чудесно! А в том, другом мире не нашлось той, которая понимала бы тебя?

— Всецело? Нет… не так, как понимаем друг друга мы с тобой.

— Значит, ты чувствуешь то же самое? О, какое счастье, — выдохнула она.

Они стояли рука об руку у парапета, глядя вниз на мерцающий пейзаж, раскинувшийся перед ними в сапфировом пространстве; до Духа жизни, который остался стоять на страже у порога, долетали подобно ласточкам, отделенным ветром от перелетного племени, обрывки их разговора.

— Ты когда-нибудь ощущал на закате…

— О да! Но ни разу не слышал об этом от кого-то еще, а ты?

— А помнишь ту строчку из третьей песни «Ада» в «Божественной комедии»?

— Ах, моя любимая строчка. Мыслимо ли…

— А склонившаяся Победа на фризе Ники Аптерос?

— Та, которая завязывает сандалии? Тогда ты,

верно, тоже подметила, как в летящих складках ее туники уже угадываются будущие Боттичелли и Мантенья?

— Ты когда-либо замечал после осенней грозы…

— Конечно, разве не удивительно, что определенные цветы наводят на мысль об определенных художниках: аромат гвоздики — о Леонардо, розы — о Тициане, туберозы — о Кривелли…

— Вот уж не думала, что кто-то еще это заметил.

— Ты когда-нибудь представляла…

— О да, и очень часто, но и понятия не имела, что это приходило в голову кому-то еще.

— И ты, без сомнения, ощущала…

— Да, да! Значит, и ты…

— До чего же прекрасно! Просто изумительно…

Их голоса становились то громче, то тише, как журчание двух фонтанов, перекликающихся в цветистом саду. Наконец он в нетерпении повернулся к ней и молвил:

— Любовь моя, к чему задерживаться дольше? Нас ждет целая вечность. Отправимся же вместе в эту прекрасную страну и заживем в доме на каком-нибудь голубом холме над сияющей рекой.

При этих словах она вдруг выдернула руку, которая все еще покоилась в его руке, и он почувствовал, как на безоблачность ее души набежала тень.

— В доме? — медленно повторила она. — В доме, где ты и я будем жить вечно?

— Конечно, любовь моя. Разве я не та душа, к которой всегда стремилась твоя?

— Д-да, но… но понимаешь, дом не будет мне домом, пока…

— Пока что?.. — опешил он.

Она промолчала, поймав себя на неожиданной мысли: «Пока ты не начнешь хлопать дверями и носить скрипучие сапоги».

Меж тем он вновь взял ее руку и еле заметно потянул к сияющим ступеням, спускавшимся в долину.

— Идем же, о душа моей души, — взмолился он, — к чему медлить? Ведь тебе, как и мне, даже вечность слишком коротка, чтобы вместить наше блаженство. Я уже представляю себе наш дом. Недаром я столько раз видел его во сне. Он белый — да, любовь моя? — белый с гладкими колоннами и скульптурным карнизом на голубом фоне. Так ведь? Он окружен рощами лавра и олеандра, зарослями роз, а с террасы, куда мы выходим на

закате, открывается вид на лес и прохладные луга; там, в глубине, под вековыми ветвями течет ручей, неумолимо стремящийся к реке. Внутри мы развесим наши любимые картины, а комнаты наполним книгами. Подумай, дорогая, у нас наконец-то будет время все их прочесть! С которой начнем? Помоги же мне выбрать: «Фауст» или «Новая жизнь», «Буря» или «Прихоти Марианны», а может, тридцать первую песнь «Рая», или «Эпипсихидион», или «Люсидас»? С какой начнем, дорогая?

Перечисляя названия, он видел, как ответ был вот-вот готов сорваться с ее губ, однако так и не прозвучал — она стояла неподвижно, не давая увлечь себя дальше.

— В чем дело? — с тревогой спросил он.

— Погоди, — неуверенно начала она. — Скажи, а ты уверен? Не осталось ли на земле той, о ком ты порой вспоминаешь?

— После встречи с тобой — ни о ком, — ответил он. Ибо, будучи мужчиной, он и в самом деле обо всех других забыл.

Она по-прежнему не двигалась, и он видел, как сгущалась набежавшая на ее душу туча.

— Не может быть, любовь моя, — продолжал он, — чтобы тебя это заботило. Ведь я переплыл

Лету. Прошлое для меня растаяло, как облако в предлунном небе. До встречи с тобой я не жил.

Она не отвечала на его мольбы. Наконец, с видимым усилием очнувшись, она отвернулась от него и подошла к Духу жизни, который стоял все там же, у порога.

— Я хочу задать тебе вопрос, — срывающимся от волнения голосом сказала она.

— Задавай, — отозвался Дух.

— Давеча ты говорил, что всякая душа, которая не встретила родственную душу на земле, обретет ее здесь.

— Разве ты не нашла свою? — удивился Дух.

— Я-то нашла, а найдет ли ее мой муж?

— Нет, — ответил Дух жизни, — ведь муж твой считал, что уже встретил родственную душу в твоем лице, — а от подобных иллюзий не излечит даже вечность.

Она тихонько ахнула. Было ли то разочарование или триумф?

— Тогда… тогда что станет с ним, когда он окажется здесь?

— Этого я сказать не могу. Он, безусловно, обретет некое занятие и счастье в меру своей способности быть активным и счастливым…

— Муж никогда не будет счастлив без меня! —

прервала она его сердито.

— Не уверен, — отвечал Дух. Не дождавшись никакой реакции, он продолжил: — Он не станет понимать тебя здесь лучше, чем на земле.

— Ну и пусть! — отрезала она. — Страдать буду лишь я одна, ведь он всегда думал, что понимает меня.

— Его сапоги не перестанут скрипеть…

— Ну и пусть.

— И он так же громко будет хлопать дверями…

— Наверняка.

— И продолжать читать бульварные романы…

— Бывают люди и похуже, — возразила она.

— И ведь ты сама говорила, что его не любишь.

— Верно, — ответила она просто. — Но неужто ты не понимаешь, что без него я не смогу почувствовать себя как дома? На неделю-другую, может, и удастся, но навеки? Сказать по правде, скрип сапог меня никогда особенно не раздражал, разве что когда болела голова — а здесь она болеть точно не станет; и он очень извинялся, если хлопал дверью, просто сразу опять забывал. И потом, кто о нем кроме меня позаботится, он же такой беспомощный? Его чернильница будет вечно пуста, марки и визитки вечно израсходованы. Без меня он даже не вспомнит о зонте и

уж наверняка забудет поинтересоваться о цене, прежде чем что-нибудь купить. Да и романа он сам не выберет — я вечно за него выбирала те, которые ему нравятся: с убийством или обманом и детективом, который успешно раскрывает дело.

Она резко повернулась к своей родственной душе — тот слушал с обескураженным видом.

— Ужели ты не понимаешь, — сказала она, — что я не могу уйти с тобой?

— Что же ты намерена делать? — спросил Дух жизни.

— Как что? — оскорбилась она. — Дожидаться мужа, разумеется! Попади он сюда первым, он ждал бы меня годами. Не хватало еще, чтобы я разбила сердце мужа, когда придет его час! — Она презрительным жестом обвела живописную долину и холмы, плавно перетекающие в прозрачные горы. — На все это ему будет наплевать, если он не найдет здесь меня.

— Не забудь, однако: ты делаешь выбор навеки.

— Выбор! — усмехнулась она. — Тут, наверху, еще верят в сказки о выборе? Вот уж не ожидала. Разве у меня есть выбор? Муж будет меня искать и не поверит, что я ушла с другим, — нипочем не поверит.

— Что ж, тебе виднее, — сдался Дух. — Здесь, как и на земле, каждый решает за себя.

Она вздохнула и ласково, почти с сожалением взглянула на свою родственную душу.

— Прости меня. Я бы с удовольствием поговорила с тобой еще… Уверена, ты поймешь. Смею надеяться, ты найдешь другую, гораздо умнее…

Не дожидаясь ответа, она махнула ему на прощание и отвернулась.

— Скоро ли прибудет мой муж? — поинтересовалась она у Духа жизни.

— Этого тебе знать не суждено, — ответил Дух.

— Ну и пусть, — весело откликнулась она, — у меня впереди целая вечность.

Так она и сидит по сей день одна у порога и ждет, когда заслышит скрип его сапог.

1893

В пути

Она лежала на своей полке, уставившись в мелькавшие над головой тени; мерный стук ржавых колес все дальше затягивал сознание в водоворот полузабытья. Спальный вагон погрузился в ночное затишье. За мокрыми стеклами изредка вспыхивали и исчезали огни, за которыми следовали длинные отрезки спешащей куда-то черноты. Время от времени она поворачивала голову и смотрела сквозь щель между занавесками на штору, скрывавшую полку мужа.

Тревожные мысли не давали покоя: не нужно

ли ему чего, услышит ли она, если он позовет? В последние месяцы голос его сильно ослабел, и муж раздражался, когда она его не слышала. Эта раздражительность, как и участившаяся детская капризность, были первыми признаками едва наметившейся между ними отчужденности. Подобно двум лицам, разделенным зеркалом, они все еще оставались близки, почти соприкасались, — но больше не слышали и не чувствовали друг друга: теплообмен между ними был нарушен. Во всяком случае, она испытывала отторжение, а порой даже замечала его во взгляде, которым он сопровождал свои недонесенные слова. Конечно, в том была ее вина: она постоянно мозолила ему глаза своим недюжинным здоровьем. Несуразность его претензий сильно отравляла ее виноватое сочувствие, и в беспомощных нападках мужа она подспудно улавливала умышленность. Перемена в их отношениях застала ее врасплох. Еще год назад их пульс бился в унисон; оба беспечно верили в безграничное будущее. Внезапно их жизненные силы оказались неравны: она по-прежнему неслась вперед, претендуя на незанятые территории событий и надежд, а он отставал, тщетно пытаясь ее нагнать.

Ко времени их свадьбы у нее скопилась масса

задолженностей судьбы, которые предстояло наверстать. Ее прежняя жизнь была такой же тусклой, как выбеленные стены школы, где она день ото дня пичкала упирающихся детей неаппетитными фактами. Своим появлением он ворвался в ее сонное существование, отодвинув горизонт настолько, что туда вместились даже самые призрачные мечты. Однако вскоре перспективы незримо сузились. Похоже, жизнь затаила на нее обиду: ей так и не довелось расправить крылья.

Поначалу доктора уверяли, что для полного выздоровления достаточно пробыть шесть недель в теплом климате; однако по возвращении выяснилось, что зимовать ему при этом нужно исключительно в сухой местности. Они бросили свой красивый дом, упаковали свадебные подарки и недавно приобретенную мебель и отправились в Колорадо. Она сразу возненавидела новое место. Никто ее не знал, никому до нее не было дела, некому восторгаться, как удачно она вышла замуж, или завидовать ее новым нарядам и визитным карточкам, которые самой ей были в диковинку. И с каждым днем мужу становилось все хуже. На нее навалились трудности слишком непостижимые, чтобы справляться с ними

с присущей ей решительностью. Конечно, она по-прежнему его любила, однако он постепенно и неумолимо переставал быть собой. Она выходила замуж за сильного и заботливого мужчину, которому доставляло удовольствие устранять жизненные преграды; теперь же ей приходилось о нем заботиться, оберегать его от всякого рода раздражителей и давать ему капли или говяжий бульон, пусть хоть разверзнутся небеса. Рутина больничной палаты казалась ей излишне запутанной, а прием лекарств по расписанию — таким же бессмысленным, как непонятный религиозный обряд.

Бывали минуты, когда на нее вдруг накатывала жалость, и порывы нежности пересиливали злость и возмущение состоянием мужа. Тогда в его взгляде она видела того, кем он был прежде, и они прорывались друг к другу сквозь плотную завесу его болезни. Но такие минуты случались все реже. Порой ее пугало его чужое, безжизненное лицо, голос, который стал хриплым и тихим, улыбка на тонких губах, больше походившая на судорогу. Ей стало неприятно прикасаться к его влажной гладкой коже, утратившей привычную упругость здорового тела: она ловила себя на том, что настороженно наблюдает за ним, как

наблюдают за незнакомым зверем. От сознания, что перед ней — ее любимый мужчина, бросало в дрожь, и порой единственным способом избавиться от страхов казалось высказать ему все, что у нее наболело. Однако чаще она старалась не судить себя строго — возможно, она просто слишком долго несла эту ношу одна, и теперь, по возвращении домой, в окружении своей крепкой жизнерадостной семьи она почувствует себя куда лучше. Как же она обрадовалась, когда врачи наконец дали согласие на возвращение домой! Она, конечно, понимала, что это значит. Они оба понимали. Жить ему оставалось недолго. Тем не менее они маскировали правду обнадеживающими эвфемизмами, и порой в радостной суете сборов она действительно забывала о причине поездки и безотчетно строила планы на будущий год.

Наконец настал день отъезда. Она боялась, что им не удастся уехать, что в последний момент что-то помешает, что врачи приберегли один из типичных своих подвохов, но ничего не произошло. Они доехали до вокзала и сели в поезд; его усадили в кресло, накрыв колени пледом и подложив под спину подушку, а она, высунувшись из окна, без сожаления махала на прощание знакомым, которые вплоть до того дня ей совсем

не нравились.

Первые сутки прошли вполне сносно. Муж немного приободрился, развлекаясь тем, что смотрел в окно или на попутчиков в вагоне. На второй день он утомился и стал выказывать раздражение по поводу бесцеремонного взгляда веснушчатой девочки со жвачкой. Пришлось объяснить матери ребенка, что муж ее очень болен и его лучше не беспокоить. Просьба оскорбила материнские чувства дамы, которые, очевидно, разделил весь вагон…

В ту ночь муж плохо спал, а наутро она с ужасом обнаружила у него жар — ему стало хуже. День тянулся медленно, то и дело перемежаясь мелкими неудобствами, связанными с путешествием. На его утомленном лице она подмечала реакцию на каждый толчок и скрип вагона, пока ее саму не затрясло от вызванной сопереживанием усталости. Она чувствовала, что и остальные пассажиры наблюдают за ним, и все время пыталась встать между мужем и строем любопытных глаз.

Веснушчатая девочка не отставала, как назойливая муха; ее не отвлекли ни сладости, ни книжки с картинками: она закинула ногу на ногу и невозмутимо уставилась на больного. Проходивший по вагону проводник поинтересовался,

не надо ли помочь, видимо поддавшись давлению благонамеренных пассажиров, которых так и распирало от желания «хоть что-нибудь сделать»; нервный мужчина в кипе вслух засомневался, не грозит ли близость больного здоровью его жены.

Часы тянулись в томительном бездействии. Ближе к сумеркам она подсела к нему, и он накрыл ее руку своей. Прикосновение испугало — он словно звал откуда-то издалека. Она беспомощно взглянула на мужа, и его ответная улыбка отозвалась в ней острой болью.

— Очень устал? — спросила она.

— Не очень.

— Скоро приедем.

— Да, скоро.

— Завтра в это время…

Он кивнул, и оба замолчали. Позже, уложив его и забравшись на свою полку, она подбадривала себя мыслью, что до Нью-Йорка осталось меньше суток. Вся ее семья придет встречать их на вокзал — она представляла себе их круглые спокойные лица и надеялась, что они не начнут слишком нахваливать его бодрый вид и уверять, что он вот-вот поправится. За длительное общение с больным она научилась деликатно проявлять сочувствие и теперь осознавала, насколько топорно

привыкли выражать свои чувства в ее семье.

Внезапно ей почудилось, что он ее зовет. Она отодвинула свою занавеску и прислушалась. Нет — всего лишь храп мужчины в дальнем конце вагона. Храп казался сальным, словно смазанным жиром. Она вновь легла и постаралась заснуть… Ей послышалось или он зашевелился? Она приподнялась, дрожа всем телом… Тишина пугала хуже всяких звуков. Что, если он ее не дозовется, что, если зовет прямо сейчас?.. С чего она взяла? Не иначе как старая привычка измотанного мозга зацикливаться на самом ужасном из предчувствий… Она высунула голову и прислушалась — увы! Расслышать его дыхание среди остальных пар легких вокруг было невозможно. Ей очень хотелось встать и посмотреть, но она понимала, что лишь поддастся ложному порыву мнительности, и боялась его побеспокоить… Мерное покачивание занавесок напротив подействовало успокаивающе; она вспомнила, как пожелала себе приятных снов. В конце концов, не в силах тревожиться дольше, она последним усилием воли отогнала от себя все страхи и, повернувшись на бок, уснула.

Она с трудом приподнялась, глядя на рассвет за окном. Поезд мчался через голые холмы, сгру-

дившиеся на фоне безжизненного неба. Пейзаж походил на первый день сотворения мира. В вагоне было душно, и она приоткрыла окно, впуская нетерпеливый ветер. Затем взглянула на часы: семь утра, скоро все начнут просыпаться. Она наспех накинула платье, кое-как пригладила растрепавшиеся волосы и скользнула в уборную. Умывшись и одевшись как следует, она повеселела. Ей всегда стоило больших усилий не быть бодрой по утрам. Щеки приятно покалывало под грубым полотенцем, а чуть намокшие волосы распушились у висков. Каждый дюйм ее тела был упруг и полон жизни. Всего каких-нибудь десять часов — и они дома!

Она шагнула к полке мужа: настал час его утреннего молока. Шторка на окне была опущена, и в сумерках занавешенного купе она едва различала, что он лежит на боку, отвернувшись к стене. Она перегнулась через него, чтобы поднять шторку, и случайно коснулась его руки. Рука была холодной…

Она наклонилась ближе и дотронулась до плеча, зовя мужа по имени. Он не шелохнулся. Она позвала громче и легонько потрясла за плечо. Он продолжал лежать неподвижно. Она взяла его руку в свою — та безжизненно выскользну-

ла. Безжизненно?.. У нее перехватило дыхание. Надо срочно проверить! Подавшись вперед, она торопливо, борясь с тошнотой, взяла его за плечи и развернула. Его голова запрокинулась, лицо выглядело маленьким и гладким; он смотрел на нее немигающим взглядом.

Некоторое время она не смела шелохнуться, продолжая держать его за плечи и глядя ему в глаза, и вдруг резко отпрянула: желание закричать, позвать на помощь, убежать едва не захлестнуло ее. Однако она сдержалась. Не дай Бог! Если станет известно, что он умер, их высадят на первой же остановке…

Однажды она уже наблюдала, как мужчину и женщину, у которых в поезде умер ребенок, высадили на каком-то полустанке. Она видела их на платформе — они стояли с мертвым ребенком на руках; она навсегда запомнила застывший взгляд, которым они провожали уходящий поезд. Теперь то же самое грозило ей. Скоро и она может оказаться на полузабытой платформе, одна с трупом мужа… Все что угодно, только не это! Немыслимо! Ее трясло, как затравленного зверя.

Она съежилась, почувствовав, как поезд замедляет ход. Станция! Перед глазами возникли несчастные родители на безлюдной платформе…

Она рывком опустила оконную шторку, чтобы не видеть мужнина лица.

Голова кружилась; она присела на край полки как можно дальше от его вытянутых ног и плотнее задернула шторы, создав внутри какой-то замогильный полумрак. Надо сосредоточиться. Во что бы то ни стало скрыть факт его смерти. Но как? Сознание парализовало: она не могла ни думать, ни сопоставлять. Единственной мыслью было тупо просидеть там ведь день, крепко сжимая шторы…

Проводник убрал ее постель; по вагону начали ходить люди; дверь в уборную попеременно запирали и отпирали. Она попыталась взять себя в руки. Наконец с неимоверным усилием ей удалось встать, выйти в проход и плотно задернуть за собой занавески. Заметив, что от покачивания они немного расходятся, она отколола от платья булавку и скрепила их. Так безопаснее. Она оглянулась и увидела проводника, который явно за ней наблюдал.

— Не проснулся еще? — спросил он.

— Нет, — еле слышно ответила она.

— Я приготовил ему молока. Вы просили к семи.

Она молча кивнула и скользнула на свое ме-

сто.

В половине восьмого поезд подъехал к Буффало. К этому времени все пассажиры встали и оделись, полки были сложены на день. Каждый раз, проходя мимо с ворохом простыней и подушек, проводник косился на нее. Наконец он не выдержал:

— Ваш муж не собирается вставать? Нам велят убирать полки как можно раньше.

Она похолодела от страха. Поезд как раз тормозил у платформы.

— Погодите н-немного, — дрожащим голосом пробормотала она. — Пусть сначала выпьет молока. Вы не могли бы его принести?

— Принесу. Как только отъедем.

Когда поезд тронулся, проводник принес молоко. Она взяла стакан и продолжала сидеть, растерянно глядя на него: мозг медленно перебирал одну идею за другой, словно прыгая по камням, находящимся далеко друг от друга в бурлящем потоке. Наконец она сообразила, что проводник все еще выжидательно стоит рядом.

— Хотите, я дам ему сам? — предложил он.

— О нет, нет! — воскликнула она, вскочив на ноги. — Он… он, кажется, еще спит…

Она дождалась, пока проводник отойдет, от-

стегнула булавку и проскользнула за штору. Из полумрака на нее смотрело лицо мужа, похожее на мраморную маску со стеклянными глазами. Взгляд ужасал. Она протянула руку и закрыла веки. Затем вспомнила про стакан с молоком, который держала в другой руке: что ей с ним делать? Сначала подумала выплеснуть его в окно, но тогда пришлось бы наклониться над телом и приблизить к его лицу свое. Лучше уж выпить самой. Она вернулась на место с пустым стаканом, и вскоре проводник пришел его забрать.

— Не пора сложить его полку? — спросил он.

— Нет еще… пока нет. Он очень слаб. Можно ему не вставать? Доктор порекомендовал как можно больше лежать.

Проводник почесал в затылке.

— Ну, раз уж такая болезнь…

Он забрал пустой стакан и ушел, на ходу объявив, что пассажиру за занавеской сильно поплохело и он встанет позже.

Она тотчас ощутила на себе сочувственные взгляды. Вскоре к ней подсела женщина с заботливой материнской улыбкой.

— Как я вас понимаю! У нас в семье перебывало немало больных. Бог даст, я смогу помочь. Вы позволите взглянуть на вашего мужа?

— О нет, нет — прошу вас! Его лучше не беспокоить.

Дама приняла отказ снисходительно.

— Как хотите, конечно, но непохоже, чтобы у вас было много опыта ухода за больными, и я бы с удовольствием помогла. Вы обычно что предпринимаете, когда мужу так нездоровится?

— Я… я даю ему выспаться.

— Долгий сон, знаете ли, здоровья не прибавит. Он лекарства какие-нибудь принимает?

— Д-да.

— И вы его не будите?

— Бужу.

— Когда следующий прием?

— Через… два часа.

Ответ даму явно разочаровал.

— На вашем месте я давала бы чаще. Своих я, по крайней мере, вылечивала именно так.

Ей чудилось, что все на нее смотрят. Проходившие в вагон-ресторан бросали любопытные взгляды на закрытые шторы. Мужчина с выступающим подбородком и глазами навыкате даже остановился и заглянул в щель. Веснушчатая девочка, вернувшись с завтрака, останавливала проходивших мимо и объявляла громким шепотом: «Он очень болен». Один раз появился

кондуктор, чтобы проверить билеты. Она забилась в свой угол, неотрывно глядя в окно на проносящиеся мимо деревья и дома — бессмысленные иероглифы нескончаемого папируса…

Время от времени поезд останавливался, и вновь входящие непременно косились на задернутые шторы. По проходу шло все больше и больше людей — в ее сознании их лица начали сливаться в причудливые образы…

В какой-то момент от туманной массы лиц отделилось одно, принадлежавшее толстому джентльмену со складками на животе и полными бледными губами. Он устроился на сиденье напротив, и она заметила, что одет он в черную мантию с испачканным белым воротничком.

— Мужу сильно нездоровится, а?

— Да.

— Ох уж! Вот не повезло, верно?

Апостольская улыбка обнажила золотые зубы.

— Хотя, знаете ли, — продолжал он, — болезней не бывает. Как вам такая мысль, а? Да и сама смерть — не более чем обман наших неотесанных чувств. Стоит впустить в себя святой дух, пассивно покориться божественной силе — как болезни и прекращение бытия для вас перестанут существовать. Если позволите, я оставлю вашему

мужу почитать этот небольшой буклет…

Лица вновь слились в неразличимый поток. Она смутно помнила, как дама с участливой улыбкой и мать веснушчатой девочки жарко спорили о преимуществах приема нескольких лекарств одновременно по сравнению с поочередным приемом; дама утверждала, что конкурентный метод экономит время, ее собеседница возражала, мол, в таком случае невозможно определить, какое из лекарств возымело эффект. Их голоса беспрерывно гудели, как нескончаемый звон колокольных буев, несущийся сквозь туман… То и дело с каким-нибудь вопросом подходил проводник; она его не понимала, но отвечала, видимо, впопад, так как он снова уходил. Каждые два часа дама с заботливой улыбкой напоминала ей, что пора дать мужу капли; люди покидали вагон, их места занимали другие…

Голова шла кругом, она пыталась ухватиться за проносившиеся мысли, однако они выскальзывали, как ветви кустов из рук на краю разверзшейся под ней пропасти. Неожиданно сознание прояснилось, и она живо представила себе, что ее ждет по прибытии в Нью-Йорк: тело мужа совсем остынет и кто-нибудь обязательно догадается, что он мертв с самого утра.

Она принялась лихорадочно соображать: «Если я не удивлюсь, они сразу заподозрят неладное. Начнут задавать вопросы, и если я открою им правду, мне не поверят — никто не поверит! Какой кошмар…» Она сидела и повторяла про себя: «Я должна сделать вид, что ничего не знала. Обязательно притвориться удивленной. Отодвину штору, загляну к нему как ни в чем не бывало — а потом закричу». Однако она чувствовала: правдоподобно закричать будет трудно.

Постепенно в голову хлынули новые, более неотложные мысли: она пыталась упорядочить и сдержать их, но они назойливо осаждали ее, как школьники под конец жаркого дня, когда уже не оставалось сил, чтобы их угомонить. В сознании все путалось, ее мутило от страха забыть свою роль, выдать себя каким-нибудь неосторожным словом или взглядом.

«Надо сделать вид, что я ничего не знала», — без конца твердила она, пока слова не лишились смысла, и тогда она стала повторять их механически, как заклинание. Внезапно она услышала собственный голос: «Я не помню! Я не помню!»

Собственный голос прозвучал так громко, что она в ужасе огляделась; но никто, казалось, ее не слышал. Блуждающий по вагону взгляд за-

держался на шторах, за которыми лежал муж, и она принялась рассматривать повторяющиеся арабески на складках тяжелой ткани. Линии замысловатого узора пересекались и путались; она пристально всмотрелась в ткань, и та вдруг стала прозрачной, а сквозь нее проступило лицо мужа — его омертвевшее лицо. Она попыталась отвести взгляд, но глаза не двигались, ее голову будто зажали в тиски. Наконец, из последних сил, дрожа от напряжения, она сумела отвернуться, однако это не помогло: его лицо, маленькое и гладкое, смотрело прямо на нее, повиснув в воздухе между ней и сидевшей напротив женщиной с накладными косами. Она безотчетно подняла руку, чтобы отстранить лицо, и вдруг коснулась его гладкой кожи. Подавив крик, она подскочила на месте. Женщина с накладными косами недоуменно завертела головой. Чтобы как-то оправдать свои движения, она привстала и потянулась за своей дорожной сумкой на багажной полке. Она открыла сумку, заглянула внутрь и, опустив руку, схватила фляжку мужа, которую сунула туда в последний момент перед отъездом. Она защелкнула сумку и закрыла глаза… его лицо не замедлило возникнуть между зрачками и веками, как восковая маска на фоне

красной завесы…

По телу пробежала дрожь. Уснула она или потеряла сознание? Ей казалось, что прошло несколько часов, но в вагоне было по-прежнему светло, и попутчики сидели в тех же позах, что и раньше.

Внезапно она сообразила, что с самого утра ничего не ела. Мысль о еде вызвала отвращение, но она страшилась нового обморока и, вспомнив о печенье в сумке, достала одно и съела. Едва не подавилась сухими крошками и спешно отпила глоток бренди из мужниной фляжки. Жжение в горле подействовало успокаивающе, на мгновение притупив боль в нервах. Вскоре по телу растеклось благодатное тепло, словно ее обдало мягким ветерком; душившие страхи ослабили свою хватку, растаяв в обволакивающей тишине — тишине, убаюкивающей, как покой летнего дня. Она уснула.

Сквозь сон она чувствовала стремительный бег поезда. Будто сама жизнь подхватила ее с неистовой, неумолимой силой и бросила во мрак, ужас и трепет перед неизвестностью. Теперь стихло все вокруг — ни звука, ни пульса… Настала ее очередь умереть и лечь с ним рядом с таким же гладким, обращенным вверх лицом. Как же

тихо! И все же она слышала приближающиеся шаги — шаги тех, кто заберет их отсюда… Она почувствовала внезапную вибрацию, несколько сильных толчков — и новое погружение в темноту. На этот раз в темноту смерти — черный вихрь, в котором оба они кружились, как листья, по жуткой, раскручивающейся спирали, с миллионами и миллионами других покойников…

* * *

Она в ужасе очнулась. Зимний день угас, и в вагоне зажгли свет. Пассажиры пришли в движение; медленно приходя в себя, она видела, как они собирают вещи. Женщина с накладными косами вышла из уборной, неся в бутылке чахлый вьюнок; приверженец Христианской науки[2] поправлял манжеты. Проводник шел по проходу, безучастной щеткой смахивая с одежды пыль. Безликая фигура в фуражке с золотой лентой

[2] Примечания: 2

Христианская наука (англ. Christian Science) — религиозное течение, основанное в 1879 году в Бостоне, последователей которого еще называют Христианскими сайентистами или Научными христианами. Сторонники христианской науки полагают, что через молитву, знание и понимание можно достичь практически всего — в частности, исцеления от болезней, — и считают смерть лишь одним из изменений «состояния ума». — Здесь и далее, если не указано иначе, примечания переводчика.

спросила билет ее мужа. Она услышала окрик «Экспресс-багаж!» и бряцанье металла, когда пассажиры отдавали свои бирки.

Вскоре вид за окном сменила покрытая копотью стена: поезд въехал в Гарлемский туннель. Они прибыли на место. Через несколько минут она увидит своих родных, радостно пробирающихся сквозь толпу на вокзале. У нее отлегло от сердца. Самое ужасное позади…

— Давайте, что ль, его уже поднимать? — спросил проводник, коснувшись ее рукава.

Он вертел в руках шляпу ее мужа, рассеянно водя по ней щеткой.

Она посмотрела на шляпу и хотела ответить, но вагон вдруг потемнел. Она вскинула руки, пытаясь за что-то ухватиться, и, ударившись головой о койку мертвеца, упала ничком.

1899

Молитвы герцогини

I

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что скрывается за вытянутыми ставнями старых итальянских особняков, за этой неподвижной маской — гладкой, немой, двусмысленной, похожей на лицо священника, за которым роятся тайны исповеди? Другие дома открыто повествуют о том, что происходит в их стенах; они подобны мембране, у самой поверхности которой пульсирует жизнь, в то время как старый палаццо на узкой улочке или вилла на поросшем

кипарисами холме непроницаемы, как смерть. Высокие окна похожи на слепые глазницы, огромная дверь — на сомкнутый рот. Внутри может искриться солнечный свет, благоухать аромат мирта и по всем артериям огромного каркаса растекаться жизнь, а может укрываться смердящее одиночество, где летучие мыши селятся в расщелинах камней, а ключи ржавеют в невостребованных дверях…

II

Стоя в лоджии с выцветшими фресками, я глядел на аллею, испещренную стрелками кипарисовых теней, на герцогский щит и треснутые вазы у ворот. Ровный полуденный свет заливал парк, фонтаны, портики и гроты. Под балюстрадой, покрытой тончайшим слоем серебристого лишайника, начинались виноградники — они сбегали к изобильной долине, зажатой между холмами.

— Покои герцогини — там, чуть подале, — прошамкал старик.

Я в жизни не встречал людей старее; он казался таким ветхим, что походил скорее на реликвию, чем на живого человека. Единственное, что худобедно увязывало его с реальностью, был интерес,

с которым его ископаемые глазки неотрывно следили за карманом, откуда я, когда входил, вынул лиру для сынишки привратника. Все так же не спуская глаз с моего кармана, старик продолжил:

— В покоях герцогини за двести лет ничего не поменялось.

— Разве здесь с тех пор никто не жил?

— Никто, сэр. Нынешний герцог проводит лето на Комо.

Я отошел на другую сторону лоджии. Сквозь развесистые ветви подо мной, как белозубая улыбка, мелькнули белые крыши и купола.

— Это Виченца?

— Proprio![3] — Старик вытянул руку, такую же худую, как у образов на едва различимых фресках. — Видите крышу, вон там, слева от базилики? Со статуями, похожими на взлетающих птиц? Это палаццо герцога, построенное самим Палладио[4].

— А сюда герцог не наведывается?

---

[3] Примечания: 3

Она самая! (*ит.*)

[4] Примечания: 4

Андреа Палладио (1508–1580) — итальянский архитектор, крупнейший мастер Позднего Возрождения. Его творчество завершает историю ренессансной архитектуры.

— Никогда. Зимой они в Риме.

— Значит, палаццо и вилла всегда закрыты?

— Как видите.

— И давно так?

— Сколько себя помню.

Я заглянул старику в глаза: они ничего не выражали, как потускневшие металлические зеркала.

— Видимо, очень давно, — невольно вырвалось у меня.

— Да, давненько, — согласился он.

Я оглянулся на сад. Между кипарисами, прорезавшими солнечный свет, как базальтовые колонны, пестрели в кадках буйно разросшиеся георгины. Над лавандой кружили пчелы; на скамейках грелись ящерицы и то и дело исчезали в трещинах высохших каменных чаш. Повсюду угадывались следы неподражаемого садового искусства, утраченного в наш скучный век. Вдоль тропинок, как ряды нищих попрошаек, тянулись облупившиеся статуи; из кустов ухмылялись бюсты фавнов, а над зарослями калины возвышалась стена с нарисованными руинами часовни, переходящими в ярком, искрящемся воздухе в настоящие развалины. Солнечные блики ослепляли.

— Пройдемте внутрь, — предложил я.

Мой провожатый толкнул тяжелую дверь — притаившийся там холод резанул, как нож.

— Покои герцогини, — возвестил старик.

Те же выцветшие фрески на стенах и потолке, те же бесконечные узоры скальолы под ногами. Искусно инкрустированные перламутром секретеры из черного дерева чередовались с потускневшими золочеными постаментами, поддерживающими китайских чудовищ. С полотна над камином надменно взирал поверх наших голов господин в испанском камзоле.

— Герцог Эрколе II, — пояснил старик, — кисти Генуэзского священника[5].

Бледное, как у восковой фигуры, лицо с узкими бровями, вздернутым носом и полуприкрытыми веками было словно вылеплено руками священника; размытый контур губ принадлежал человеку скорее тщеславному, чем жестокому: придирчивый рот, вечно готовый изловить речевую ошибку, как ящерица муху, — но неспособный складываться в твердое «да» или «нет». Одна рука герцога покоилась на голове обезьяно-

---

[5] Примечания: 5

Бернардо Строцци, прозванный также Генуэзским священником — живописец XVII века, мастер станковой живописи и фрески, рисовальщик и гравер. Яркий представитель итальянского барокко.

подобного карлика с жемчужными сережками и в фантастическом наряде; другая перелистывала страницы фолианта, лежащего на черепе.

— Пожалуйте в опочивальню герцогини, — позвал старик.

Здесь ставни пропускали лишь две узенькие полоски света: два золотистых луча, которые тут же поглощал призрачный мрак. На помосте высилось брачное ложе, зловещее, формальное; балдахин был приподнят, меж штор истекал кровью Христос, а с холста над каминной полкой нам через всю комнату улыбалась дама.

Старик открыл ставни, и я смог разглядеть портрет. Что за дивное лицо! В нем подобно ветерку на июньском лугу искрился смех и чувствовалась какая-то особенная мягкость, словно податливую богиню Тьеполо[6] втиснули в платье семнадцатого века.

— После герцогини Виоланты здесь никто не спал, — сообщил старик.

— Герцогини Виоланты?..

— Здешней госпожи — первой жены герцога Эрколе II.

Он достал из кармана ключ и отпер дверь в

---

[6] Примечания: 6

Джованни Баттиста (Джамбаттиста) Тьеполо — итальянский художник XVII века, крупнейший представитель венецианской школы.

дальнем конце комнаты.

— Дальше часовня. Здесь выход на балкон герцогини.

Следуя за ним, я обернулся — герцогиня проводила меня едва заметной улыбкой.

Я ступил на шершавый пол украшенного лепниной балкона над часовней. Между пилястрами плесневели битумные святые, искусственные розы в вазах у алтаря посерели от пыли, а под ажурными розетками свода примостилось птичье гнездо. Перед алтарем стояли в ряд несколько кресел и коленопреклоненная скульптура, при виде которой я невольно отпрянул.

— Герцогиня Виоланта, — шепотом пояснил старик. — Работа кавалера Бернини[7].

Образ женщины в бархатной накидке и воздушных кружевах, с возведенными к небу руками и обращенным к табернаклю лицом совершенно потрясал. Неподвижное присутствие, застывшее в молитве перед заброшенной святыней, вызывало бурю чувств. Лица я видеть не мог и гадал, скорбь или благодарность заставили ее поднять руки и устремить взор к алтарю, где

---

[7] Примечания: 7

Джованни Лоренцо Бернини — итальянский архитектор и скульптор XVII века. Видный архитектор и ведущий скульптор своего времени, считается создателем стиля барокко в скульптуре.

мраморным мольбам никогда не вторила живая молитва. Я спустился за своим проводником по ступеням, в волнении ожидая увидеть мистическое воплощение земных прелестей гениальным художником, — Бернини был в этом отношении непревзойденным мастером. Во всем облике герцогини ощущался небесный бриз, трепещущий в ажурных кружевах и выбивавшихся из прически локонах. Скульптор изумительно уловил изящный наклон головы, нежную линию плеч. Я обошел скульптуру и заглянул ей в лицо… О ужас! Никогда еще ненависть, мятеж и агония до такой степени не смешивались в одном застывшем человеческом лице.

Старик перекрестился и шаркнул по мрамору.

— Герцогиня Виоланта, — повторил он.

— Та же, что на портрете?

— Э-э, да, та же самая.

— Но… что у нее с лицом?

Он пожал плечами и отвел свой невидящий взгляд. Потом огляделся по сторонам, схватил меня за рукав и прошептал:

— Оно таким не было.

— Оно… что?

— Лицо — таким жутким.

— Лицо герцогини?

— Нет, статуи. Оно изменилось после…

— После чего?

— После того, как ее сюда водрузили.

— Вы хотите сказать, лицо статуи изменилось?!

Он принял мое потрясение за недоверие и обиженно отпустил рукав.

— Ну, так говорят. Я всего лишь повторяю, что слышал. Почем мне знать? — Он вновь зашаркал по мраморному полу. — Негоже тут задерживаться, никто сюда не заходит. Больно уж холодно. Но господин велели «все показать».

Я звякнул лирами.

— И уверяю вас, что хочу все посмотреть и послушать. Тем более эту историю… Кто вам ее поведал?

Его ладонь вновь накрыла мой рукав.

— Тот, кто видел все своими глазами, клянусь Богом!

— Своими глазами?

— Ну да, бабка моя. Я очень стар, сэр.

— Ваша бабушка? А она-то откуда знала?

— Она была прислугой герцогини, с вашего позволения.

— Ваша бабушка? Двести лет назад?

— Не верите? Думаете, так долго не живут? На

все Божья воля. Я очень стар, и бабушка была старой-престарой, когда я родился. Перед смертью она почернела, что твоя чудотворная Дева, и дышала с присвистом, словно ветер в замочной скважине. Я был совсем еще малышом, когда она открыла мне тайну статуи. Тем же летом и померла. Как сейчас помню, мы сидели на скамейке в саду, той, что рядом с прудом. Ей-богу, могу вас даже к скамейке проводить…

III

На сад опустился тяжелый послеполуденный зной: не живое гудящее тепло, а затхлый выдох умирающего лета. Статуи и те, казалось, задремали, как скорбящие у смертного одра. Из растрескавшейся почвы подобно языкам пламени то и дело выскакивали ящерицы, а скамью в калиновой нише покрыли блестящие ярко-синие тельца мертвых мух. Перед нами желтел пруд — высохшая мраморная плита над гниющими тайнами. Дальше возвышалась вилла, похожая на лицо покойника, с кипарисами вместо свечей по бокам…

IV

— По-вашему, мать моей матери никак не могла прислуживать герцогине? Почем мне знать? Здесь давно ничего не происходит, отчего прошлое представляется не таким уж и далеким — не то, что вам, городским… Только вы мне вот что скажите: откуда ей тогда известно о статуе? А? Сами подумайте, сэр! Бабушка все своими глазами видела, уж в этом я готов поклясться — она потом не улыбалась аж до тех самых пор, как взяла в руки своего первенца… ее отвез к повитухе Антонио, сын тогдашнего дворецкого, тот самый, который тайком передавал письма… Так о чем бишь я? Ах да… Бабка моя, чтоб вы понимали, приходилась племянницей старшей горничной Ненчи и была совсем крохой, когда умерла герцогиня; она очень горевала по госпоже, скучала по ее веселым розыгрышам и разным там песенкам. По-вашему, она наслушалась историй от других и вообразила, что видела все воочию? Может, и так, вы лучше не спрашивайте у неграмотного старика; мне и самому случается так живо припоминать кое-какие из ее рассказов, как будто своими глазами все видел. Странное это место, скажу я вам. Никто здесь не бывает, ничто не

меняется, и воспоминания о былом так и встают перед глазами, что твои статуи в саду…

Началась эта история летом, господа тогда вернулись от берегов Бренты. Герцог Эрколе женился на венецианке. В те времена, чтоб вы понимали, Венеция была веселым городом, дни текли под смех и музыку — прямо как гондолы по воде. В первую их осень герцог, дабы ублажить супругу, отвез ее обратно на Бренту — у ее отца был там большой дворец с такими садами, аллеями для игр в шары, гротами и игорными домами, каких свет не видывал. Гондолы у порога, конюшня, сплошь заставленная позолоченными каретами, театр, полный актеров, и кухни вам, и конторы, и повара с лакеями — те целыми днями только и делали, что угощали шоколадом прекрасных дам в масках и фалбалах, окруженных собачками, арапами и abates[8]. Эх! Так себе и представляю, будто сам побывал. Бабушкина тетка Ненча, чтоб вы понимали, сопровождала туда герцогиню, а вернулась с круглыми, как плошки, глазами и до конца года даже не взглянула на здешних парней, которые за ней приударяли.

---

[8] Примечания: 8

Аббаты *(ит.)*. В венецианском обществе XVII века молодые священники или клирики были частью светского общества и нередко выступали в качестве компаньонов знатных дам.

Не знаю, что уж у них там не задалось, — бабка моя толком не поняла, потому что Ненча молчала как рыба, когда дело касалось госпожи, — вот только по возвращении в Виченцу герцог приказал привести виллу в порядок и весной привез сюда герцогиню. Несчастной та, ежели верить бабушке, отнюдь не выглядела и жалости не вызывала. Может, ей тут было лучше, чем сидеть взаперти в городе, в тамошних высоких стенах, где священники появлялись и исчезали неслышно, что твои коты на охоте, а герцог вечно закрывался у себя в библиотеке для бесед с учеными мужами. Герцог, чтоб вы понимали, сам был ученым — заметили, он на портрете с книгой? Те, кто читает, рассказывают, что в них полно диковинных чудес; все равно как приехавший с ярмарки по ту сторону гор расписывает потом домочадцам, что, мол, ничего подобного в жизни не видывал. А герцогиня была совсем из другого теста. Ей нравилось музицировать, спектакли разные ставить, веселиться с такими же молодыми людьми, как она. Герцог был угрюм, молчалив, ступал тихо, уперев глаза в пол, — ни дать ни взять только что с исповеди; стоило собачонке герцогини за ним увязаться, так он начинал приплясывать и отмахиваться, как от

осиного роя; при смехе герцогини он вздрагивал и морщился, как от скрежета алмаза по стеклу. А герцогиня — та смеялась все время.

Поначалу она ушла с головой в благоустройство виллы; занималась разбивкой парка с гротами и рощами, придумывала всякие розыгрыши: то тебя неожиданно обливала струйка воды, то в пещере обнаруживался отшельник, то из зарослей на гостей выскакивали дикари. На такие дела у ней было полно фантазии, однако со временем и она иссякла. Поговорить бедняжке было не с кем, кроме прислуги и капеллана — скучного книжного червя, — вот она и зазывала бродячих артистов из Виченцы, фигляров и гадалок с рынка, странствующих знахарей и астрологов в компании диковинных дрессированных животных. Только все равно тосковала по обществу. Служанки ее очень любили, а потому страшно радовались, когда появился кузен герцога — кавалер Асканио. Он поселился на виноградниках по ту сторону долины — вон там, видите, розоватый дом в тутовых зарослях, с красной крышей и голубятней?

Кавалер Асканио происходил из знатного венецианского дома — pezzi grossi «Золотой

книги»[9]. Его прочили в церковники, да какое там! Сражения интересовали молодого человека куда больше, чем молитвы, а потому он подался в кадеты и вверил судьбу капитану герцога Мантуи — высокопоставленного венецианского вельможи, который не особо ладил с законом. Так или иначе, кавалер воротился в Венецию, судя по всему, с подпорченной репутацией из-за связи с тем господином, о котором я упомянул. Поговаривали даже, что он пытался похитить монашку из монастыря Санта-Кроче — уж не знаю, правда ли. В общем, по словам бабки, нажил он себе врагов; дело кончилось тем, что Десятка[10] под первым же предлогом сослала его в Виченцу. Само собой, герцог не мог не соблюсти приличий и пригласил кузена в гости — так тот впервые оказался на вилле.

Юноша был красив, что твой святой Себастьян,

---

[9] Примечания: 9

Большие вельможи *(ит.)* «Золотой книги» (*ит.* Libro d'oro) — реестр знатных фамилий венецианской олигархии, изначально составленный в 1297 году и вновь открытый и дополненный в Генуе в 1576 году. Окончательно закрыт в 1797 году после падения Венецианской республики.

[10] Примечания: 10

Совет десяти — орган Венецианской республики, основанный в июне 1310 года, Совет десяти в том числе рассматривал анонимные доносы, которые опускались в специальные урны, называемые «Львиными пастями».

а музыкант — каких поискать: пел под лютню песни собственного сочинения, да так, что у моей бабушки аж сердце екало, а кровь растекалась по телу, как терпкое вино. Для всех он умел находить доброе слово, одевался по французской моде, а благоухал слаще бобового поля; всякая душа в округе радовалась, завидя его.

Мудрено ли, что и герцогине он пришелся по нраву? Молодость тянулась к молодости, смех — к смеху, и те двое подходили друг другу, как две свечи на алтаре. Герцогиня… Вы видали ее портрет, сэр, так вот он, со слов бабушки, имел с ней такое же сходство, как сорняк с розой. Кавалер наш, как и подобает поэту, уподоблял молодую госпожу в своих песнях всем языческим богиням древности, которые, несомненно, были куда прекраснее простых женщин, и, ежели верить бабушке, рядом с герцогиней другие женщины выглядели размалеванными французскими куклами, которых выставляли в дни Вознесения на Piazza. Уж прихорашиваться ей, во всяком случае, нужды не было — всякое платье, какое бы она ни надевала, сидело на ней как оперенье на птице, и волосы она специально не высвечивала на

крыше[11] — они блестели сами по себе, как нити пасхальной ризы. Кожа у ней была белее пшеничного хлеба, а рот сладок, как спелый инжир…

Вскоре, чтоб вы понимали, сэр, молодые люди стали неразлучны — все равно что пчела и лаванда. Завсегда вместе: песни поют, в шары играют, по парку гуляют, заходят в вольеры и гладят там собачек и обезьянок ее милости. Герцогиня веселая, скачет, словно жеребенок, постоянно шутит и смеется, разыгрывает со своими зверушками сценки, как с комедиантами, сама переодевается в крестьянку или монашку (видели бы вы, как она однажды выдала себя капеллану за сестру милосердия!), а то обучает парней и девушек с виноградников танцевать и петь мадригалы. Да и кавалер был, надо сказать, необычайно изобретателен во всяких развлечениях, и порой дни были слишком коротки, чтобы вместить все их увеселения.

Однако к концу лета герцогиня приуныла, музыку слушала лишь печальную, и они вдвоем

---

[11] Примечания: 11

Светлые волосы вошли в те времена в моду, особенно в Венеции, где знатные дамы и куртизанки прибегали к довольно трудоемкому методу окраски волос в светлый цвет, который так и назывался: biondo veneziano. Они часами просиживали на открытых террасах своих домов под лучами палящего солнца, смазав волосы специальным раствором.

часто уединялись в беседке в дальнем конце сада. Там-то их и застал герцог, нагрянув однажды из Виченцы в своей позолоченной карете. Он заезжал на виллу раз или два в год, и, как назло, бедную герцогиню в тот день угораздило одеться по венецианскому обычаю, открывши плечи, на что герцог всегда хмурился, и распустить припудренные золотом локоны. В общем, они втроем выпили шоколаду в беседке, и Бог знает, что у них там стряслось. Только герцог уехал, предложив кузену место в своей карете, и больше кавалера никто не видел.

Приближалась зима, и бедняжка вновь осталась одна. Служанки опасались, как бы она не впала в глубокое уныние, да не тут-то было! Госпожа проявляла такую жизнерадостность и умиротворение, что моей бабушке даже немного обидно стало за несчастного молодого человека, который в то время изнывал от тоски по другую сторону долины. Правда, герцогиня сменила платья с золотой шнуровкой на вуаль, а толку-то? По мнению Ненчи, так она выглядела еще прекраснее, чем вызывала еще большее неудовольствие герцога. Тот зачастил на виллу, однако, хотя и находил госпожу за каким-нибудь невинным занятием вроде вышивания или музицирования

или за играми с горничными, неизменно уезжал с кислой миной, пошептавшись с капелланом. В отношении последнего, надо сказать, даже бабушка признавала, что ее милость обошлась с ним довольно неосмотрительно. Видите ли, его преподобие обычно зарывался в свои книги, как мышь в сыр, и с герцогиней заговаривал редко, — так вот однажды он дерзнул попросить у ней денег, причем, как уверяла Ненча, немалую сумму, чтобы закупить целый сундук фолиантов, которые ему привез один заморский торговец; на что герцогиня, которая книг на дух не переносила, рассмеялась и с былым задором воскликнула:

— Пресвятая Дева Мария, куда нам столько книг?! Меня ими и так чуть не задушили в первый год брака. — Видя, как капеллан оскорбился, она добавила: — Покупайте их себе сколько влезет, любезный капеллан, если отыщете денег. Мне же еще надо оплатить свое бирюзовое ожерелье, и статую Дафны в конце лужайки для игры в шары, и индийского попугая, которого мой арапчонок привез из Богемии на День святого Михаила — как видите, у меня нет денег на пустяки.

Капеллан смущенно отступил назад, а госпожа бросила ему через плечо:

— Помолитесь святой Бландине — авось она

откроет для вас карман герцога!

Тогда он еле слышно произнес:

— Благодарю за прекрасный совет, ваша светлость; моление сей блаженной мученице уже помогло мне снискать расположение герцога.

Стоявшая рядом Ненча потом вспоминала, как герцогиня зарделась и махнула капеллану вон из комнаты. Затем крикнула моей бабке (та с радостью бегала по таким поручениям):

— Пусть сын садовника Антонио ждет меня в саду — хочу распорядиться насчет новых гвоздик…

Не помню, говорил ли вам, сэр: в крипте под часовней испокон веков стоит каменный гроб с бедренной костью блаженной святой Бландины Лионской; мне рассказывали, что один французский вельможа подарил реликвию предку нашего герцога, когда они вместе сражались с турками, и кость всегда была объектом глубокого почитания в сей прославленной семье. Так вот, с тех пор как герцогиню вновь оставили одну, она воспылала особой преданностью древней фамильной реликвии, часто молилась в часовне и даже велела заменить каменную плиту, закрывавшую вход в крипту, на деревянную, дабы легче туда спускаться и преклонять колени у гроба. Сие служило назиданием для всех домочадцев и

должно было радовать капеллана, но он, чтоб вы понимали, был из тех, кто и самое сладкое яблоко жует с кислой миной.

Как бы то ни было, герцогиня, выгнав капеллана, сбежала в сад и дала распоряжения Антонио насчет новой рассады гвоздик; остаток дня она провела в доме, нежно играя на клавесине. По разумению Ненчи, госпожа допустила оплошность, отказав капеллану в просьбе, однако она смолчала: взывать к рассудку герцогини было все равно что молить о дожде во время засухи.

Зима в тот год наступила рано, в канун Дня Всех Святых на холмах уже лежал снег, ветер разметал сады и повалил лимонные деревья в оранжерее. Герцогиня почти не выходила из своих покоев, сидела у огня, вышивала, читала набожные книги (чего раньше никогда не делала) и частенько молилась в часовне. Что до капеллана, то он заходил в часовню лишь для того, чтобы отслужить утреннюю мессу — герцогиня обычно восседала на балконе, а слуги мучились ревматизмом на мраморном полу. Сам капеллан ненавидел холод и проговаривал мессу с такой поспешностью, будто за ним гнались ведьмы. Остальное время он проводил в библиотеке у горящего камина, корпя над своими извечными книгами…

Вы, почитай, уж и не надеетесь, сэр, что я когда-нибудь доберусь до сути этой истории, но поверьте, я нарочно медлил, страшась того, что случилось дальше. Зима была долгой и суровой. С наступлением холодов герцог вовсе перестал наведываться, и у герцогини не осталось никого, кроме горничных и садовников, с кем можно было бы поговорить. Однако держалась она прекрасно: бабушка рассказывала, как госпожа сохраняла спокойствие и бодрость духа — разве что стала дольше молиться в часовне, где для нее весь день горел очаг. Понимаете, когда молодых лишают их естественных удовольствий, они довольно часто становятся набожными; моя бабушка называла благодатью, что, лишенная общения с живыми грешниками, госпожа нашла утешение в усопшей святой.

В ту зиму бабушка редко видела герцогиню — та хоть и проявляла недюжинную стойкость, все больше и больше замыкалась в себе, близко подпускала лишь Ненчу, да и ту отсылала, когда шла молиться, ибо набожность ее отличалась истинным благочестием, которое не выставляют напоказ; герцогиня не желала, чтобы ее видели за молитвой, и велела Ненче предупреждать о приближении капеллана всякий раз, когда

молилась.

Пришла весна, и однажды вечером бабушка моя сильно напугалась. Она не отрицала, что отчасти сама была виновата, потому как гуляла в липовой аллее с Антонио, хотя тетушка засадила ее за шитье. Заметив огонек в теткином окне, бабушка, боясь разоблачения, побежала к дому прямиком через лавровые заросли. Она думала незаметно проскользнуть через буфетную и, крадясь вдоль часовни, шла почти на ощупь, потому что уже стемнело, а луна едва взошла. Тогда-то бабушка услышала позади себя треск, будто кто-то выпрыгнул из окна. Сердце у юной дурехи ушло в пятки. Она оглянулась на бегу и увидела мелькнувшего на террасе человека; когда он завернул за угол, бабушка была готова поклясться, что заметила подол капеллана. Странное, конечно, дело: зачем капеллану выскакивать из окна часовни, ежели он мог пройти в дверь? Вы, наверное, заметили, сэр, из часовни есть дверь в гостиную на первом этаже; иначе выйти можно только через балкон герцогини.

Бабушка сколько ни думала, так ни до чего и не додумалась и в следующий раз, когда встретила Антонио в липовой аллее (а она с перепугу не выходила туда аж несколько дней), рассказала

ему о происшествии. К ее удивлению, тот лишь рассмеялся: «Эх ты, дуреха, он не прыгал из окна, а пытался заглянуть внутрь»; и больше она не выбила из него ни слова.

Наступили пасхальные дни, и до обитателей виллы дошли слухи, что герцог отправился на праздники в Рим. Приезды и отъезды его ничего особенно не меняли, и все же домочадцы вздохнули свободнее, узнав, что желтушное лицо его светлости находится в дальней части Апеннин; не рад был только капеллан.

И вот в один из майских дней после долгой прогулки с Ненчей по террасе, вволю налюбовавшись на пейзаж и насладившись ароматом желтофиоли в каменных вазах, герцогиня удалилась в свои покои, велев подать еду в опочивальню. Бабушка, которая принесла туда блюда, не могла не заметить, что госпожа особенно прихорошилась: в честь прекрасной погоды надела серебряное платье и украсила оголенные плечи жемчугом — впору танцевать на балу у императора. Трапезу она тоже заказала особенную: желе, пирожки с дичью, фрукты в сиропе, пирожные с пряностями и фужер греческого вина — слишком изысканную для герцогини, которую еда всегда заботила мало. Пока служанки расставляли перед ней блюда,

она кивала и хлопала в ладоши, приговаривая:

— Ух и наемся сегодня на славу!

Внезапно настроение герцогини переменилось; она отошла от стола, попросила подать ей четки и обратилась к Ненче:

— Из-за такой чудесной погоды я совсем забыла о своих обязанностях. Пойду помолюсь перед трапезой.

Она приказала всем выйти и, по обыкновению, заперла за собой дверь, а моя бабушка и ее тетка отправились в бельевую.

Окна бельевой выходили во двор, и бабушка увидала престранное зрелище: сначала по аллее въехала карета герцога (который якобы пребывал в Риме), а за ней, запряженная длинной вереницей мулов и волов, тащилась повозка, на которой возвышалось нечто, очертаниями напоминавшее коленопреклоненную фигуру, накрытую саваном. От этого жуткого вида бедолага остолбенела, а когда очнулась, карета герцога уже успела подъехать к крыльцу. Ненча, завидев процессию, побледнела и выбежала из комнаты. Не на шутку перепугавшись, племянница, то бишь бабка моя, припустила за ней. В коридоре на пути к часовне они наткнулись на погруженного в книгу капеллана; тот поинтересовался,

куда это они так спешат. Девчушки ответили, что торопятся доложить госпоже о прибытии герцога, и тогда священник страшно удивился и, ахая и охая на все лады, начал задавать разные вопросы, так что когда он их наконец пропустил, герцог был совсем близко. Ненча добежала до часовни первая и едва успела крикнуть через дверь, что идет герцог, как тот поравнялся с ней, а за ним подоспел и капеллан.

В следующее мгновение дверь распахнулась — и на пороге появилась герцогиня. В одной руке стиснуты четки, на оголенные плечи накинута шаль, сквозь которую они все равно светились, как луна сквозь туман; весь ее облик так и дышал красотой.

Герцог с поклоном взял руку супруги.

— Синьора, не могу вообразить большей радости, чем та, что я испытал, нежданно застав вас во время богослужения.

— А я могла бы испытать радость куда большую, — отвечала та, — если бы ваша светлость продлили ее, уведомив о своем приезде загодя.

— Ожидай вы меня, синьора, — возразил он, — то и тогда вряд ли сумели бы выглядеть более подобающе. Мало найдется дам с вашей красотой и молодостью, готовых прихорашиваться ради

поклонения святой так, будто идут на свидание с любовником.

— Синьор, — проговорила герцогиня, — в отсутствие счастья наслаждаться последним мне остается лишь в полной мере довольствоваться первым… Что это?! — воскликнула она, отшатнувшись и выронив четки.

В конце коридора раздался шум — по нему волокли что-то тяжелое, и вскоре дюжина мужчин втащила в комнату завернутую в саван фигуру.

— Синьора, — герцог указал на предмет, — это знак моего преклонения перед вашей образцовой набожностью. Я с особым удовлетворением прослышал о вашей преданности блаженным мощам, хранящимся в этой часовне, и чтобы увековечить вашу праведность, которую не сломили ни суровая зима, ни знойное лето, я приказал поставить перед алтарем над входом в крипту ваше скульптурное изображение, мастерски выполненное самим кавальером Бернини.

Герцогиня побледнела, однако улыбнулась.

— Чтобы увековечить мою праведность, — игриво сказала она, — ваша светлость, смотрю, решили надо мною подшутить…

— Подшутить? — перебил ее герцог. Он подал знак слугам, которые уже подтаскивали статую

к порогу часовни. В одно мгновение они сдернули с нее тряпки — и все увидели стоящую на коленях герцогиню. Удивленный ропот пронесся по комнате, сама же герцогиня сделалась белее мрамора. — Это вовсе не шутка, а триумф непревзойденного искусства Бернини! Сходство удалось благодаря вашему миниатюрному портрету кисти божественной Элизабетты Сирани[12], который я отправил мастеру около полугода тому назад, — и взгляните на этот достойный восхищения результат!

— Полгода назад! — вскричала госпожа и упала бы в обморок, не подхвати ее герцог.

— Поверьте, — произнес он, — ничто не могло доставить мне большего удовольствия, чем такая бурная ваша реакция; ибо настоящая набожность всегда скромна, и лучше выразить свою благодарность вы бы просто не сумели. А теперь, — обратился герцог к слугам, — пора водрузить статую на место.

Силы, казалось, вернулись к герцогине, и она обратилась к мужу с глубочайшим почтением:

— Как верно заметила ваша светлость, то, что я поражена столь неожиданному вниманию,

---

[12] Примечания: 12

Элизабетта Сирани — итальянская художница, жившая в XVII веке; представительница болонской школы барокко.

совершенно естественно, и какие бы почести вы мне ни оказывали, я почту за честь принять их. Прошу лишь, в знак уважения к моей скромной праведности, поместить статую в самой отдаленной части часовни.

— Помилуйте! — Герцог аж побагровел. — Вы хотите, чтобы творение знаменитого скульптора, которое, не скрою, обошлось мне в немалую сумму золотом, сравнимую со стоимостью приличного виноградника, было задвинуто подальше от глаз, словно работа какого-нибудь деревенского каменотеса?!

— Скрыть от глаз я желаю не шедевр, а свое с ним сходство.

— Если вы годитесь для моего дома, синьора, то сгодитесь и для Божьего, а вы имеете право на почетное место в обоих. Тащите статую, бездельники! — прикрикнул герцог на слуг.

Госпожа покорно отступила.

— Вы, как всегда, правы, синьор. И все же я предпочла бы поставить статую слева от алтаря, чтобы, глядя вверх, она смотрела бы на ваше кресло на балконе.

— Мне приятно, синьора, что вы оказываете мне такое внимание; вот только слева от алтаря я намерен в скором времени поставить собствен-

ную статую, а место жены, как вам известно, — по правую руку от мужа.

— Верно, милорд, но, опять же, если моему бедному подобию выпала незаслуженная честь преклонить колени рядом с вашим, почему бы не поставить обоих перед алтарем, где мы и имеем обыкновение молиться?

— И где же в таком случае станем молиться мы? Кроме того, — все так же учтиво добавил герцог, — желая поместить вашу статую непосредственно над входом в крипту, я преследую и более практическую цель: таким образом я не только отмечу вашу особую преданность сей блаженной святой, но и, замуровав к ней доступ, обеспечу вечную сохранность костям святой мученицы, которые до сего дня были слишком доступны для кощунственных вторжений.

— О каких вторжениях вы говорите, милорд?! — вскричала герцогиня. — Никто без моего разрешения не может войти в часовню.

— В чем я нисколько не сомневаюсь, как и всецело верю тому, что слыхал о вашей набожности; однако злоумышленник способен проникнуть ночью, разбив окно, и ваша светлость об этом даже не узнает.

— Я чутко сплю, милорд.

— Ужели? — нахмурился герцог. — В вашем возрасте это плохой знак. Я позабочусь о том, чтобы вам выдали снотворное.

В глазах герцогини заблестели слезы.

— Значит, вы готовы лишить меня утешения, которое дает мне посещение сиих святых реликвий?

— Скорее вверяю их вам на хранение, ибо не знаю никого, кто мог бы позаботиться о них лучше.

К тому времени статую почти водрузили на деревянную плиту, прикрывавшую вход в крипту, но герцогиня, шагнув вперед, преградила собой путь.

— Синьор, позвольте мне хотя бы сегодня вечером прочитать последнюю молитву рядом с этими святыми костями, а статую велите поставить завтра.

Герцог в два счета очутился рядом с ней.

— Великолепная идея, синьора; я спущусь туда с вами, и мы помолимся вместе.

— Синьор, за время вашего длительного отсутствия я — увы! — привыкла молиться в одиночестве и должна признать, что любое иное присутствие будет меня отвлекать.

— Синьора, я принимаю ваш упрек. Верно, до-

селе мои должностные обязанности вынуждали меня подолгу отсутствовать, но отныне я не покину вас, пока вы живы. Давайте же спустимся в крипту вместе.

— Нет! Я опасаюсь за здоровье вашей светлости: внизу слишком сыро.

— Тем более не стоит вам дышать таким воздухом; и зная неумеренность вашего рвения, я лучше уж немедля закрою вход в это место.

Герцогиня упала на колени перед плитой и, рыдая, воздела руки к небу.

— О, как жестоко, синьор, — взмолилась она, — лишать супругу доступа к священным реликвиям, что позволяли мне смиренно переносить одиночество, на которое обрекли меня обязанности вашей светлости! И если молитва и размышления дают мне право высказываться по таким вопросам, позвольте предупредить вас, синьор: боюсь, блаженная святая Бландина покарает нас, если мы навеки покинем ее досточтимые останки!

При этих словах герцог, видимо, заколебался, ибо был человеком набожным, и моя бабушка заметила, как он посмотрел на капеллана. Тот, робко подавшись вперед и уперев глаза в землю, сказал:

— В словах ее светлости поистине много муд-

рости, поэтому позвольте предложить, синьор, удовлетворить сие благочестивое желание и в знак почтения перед святой перенести мощи из крипты на место под алтарем.

— Прекрасно! — вскричал герцог. — Сделаем это тотчас же.

Герцогиня поднялась на ноги — и вид у ней был устрашающий.

— Нет уж, — твердо произнесла она. — Клянусь телом Божьим, после того как ваша светлость предпочел отвергнуть все просьбы, с которыми я к вам обратилась, я не потерплю вашего немедленного согласия с предложением кого-то другого!

Капеллан покраснел, герцог пожелтел, и несколько мгновений никто не произносил ни слова. Наконец герцог нашелся:

— Довольно разговоров, синьора. Желаете ли вы, чтобы мощи подняли из крипты?

— Я не желаю быть обязанной стороннему вмешательству!

— Ставьте статую на место! — гневно приказал герцог и насильно усадил герцогиню в кресло.

Бабушка рассказывала, что госпожа сидела там, прямая, как стрела, со сжатыми пальцами и гордо поднятой головой, глаза устремлены на

герцога, пока статую волокли и водружали на плиту. Затем герцогиня встала и отвернулась. Проходя мимо Ненчи, она шепнула:

— Пришли ко мне Антонио.

Но не успели те слова слететь с ее губ, как между ней и горничной встал герцог.

— Синьора, — заговорил он лилейным голосом, а сам так и сиял, — я прибыл прямиком из Рима, спеша привезти вам сие доказательство моего глубочайшего почтения. Прошлую ночь я провел в Монселиче и с первым проблеском рассвета вновь пустился в путь. Неужто вы не удостоите меня приглашения на ужин?

— Разумеется, милорд, — ответила герцогиня. — Стол будет накрыт в трапезной через час.

— А почему не в ваших покоях, синьора? Я слышал, вы пристрастились ужинать именно там.

— В моей спальне? — переспросила герцогиня, смешавшись.

— Вы что-то имеете против? — настаивал он.

— Решительно ничего, синьор, лишь дайте мне время привести себя в порядок.

— Я подожду в кабинете возле вашей спальни, — ответил герцог.

При этих словах, рассказывала бабка, герцогиня посмотрела так, будто врата Господа захлопну-

лись перед ней, заточив навеки в аду. Она позвала Ненчу и удалилась в свои покои.

Моя бабушка помнила, что герцогиня поспешно нарядилась с необычайной пышностью, припудрила волосы золотом, подрумянила лицо и декольте, обвесила себя драгоценностями, пока не засияла, что твоя Богоматерь Лоретская; едва приготовления были закончены, вошел герцог, а за ним и слуги с ужином. Герцогиня отослала Ненчу, и о том, что было дальше, бабка узнала позже от помощника кладовщика, который приносил им блюда и ждал в кабинете, ибо в спальню вхож был только личный лакей герцога.

Так вот, со слов того паренька, сэр, — который, надо сказать, глядел во все глаза и слушал во все уши, потому как никогда еще его не подпускали так близко к герцогине, — господа пребывали в прекрасном расположении духа, герцогиня игриво упрекала мужа за долгое отсутствие, а герцог клялся, что нет ему наказания строже, чем застать ее такой красивой. Беседа их продолжалась в подобном тоне, с такими подшучиваниями со стороны герцогини, такими нежными ухаживаниями со стороны герцога, что парнишка отозвался о них как о влюбленных, воркующих летней ночью в винограднике; так продолжа-

лось, пока слуга не принес крепленое вино.

— Ах, — воскликнул герцог, — сей изумительный вечер восполняет те долгие скучные дни, что я провел вдали от вас. Не помню удовольствия слышать ваш смех с того прошлогоднего вечера, когда мы пили шоколад в беседке вместе с кузеном Асканио. Кстати, чуть не забыл: в добром ли он здравии?

— Я о том не осведомлена, — ответила герцогиня. — Вашей светлости стоит обязательно отведать инжир, запеченный в мальвазии…

— Готов отведать все, что вы предложите, — проговорил он и, пока она подвигала к нему инжир, добавил: — Не испытывай я сейчас такого полного наслаждения, я бы, наверное, пожелал, чтобы с нами был мой кузен. Асканио — на редкость приятная компания за ужином. Что скажете, синьора? Я слышал, он все еще здесь; не послать ли нам за ним — пусть присоединится?

— Ах, — молвила герцогиня со вздохом и томным взором, — я уже, смотрю, наскучила вашей светлости?

— Помилуйте, синьора! Верно, Асканио — отличный малый, но в данный момент его главное достоинство — в его отсутствии. Однако я так нежно отношусь к кузену, что, ей-богу, не прочь

осушить за его здравие бокал!

С этими словами герцог поднял свой кубок и подал знак слуге, чтобы тот наполнил кубок герцогини.

— За моего кузена, — воскликнул он, вставая, — которому хватает ума и воспитания, чтобы не появляться, когда ему не рады. Так выпьем же за его долгую жизнь… Синьора?

Герцогиня, которая сидела с изменившимся лицом, тоже поднялась и поднесла к губам свой бокал.

— И за его счастливую смерть! — произнесла она не своим голосом.

С последним словом пустой бокал выскользнул у ней из рук, и бедняжка ничком упала на пол.

Герцог крикнул служанкам, мол, госпожа в обмороке; те прибежали и уложили ее на постель… Ненча говорила, что герцогиня ужасно страдала всю ночь, извиваясь, как еретик на костре, но не проронила больше ни слова. Герцог оставался при ней и с рассветом послал за капелланом; однако герцогиня лежала без сознания, зубы ее были стиснуты, так что она не смогла даже принять тело Господа нашего для причастия.

* * *

Герцог объявил родным и знакомым, что супруга его скончалась в результате злоупотребления крепленым вином со специями и омлетом из молоки карпа за ужином, который велела приготовить в честь его возвращения. А через год он привез на виллу новую герцогиню, которая подарила ему одного сына и пять дочерей.

V

Небо затянулось и приобрело стальной оттенок; на его фоне — бледно-желтая и непостижимая — мрачнела вилла. По парку гулял ветер, срывая то тут, то там пожелтевшие листья с платанов, а холмы на другой стороне долины налились пурпуром, словно грозовые тучи.

* * *

— И что же статуя?.. — напомнил я.

— Ах да, статуя. Вот что сказала мне бабушка, сэр, на этой самой скамейке, где мы в вами теперь сидим. Она, конечно же, боготворила герцогиню, как всякая девчонка ее лет боготворит прекрас-

ную добрую госпожу, поэтому ночь у ней, сами понимаете, выдалась ужасная. К герцогине ее не пустили, и бабка просидела, скрючившись в уголке, слыша лишь доносившиеся из покоев крики и видя, как обезумевшие горничные мечутся туда-сюда и как в дверях то и дело появляется вытянутое лицо герцога. Капеллан стоял тут же, притаившись в передней, и не поднимал глаз от требника. Никто не обратил на бедняжку внимания ни в ту ночь, ни на следующее утро, и ближе к сумеркам, когда всех оповестили, что герцогини больше нет в живых, с ней случился благочестивый порыв помолиться за свою госпожу. Так вот, никем не замеченная, она прокралась в часовню. Внутри было мрачно и пусто, как вдруг, пройдя чуть дальше, бабушка услыхала тихий стон! Приблизившись к статуе, она увидела, что мраморное лицо, накануне такое милое и умиротворенное, приобрело известный вам вид, а из губ исходил тот самый стон. У моей бабки кровь застыла в жилах, хотя закричать она, как потом рассказывала, почему-то не сумела, а просто развернулась и выбежала прочь. В галерее она потеряла сознание, а когда очнулась, то узнала, что герцог наглухо замуровал вход в часовню и запретил кому-либо туда входить… До

самой смерти герцога злополучное место больше не открывали, и новый наследник, войдя туда со своими слугами десять лет спустя, впервые увидал тот кошмар, который моя бабушка так долго хранила в сердце…

— А что же крипта? — спросил я. — Ее в конце концов открыли?

— Упаси Боже, сэр! — вскричал старик, крестясь. — Вы разве забыли о предостережении герцогини, что реликвии лучше не тревожить?

1901

Колокольчик горничной

I

Случилось это осенью того года, когда я переболела брюшным тифом. После трех месяцев в больнице я выглядела настолько слабой и истощенной, что две дамы, к которым я обратилась за работой, просто-напросто побоялись меня нанять. Денег у меня почти не осталось, и спустя еще два месяца жизни в приюте, в течение которых я слонялась по агентствам, откликаясь на каждое мало-мальски приличное объявление о найме, я почти потеряла всякую надежду. Веса

во мне от беспокойства не прибавилось, и я уже не чаяла, что мне когда-нибудь повезет. И вдруг удача улыбнулась — во всяком случае, именно так я это восприняла.

Я случайно встретила миссис Райлтон — подругу той леди, что когда-то вывезла меня в Штаты, — и мы разговорились. Вид у миссис Райлтон всегда был очень доброжелательный. Она спросила, отчего я такая бледная, и, услыхав ответ, сказала:

— Что ж, Хартли, похоже, у меня как раз есть для тебя подходящая работа. Заходи завтра, потолкуем.

На следующий день она объяснила, что подыскивает горничную для своей племянницы, миссис Бримптон. Эта молодая еще дама страдала от какого-то недуга и не выносила суету городской жизни, поэтому постоянно проживала в загородной усадьбе на Гудзоне.

— Так вот, Хартли, — своим обычным жизнерадостным тоном продолжала миссис Райлтон, отчего я, как всегда, воспряла духом, — хочу, чтобы ты понимала: место, куда я тебя отправляю, веселым не назовешь. Дом моей племянницы большой и мрачный, сама она — особа слабонервная, меланхоличная, муж ее по большей части

отсутствует, а дети умерли. Я ни за что не заперла бы такую румяную и бодрую девушку, какой ты была год назад, в этот склеп. Но сейчас ты и сама не пышешь здоровьем, правда? Поэтому спокойное жилье на свежем воздухе, здоровое питание и строгий распорядок дня, думаю, пойдут тебе на пользу. Не пойми меня превратно, — добавила она, видимо заметив, что я чуть приуныла, — тебе там, может, будет и скучновато, но плохо точно не будет. Моя племянница — ангел. Ее бывшая горничная, что скончалась прошлой весной, прослужила у нее двадцать лет и боготворила каждый ее шаг. Миссис Бримптон ко всем добра, а у доброй госпожи, как ты знаешь, и домочадцы незлобивые, поэтому ты наверняка поладишь с остальной прислугой. К тому же лучше тебя для моей племянницы никого не найти: спокойная, воспитанная, да еще и образованна выше своего положения. Ты ведь читаешь вслух, верно? Это хорошо, моя племянница обожает, когда ей читают вслух. Она мечтает о девушке, которая была бы ей как компаньонка, вроде прежней ее горничной, — бедняжка по ней очень скучает, ведь она так одинока… Ну что, согласна?

— Да, мэм, — ответила я. — Одиночества я не боюсь.

— Вот и славно! С моей рекомендацией тебя обязательно возьмут. Я тотчас ей телеграфирую, а ты поезжай с полуденным поездом. Племянница сейчас без личной прислуги, поэтому я бы времени не теряла.

Она меня почти уговорила, однако, чтобы рассеять последние сомнения, я спросила:

— А что насчет хозяина, мэм?

— Его там практически не бывает, поверь мне, — быстро ответила миссис Райлтон и вдруг добавила: — А когда он там, лучше не попадаться ему на глаза.

Я села на поезд и прибыла на станцию около четырех часов пополудни. Там меня уже ждала повозка, и кучер припустил что было мочи. Стоял хмурый октябрьский вечер, в воздухе пахло дождем, и когда мы свернули во владения Бримптонов, почти совсем стемнело. Протрясясь мили две по лесу, повозка въехала на покрытый гравием двор, плотно окруженный высоким темным кустарником. В окнах свет не горел — дом, надо сказать, и в самом деле выглядел мрачновато.

Кучера я ни о чем расспрашивать не стала, потому как не имела привычки составлять свое мнение о новых хозяевах со слов других слуг. Всегда лучше подождать и решить самой. Но по

всему было видно, что я попала в приличный дом. Миловидная кухарка у черного входа кликнула служанку, чтобы та сопроводила меня наверх.

— Миссис Бримптон примет тебя позже, — объяснила она. — У нее гость.

Слова кухарки меня приятно удивили, поскольку я думала, что к миссис Бримптон нечасто заходят гости. Мы поднялись на следующий этаж. Хозяйская часть дома была обставлена со вкусом, на темных настенных панелях висели старинные портреты. Пролетом выше жили слуги. На площадке было совсем темно, и моя спутница посетовала на то, что не захватила свечу.

— Ну ничего, у тебя в комнате есть спички, — пробормотала она. — Иди осторожно, и все будет в порядке. В конце прохода ступенька, а сразу за ней — твоя комната.

Я заглянула в коридор и увидела женщину в темном платье и переднике. Я успела заметить лишь ее бледность и худобу и решила, что это экономка. Странно немного, что она ничего не сказала, а только пристально на меня посмотрела и скрылась в одной из комнат. Служанка, похоже, ее не заметила. Коридор упирался в квадратный закуток, и туда выходили две комнаты: моя и другая, дверь которой была открыта.

— Ты подумай! Опять миссис Блиндер ее не закрыла! — воскликнула моя спутница, захлопывая дверь.

— Миссис Блиндер — это экономка?

— Экономки у нас нет, миссис Блиндер — кухарка.

— И это ее комната?

— Еще чего! — резко ответила прислуга. — Эта комната ничья… то бишь пустая, и негоже двери настежь стоять. Миссис Бримптон велит закрывать ее на ключ.

Она отперла мою дверь, и я вошла в уютную комнатку с симпатичными пейзажами на стене. Моя провожатая зажгла свечу и ушла, сообщив напоследок, что чай для прислуги в шесть, после чего меня примет миссис Бримптон.

За чаем я познакомилась с остальными домочадцами, приветливыми и разговорчивыми. Судя по их рассказам, миссис Бримптон была и впрямь добрейшей душой. Впрочем, слушала я их болтовню вполуха, потому что все высматривала ту бледную женщину в темном платье. Она так и не появилась — должно быть, ела у себя. Только… раз она не экономка, то почему бы ей не есть со всеми? Внезапно меня осенило, что это, наверное, специально обученная сиделка и

тогда, понятное дело, еду ей носили в комнату. Ведь у миссис Бримптон какой-то недуг, вот за ней и ухаживает сиделка. По правде говоря, я не очень обрадовалась такому повороту: с сиделками обычно трудно поладить, и знай я заранее, может, и отказалась бы от места. Ну да ладно, поживем — увидим.

После чая служанка спросила у лакея, ушел ли мистер Рэнфорд, и, получив утвердительный ответ, поманила меня из кухни — знакомиться с госпожой.

Миссис Бримптон полулежала в кресле у камина, рядом с креслом стоял торшер. У нее были мягкие черты лица, а когда она улыбнулась, я тотчас решила, что ради нее готова на все. Приятным низким голосом она спросила, как меня зовут, сколько мне лет и так далее, не нуждаюсь ли я в чем и не пугает ли меня одинокая жизнь в глуши.

— С вами мне одиноко не будет, мэм, — ответила я, поразившись собственным словам, потому как импульсивной меня не назовешь, а тут я будто вслух подумала.

Мой ответ пришелся ей по нраву. Она сказала, что тоже на это надеется, затем дала указания касательно своего туалета и добавила, что на

следующий день Агнес — служанка, которая меня привела, — покажет, где что лежит.

— Сегодня я устала и буду ужинать наверху, — добавила миссис Бримптон. — Агнес принесет еду, а ты тем временем устраивайся. После ужина поможешь мне раздеться.

— Хорошо, мэм, — кивнула я. — Вы позвоните?

— Нет… За тобой Агнес придет, — быстро проговорила она и уткнулась в книгу.

И где ж это видано, чтобы за личной горничной хозяйки бегала служанка? Странно, может, в доме нет колокольчиков? Однако на следующий день я убедилась, что они висели в каждой комнате, и тот, что висел в моей, соединялся прямо со спальней госпожи. После я никак не могла взять в толк, почему, когда миссис Бримптон было что-то нужно, она звонила Агнес и та шла через все крыло прислуги, чтобы позвать меня.

Впрочем, в доме имелись и другие странности. На следующий день я, например, выяснила, что миссис Бримптон сиделку не держала; а когда я спросила Агнес про женщину в коридоре, та заявила, что никого не видела и что мне почудилось. Не стану отрицать, в проходе было темно — служанка еще посетовала на то, что забыла свечу; только я отчетливо видела ту женщину и

даже узнала бы ее при встрече. В конце концов я решила, что это подруга кухарки или кого-то из слуг, которая приезжала из города и оставалась на ночь, о чем они не хотели распространяться. Некоторым хозяевам претит, если друзья их слуг ночуют в доме. Так или иначе, больше вопросов задавать я не стала.

Дня через два опять случилось нечто странное. Я болтала на кухне с миссис Блиндер — очень добродушной кухаркой, которая прослужила в доме дольше всех, — и та спросила, хорошо ли я устроилась и всего ли мне хватает. Я ответила, мол, меня все устраивает, но немного удивляет, что у горничной нет швейной мастерской.

— Ну почему же, есть… — протянула кухарка. — Комната, в которой тебя поселили, раньше и была мастерской.

— А где же спала бывшая горничная госпожи?

Миссис Блиндер смутилась и поспешно сказала, что в прошлом году все комнаты для слуг поменяли местами и точно она не помнит. Я удивилась, конечно, но виду не подала и продолжала:

— Комната напротив моей пустая, и я хотела спросить у миссис Бримптон, нельзя ли оборудовать ее под швейную.

К моему изумлению, кухарка побелела как мел

и сжала мою руку.

— Не надо, детка, — произнесла она дрожащим голосом. — Это комната Эммы Саксон. Когда бедняжка умерла, госпожа велела запереть дверь на замок.

— А кто такая Эмма Саксон?

— Бывшая горничная миссис Бримптон.

— Та, что служила ей многие годы? — уточнила я, вспомнив слова миссис Райлтон.

Миссис Блиндер утвердительно кивнула.

— Какой она была?

— Лучше женщины на земле не рождалось. Госпожа любила ее, как родную сестру.

— Я имею в виду, как она выглядела?

Кухарка встала и наградила меня сердитым взглядом.

— Не горазда я описывать людей. Да и тесто подошло.

С этими словами она вышла из кухни, громко хлопнув дверью.

II

Прожив с неделю в усадьбе, я впервые увидела хозяина. Прошел слух, что он прибудет после обеда, и в доме сразу все переменилось. Было ясно как день: прислуга его не жаловала. В тот

вечер миссис Блиндер особенно долго возилась с ужином и накричала на помощницу, что было ей совсем не свойственно; а наш дворецкий мистер Вэйс, обычно серьезный, неспешно говорящий мужчина, исполнял свои обязанности так, будто готовился к похоронам. Мистер Вэйс постоянно читал Библию и имел для каждого случая набор подходящих цитат, но в тот день он сыпал ужасными выражениями, и я едва не вышла из-за стола. Тогда он стал уверять, что вычитал их у пророка Исайи, — я потом не раз замечала, что с приездом хозяина мистер Вэйс переходил на пророков.

Около семи Агнес позвала меня к госпоже, где я застала мистера Бримптона. Он стоял у камина: здоровенный краснолицый мужчина с бычьей шеей и сердитыми голубыми глазами — юная простушка могла бы счесть такого красивым и горько поплатилась бы за свою ошибку.

Когда я вошла, он окинул меня быстрым оценивающим взглядом. Я прекрасно знала этот взгляд — доводилось испытывать его на себе у прежних хозяев. Затем он повернулся ко мне спиной и продолжил говорить с женой; это означало, что я не в его вкусе. Хоть в одном тиф сослужил мне хорошую службу: избавил от всякого рода

домогательств.

— Моя новая горничная Элис Хартли, — представила меня миссис Бримптон; ее супруг едва кивнул, продолжая говорить свое.

Через пару минут он вышел, оставив жену переодеваться к ужину. От меня не укрылась ее необычайная бледность, а кожа на ощупь была просто ледяной.

Мистер Бримптон отбыл на следующее же утро, и все домочадцы вздохнули с облегчением. Госпожа надела шляпу и меха (стояло прекрасное зимнее утро) и отправилась на прогулку в сад, откуда пришла свежая и раскрасневшаяся — на мгновение, пока не вернулась привычная бледность, я увидела в ней молодую красавицу, которой она была еще совсем недавно.

Во время прогулки она встретила мистера Рэнфорда, и они вернулись вместе, болтая и смеясь, — я услышала, как они проходили по террасе под моим окном. Тогда я видела мистера Рэнфорда впервые, хотя не раз слышала о нем от других слуг. Он жил по соседству, в миле-другой от Бримптона, и имел обыкновение проводить зимы в деревне. Он был чуть ли не единственным, с кем госпожа виделась в это время года. Худой, высокий, лет тридцати, он выглядел немного

грустным, пока я не увидела его улыбку — она приятно удивляла, словно первый весенний день. Как и миссис Бримптон, он любил читать, и эти двое постоянно обменивались книгами. А иногда (со слов мистера Вэйса) мистер Рэнфорд часами читал госпоже вслух, допоздна засиживаясь с ней в библиотеке темными зимними вечерами. Слуги его любили — а это, между прочим, большой комплимент, о чем иные хозяева даже не подозревают. Для каждого из нас он находил доброе слово, и все мы радовались, что у миссис Бримптон есть такой приятный собеседник. Мистер Рэнфорд прекрасно ладил с мистером Бримптоном, хотя мне не понять, что за дружбу могли водить два столь непохожих джентльмена. Позже-то я смекнула, что настоящий джентльмен умеет держать свои чувства при себе.

Что до мистера Бримптона, тот приезжал и уезжал, никогда дольше пары дней не задерживался, проклинал скуку и одиночество, постоянно ворчал и (как я вскоре заметила) пил куда больше, чем следовало. Миссис Бримптон выходила из-за стола, а он потом еще долго просиживал за старым бримптонским портвейном и мадерой, а однажды, когда я вышла из комнаты госпожи позднее обычного, я встретила его на лестнице

в таком состоянии, что мне аж дурно сделалось при мысли о том, что приходится терпеть некоторым дамам.

Слуги о нем особо не распространялись, однако из их редких замечаний я поняла, что брак не задался с самого начала. Мистер Бримптон был грубым, шумным, любящим удовольствия, а моя госпожа — тихой, сдержанной и, пожалуй, немного холодной. Не то чтобы она ему перечила — напротив, я считала ее образцом терпимости; просто такому раскрепощенному джентльмену, как мистер Бримптон, она, по моему разумению, наверняка казалась несколько чопорной.

Пару недель все шло своим чередом. Госпожа была ко мне добра, работа не утруждала, я хорошо ладила с другими слугами. В общем, не жаловалась. И все же меня не оставляло какое-то гнетущее чувство. Не берусь описывать его словами… Не одиночество — с этим я довольно скоро свыклась, к тому же мой ослабленный организм нуждался в деревенской тишине и покое. Скорее, душа была не на месте. Госпожа, памятуя о перенесенной мной болезни, настаивала на регулярных прогулках и даже нарочно придумывала для меня поручения: пойти купить ярд ленты в деревне, отправить на почте письмо или вернуть

мистеру Рэнфорду книгу. Когда я куда-нибудь выходила, настроение поднималось, я с радостью предвкушала путь через голый, пахнущий сыростью лес; а стоило мне вновь завидеть дом, как сердце камнем ухало вниз. Не то чтобы сам дом представлялся мне мрачным, просто едва я переступала порог, гнетущее чувство тотчас накатывало снова.

Зимой миссис Бримптон выходила редко; лишь в полдень в самые погожие дни гуляла по часу на южной террасе. Помимо мистера Рэнфорда к нам раз в неделю приезжал из города доктор. Раздругой он посылал за мной, чтобы дать какие-то пустяковые указания, и хотя о недуге госпожи он никогда не распространялся, судя по восковому оттенку лица по утрам, я заключила, что у нее больное сердце.

Погода стояла промозглая и слякотная, а в январе не переставая лил дождь. Сидеть взаперти было тяжким испытанием. Я проводила дни напролет за шитьем, слушая стук капель по карнизу, и в конце концов нервы так расшатались, что я вздрагивала от каждого шороха. Меня стала тяготить мысль о запертой комнате напротив. Пару ночей мне мерещились там звуки, чего, конечно, быть не могло, и с рассветом эти бредовые

мысли обычно отпускали.

В одно прекрасное утро миссис Бримптон обрадовала меня поручением в городе. Я даже не осознавала, как сильно приуныла. В приподнятом настроении я отправилась в путь и при первом же взгляде на людные улицы и приветливо сверкающие витрины почувствовала несказанное облегчение. Ближе к полудню, правда, шум и сутолока меня порядком утомили, и я уже мечтала о деревенской тишине, об умиротворяющей прогулке через лес, как вдруг наткнулась на старую знакомую, с которой мы когда-то прислуживали вместе. Мы не виделись уже несколько лет, и пришлось обменяться с ней новостями. Когда я упомянула, где теперь служу, она закатила глаза и скорчила гримасу.

— Да ты что? У той самой миссис Бримптон, что целый год торчит в своей усадьбе на реке Гудзон? Дорогая моя, ты там и трех месяцев не протянешь.

— А мне вовсе не скучно в деревне, — ответила я, немного обидевшись на ее тон. — После болезни как раз неплохо пожить в глуши.

— Я не про глушь говорю, — покачала головой она. — А про то, что у твоей госпожи за последние полгода сменились аж четыре горничные, и

последняя — моя приятельница — сказала, что в доме невозможно долго находиться.

— И не сказала почему?

— Нет… ничего толком. Предупредила только: «Миссис Энси, если кто из ваших знакомых вздумает туда наняться, скажите, что не стоит и вещи распаковывать».

— А эта приятельница — молодая и хорошенькая? — спросила я, сразу подумав о мистере Бримптоне.

— Куда там! Таких, как она, мамаши обычно приставляют к сыновьям-студентам.

Я, конечно, напала на ту еще сплетницу, и все же по дороге домой ее слова не выходили у меня из головы; а приблизившись в сумерках к усадьбе, я и вовсе приуныла. Причина крылась в доме — теперь я знала это наверняка.

Спустившись к чаю, я услышала о прибытии мистера Бримптона и с первого взгляда поняла, что его приезд вызвал немалый переполох. Руки миссис Блиндер дрожали так, что она едва не расплескала чай, а мистер Вэйс цитировал пассажи, от которых волосы дыбом вставали. Никто не сказал мне ни слова, а когда я пошла к себе наверх, кухарка последовала за мной.

— О, дорогая моя, — начала она, беря мою ру-

ку, — как же хорошо, что ты к нам вернулась!

Меня это, понятное дело, обескуражило.

— Вы что, думали, я не вернусь?

— Ну нет, не то чтобы, просто я… — сбивчиво заговорила она. — Просто не хочу оставлять госпожу одну, даже на день. — Она крепко сжала мою руку. — О, мисс Хартли, — с чувством сказала она, — хорошо заботься о своей госпоже, как и подобает христианке.

С этими словами она поспешила прочь, оставив меня недоумевать.

Минуту спустя за мной пришла Агнес — позвать к миссис Бримптон. Услыхав еще из коридора голос хозяина, я сразу прошла в гардеробную, чтобы приготовить платье для ужина. Гардеробная занимала большую комнату с окном над портиком, выходящим в сад. За ней начинались апартаменты мистера Бримптона. Из-за приоткрытой двери спальни доносился его сердитый голос:

— Можно подумать, тебе кроме него больше не с кем общаться.

— Зимой тут никого не бывает, — тихо отвечала миссис Бримптон.

— У тебя есть я! — рявкнул он в ответ.

— Ты бываешь здесь так редко…

— И чья в том, по-твоему, вина? Ты превратила

дом в фамильный склеп!

Тут я решила, что пора заявить о себе, и стала громко перебирать туалетные принадлежности; услышав шум, госпожа позвала меня в комнату.

Ужинали они, по обыкновению, вдвоем, и по тому, как вел себя мистер Вэйс, я заключила, что дело неладно. Он выдал настолько жуткую цитату из пророков, что кухарка наотрез отказалась спускаться одна в погреб, чтобы положить мясо в ящик со льдом. Я и сама порядком нервничала и, уложив госпожу спать, собиралась просить миссис Блиндер посидеть чуток за картами. Но та уже заперла свою дверь, и я поплелась к себе. Снова пошел дождь, и это «кап-кап-кап» изрядно било по мозгам. Я лежала без сна, прислушиваясь к стуку капель и думая о словах моей приятельницы в городе. Почему, интересно, так быстро сменялись горничные…

Едва я заснула, как меня разбудил резкий звон. Колокольчик! Я села, испугавшись непривычного звука, который, казалось, продолжал звенеть в темноте. Руки тряслись, я никак не могла нащупать спички. Наконец я зажгла свечу и вылезла из постели. Засомневавшись, не приснилось ли мне, я взглянула на колокольчик — язычок все еще подрагивал.

Я начала спешно натягивать на себя одежду и вдруг услышала новый звук. На этот раз кто-то открыл и закрыл дверь напротив моей. Звук был настолько явственным и настолько пугающим, что я в ужасе замерла на месте. В проходе к главной лестнице послышались торопливые шаги. Их заглушал ковер на полу, но я была уверена, что они принадлежат женщине. У меня кровь застыла в жилах, и с минуту-другую я стояла не дыша и не смея пошевелиться.

— Элис Хартли, — опомнившись, сказала я себе, — кто-то вышел из комнаты напротив и прошел по коридору. Мысль не из приятных, но лучше пойти и все выяснить. Твоя госпожа только что позвонила в колокольчик, а стало быть, придется последовать за той, другой.

Так я и сделала. В жизни, думаю, я не ходила быстрее, и при этом мне казалось, что коридор никогда не кончится и я не дойду до комнаты миссис Бримптон. По пути я никого не встретила и ничего не слышала: было темно и тихо, как в могиле. У самой двери госпожи меня окутала такая глубокая тишина, что я решила: это сон, и со страху чуть не повернула назад. Но возвращаться было еще страшнее, и я постучала.

Ответа не последовало, я постучала опять,

уже громче. К моему изумлению, дверь открыл мистер Бримптон. При виде меня он отпрянул, его лицо в бликах свечи выглядело красным и диким.

— Ты?! — проговорил он странным голосом. — Боже правый, сколько же вас тут?

У меня чуть земля не ушла из-под ног, но я решила, что он просто пьян, и ответила как могла спокойно:

— Можно войти, сэр? Меня вызвала миссис Бримптон.

— Да хоть все входите, черт с вами, — пробурчал он и, оттолкнув меня с дороги, побрел в свою спальню. Глядя ему вслед, я помню, удивилась, что он шел ровной походкой трезвого человека.

При виде меня госпожа слабо улыбнулась и жестом попросила дать ей капель. Потом она молча откинулась на подушки, дыхание участилось, глаза закрылись. Внезапно она вытянула вперед руку и едва слышно произнесла:

— Эмма?

— Это Хартли, мэм, — ответила я. — Вам что-нибудь нужно?

Миссис Бримптон открыла глаза и изумленно уставилась на меня.

— Я, должно быть, уснула… Можешь идти, Харт-

ли, большое спасибо. Видишь, мне уже гораздо лучше, — добавила она и отвернулась.

III

Заснуть в ту ночь мне так и не удалось, поэтому я с благодарностью встретила рассвет.

Вскоре за мной пришла Агнес. Я поначалу испугалась, что миссис Бримптон опять плохо, потому что раньше девяти меня обычно не звали, однако обнаружила госпожу сидящей на постели — она выглядела бледной и осунувшейся, но вполне в себе.

— Хартли, будь добра, оденься и сходи поскорее в деревню. Мне срочно нужен один рецепт… — Она на секунду замялась и покраснела. — Надеюсь, ты вернешься до того, как встанет мистер Бримптон.

— Конечно, мэм, — с готовностью ответила я.

— И вот еще… — крикнула она вдогонку будто только что пришедшую в голову мысль. — Пока готовят лекарство, загляни к мистеру Рэнфорду и передай ему эту записку.

До деревни было мили две, и мне с лихвой хватило времени все обдумать. Странно, что госпоже понадобилось лекарство втайне от мистера Бримптона… Сопоставив утреннюю просьбу

с ночным происшествием, а также с другими моими наблюдениями и догадками, я со страху вообразила, что несчастная устала от жизни и приняла безумное решение с ней покончить. Мысль так меня напугала, что я припустила бегом и, вконец запыхавшись, упала в кресло перед аптечной стойкой. У бедного старика, который только-только снял с витрин ставни, от изумления глаза на лоб полезли, и это привело меня в чувство.

— Мистер Лиммел, — начала я, стараясь подавить волнение, — вы не могли бы прочесть рецепт и сказать мне, все ли там верно?

Он нацепил очки и прищурился на рецепт.

— Вроде да, подписан доктором Уолтоном, — озадаченно пробормотал он. — А что тебя в нем смущает?

— Ну, это лекарство… не опасное?

— Опасное? В каком смысле?

Встряхнуть бы хорошенько старика за тупость!

— В смысле что если его выпить слишком много, по ошибке, конечно… — Слова застряли у меня в горле.

— Да бог с тобой! Это ж известковое молоко! Его даже младенцам дают.

Я облегченно выдохнула и поспешила к мисте-

ру Рэнфорду. По пути мне пришла в голову новая мысль. Раз в рецепте ничего подозрительного нет, стало быть, миссис Бримптон не хотела, чтобы муж узнал о втором поручении? Отчего-то эта мысль напугала меня пуще прежней. Ведь оба джентльмена вроде как закадычные приятели, а за добродетель госпожи я готова была ручаться головой. Я устыдилась собственных подозрений и решила, что еще не совсем пришла в себя после ночных событий. Оставив записку у мистера Рэнфорда, я второпях вернулась в усадьбу и незаметно, как мне казалось, проскользнула в дом через боковую дверь.

Однако часом позже, когда я несла госпоже завтрак, мне преградил путь мистер Бримптон.

— Куда это тебя носило в такую рань? — грозно спросил он.

— Меня, сэр? — пробормотала я, задрожав.

— А ну не морочь мне голову! — Он побагровел от злости. — Не ты ли пробиралась к дому по кустам около часа назад?

По натуре я девушка честная, но тогда соврала, глазом не моргнув:

— Нет, сэр, не я, — и посмотрела на него в упор.

Мистер Бримптон пожал плечами и недобро усмехнулся.

— Небось решила, что я вчера ночью был пьян? — неожиданно спросил он.

— Нет, сэр, не решила, — ответила я, на этот раз почти не кривя душой.

Он отвернулся, не удостоив меня взглядом, и пробормотал, удаляясь по коридору:

— От собственных слуг почтения не дождешься…

Лишь засев после обеда за шитье, я поняла, как сильно потрясли меня события прошедшей ночи. Я не могла пройти мимо запертой двери без дрожи. Кто-то оттуда вышел и прокрался передо мной по коридору. У меня мелькнула мысль поговорить с миссис Блиндер или с мистером Вэйсом, единственными в доме, кто, похоже, догадывался о происходящем, но я подозревала, что если начну приставать с расспросами, они все будут отрицать. Лучше уж держать язык за зубами и смотреть в оба — так, поди, и узнаю больше. Меня мутило от ужасной мысли, что придется снова провести ночь рядом с запертой дверью, — прям хоть пакуй вещички и с первым же поездом отчаливай в город. Вот только не могла я просто так взять и бросить свою добрую госпожу, поэтому продолжала сидеть и шить как ни в чем не бывало.

Не проработала я и десяти минут, как машинка застопорилась. Когда-то я сама отыскала ее в доме — добротную, но чуток неисправную: по словам миссис Блиндер, после смерти Эммы Саксон ею никто не пользовался. Пока я с ней возилась, случайно открылся ящичек, который раньше не открывался, и оттуда выпала фотография. Я подняла ее и в недоумении уставилась на портрет. На нем была женщина — я уже где-то видела это лицо, этот направленный на меня умоляющий взгляд. И вдруг я вспомнила прислугу, увиденную в проходе.

Я вскочила и, похолодев от ужаса, выбежала из комнаты — помчалась прямиком к миссис Блиндер. Кухарка спала после обеда и, когда я к ней ворвалась, подскочила от неожиданности.

— Миссис Блиндер, — запыхавшись, начала я. — Кто это? — И я протянула ей фотографию.

Бедная женщина потерла глаза и прищурилась.

— Ну так… это ж Эмма Саксон. Откуда она у тебя?

С минуту я угрюмо смотрела на кухарку.

— Миссис Блиндер, — наконец сказала я. — Я уже не в первый раз вижу это лицо.

Кухарка встала с постели и подошла к зеркалу.

— Бог мой! Да я никак уснула! — заохала она. — Вон как ухо одно примялось. Ты лучше беги, мисс Хартли, дорогая — а то часы бьют четыре, и мне давно пора мистеру Бримптону окорок к ужину готовить.

IV

Недели две дела шли своим чередом. С той лишь разницей, что мистер Бримптон вопреки обыкновению никуда не отлучался, а мистер Рэнфорд, наоборот, заходить перестал. Однажды я слышала, как мистер Бримптон, сидя в спальне госпожи перед ужином, спросил:

— А где же Рэнфорд? Что-то его уже неделю не видно. Или он не приходит, когда я здесь?

Миссис Бримптон говорила так тихо, что я не расслышала ответа.

— Что ж, как известно, третий — лишний; прошу прощения, что мешаю Рэнфорду, видимо, пора мне удалиться на день-два и уступить ему сцену. — И он расхохотался собственной шутке.

Случилось так, что мистер Рэнфорд зашел как раз таки на следующий день. Лакей рассказывал, что трое мило провели время за чаем в библиотеке, после чего мистер Бримптон сам проводил мистера Рэнфорда до ворот.

Я сказала, что все шло своим чередом, и так оно и было для всех домочадцев, кроме меня. С той ночи, как зазвенел колокольчик, моя жизнь переменилась. Ночи напролет я лежала без сна, боясь, что он зазвонит вновь и я услышу, как откроется дверь запертой комнаты напротив. Но колокольчик молчал, и из коридора не доносилось ни звука. В конце концов тишина стала пугать меня пуще всяких таинственных звуков. Мне мерещилось, что кто-то притаился за запертой дверью и так же, как и я, подглядывает и подслушивает. Порой я готова была выскочить и крикнуть: «Кто бы ты ни был, выходи лицом к лицу, хватит уже таиться и шпионить за мной в темноте!»

Вас, наверное, удивляет, почему я с таким настроением не дала деру. Раз я чуть было так и не сделала, да что-то в последнюю секунду удержало. То ли сострадание к госпоже, которая с каждым днем все больше во мне нуждалась, то ли нежелание искать новое место, то ли еще какие причины, которых я и назвать-то толком не смогла бы, — во всяком случае, я медлила, как заговоренная, страшась наступления каждой ночи, хотя и днем чувствовала себя не шибко лучше.

Прежде всего меня совсем не радовал вид миссис Бримптон. С той самой ночи ее, как и меня,

будто подменили. Я думала, что с отъездом мистера Бримптона госпожа повеселеет, однако, хотя ей явно полегчало, духом она не воспряла и сил у ней не прибавилось. Она постоянно просила меня остаться. Даже Агнес однажды заметила, что после смерти Эммы Саксон хозяйка не проникалась так ни к одной служанке. Я питала к бедной леди самые теплые чувства, хотя помочь, увы, мало чем могла.

После отъезда мистера Бримптона к нам вновь стал заглядывать мистер Рэнфорд, хотя и не так часто, как прежде. Раз или два я встречала его в деревне — в нем будто бы тоже произошла какая-то перемена, которую я в итоге приписала собственному разыгравшемуся воображению.

Проходила неделя за неделей, мистер Бримптон меж тем отсутствовал уже с месяц. До нас долетали слухи, что он путешествует с приятелем по Вест-Индии — если верить мистеру Вэйсу, где-то очень далеко. А еще мистер Вэйс сказал, что, унесись ты голубем хоть на край земли, от Всевышнего не скроешься. На что Агнес ответила, мол, пока он держится подальше от дома, пусть Всевышний забавляется с ним на здоровье; тут все засмеялись, кроме миссис Блиндер, которая изобразила возмущение, а мистер Вэйс пригро-

зил, что нас всех сожрут медведи.

Помню, всех шибко обрадовало, что Вест-Индия далеко, и, несмотря на серьезный вид мистера Вэйса, ужин в тот день прошел очень весело. Не знаю, оттого ли, что я сама немного приободрилась, но миссис Бримптон вроде тоже и выглядела получше, и держалась пободрее. Утром отправилась на прогулку, а после обеда прилегла у себя, попросив почитать ей вслух. Я вышла от нее с легким сердцем и впервые за несколько недель миновала запертую дверь, не задумываясь. Сев за шитье, я взглянула в окно: в воздухе порхали снежинки. Смотреть на них было куда приятнее, чем на вечный дождь, и я представила себе, каким красивым станет сад под белым покрывалом. Снег будто бы обещал замести всю мрачность этого места и внутри, и снаружи.

Не успела я так подумать, как услыхала шаги и подняла глаза, думая, что это Агнес.

— Слышь, Агнес… — начала я, и слова застыли у меня на губах. В дверях стояла Эмма Саксон.

Не знаю, как долго она там стояла. Помню только, что я не могла ни пошевелиться, ни глаз отвести. После-то я ужас как перепугалась, а в тот миг испытала не страх, а какое-то другое чувство — глубокое и спокойное. Она неотрывно

на меня смотрела, и в глазах ее была лишь немая мольба — мольба о помощи, хотя чем я могла ей помочь? Затем она развернулась и пошла прочь. На сей раз, гонимая желанием узнать, что ей нужно, я вскочила и выбежала из комнаты. Она уже дошла до конца коридора, как я думала, до комнаты госпожи, но вместо этого она толкнула дверь, ведущую на подсобную лестницу. Я спустилась за ней и пошла к черному ходу. Кухня и прихожая в этот час пустовали, слуги отдыхали, за исключением одного, возившегося в кладовой. У черного хода она на мгновение замерла, взглянула на меня через плечо, затем повернула ручку и вышла. Я заколебалась. Куда она меня ведет? Дверь бесшумно закрылась; тогда я открыла ее и выглянула наружу, отчасти надеясь, что видение исчезло. Увы — в нескольких ярдах передо мной маячила темная фигура, удалявшаяся по двору в сторону лесной тропинки. Тут решимость моя дала слабину, и я чуть было не повернула назад. И все же какая-то непреодолимая сила манила меня за собой, и, схватив старую шаль миссис Блиндер, я выбежала на улицу.

Эмма Саксон уже ступила на тропинку. Она шла довольно быстро, и я старалась не отставать. Вскоре мы вышли за ворота на большую дорогу.

Здесь она устремилась по открытому полю наперерез к деревне. Земля покрылась снегом, и когда Эмма поднималась по склону холма, я заметила, что она не оставляет следов. Мое бедное сердце сжалось, колени подкосились. Почему-то на открытом пространстве стало страшнее, чем в доме. От одинокой фигуры веяло могильным холодом; казалось, во всем свете кроме нас двоих нет ни души и помощи ждать неоткуда.

Мне ужасно захотелось вернуться, но Эмма оглянулась, и я почувствовала себя так, будто меня тащат на привязи; после этого я шла послушно, как собачонка. Мы дошли до деревни, и она повела меня мимо церкви и кузницы к дому мистера Рэнфорда. Дом его стоял у самой дороги: ничем не примечательное старомодное здание с вымощенной тропинкой до парадной двери. Вокруг никого не было, и, свернув к дому, я увидела Эмму Саксон — под старым вязом у ворот. И тут я, к своему ужасу, поняла, что наше путешествие подошло к концу и она ждет от меня каких-то действий. По пути сюда я все недоумевала, что ей от меня нужно, и только когда увидела, что она остановилась у ворот мистера Рэнфорда, мое сознание начало проясняться. Я остановилась немного поодаль в снегу, сердце колотилось так,

что я дышала с трудом, ноги примерзли к земле; а Эмма стояла под вязом и наблюдала.

Понятно, что привела она меня сюда неспроста. Мне надлежало что-то сказать или сделать, но что именно? Я никогда не желала зла ни госпоже, ни мистеру Рэнфорду, а теперь почти не сомневалась, что над обоими нависла какая-то страшная беда. Эмма знала, что за беда; она объяснила бы, если б могла; может, следовало ее спросить?

От одной мысли заговорить с ней я чуть в обморок не упала, однако, взяв себя в руки, приблизилась на несколько ярдов к вязу. В ту же секунду открылась парадная дверь и на крыльце появился мистер Рэнфорд. Он выглядел красивым и жизнерадостным, как утром госпожа, и вид его вернул меня к жизни.

— Эй, Хартли! — приветствовал он. — Ты что тут делаешь? Я заметил тебя из окна и вышел узнать, не приросла ли ты к снегу. — Он остановился и пристально взглянул на меня. — Куда ты все время смотришь?

Следуя за моим взглядом, мистер Рэнфорд повернулся к вязу — под ним никого не оказалось. Дорога, насколько хватало глаз, была пуста.

Я ощутила полную беспомощность. Эмма пропала, а я так и не выяснила, чего она хотела.

Последний ее взгляд пробрал меня до мозга костей — но так и не дал ответа! Я впала в совершеннейшее отчаяние. Теперь вся тяжесть тайны, которую я не в силах была разгадать, легла на мои плечи. Снег завертелся перед глазами, земля ушла из-под ног и…

Глоток бренди и тепло очага мистера Рэнфорда привели меня в чувство, и я тотчас засобиралась назад. Уже почти стемнело, я боялась, что госпожа меня хватится. Мистеру Рэнфорду я наплела, что вышла прогуляться и ни с того ни с сего, прямо у его ворот, закружилась голова. Не шибко далеко от правды, а мне казалось, что я в жизни так бессовестно не врала.

Когда я переодевала миссис Бримптон к ужину, она заметила мою бледность и спросила, в чем дело. Я ответила, что голова болит, и тогда она сказала, что вечером справится сама и чтобы я шла пораньше спать.

Я и впрямь едва держалась на ногах, вот только уединяться в своей комнате вовсе не хотелось. Так что я сидела внизу, пока не стала клевать носом, и побрела наверх около девяти, когда мне уже было все равно, лишь бы прислонить голову к подушке. Вскоре разошлись и остальные слуги: в отсутствие хозяина все укладывались рано, и

еще до десяти я услышала, как миссис Блиндер заперла свою дверь, а мистер Вэйс — свою.

Ночь стояла тихая; землю и воздух плотно укутал снег. В кровати мне немного полегчало, я лежала и прислушивалась к разным звукам, просыпавшимся в доме с наступлением темноты. Мне почудилось, что внизу открылась и закрылась дверь: судя по звуку, застекленная дверь, ведущая в сад. Я встала и выглянула в окно — только разве в такую безлунную ночь что-нибудь разглядишь?

Я вновь легла и, должно быть, задремала, потому что проснулась от неистового дребезжания колокольчика. Ничего толком не соображая, я вскочила с постели и начала второпях натягивать одежду. «Сейчас это произойдет», — услыхала я собственный голос, а что под этим подразумевала, сама не знаю. Пальцы не слушались, будто намазанные клеем, — я думала, что уже никогда не оденусь. Наконец я приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Насколько хватало пламени свечи, там не было ничего необычного. Я бросилась вперед, затаив дыхание. Когда я распахнула обитую сукном дверь в главный холл, сердце ушло в пятки: на площадке стояла Эмма Саксон и в ужасе глядела вниз, в темноту. Секунду я не

могла пошевелиться, затем рука соскользнула с двери, она захлопнулась, и видение исчезло. В тот же миг с лестницы донесся еще один звук — вкрадчивый, заговорщицкий, как будто в парадной двери повернули засов. Я метнулась к комнате миссис Бримптон и постучала.

Поначалу никто не ответил; я постучала вновь. На этот раз в комнате послышалось движение, затем защелка отодвинулась — и передо мной предстала госпожа. К моему удивлению, она еще не раздевалась на ночь. Меня она явно не ждала.

— В чем дело, Хартли? — шепотом спросила она. — Ты нездорова? Что ты тут делаешь в такой час?

— Я здорова, мэм; просто опять звонил колокольчик.

Она побледнела и чуть пошатнулась.

— Ты ошиблась! Я не звонила. Тебе, должно быть, приснилось. — В жизни не слышала, чтобы она говорила таким тоном. — Иди спать, — велела она, закрывая дверь у меня перед носом.

Тут снизу донесся новый звук: на сей раз тяжелые мужские шаги. И я внезапно прозрела.

— Мэм, — торопливо заговорила я, входя в комнату, — в доме кто-то есть…

— Кто?..

— Думаю, мистер Бримптон — он там, внизу…

Госпожа изменилась в лице и, не говоря ни слова, рухнула на пол. Я упала на колени, пытаясь ей помочь, — по ее прерывистому дыханию я поняла, что это не просто обморок. Однако стоило мне приподнять ей голову, как в коридоре загромыхали шаги, дверь распахнулась, и в комнату ворвался мистер Бримптон. Он был в дорожной, мокрой от снега одежде. При виде меня на коленях возле госпожи он отпрянул.

— Это еще что за цирк? — Хозяин был бледнее обычного, на лбу проступило красное пятно.

— Миссис Бримптон сделалось дурно, сэр, — ответила я.

Он злобно усмехнулся и оттолкнул меня.

— Лучшего времени и придумать не могла! Уж простите, что потревожил…

Я подняла голову, пораженная его наглостью.

— Сэр! — воскликнула я. — Вы с ума сошли? Что вы делаете?

— Встречаюсь с другом, — ответил он, шагнув к гардеробной.

Это было выше моих сил. Не знаю, что я подумала или чего испугалась, но я вскочила и схватила его за рукав.

— Сэр, сэр, — взмолилась я. — Ради бога, вы бы

хоть на жену взглянули!

Он яростно отпихнул меня.

— Нет уж, с меня хватит! — прорычал он и схватился за ручку двери в гардеробную.

И вдруг оттуда донесся шорох — хотя звук был очень слабый, мистер Бримптон его уловил. Он рванул на себя дверь и в страхе отшатнулся: на пороге стояла Эмма Саксон. Было очень темно, однако я видела ее четко, как и он. Хозяин вскинул руки, закрывая лицо, а в следующий миг Эмма пропала.

Он стоял не двигаясь, словно силы покинули его, и в наступившей тишине вдруг поднялась госпожа. Глядя на мужа широко открытыми глазами, она попятилась, и я увидела на ее лице судорогу смерти…

Мы хоронили ее на третий день, в сильную метель. Народу в церкви набралось совсем немного: в такую пургу из города не выбраться, а в округе у моей госпожи друзей особо не было. Мистер Рэнфорд появился под самый конец, как раз перед тем, как ее понесли к алтарю. Весь в черном, с бледным лицом, он слегка опирался на трость. Мистер Бримптон наверняка это тоже заметил, потому что красное пятно четко проступило у него на лбу, и вместо того, чтобы читать мо-

литвы, как подобает скорбящему, он через всю церковь устремил на мистера Рэнфорда страшный взгляд.

После панихиды все пошли на кладбище, а мистер Рэнфорд исчез. Едва гроб моей бедной госпожи опустили в могилу, мистер Бримптон вскочил в первую же стоявшую у ворот карету и умчал, никому не сказав ни слова. Я только слышала, как он крикнул: «На станцию!»

А мы, слуги, вернулись в дом одни…

1904

Глаза

I

Втот вечер после отменного ужина у нашего доброго приятеля Калвина и рассказа Фреда Мархарда о странной встрече с призраком всех потянуло на мистику.

Мы расположились в библиотеке — дубовые книжные шкафы и старинные переплеты, а также дым сигар и усыпляющие отсветы угольков в камине создавали идеальный фон для экскурсов в потусторонний мир; а поскольку рассказ Мархарда задал тон и нам захотелось непременно

историй из личного опыта, мы решили испытать самих себя и потребовали от каждого присутствующего внести собственную лепту. Из восьми собравшихся семерым уже удалось — более или менее сносно — удовлетворить поставленным условиям. Нас порядком удивил такой обширный запас встреч со сверхъестественным, учитывая, что, кроме самого Мархарда и юного Фила Френема (чья история была, пожалуй, наименее впечатляющей), никто из нас не имел обыкновения обращать взор к невидимым мирам. Так что, имея все основания гордиться семью представленными «экспонатами», вклада от хозяина дома никто, собственно, и не ждал.

Наш старый друг Эндрю Калвин, который слушал из своего кресла, поглядывая на нас сквозь клубы дыма с добродушной терпимостью древнего мудреца, едва ли сталкивался с привидениями, хотя у него хватало воображения, чтобы с удовольствием и без зависти внимать свидетельствам своих гостей. В силу возраста и образования он твердо придерживался позитивистской традиции: его образ мышления сформировался в дни эпической схватки между физикой и метафизикой. И все же он, как прежде, так и теперь, по большей части оставался сто-

ронним наблюдателем — этаким насмешливым зрителем, не вовлеченным в бесконечный и беспорядочный спектакль жизни. Он мог изредка покинуть свое кресло, чтобы ненадолго заглянуть за кулисы, но, насколько мы знали, никогда не проявлял ни малейшего желания подняться на сцену и лично выкинуть какой-нибудь «номер».

Среди его сверстников ходили слухи, что давным-давно в далеких знойных краях он был ранен на дуэли. Однако это больше походило на легенду — образ дуэлянта никак не вязался с тем, каким Калвина знали мы, более молодое поколение. Точно так же заявление моей матушки, что в свое время он был «изящным юношей с ясными глазами», при всем воображении не вязалось с его наружностью.

«Не могу представить его иначе, как похожим на беремя дров», — высказался однажды о нем Мархард.

«Скорее, на пенек с глазами», — поправил кто-то, и трудно было подобрать более удачное сравнение для его приземистого коренастого туловища и рябого, будто покрытого корой лица, на котором блестели красноватые бусинки глаз. Калвин с наслаждением предавался бездействию, предпочитая не растрачивать время на никчем-

ную суетность. Свои тщательно оберегаемые дневные часы он посвящал высокоинтеллектуальным занятиям и нескольким сознательно отобранным привычкам, так что никакие треволнения, сопутствующие человеческой натуре, казалось, не омрачали его небосклона. Впрочем, беспристрастное наблюдение за Вселенной никак не повлияло на его невысокое мнение об этом дорогостоящем эксперименте, а результатом исследования человеческого рода стал вывод о том, что от мужчин нет вообще никакого проку, а женщины нужны лишь постольку, поскольку иначе некому будет готовить. В этом отношении он был непоколебим, и единственной наукой, которую он почитал как догму, была гастрономия. Надо признать, что его «скромные» трапезы служили весомым аргументом в пользу этой точки зрения, а также причиной — хотя и не главной — преданности его друзей.

Интеллектуальное гостеприимство Калвина, хоть и не такое аппетитное, было не менее вдохновляющим. Его интеллект походил на открытую площадку для обмена мнениями: несколько промозглую и продуваемую ветрами, но светлую, просторную и опрятную — вроде академической рощи Платона, в которой облетела вся листва.

На этой арене дюжине избранных дозволялось напрягать извилины мозга и разминать мышцы языка; а чтобы как можно дольше продлить сию, в нашем представлении увядающую, традицию, время от времени в нашу группу добавляли одного или двух неофитов.

Последним и, пожалуй, наиболее примечательным из таких поступлений был Фил Френем — наглядное подтверждение людоедскому замечанию Мархарда, что наш старый друг «предпочитает тех, что посвежее». На самом деле Калвин, при всей своей сухости, деликатно обходился с нежными свойствами юности. Эпикуреец до мозга костей, он не губил бутоны, которые собирал для своего сада: его дружба не растлевала души, а, наоборот, способствовала бурному расцвету молодой мысли. И Фил Френем как нельзя лучше подходил для подобных экспериментов. Юноша был далеко не глуп и подкупал своей неискушенностью, подобно чистейшей глине под тонким слоем глазури. Калвин вытянул его из тумана фамильной скуки и вознес до вершин прозрения, причем восхождение ничуть тому не навредило. Высшее мастерство, с которым Калвину удавалось подстегивать молодой пытливый ум, не лишая того благоговейного восторга открытий,

служило для меня достаточным опровержением плотоядной метафоры Мархарда. Френем расцветал безболезненно, и старый друг ни разу не коснулся сокровенных заблуждений юности. Лучшим доказательством тому было благоговение, с которым Френем отзывался о прошлом Калвина.

«Вы просто не видите в нем того, что вижу я. Я свято верю в историю с дуэлью!» — заявлял он. Именно эта уверенность в тот вечер заставила его — когда наша компания уже начала понемногу расходиться — бросить шутливый вызов нашему хозяину:

— А теперь ваш черед поведать нам о своем призраке!

Входная дверь как раз закрылась за Мархардом и прочими; из гостей оставались только Френем и я. Преданный слуга, неизменно сопровождавший Калвина во всех жизненных перипетиях, принес нам свежей содовой и удалился, получив лаконичное разрешение идти спать.

Общительность Калвина, подобно ночноцвету, распускалась поздно, и близкие друзья, по обыкновению, засиживались у него за полночь. И все же просьба Френема, очевидно, смутила нашего хозяина: он комично вскочил с кресла, куда только что уселся, проводив гостей.

— О моем призраке? Вы действительно считаете меня дурнем, который стал бы тратиться на собственный экземпляр, когда в копилке у друзей столько прелестных образчиков? — Он засмеялся и, повернувшись ко мне, добавил: — Еще сигару?

Френем тоже усмехнулся, поднялся во весь рост и в изящной позе встал перед камином.

— Конечно, — молвил он, обращаясь к своему ощетинившемуся другу, — попадись вам призрак, который пришелся вам по нраву, вы не стали бы им делиться.

Калвин сел обратно в кресло, утопив взъерошенный затылок во вмятину из потертой кожи; его маленькие глазки поблескивали над новой сигарой.

— По нраву? — буркнул он. — Скажете тоже!

— Ага! — не замедлил накинуться на него Френем. — Значит, у вас такой есть!

Он бросил победный взгляд в мою сторону, а Калвин вжался, как гном, в подушки кресла, прячась в спасительном облаке дыма.

— Какой смысл отрицать? Вы всего повидали в жизни, уж без одного-то привидения не обошлось! — не отступал молодой человек, отважно преодолевая дымную завесу. — Или вы боитесь признаться, потому что видели не одного, а сразу

двух?

Предположение, судя по всему, ошеломило нашего хозяина. Он как-то странно, по-черепашьи высунул голову из тумана, одобрительно глядя на Френема.

— Так и есть! — У него вырвался нервный смешок. — Я видел сразу двух!

Неожиданное признание повисло в оглушительной тишине, мы с изумлением уставились друг на друга поверх шевелюры Калвина, а тот сидел с таким видом, будто вновь узрел своих призраков. Наконец Френем, не говоря ни слова, опустился в кресло по другую сторону камина и с улыбкой приготовился внимательно слушать…

II

— Похвастаться мне на самом деле нечем — истинный коллекционер даже не взглянул бы на мои привидения… Право, не стоит возлагать особенных надежд. Единственным их достоинством можно считать их количество — то есть тот факт, что призраков было два. Хотя и тут придется сделать оговорку: я наверняка так же в два счета избавился бы от них, обратись я за пилюлями к домашнему врачу или за очками к окулисту. Как назло, я, хоть убей, не мог решить, к кому пойти

(лечить ли несварение желудка или зрение), а потому позволил им вести свою курьезную двойную жизнь, несмотря на неудобства, которые они мне доставляли…

Да, именно неудобства — а вам известно, как плохо я переношу неудобства! Просто поначалу проклятая гордыня помешала мне сознаться, что такой пустяк, как двойное привидение, может выбить меня из колеи.

К тому же не было никаких оснований полагать, что я нездоров. В моем понимании виной всему была скука — смертная скука. Но именно благодаря ей я, помнится, чувствовал себя на редкость бодро и понятия не имел, куда девать невостребованную энергию. Я тогда вернулся из длительного путешествия по Южной Америке и Мексике и поселился на зиму недалеко от Нью-Йорка у своей старой тетушки, которая знавала Вашингтона Ирвинга и состояла в переписке с Н. П. Уиллисом[13]. Она жила возле Ирвингтона в ветхом готическом особняке: над домом так плотно нависли старые ели, что он походил на

[13] Примечания: 13

Вашингтон Ирвинг (1783–1859) — американский писатель-романтик, которого часто называют «отцом американской литературы»; Натаниэль Паркер Уиллис (1806–1867) — американский писатель, поэт и публицист.

траурный медальон из волос[14]. Надо сказать, что и сама тетушка выглядела не лучше, и, судя по тому, сколько волос осталось у нее самой, медальон могли смастерить именно из них.

За плечами у меня был довольно напряженный год, эмоциональные и денежные растраты которого предстояло срочно восполнить, и ненавязчивое гостеприимство тети подвернулось как нельзя кстати, чтобы поправить и нервы, и финансы. Но вот беда: едва я почувствовал себя в безопасности, как испытал новый прилив сил, которые в траурном медальоне тратить было решительно не на что. В ту пору я тешил себя иллюзией, что человеку достаточно одной лишь умственной работы, и взялся писать книгу — не помню о чем. Грандиозность моих замыслов впечатлила тетушку настолько, что та предоставила в мое распоряжение старинную готическую библиотеку, полную собраний классиков в черных матерчатых переплетах и дагерротипов былых знаменитостей, ряды которых я намеревался пополнить. А дабы облегчить мои труды, тетя

[14] Примечания: 14

Памятные поделки, украшения с волосами близких и родственников известны с XIV века, но особенную популярность приобрели в Викторианскую эпоху. Из волос умерших близких также плели венки и помещали их в рамку под стекло, как семейные фотографии.

одолжила мне кузину, готовую начисто переписывать черновики.

Кузина оказалась вполне милой девушкой, и я убедил себя, что милая девушка — именно то, что восстановит мою пошатнувшуюся веру в человечество и главным образом в себя. Бедняжка Элис Ноуэлл! Она не блистала ни красотой, ни умом, однако привлекла меня как раз тем, что вполне довольствовалась своей непривлекательностью. Мне не терпелось разгадать ее секрет. Я увлекся и в какой-то момент слегка переусердствовал — лишь на мгновение! Поверьте, в моем признании нет ни капли бахвальства, потому как бедняжка, кроме своих двоюродных братьев, и мужчин-то толком не видела…

Разумеется, я тут же пожалел о содеянном и всерьез озаботился тем, как исправить положение. Однажды вечером, после того как тетушка пошла спать, Элис, как всякая бесхитростная натура, спустилась в библиотеку за утерянной якобы книгой, которая случайно нашлась на полке позади меня. Ее носик порозовел от волнения, и я внезапно понял, что со временем ее красивые густые волосы поредеют так же, как тетушкины. Я страшно обрадовался своему открытию, ведь оно облегчало мне задачу поступить правильно;

отыскав книгу, которую никто не терял, я сообщил Элис, что на неделе отбываю в Европу.

В те времена Европа находилась страшно далеко, и Элис сразу все поняла. Однако отреагировала совсем не так, как я ожидал, — что, право, было бы проще. Девушка крепко прижала к себе книгу и отвернулась поправить лампу на моем столе (я даже помню абажур из матового стекла в форме виноградных листьев со стеклянными подвесками по краю). Затем она выпрямилась, протянула руку и сказала: «Прощайте». Произнеся это, она посмотрела мне прямо в глаза и поцеловала. Я в жизни не испытывал ничего столь чистого, робкого и одновременно смелого, как тот поцелуй. Он подействовал на меня хуже любого упрека, и я устыдился того, что заслужил ее упрек. И тогда я решил: «Женюсь на ней! После смерти тети нам отойдет этот дом, я буду сидеть здесь за столом и писать книгу, Элис сядет напротив за вышиванием и будет смотреть на меня как сейчас — и так будет продолжаться много лет». Надо сказать, перспектива слегка пугала, но в тот момент я больше всего на свете страшился обидеть милую девушку. Десять минут спустя мой перстень красовался у нее на пальце вместе с обещанием, что я увезу ее с собой.

Вы, наверное, недоумеваете, зачем я так подробно расписываю давно забытый случай. Дело в том, что именно в ту ночь я впервые столкнулся со странным явлением, о котором веду речь. В те годы я еще свято верил в непреложность взаимосвязи между причиной и следствием и, естественно, попытался разобраться, не вызвано ли наваждение тем, что приключилось со мной в библиотеке несколькими часами ранее. Так или иначе, оба события отложились в моей памяти вместе.

В тот вечер я лег спать с тяжелым сердцем, подавленный весомостью доброго деяния, которое впервые сознательно совершил; к тому же, несмотря на довольно юный возраст, я осознавал всю серьезность своего положения. Не подумайте, что до тех пор я вел себя как-то неподобающе, — отнюдь. Я был всего лишь легкомысленным юнцом, который потакал собственным желаниям и сторонился всякого сотрудничества с Провидением. Теперь же, неожиданно внеся лепту в укрепление нравственного порядка в мире, я чувствовал себя доверчивым зрителем, отдавшим фокуснику свои золотые часы и не ведающим, в каком виде он получит их обратно, когда фокус закончится… Так или иначе, сознание собственной

праведности поумерило мои страхи, и, раздеваясь, я успокоил себя, что со временем привыкну поступать правильно и перестану так тяготиться, как теперь. И когда я лег в постель и задул свечу, я подумал, что уже начинаю привыкать, и погрузился в неизведанное доселе чувство, как в мягкую тетушкину перину.

С этой мыслью я закрыл глаза, а когда открыл их, прошло, наверное, немало времени: в комнате было холодно и стояла какая-то зловещая тишина. Проснулся я от знакомого многим неприятного ощущения, что рядом кто-то есть. Я сел и напряженно уставился в темноту. Поначалу в кромешной тьме я ничего не различал. Постепенно из неясного отсвета у изножья кровати проступили два глаза — они глядели на меня в упор. Лица я не видел, но чем дольше я всматривался, тем отчетливее проступали и тем ярче горели в темноте глаза.

Ощущения от их пристального взгляда были далеко не из приятных, и вы наверняка предположили, что первым моим побуждением было вскочить и наброситься на таращившегося на меня невидимку. Какое там! — я лежал, боясь пошевелиться… Не могу сказать, был ли страх вызван осознанием потусторонности происходя-

щего — уверенностью, что, вскочи я с кровати, никого бы там не обнаружил, — или же просто оцепенением от вида самих глаз. Ничего страшнее я в жизни не видел — несомненно, они принадлежали человеку, но какому! Во-первых, он был ужасно стар: глазницы ввалились; тяжелые покрасневшие веки свисали, словно шторы, сорвавшиеся с петель. Одно веко нависало чуть ниже другого, создавая впечатление зловещей ухмылки, а между складками плоти, из которых торчали редкие ресницы, тускло светились глаза — маленькие водянистые кружки с агатовым ободком, похожие на гальку, зажатую в клешнях морской звезды.

Впрочем, самым отвратительным в тех глазах был не возраст. Меня мутило от выражения порочной самоуверенности, с какой они смотрели. Не знаю, как иначе объяснить ощущение, что они принадлежат человеку, который совершил в жизни немало зла, но никогда не подвергал себя опасности. Нет, то не были глаза труса — просто их обладатель был слишком умен, чтобы рисковать; и от вероломности этого взгляда к горлу подкатывала тошнота. И все-таки хуже всего было даже не это: в устремленном на меня взоре сквозила насмешка, без всякого сомнения

предназначавшаяся мне.

Внезапно нахлынувший порыв ярости вывел меня из оцепенения — я вскочил на ноги и бросился на невидимку. Само собой, там никого не оказалось: мой кулак врезался в пустоту. Дрожа от стыда и холода, я отыскал спичку и зажег свечу. Комната выглядела совершенно обычно, в чем я, впрочем, нисколько не сомневался. Я лег в постель и задул свечу.

Как только спальня погрузилась во тьму, глаза возникли вновь; однако на этот раз я предпринял попытку найти им научное объяснение. Поначалу я решил, что это отсвет тлеющих в камине углей. Впрочем, камин располагался по другую сторону кровати так, что огонь никак не мог отражаться в трюмо — единственном зеркале в комнате. Тогда мне пришло в голову, что угли могли отражаться от любой лакированной или металлической поверхности; и хотя ничего подходящего под это определение я не обнаружил, я снова встал, на ощупь пробрался к камину и накрыл тлеющую там золу. И опять, стоило мне лечь, в изножье кровати возникли глаза.

Стало быть, меня посетила галлюцинация. Впрочем, тот факт, что это не чья-то дурацкая выходка, ничуть не утешал. Если это блажь

моего подсознания, какого дьявола оно так расшаталось? В свое время я достаточно глубоко исследовал тайны патологических состояний и хорошо представлял себе условия, при которых ослабший разум становился уязвим для подобного рода полуночных видений, однако к моему нынешнему состоянию они не подходили. Никогда еще я не чувствовал себя здоровее — как умственно, так и физически; и единственное необычное обстоятельство в моей жизни — то, что я осчастливил славную девушку, — казалось, не должно было породить всякую нечисть. И все же нечто по-прежнему не спускало с меня глаз.

Я зажмурился и вызвал в памяти образ Элис Ноуэлл. В ее глазах не было ничего примечательного, кроме их кристальной непорочности; будь у бедняжки побогаче воображение (или подлиннее ресницы), взгляд ее мог бы вызвать интерес. Сейчас же толку от него было мало, и вскоре перед моим мысленным взором вновь всплыло страшное видение. Когда зрелище стало невыносимым, я открыл глаза — и встретил тот ненавистный взгляд.

Так продолжалось всю ночь. Вы не представляете, каким это было мучением! Случалось ли вам лежать в кровати без сна, крепко зажмурившись

и зная, что, открой вы глаза, увидите нечто жуткое и омерзительное? Вынести такое дьявольски трудно. Глаза висели в воздухе, притягивая к себе. У меня началось vertige de l'abime[15], будто за этими покрасневшими веками зияла пропасть… Мне и раньше доводилось испытывать страх — опасность не раз подступала близко; однако ничто не сравнится с ужасом той ночи. Причем ужасали не сами глаза — в них не было величия темных сил. Скорее, они вызывали — как бы вам объяснить? — гадливость сродни дурному запаху: их взгляд пачкал, как след, что тянется за слизняком. Я не понимал, какое им до меня дело, и продолжал вглядываться, силясь понять.

Не знаю, чего именно они добивались, но добились они того, что на следующее утро я наскоро собрал саквояж и сбежал в город. Тетушке я оставил записку, в которой сообщал, что заболел и поехал к врачу. Надо сказать, я и в самом деле чувствовал себя прескверно — ночь словно высосала из меня всю кровь. Однако вместо врача я пошел к приятелю, бросился там на кровать и проспал беспробудно десять часов кряду. Проснулся я глубокой ночью — и похолодел от мысли

---

[15] Примечания: 15
Головокружение на краю пропасти *(фр.)*.

о том, что меня ждет. Дрожа всем телом, я сел и уставился в темноту, но ничто не нарушало ее идеальной глади. Убедившись, что глаз нет, я вновь провалился в целительный сон.

В спешке я ни слова не написал Элис, намереваясь вернуться на следующий же день. Однако наутро я не смог пошевелиться. Изнеможение, которое испытываешь после обыкновенной бессонной ночи, с течением дня проходит, мое же, наоборот, только усугубилось. Мысль о глазах давила все сильнее и сильнее, и страх встретиться с ними стал совершенно невыносимым. Я боролся с собой два дня; на третий я взял себя в руки и решил, что наутро вернусь. Приняв такое решение, я почувствовал себя гораздо лучше: ведь мое внезапное исчезновение и странное молчание наверняка очень огорчили бедняжку Элис. Я лег с легким сердцем и сразу уснул. А посреди ночи проснулся и увидел глаза…

Это было выше моих сил! Вместо того чтобы вернуться к тете, я второпях собрался и поспел на первый пароход, отправлявшийся в Англию. На борту я почувствовал такое изнеможение, что тотчас забрался на койку и проспал едва ли не до самого прибытия. Передать вам не могу, до чего приятно пробуждаться после долгого сна и без

страха смотреть в темноту…

Я провел за границей год, за ним последовал другой. Глаза ни разу не появились. Ради одного этого я готов был остаться хоть на необитаемом острове, не говоря уже о другой причине: за время путешествия я окончательно убедился, что попросту не могу жениться на Элис Ноуэлл. То, что я так долго шел к этому открытию, донельзя раздражало и лишало меня всякого желания с ней объясняться. Блаженство одним махом избавиться и от глаз, и от прочих неудобств придавало моей свободе особенную сладость, и чем дольше я ею наслаждался, тем больше входил во вкус.

Глаза, казалось, насквозь прожгли мое сознание, ибо я потом еще долго ломал голову над природой наваждения, страшась его возврата. Впрочем, постепенно страх утих, и остался лишь запечатленный в памяти образ. Но и он в конце концов поблек.

На второй год я обосновался в Риме, замыслив написать другую великую книгу — фундаментальный труд об этрусском наследии в итальянском искусстве. Во всяком случае, примерно с таким намерением я снял залитую солнцем квартиру на Piazza di Spagna и стал бродить по Форуму, где однажды утром ко мне подошел

очаровательный юноша. Стоя в мягких лучах солнца, стройный и грациозный, как гиацинт, он вполне мог бы сойти за Антиноя с руин одного из алтарей. В действительности же он прибыл из Нью-Йорка с письмом — подумать только! — от Элис Ноуэлл. Письмо ее — первое со времени нашего расставания — содержало лаконичную просьбу посодействовать ее кузену Гилберту Нойзу. Дело в том, что бедный молодой человек «имел талант» и «мечтал писать», а так как родители настаивали на том, чтобы он с его каллиграфическим почерком пошел в бухгалтерию, вмешалась Элис и выпросила для него отсрочку на полгода, в течение которой он, живя на мизерное содержание за границей, должен был доказать, что способен зарабатывать пером. Откровенно говоря, условия «испытания» вызвали у меня недоумение: в них было не больше смысла, чем в средневековых ордалиях[16]. С другой стороны, я был тронут тем, что Элис послала кузена именно ко мне. Я хотел оказать ей какую-нибудь услугу, оправдать себя не столько в ее, сколько

[16] Примечания: 16

Ордалия (от лат. ordalium — приговор, суд) — в широком смысле то же, что «Божий суд»; в узком — средневековая практика «доказательств» виновности или невиновности путем испытаний, являющихся по сути пытками.

в собственных глазах; и вот предоставился как нельзя более подходящий случай.

Пожалуй, можно смело утверждать, что прирожденные гении не предстают перед вами на руинах Форума в весенних лучах, как низвергнутые боги. Так или иначе, бедняга Нойз прирожденным гением не был. Зато был красив и приятен в общении. Падал духом я лишь тогда, когда он заговаривал о литературе. Ох, как знакомы мне были все эти признаки — несоответствие того, что находило отклик «внутри него», с тем, что происходило снаружи! По сути, это и есть настоящая проверка. Его всегда — незамедлительно, неизбежно, с неумолимостью законов Ньютона — привлекало не то, что нужно. Я ради развлечения взялся заранее угадывать, в чем именно он ошибется, и со временем неплохо поднаторел в этой игре.

Хуже всего было то, что bêtise[17] Гилберта не бросалась в глаза. Дамы, посещавшие пикники, считали его интеллектуалом, да и на званых обедах он сходил за умного. Даже я, рассматривая его под микроскопом, то и дело ловил себя на мысли, что надеюсь обнаружить в нем некий

---

[17] Примечания: 17
Глупость *(фр.)*.

скрытый талант, которым можно будет худобедно довольствоваться. В конце концов, разве не ради того я старался? Юноша был настолько очарователен, что я готов был на любые усилия, лишь бы увидеть тому подтверждение, и первые месяцы действительно верил, что у него еще оставался шанс…

До чего восхитительны были те месяцы! Нойз от меня не отходил, и чем больше времени мы проводили вместе, тем больше он мне нравился. В нем подкупала даже глупость — такая же прекрасная, как его ресницы. Со мной он был весел, счастлив и так увлечен, что поговорить с ним начистоту было все равно что перерезать горло невинному зверьку. Поначалу я гадал, кто внушил сей очаровательной головке, что в ней есть мозг. Потом я начал понимать, что это не более чем защитная реакция — бесхитростная уловка, чтобы сбежать от домашней опеки и конторской службы. Не то чтобы Гилберт, милый мальчик, не верил в себя — в нем не было ни капли лицемерия. Он не сомневался, что обязан следовать своему «призванию», тогда как привлекательность его положения была как раз в обратном: будь у него побольше денег, досуга и развлечений, он мог бы стать безобидным сибаритом. Увы! На деньги рас-

считывать не приходилось, а с маячившей перед ним перспективой клерка он не мог позволить себе бросить затею с писательством. Творения из-под его пера выходили довольно плачевными, и теперь мне совершенно ясно, что я с самого начала это знал. Тем не менее, оправдывая себя тем, что нелепо лишать человека будущего после первой же неудачи, я не только не оглашал свой приговор, а, наоборот, подбадривал Нойза, сравнивая с растением, которому необходимо тепло, чтобы зацвести.

Я продолжал следовать этому принципу вплоть до того, что добился продления испытательного срока. Уехав из Рима, я взял его с собой, и мы провели изумительное лето, праздно шатаясь между Капри и Венецией. Я решил для себя: «Если в нем хоть что-то есть, оно проявится именно сейчас». Так и вышло. Никогда еще он не был настолько очарователен и настолько очарован сам. Бывали минуты, когда рожденная шелестом волн красота действительно проступала на его лице — но лишь для того, чтобы излиться потоком блеклых чернил…

Как бы то ни было, настало время перекрыть этот поток, и лишь я мог это сделать. Мы тогда воротились в Рим, и я предложил Нойзу оста-

новиться у меня — не хотел обрекать его на одиночество в пансионе после того, как придется отказаться от литературных амбиций. Разумеется, в своих выводах я полагался не только на собственное суждение. Я рассылал его сочинения издателям и критикам, и те неизменно возвращали их без единой пометки. Помечать там было просто нечего.

Признаться, в день, когда я решил поговорить с Гилбертом начистоту, чувствовал я себя прескверно. Я убеждал себя, что разбить надежды бедного мальчика — мой священный долг, но скажите, разве не подобные доводы обычно оправдывают беспричинно жестокие деяния? Я всегда избегаю того, чтобы стать орудием Провидения, а когда вынужден принять на себя эту роль, предпочитаю, чтобы при этом никто не пострадал. В конце концов, кто я такой, чтобы за один год определить, есть ли у бедняги талант?

Чем больше я задумывался над предстоящей мне миссией, тем меньше она мне нравилась; а уж когда Нойз сел напротив меня под лампой и закинул голову назад, точь-в-точь как сейчас Фил… Он знал, что я прочел его последнюю рукопись, как знал и то, что мой вердикт определит его будущее — таков был наш негласный уговор.

Рукопись — ни больше ни меньше его первый роман! — лежала между нами на столе. Гилберт подался вперед, накрыл ее рукой и воззрился на меня так, будто от этого зависела вся его жизнь.

Я встал и откашлялся, стараясь не глядеть ни на него, ни на рукопись.

«Вот какое дело, дорогой Гилберт… — начал я и увидел, как тот побледнел. Миг — и он уже стоял на ногах, глядя мне прямо в глаза. — Ну же, дорогой мой, к чему так пугаться? Я вовсе не намереваюсь разделывать вас под орех!»

Нойз опустил руки мне на плечи и, глядя вниз с высоты своего роста, засмеялся с какой-то обреченной веселостью, которая, словно нож, полоснула меня по сердцу.

Отвага, с которой он был готов принять свою участь, выбила у меня почву из-под ног. Я не мог больше думать о долге, зато внезапно осознал, как своим приговором заставлю страдать других: прежде всего самого себя, ибо тем самым я лишался его общества, но особенно несчастную Элис Ноуэлл, которой я так хотел доказать свою добросовестность и в глазах которой старался себя обелить. Признать бездарность Гилберта означало бы дважды обмануть ее надежды.

В тот же миг, подобно молнии, вспыхивающей

во весь небосклон, меня пронзила мысль о том, какое мне светило будущее, если не сказать правды. Я подумал: «Он навсегда останется со мною» — и понял, что на свете нет другого человека — мужчины или женщины, — кого я более желал бы оставить рядом. Я тотчас устыдился собственного эгоизма и в попытке заглушить совесть шагнул навстречу Гилберту.

«Все замечательно, зря вы так разволновались!» — воскликнул я и, радостно смеясь в его объятиях, на мгновение испытал чувство удовлетворения сродни тому, которое, должно быть, сопровождает поступки праведника. Все-таки нести радость другим чертовски приятно!

Гилберту, разумеется, не терпелось отметить сие знаменательное событие, но я отправил его разбираться со своими чувствами в одиночестве, а сам лег спать, надеясь отвлечься от своих. Раздеваясь, я гадал, каким будет осадок — ведь он порой остается даже от самых сладостных переживаний! И все же я не жалел о содеянном и был полон решимости испить эту чашу до дна, каким бы приторным ни оказался вкус.

Я долго лежал без сна, с улыбкой вспоминая взгляд Гилберта — его счастливые глаза… Наконец я уснул, а когда проснулся, в спальне стоял

жуткий холод; я резко сел — и увидел другие глаза…

С их последнего появления прошло три года. Я все время помнил о призраке и считал, что больше не дам застать себя врасплох. Но теперь, при виде этих кроваво-красных ухмыляющихся глаз, понял, что не готов ко встрече и так же беззащитен перед ними, как и прежде… И опять, как прежде, меня ужаснула их полнейшая необъяснимость. Какого черта им от меня надо, с какой стати явились именно сейчас? Последние три года я вел себя довольно безрассудно, хотя даже худшие мои проступки не заслуживали этого адского взгляда; а в тот вечер я чувствовал себя чуть ли не благодетелем, и оттого видение пугало еще больше…

Не могу сказать, что глаза внушали такое же омерзение, как раньше, — нет, они стали гораздо хуже. Хуже вследствие опыта, который я приобрел за прожитые годы; он дополнил глаза новыми смыслами. Теперь я понял то, чего не разобрал прежде: порочность появилась в них не сразу, она прорастала постепенно, шаг за шагом, в результате череды мелких подлостей, скопившихся за годы неустанных стараний. Да, именно постепенность растления делала глаза особенно

отвратительными…

Теперь они висели во тьме — опухшие веки над слезящимися яблоками, перекатывающимися в глазницах, под ними темные, тяжелые мешки — и следили за каждым моим движением. Внезапно меня охватило чувство негласной сопричастности, некоего скрытого взаимопонимания между нами, и это потрясло меня даже больше, чем их необъяснимое появление. Я не столько понял эти глаза, сколько прочел в них, что однажды пойму… Сознание, что мы заодно, было определенно страшнее всего и с каждым разом лишь усиливалось…

Да, проклятый призрак и правда повадился ко мне. Подобно вампирам, которых притягивает свежая плоть, глаза непреодолимо тянуло к чистой совести. Каждую ночь в течение месяца они возвращались за очередным лакомством: с тех пор как я осчастливил Гилберта, они вцепились в меня мертвой хваткой. Из-за этого странного совпадения, каким бы несуразным оно ни казалось, я едва не возненавидел бедного мальчика. Я долго ломал голову, но, кроме родства с Элис Ноуэлл, так и не придумал никакого объяснения. К тому же, как только я ее бросил, глаза оставили меня в покое, а значит, они не могли быть посланцами

оскорбленной девы, даже если вообразить, что бедняжка Элис наслала на меня духов отмщения. Конечно, меня посетила мысль, что глаза, быть может, отстанут от меня, если бросить Гилберта. Соблазн был так велик, что пришлось призвать все силы, чтобы не поддаться — право же, милый мальчик был слишком очарователен, чтобы жертвовать его демонам! В итоге я так и не узнал, чего добивались эти глаза…

III

В камине затрещали и вспыхнули угли, озарив рябое, покрытое поседевшей щетиной лицо рассказчика. На мгновение вдавленная в спинку кресла голова стала похожа на рельефное изображение из желтого камня с красными прожилками и эмалью вместо глаз; затем огонь угас, и лицо снова приняло размытые рембрандтовские очертания.

Фил Френем, с начала рассказа неподвижно сидевший в низком кресле по другую сторону камина, изящно подперев длинной рукой откинутую назад голову, не сводил глаз с лица старого друга. Не шелохнулся он и после того, как Калвин умолк. Я же, несколько раздраженный незаконченностью истории, спросил:

— И долго они вам потом являлись?

Калвин, так глубоко утонувший в кресле, что походил на бестелесный ворох одежды, встрепенулся, будто удивленный моим вопросом. Похоже, он забыл, о чем только что рассказывал.

— Долго ли? Да, по сути, всю зиму. Адское мучение, надо вам сказать. Я даже заболел, так и не свыкнувшись с преследованием.

Френем пошевелился и случайно задел локтем небольшое зеркало в бронзовой оправе, стоявшее сзади на столике. Он обернулся, чуть подвинул зеркало и принял прежнюю позу: подперев темноволосую голову рукой, откинул ее назад и пристально уставился в лицо Калвину. Его молчаливый взгляд смутил меня, и, чтобы сгладить неловкость, я вновь задал вопрос:

— Больше вы не испытывали соблазна пожертвовать Нойзом?

— О нет! Да и нужды не было: бедняга позаботился обо всем сам.

— В каком смысле?

— Он осточертел мне — и не только мне. Продолжал корпеть над своей жалкой писаниной, навязывая ее кому ни попадя, пока не набил у всех оскомину. Я пытался — очень деликатно, как вы понимаете, — отговорить его от писательско-

го поприща: сводил с приятными людьми, чтобы он прочувствовал и понял наконец, в чем именно заключался его дар. Я предвидел подобный исход с самого начала и был убежден, что, как только первый пыл авторства остынет, он найдет свое призвание — этакого милого бездельника, вечного Керубино, которому в традиционном светском обществе всегда есть место за столом рядом с дамскими юбками. На моих глазах он прослыл «поэтом» — поэтом, не пишущим стихов, каких немало в любой гостиной. Подобная жизнь не требует больших затрат; я все просчитал и убедил себя, что если Нойзу чуть подсобить, он продержится так еще несколько лет, а тем временем, глядишь, и женится. Я воображал его женатым на какой-нибудь зажиточной вдове с хорошей кухаркой и ухоженным домом. Даже вдову подходящую заприметил… Меж тем сам я, как мог, содействовал перемене: ссужал деньгами, чтобы успокоить его совесть, знакомил с хорошенькими женщинами, чтобы он забыл о своих клятвах литературе. Все напрасно! В красивой упрямой голове накрепко засела единственная мысль: его влекут не розы, а лавры, и он, раз за разом

подтверждая формулу Готье[18], шлифовал и оттачивал свою изначально бездарную прозу, пока не размазывал ее на бог знает сколько сотен страниц. Время от времени он отправлял такой талмуд в издательство и, конечно же, неизменно получал его обратно.

Поначалу Нойза это ничуть не волновало — он считал себя «непонятым» и, как всякий непризнанный гений, когда возвращался очередной опус, сочинял вдогонку новый. В конце концов Гилберт впал в отчаяние и накинулся на меня с обвинениями — мол, я его обманул и бог знает что еще. Я разозлился и возразил, что он обманул себя сам. Сам обратился ко мне, заявив, что намерен писать, и я помогал ему изо всех сил. Вот и все мои грехи, да и старался я не столько ради него, сколько ради его двоюродной сестры.

Мои слова, похоже, возымели действие, и с минуту Нойз молчал. Потом сказал:

— У меня не осталось ни времени, ни денег. Что мне теперь, по-вашему, делать?

---

[18] Примечания: 18

Теофиль Готье (1811–1872) — французский писатель, поэт и критик, сторонник «искусства для искусства». По поводу этой отсылки существует несколько версий, одна из которых проводит параллель с поэтическим сборником «Эмали и камеи», над которым Готье работал в течение двадцати лет, меняя состав и композицию, без конца шлифуя и оттачивая тексты.

— Не будьте ослом, — ответил я.

— Что вы имеете в виду? — не понял он.

Тогда я взял со стола письмо и протянул ему.

— Я имею в виду ваш отказ от предложения миссис Эллингер стать ее секретарем с жалованьем в пять тысяч долларов. Оно таит в себе неплохие перспективы.

Гилберт в гневе выбил письмо у меня из рук.

— О, мне прекрасно известно, что оно таит! — выпалил он, покраснев до корней волос.

— Тогда каков же ваш ответ?

Он молча отвернулся и медленно пошел к двери, а задержавшись у порога, еле слышно проговорил:

— Вы действительно считаете мои сочинения никуда не годными?

Я был утомлен и страшно зол, поэтому лишь рассмеялся ему в лицо. Не стану отрицать: это было непростительно. Но не забывайте, что юноша был глупцом и что я сделал для него все, что мог, — решительно все.

Нойз вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. В тот же вечер я отбыл во Фраскати, где обещал провести воскресенье с друзьями. Я был рад сбежать от Гилберта, а заодно, как выяснилось в ту же ночь, и от ненавистных глаз. Как и в

первый раз, я провалился в глубокий летаргический сон; а проснувшись поутру в тихой спальне над дубовой рощей, почувствовал одновременно изнеможение и облегчение, которые всегда следовали за таким сном. Я провел две блаженные ночи во Фраскати, а когда воротился в Рим, обнаружил, что Гилберт исчез… О, не подумайте — обошлось без трагедий. Он просто сложил свои рукописи и уехал в Америку — к семье и конторской работе на Уолл-стрит. Он даже оставил мне вполне достойное послание, в котором сообщал о своем решении, и вообще, надо сказать, для дурака повел себя в данных обстоятельствах на удивление разумно…

IV

Калвин вновь умолк; Френем по-прежнему сидел неподвижно, очертания его юной головы отражались в стоящем за ним зеркале.

— И что же стало с Нойзом? — наконец спросил я, все еще чувствуя неудовлетворенность и желая уловить связующую нить между параллелями рассказанной истории.

Калвин пожал плечами.

— Да что с ним могло стать, если он был ничем? Ни о каком «становлении» не могло быть и речи.

Какое-то время он прозябал в конторе, потом вроде получил должность клерка в консульстве и невыгодно женился в Китае. Я встретил его однажды в Гонконге, много лет спустя. Он растолстел и был небрит. Поговаривали, что он пьет. Меня он не узнал.

— А глаза? — опять спросил я после затянувшейся паузы, отягощенной молчанием Френема.

Калвин потер подбородок, задумчиво глядя на меня из темноты.

— После того разговора с Гилбертом я больше их не видел. Вот и ищите разгадку, если угодно. Я, честно признаться, связи так и не нашел.

Он поднялся, сунул руки в карманы и проковылял на затекших ногах к столу с напитками.

— Моя история вас наверняка иссушила. Пора освежиться, мой друг. Угощайтесь, дорогой Фил… — Он повернулся к камину.

Френем никак не отреагировал на гостеприимный призыв хозяина. Он все так же сидел, не шевелясь, в низком кресле, а когда Калвин шагнул к нему, юноша смерил его долгим пристальным взглядом, затем резко отвернулся, сложил руки на столе и уронил на них голову.

От неожиданности Калвин остановился как вкопанный.

— Что за черт, Фил? Неужели вас так напугали глаза? Полноте, дружище — в жизни не думал, что обладаю даром рассказчика!

Усмехнувшись такой несуразной мысли, он встал перед камином и, не вынимая рук из карманов, взглянул на склоненную голову юноши. Френем оставался недвижим, и Калвин шагнул ближе.

— Не надо так переживать, дорогой Фил! Я не видел их уже много лет — по-видимому, не делал ничего настолько дурного, чтобы навлечь их на себя. Разве что своим рассказом вызвал видение у вас, что поистине было бы их самой ужасной выходкой!..

Шутливая бравада сменилась неловким смехом; он подошел еще ближе, склонился над Френемом и положил тому на плечи свои старческие руки.

— Фил, ну же, друг мой, в чем дело? Почему вы молчите? Неужели и вправду увидали те глаза?

Френем по-прежнему не поднимал головы, и Калвин слегка отпрянул, явно оскорбленный таким необъяснимым поведением друга. В это мгновение свет настольной лампы упал на его пунцовое лицо, и оно отразилось в зеркале за головой Френема.

Калвин тоже увидал свое отражение. Он пристально всмотрелся, будто не сразу узнал в нем себя. Постепенно выражение на его лице переменилось, и какое-то время обе пары глаз смотрели друг на друга со все возрастающей ненавистью. Наконец Калвин отпустил плечи Френема и попятился назад.

Френем, все еще пряча лицо, так и не шелохнулся.

1910

Лишь спустя время

I

«О, он там точно есть, только вы этого не поймете».

Шутливое заверение, брошенное полугодом ранее в солнечный июньский день, теперь, в окутанной декабрьским сумраком библиотеке, обрело для Мэри Бойн новый зловещий смысл.

В тот день они пили чай в саду их общей подруги Алиды Стэйр в Пангборне и говорили об этом самом доме — библиотека занимала в нем центральное место и считалась его главной

«достопримечательностью». Приехав в Англию в поисках загородного дома в одном из южных или юго-западных графств, Мэри Бойн и ее муж сразу обратились к Алиде Стэйр, которая прежде успешно подыскала дом себе. После того как они привередливо отвергли несколько вполне разумных предложений, Алида призналась: «Что ж, есть еще Линг, в Дорсетшире. Он принадлежит родне Хьюго — этот вам отдадут за красивые глаза».

Причины, по которым дом шел чуть ли не задаром (удаленность от станции, отсутствие электричества, водопровода с горячей водой и прочих бытовых удобств), как раз и привлекли романтично настроенных американцев. В их понимании именно такие недостатки гарантировали истинную принадлежность к определенной архитектурной традиции.

— Ни за что не поверю, что живу в настоящем старинном доме, пока там не будет всех мыслимых неудобств, — смеялся Нед Бойн, имеющий куда более экстравагантные вкусы, чем его жена. — Любой намек на современные приспособления превратит для меня дом в музейный экспонат, который разобрали, пронумеровали и заново собрали на месте.

Они дотошно перечисляли свои требования и сомнения, отказываясь верить, что рекомендованный дом действительно построен в тюдоровскую эпоху[19], пока не убедились в том, что он не отапливается, что приходская церковь находится буквально в черте их владений и что с подачей воды случаются перебои.

— Да он идеален, столько неудобств! — восторгался Эдвард Бойн по поводу очередного вытянутого из Алиды признания, как вдруг, перестав умиляться, с подозрением спросил: — А привидение? Ты утаила от нас тот факт, что в доме нет привидений!

Смеясь тогда вместе с мужем, Мэри успела подметить мимолетную растерянность Алиды и наигранную улыбку, с которой та отшутилась:

— Да в Дорсетшире полно привидений!

— Это не то. Не стану же я тащиться за десять миль, чтобы поглазеть на чужого призрака. Хочу иметь его в собственном доме. В Линге он есть?

Вот тогда-то насмешливым и несколько вызывающим тоном Алида заверила:

---

[19] Примечания: 19

Тюдоровский архитектурный стиль возник на основе поздней английской готики в период правления королевской династии Тюдоров (1485–1603). Его отличает средневековый, немного мрачный, колдовской вид. Второе рождение стиль получил в XIX веке на волне романтизма и всеобщего интереса к исторической архитектуре.

— О, он там точно есть, только вы этого не поймете.

— Что значит не поймем? — оскорбился Бойн. — Что это за призрак, которого нельзя распознать?

— Я только повторяю то, что говорят.

— Говорят, что в доме есть привидение, которое никто не видит?

— Видят, но понимают это лишь впоследствии.

— Впоследствии?

— Да, спустя долгое время.

— Стало быть, когда-то этого гостя из потустороннего мира все-таки распознали? Так почему же не описали его потомкам? Как ему удалось сохранить инкогнито?

Алида пожала плечами.

— Откуда мне знать? Как-то удалось.

— И вдруг спустя долгое время… — заговорила Мэри утробным голосом пророчицы, — тебя осеняет: так это и было привидение?

Ей почудилось, что вопрос с каким-то гробовым стуком прихлопнул веселье собеседников. Алида вновь отвела глаза.

— Ну вроде того. Нужно просто подождать.

— Еще чего, ждать! — возмутился Нед. — Жизнь слишком коротка для призраков, о которых узнаешь только задним числом. Разве мы не

заслуживаем лучшего, Мэри?

Однако лучшего не нашлось, и через три месяца после разговора с миссис Стэйр они поселились в Линге. Для четы Бойнов началась та самая жизнь, о которой они давно мечтали и которую спланировали вплоть до мельчайших подробностей. Они мечтали именно о том, чтобы сидеть вот так, в декабрьских сумерках, точно у такого камина под точно такими черными дубовыми стропилами и наблюдать, как одинокие холмы за витражными окнами погружаются в беспросветную мглу. Именно ради таких ощущений Мэри Бойн, вырванная почти сразу после замужества из нью-йоркской жизни, без малого четырнадцать лет терпела изгнание в душераздирающе убогом городке Среднего Запада, где Бойн считал каждый цент, вырученный в результате своих инженерных сделок. И вот однажды — с внезапностью, при воспоминании о которой Мэри до сих пор вздрагивала, — им улыбнулась удача и баснословные доходы от шахты «Голубая звезда» подарили им вмиг и роскошную жизнь, и свободное время, чтобы ею наслаждаться. Они ни в коем случае не намеревались прозябать в бездействии, просто решили посвятить себя исключительно творчеству: она мечтала о живописи и садовод-

стве (обязательно на фоне серых каменных стен), а он мог наконец-то приступить к давно задуманной книге «Экономическая основа культуры». Для таких увлекательных занятий уединение не было помехой — напротив, им не терпелось как можно дальше отойти от мира и как можно глубже погрузиться в прошлое.

Дорсетшир привлек супругов в первую очередь небывалой удаленностью от каких бы то ни было географических ориентиров. Бойны никак не могли свыкнуться с чудом этого компактного острова — «гнезда графств», как они его называли, — где столь малого хватало для создания столь многого: пара миль здесь уже считалась расстоянием, а небольшого расстояния было достаточно, чтобы перенести вас в совершенно иной мир.

— Вот что придает всему здесь такую глубину, создает такие рельефные контрасты, — восторгался Нед. — У них поверх каждого лакомого кусочка намазан еще толстый слой масла.

В Линге «масло» уж точно лежало на всем толстым слоем: старинный особняк, приютившийся под склоном холма, похоже, так и не разорвал связь с давним прошлым. В глазах Бойнов уже одно то, что он не был ни большим, ни каким-то особенным, придавало ему особое очарование

— дом воплощал в себе образ векового угрюмого хранителя жизни. Жизни, возможно, не очень яркой, постепенно канувшей в забвение подобно бесшумной осенней мороси, час за часом капающей в пруд меж тисами; однако сквозь эту затягивающую глубину иногда прорывалось смутное волнение, и Мэри с самого начала чувствовала таинственное присутствие бушевавших здесь когда-то страстей.

Стоя в тот вечер в библиотеке в ожидании, пока принесут лампы, она ощутила это особенно сильно. После обеда муж, по своему обыкновению, отправился в долгую прогулку по холмам. В последнее время он предпочитал гулять в одиночестве, и жене, которая не сомневалась в прочности их отношений, пришлось заключить, что ему не дает покоя книга и что после полудня он обдумывает возникшие утром проблемы. Видимо, написание давалось не так легко, как он изначально предполагал, отчего у него на переносице обозначилась складка, которой в прошлой трудовой жизни жена не помнила. Тогда он часто уставал, мог даже выглядеть полубольным, но печать тревоги никогда не омрачала его лицо. К тому же те несколько страниц, что он успел ей прочитать — введение и начало первой главы, —

демонстрировали отменное владение предметом и уверенность в собственных силах.

Мэри была озадачена, ведь теперь, когда муж оставил инженерное дело и связанные с ним неурядицы, тревожности просто неоткуда было взяться и причина его беспокойства крылась в чем-то другом. Что, если он нездоров? Тоже вряд ли — с тех пор как они переехали в Дорсетшир, он, напротив, заметно окреп, посвежел, на щеках появился румянец. Непонятная перемена произошла с ним лишь в последнюю неделю, она не давала Мэри покоя в его отсутствие и заставляла прикусывать губу в его присутствии, словно это ей, а не ему было что скрывать.

Мысль о том, что их разделяет какая-то тайна, сильно удивила миссис Бойн, и она окинула взглядом просторную комнату.

«Может, дело в доме?» — задумалась она.

Эта комната, к примеру, наверняка хранила немало секретов. Казалось, с наступлением вечера они наслаивались друг на друга подобно складкам бархатных теней, ниспадающих с потолка, книжных полок, задымленных очертаний камина.

«Ну конечно, дом-то с привидением!» — вспомнила она.

В первые месяц-два они нередко подшучивали над незримым привидением Алиды, однако постепенно шутки сошли на нет за неимением достаточной почвы для воображения. Мэри, как и подобает хозяйке дома с привидениями, пробовала расспросить сельчан, но кроме неопределенного «Так говорят, мэм» ничего толком не добилась. Таинственный призрак, по-видимому, все же недостаточно проявил себя, чтобы о нем сложилась хоть сколько-то убедительная легенда, и через некоторое время Бойны, подсчитав все плюсы и минусы недавнего приобретения, сошлись на том, что такая редкая находка, как Линг, достаточно ценна сама по себе и не нуждается в потусторонних излишествах.

— Полагаю, наш горемычный призрак где-то без толку хлопает крылышками оттого, что в нем нет надобности, — заключила в конце концов Мэри.

— Или же оттого, — со смехом подхватил Нед, — что в доме, где и без него столько всего призрачного, выделиться в самостоятельного призрака ему просто не светит.

Так незримый жилец незаметно исчез из списка достоинств нового жилища, и о нем больше не вспоминали.

Однако сегодня предмет их былого любопытства ожил в мыслях Мэри, а вместе с ним пришло и новое его осмысление. Ежедневное общение с местом, хранящим тайну, не прошло для нее даром. Вне всякого сомнения, сам дом обладал способностью видеть призраков и перекликаться таким образом с собственным прошлым; и при тесном общении с домом, вероятно, можно было разгадать его секрет и перенять эту способность. Не исключено, что именно в этой самой комнате, куда до сегодняшнего дня она едва заглядывала, Нед уже приобрел недостающий навык и молча страдал под грузом открывшегося ему понимания. Мэри неплохо разбиралась в неписаных законах потустороннего мира и знала, что об увиденных привидениях не говорят: это считалось таким же дурным тоном, как упоминать имена дам в джентльменском клубе. И все же полностью подобное объяснение не удовлетворяло. «Зачем бы он стал умалчивать о каком-то дряхлом привидении? Чтобы шутки ради меня напугать?» — подумала она и тут же осознала несуразность собственного предположения: негласные правила потустороннего мира тут ни при чем, ведь призрака Линга сразу не распознать.

«Понимаешь только впоследствии, спустя дол-

гое время», — сказала Алида Стэйр. Что, если Нед все-таки увидел привидение, когда они въехали, а понял это лишь на прошлой неделе?.. Все больше поддаваясь чарам сумеречного часа, Мэри силилась вспомнить их первые дни после переезда, но в голове всплывала лишь веселая суматоха: как они распаковывали вещи, как расставляли все по местам, сортировали книги, окликая друг друга из дальних уголков дома, обнаруживая сокровище за сокровищем. И тут ей вспомнился один случай в прошлом октябре. В тот полдень, когда восторги по поводу первых открытий улеглись, она перешла к более тщательному осмотру дома и, подобно героине романа, случайно обнаружила в стене дверь, за которой начиналась винтовая лестница, ведущая на плоский выступ крыши. Снизу крыша представлялась слишком покатой, чтобы на ней мог стоять необученный человек.

Из этого укромного уголка открывался завораживающий вид, и Мэри спустилась в библиотеку, чтобы оторвать Неда от бумаг и показать ему свое открытие. Она помнила, как они стояли рядом: муж обнимал ее за плечи, их взгляды устремились сначала вдаль, к очертаниям холмов на горизонте, а затем вниз, на причудливый узор тисовых изгородей вокруг пруда и тень кедра на

лужайке.

— А теперь поглядим в другую сторону.

Муж развернул ее, не выпуская из объятий; она прижалась к нему спиной и с наслаждением вбирала в себя картину двора в окружении серых стен, сидящих на воротах каменных львов и липовую аллею, тянущуюся до самого шоссе у холмов.

Именно тогда, стоя на крыше и глядя вдаль, Мэри почувствовала, как обнимавшие ее руки разжались, и услышала резкое «Эй!», заставившее обернуться на мужа.

Да, теперь она отчетливо помнила, как по его лицу промелькнула тень то ли беспокойства, то ли растерянности. Проследив за его взглядом, она увидела фигуру — как ей показалось, мужчины в мешковатой серой одежде; тот шел по липовой аллее к дому неуверенной походкой человека, ищущего дорогу. Хотя из-за близорукости она лишь смутно разглядела серую накидку, нечеткий силуэт выглядел каким-то нездешним, во всяком случае не местным. Муж, очевидно, увидел больше, ибо шмыгнул мимо нее с поспешным криком «Подождите!» и бросился вниз по лестнице, даже не задержавшись, чтобы подать ей руку.

Памятуя о своей предрасположенности к головокружению, Мэри на мгновение задержалась у дымовой трубы, на которую они только что опирались, затем осторожно последовала за Недом. Дойдя до лестницы, она, сама не зная почему, вновь остановилась и, перегнувшись через перила, пристально вгляделась в затемненную, перемежавшуюся солнечными бликами тишину дома. Она стояла там до тех пор, пока звук закрывшейся внизу двери не заставил ее очнуться и спуститься по ступеням.

Прихожая пустовала, через настежь распахнутую входную дверь из сада лился солнечный свет. Дверь в библиотеку тоже была открыта, и, постояв какое-то время, тщетно прислушиваясь к звукам внутри, Мэри шагнула через порог и увидела мужа, который рассеянно перебирал на столе бумаги.

В его лице не осталось и следа былой тревоги; Нед выглядел спокойным, даже посвежевшим.

— Что произошло? Кто это был? — спросила она.

— Ты о ком? — переспросил он.

— О человеке, который шел к дому.

Нед задумался, припоминая.

— Человек?.. А я думал, это Питерс; хотел до-

гнать его и расспросить про стоки в конюшне, но он куда-то исчез.

— Исчез? Странно, сверху казалось, что он шел очень медленно…

— И мне так показалось, — пожал плечами Бойн. — Видимо, потом он припустил. Как думаешь, мы еще успеем забраться на Мелдон-Стип до заката?

Вот и все. Тогда она не придала эпизоду значения и забыла мгновенно, едва им открылся чудесный вид с холма — они мечтали подняться туда с тех самых пор, как впервые увидели над крышей Линга одинокую вершину. Разумеется, их первое покорение Мелдон-Стип, совпав со странным происшествием, затмило его и отодвинуло в глубины памяти, где и оставалось до сегодняшнего дня. Не было ничего подозрительного или зловещего в том, что Нед устремился вдогонку за неуловимым подрядчиком. В то время они постоянно подкарауливали того или иного мастера, которого забрасывали при каждом удобном случае вопросами, упреками или напоминаниями. К тому же серая фигура вдалеке, безусловно, напоминала Питерса.

Теперь, вспомнив тот день и тревогу на лице мужа, Мэри осознала, что его объяснение звучало

неубедительно. Если он принял человека за Питерса, то отчего так перепугался? И отчего, раз уж так срочно требовалось посоветоваться по поводу стоков в конюшне, исчезновение подрядчика вызвало такое облегчение? Мэри не помнила, чтобы в то время задавалась этими вопросами, однако готовность, с которой они всплыли в сознании сейчас, не оставляла сомнений: они давно поселились в голове и лишь ждали своего часа.

II

Устав от непрошеных мыслей, она подошла к окну. Библиотека окончательно погрузилась во тьму, но, к удивлению Мэри, снаружи все еще сохранялся слабый свет.

Пока она вглядывалась в сгущавшиеся сумерки, вдалеке, среди облетевших лип, замаячила фигура. Вернее, из общей серости выделилось темное пятно, которое приближалось к дому. Ее сердце екнуло в такт мысли: «Призрак!»

Мэри почудилось, что человек, которого два месяца назад она едва разглядела с крыши, теперь, в предначертанный час, окажется вовсе не Питерсом; в одно мгновение ее захлестнул страх перед предстоящим разоблачением. Однако уже со следующим ударом сердца расплывчатый

силуэт принял черты, в которых она, даже с ее слабым зрением, однозначно узнала мужа; Мэри поспешила навстречу с готовым признанием в собственной мнительности на устах.

— Ужасно глупо, — смеясь, заговорила она, — но я постоянно забываю!

— Забываешь? О чем? — спросил, подходя к жене, Бойн.

— Что призрака Линга при встрече не распознать!

Ее рука легла ему на рукав; он не отдернул руку, но ни в позе его, ни на встревоженном лице не последовало ответной реакции.

— Думаешь, ты видела привидение? — не сразу спросил он.

— Ты не поверишь, дорогой! Я так себя накрутила, что приняла за него тебя!

— Меня? Вот сейчас? — Он опустил руку и отвернулся, добавив шутливым тоном: — Право, дорогая, сколько можно? Давно пора выбросить эти глупости из головы.

— Ты прав, уже выбросила… А ты? — резко повернув голову, спросила она.

Вошла прислуга с лампой и письмами. Нед склонился над подносом, и лампа осветила его лицо.

— А ты?! — настойчиво повторила Мэри, когда служанка вышла.

— Что я? — рассеянно переспросил он, перебирая письма; в свете лампы четко обозначилась тревожная складка на лбу.

— Оставил попытки встретиться с привидением? — Она затаила дыхание в ожидании ответа.

Отложив письма в сторону, Нед отошел в тень за камином.

— Я никогда и не пытался, — наконец сказал он, распечатывая конверт с газетой.

— И правильно, — не отступала Мэри, — ведь это бесполезно: понимаешь, что видел, лишь впоследствии, спустя время.

Нед развернул газету, будто и не слышал слов жены; с минуту он расправлял шуршащие страницы, после чего спросил:

— А ты, часом, не знаешь, сколько должно пройти времени?

Мэри опустилась в низкое кресло у камина и с интересом вгляделась в профиль мужа, вырисовывавшийся в свете лампы.

— Нет, понятия не имею. А ты? — настойчиво повторила она свой прежний вопрос.

Муж смял газету и невольно опять повернулся к свету.

— Господи, да откуда?! — воскликнул он и с легким налетом раздражения пояснил: — Я имел в виду, нет ли на этот счет какой легенды или поверья?

— Не знаю, — сказала Мэри и хотела добавить: «А почему ты спрашиваешь?», но тут воротилась служанка, неся чай и еще одну лампу.

Тени рассеялись; переключив внимание на повседневные заботы, Мэри немного отвлеклась от гнетущих предчувствий, которые изводили ее весь вечер. Она давала распоряжения прислуге, наливала чай, а когда вновь взглянула на мужа, была поражена переменой в его лице. Он сидел под лампой, погруженный в чтение писем, и то ли их содержание, то ли смена ракурса, с которого она смотрела, вернули лицу его привычное выражение. Чем дольше она вглядывалась, тем явственнее проступала разница: тревожные складки на лбу разгладились, страх исчез, а следы усталости указывали лишь на напряжение, типичное для того, кто постоянно занят умственным трудом.

Словно почувствовав на себе ее взгляд, Нед поднял голову и улыбнулся.

— До смерти хочется чаю! — сказал он. — Тут, кстати, и для тебя есть письмо.

Мэри передала ему чашку и взяла письмо; вернувшись в кресло, она вскрыла конверт с равнодушием адресата, которого по-настоящему интересовал лишь сидевший рядом человек.

Внезапно она вскочила, уронив конверт на пол, и протянула мужу вырезку из газеты.

— Что это, Нед?! Что это значит?

Тот уже стоял на ногах, будто услышал ее до того, как она вскрикнула; какое-то время они молча смотрели друг на друга, словно противники, на расстоянии взвешивающие свои преимущества.

— Ты о чем? Аж испугала меня! — наконец сказал Бойн, шагнув к ней из-за стола с нервным, сдавленным смешком.

Лицо мужа вновь исказила тревога — не застывшее выражение страха, а настороженность мечущихся глаз и губ, как у человека, со всех сторон окруженного незримыми врагами.

Дрожащей рукой она отдала ему вырезку.

— Это статья из «Вестей Уокеши»[20]. Некто по имени Элвелл подал на тебя в суд… в связи с шахтой «Голубая звезда». Я тут и половины не понимаю.

Они продолжали сверлить друг друга глазами,

---

[20] Примечания: 20
Город в штате Висконсин, США.

и, к ее удивлению, затравленное выражение на лице мужа при этих словах сменилось облегчением.

— Так вот в чем дело! — Нед сложил вырезку привычным жестом, как складывал любую ничего не значащую бумагу. — Да что с тобой сегодня, Мэри? Я испугался, что ты и вправду получила дурные новости.

Его уверенный тон действовал успокаивающе; Мэри почувствовала, как накативший безотчетный ужас ослабевает.

— Так ты знал? И не беспокоился?

— Конечно, знал. И не беспокоился.

— Тогда о чем тут речь? Я не понимаю. В чем тебя обвиняют?

— Во всех мыслимых и немыслимых грехах. — Нед бросил вырезку на пол и опустился в кресло у камина. — Тебя интересуют подробности? Банальная ссора из-за прибыли от «Голубой звезды».

— Но кто такой Элвелл? Имя мне ни о чем не говорит.

— Один малый, которого я привлек к делу. Я тебе о нем в свое время рассказывал.

— Правда? Я, должно быть, забыла… — Мэри тщетно напрягала память. — И если ты ему по-

мог, почему же он подал на тебя в суд?

— Наверняка связался с каким-нибудь мошенником-адвокатом, который его и науськал. Не стоит вдаваться во все эти передряги. Я всегда думал, что разговоры о делах тебя утомляют.

Мэри стало совестно. В принципе, она не одобряла привычную для американских жен отстраненность от профессиональных дел мужа, однако на практике с трудом вникала в рассказы Бойна о его многочисленных сделках. Кроме того, за время их вынужденного изгнания она еще больше уверилась в том, что в обществе, где качество жизни напрямую зависит от постоянных усилий мужа на трудовом поприще, любой выпадающий им досуг следует использовать как бегство от рутинных хлопот к той жизни, о которой они всегда мечтали. С тех пор как они оказались внутри воображаемого магического круга и обрели наконец желанный покой, Мэри раз-другой задумывалась, правильно ли поступала, но до сего дня подобные сомнения посещали ее нечасто и лишь как экскурсы буйной фантазии в прошлое. Теперь же она впервые с удивлением обнаружила, как мало знает о том материальном фундаменте, на котором зиждется ее счастье.

Безмятежный вид мужа внушал спокойствие.

Однако для полной уверенности ей требовались более веские основания.

— Разве судебная тяжба тебя не заботит? Почему ты никогда о ней не упоминал?

Муж ответил сразу на оба вопроса.

— Я о ней не упоминал, потому что дело меня действительно беспокоило, вернее, раздражало. Но теперь все в прошлом. Тебе, скорее всего, прислали устаревший номер «Вестей».

У нее мгновенно отлегло от сердца.

— Ты хочешь сказать, дело закрыто? Тот человек проиграл?

Бойн едва заметно помедлил с ответом.

— Иск отозван — вот и все.

Мэри продолжала упорствовать, словно желая оправдать саму себя за то, что ее так легко выбить из колеи.

— Отозван потому, что истец понял, что у него нет шансов?

— О, ни малейших! — ответил Бойн.

Ее не оставляли смутные опасения.

— Когда был отозван иск?

Нед ответил не сразу, будто к нему вернулась прежняя неуверенность.

— Я получил известие только что, но я его ожидал.

— Только что? В одном из твоих писем?

— Да, в одном из писем.

Мэри замолчала и даже не заметила, как муж встал, пересек комнату и сел рядом. Она ощутила его тепло, только когда он обнял ее и стиснул ее пальцы в своих; медленно повернувшись, она встретила его ласковый взгляд.

— Все хорошо… Все хорошо? — прошептала она сквозь пелену рассеивающихся сомнений.

— Клянусь, никогда не бывало хорошее! — смеясь, заверил муж и прижал ее к себе.

III

Из всех воспоминаний о следующем дне самым удивительным казалось то, насколько быстро к ней вернулось чувство полнейшей безмятежности.

Оно витало в сумраке спальни с низким потолком, когда она проснулась, сошло вместе с ней к завтраку, потрескивало в пламени камина, отражалось от стенок кувшина и изгибов старинного чайника. Каким-то необъяснимым образом смутные страхи, мучившие ее накануне, особенно после получения газетной вырезки, все мрачные сомнения относительно будущего и тревожащие мысли о прошлом — будто бы разом погасили

долг по довлеющему над ней моральному обязательству. Если она и не вникала в дела мужа, то лишь потому, что полностью доверяла супругу, и это доверие оправдывало подобную беспечность. Когда нависла опасность и возникли подозрения, муж доказал, что заслужил ее доверие: она еще ни разу не видела его более невозмутимым и уверенным в себе, чем после перекрестного допроса, который ему устроила. Муж словно догадался о ее сомнениях и хотел рассеять их не меньше жены.

И те, слава богу, рассеялись, как тучи. Когда Мэри вышла в сад на свой ежедневный обход, небо было по-летнему ярко-голубым. Нед остался в библиотеке, куда Мэри, проходя мимо, не преминула заглянуть, чтобы полюбоваться на спокойное лицо склонившегося над письмами мужа. Она занялась утренними делами, которые в погожие зимние дни включали заботу о разных уголках их владений почти так же, как если бы на дворе стояла весна. Перед ней открывалось несметное количество возможностей проявить потаенные сокровища этого старого жилища, не нарушая присущей ему гармонии, и зима казалась слишком короткой, чтобы спланировать все, что предстояло сделать весной и осенью. А вновь обретенное чувство безмятежности придало про-

гулке по саду в тот день особое очарование.

Сначала она отправилась в огород, где растянутые на шпалерах ветви груш отбрасывали на стены замысловатые тени, а голуби хлопали крыльями и ворковали над серебристой крышей голубятни. В трубах теплицы что-то поломалось; из Дорчестера должен был приехать специалист и дать заключение по бойлеру. Погрузившись во влажную духоту и пряные ароматы оранжереи, в алые и розовые оттенки старомодных экзотических растений — в Линге даже флора была в тон эпохе! — Мэри обнаружила, что мастер еще не прибыл, и, не желая в такой день оставаться внутри, снова вышла и зашагала через лужайку для игры в шары к саду за домом. Поодаль высилась заросшая травой терраса, откуда через пруд и тисовые изгороди открывался вид на удлиненный фасад дома с его витыми печными трубами и синими эркерами.

В позолоченном воздухе распахнутые окна и уютно дымящиеся трубы создавали ощущение человеческого тепла, некоего разума, постепенно созревшего на залитой солнцем стене пережитого опыта. Никогда прежде Мэри не испытывала такого единения с домом, такой уверенности в том, что он не таит в себе зла и не раскрывает сво-

их тайн, как говорят детям, «исключительно для их же собственного блага»; она преисполнилась доверия к тому, что дом способен соткать для них с Недом гармоничный узор из солнечных лучей длиною в жизнь.

Мэри услышала за спиной шаги и обернулась, ожидая увидеть садовника с инженером из Дорчестера, однако к ней подходил худощавый молодой человек, который совершенно не соответствовал ее представлениям о специалисте по бойлерам. Незнакомец приподнял шляпу и остановился на почтительном расстоянии с видом путешественника, извиняющегося за невольное вторжение. В Линг изредка наведывались просвещенные туристы, поэтому Мэри почти не сомневалась, что он вот-вот попросит сфотографировать дом. Однако ни фотоаппарата, ни намерения достать его не последовало. Посетитель продолжал стоять с учтивой нерешительностью, и тогда она вежливо спросила:

— Вы кого-то ищете?

— Я пришел к мистеру Бойну, — ответил тот.

Не столько произношение, сколько интонация выдавала в нем американца. Края мягкой фетровой шляпы отбрасывали тень на моложавое лицо, и Мэри с ее близорукостью разглядела лишь

серьезное выражение человека, прибывшего по делу и хорошо осведомленного о своих правах.

Опыт прошлых лет научил ее бдительно относиться к подобным визитам; в то же время, ревниво оберегая утренние часы мужа, она колебалась, стоит ли его беспокоить.

— Он назначил вам встречу?

Посетитель, явно не готовый к такому вопросу, замялся в нерешительности.

— Думаю, он меня ожидает.

Ответ изрядно озадачил Мэри.

— Видите ли, по утрам он обычно работает и никого не принимает.

С минуту человек смотрел на нее, ничего не говоря; затем, будто смирившись с ее решением, развернулся и пошел прочь. При этом Мэри заметила, как он, чуть замедлив шаг, окинул взглядом гостеприимный фасад дома. Весь его облик выражал усталость и досаду — то было разочарование человека, проделавшего долгий путь и не имевшего возможности заглянуть позже. Ей пришло на ум, что предпринятая им поездка может оказаться напрасной, и она в порыве раскаяния устремилась за ним.

— Позвольте узнать, вы прибыли издалека?

Посетитель бросил на нее угрюмый взгляд.

— О да, издалека.

— В таком случае пройдите в дом; вполне возможно, что муж вас примет. Он в библиотеке.

Мэри сама не поняла, зачем добавила последние слова — разве что из-за смутного желания загладить свою неприветливость. Не успел незнакомец ее поблагодарить, как она заметила садовника, подходившего с незнакомым джентльменом — судя по всему, тем самым экспертом из Дорчестера.

— Вход вон там, — махнула она в направлении дома и тотчас забыла о посетителе, всецело переключив внимание на специалиста по бойлерам.

Неполадки оказались настолько серьезными, что мастер счел целесообразным задержаться и пропустить свой поезд, а Мэри на весь остаток утра с головой ушла в обсуждение проблем с теплицей. Лишь к концу разговора она с удивлением заметила, что настало время обеда, и поспешила обратно в дом, почти уверенная, что Нед уже идет ей навстречу. Однако во дворе, кроме помощника садовника, разравнивавшего гравий, никого не было, да и в самом доме стояла тишина. Муж, похоже, все еще работал.

Не желая его беспокоить, Мэри прошла в гостиную и, присев у секретера, стала подсчитывать

издержки, упомянутые в ходе утреннего обсуждения. Было приятно сознавать, что она может позволить себе подобную прихоть. К тому же на фоне недавних тревог это занятие вселяло уверенность, что все наладилось и, как сказал муж, никогда не бывало «хорошее».

Пока она увлеченно забавлялась с цифрами, на пороге возникла служанка с вопросом, не пора ли накрывать на стол. Они с мужем любили шутить, что Тримл звала к обеду так, словно разглашала государственную тайну. Погруженная в записи, Мэри рассеянно кивнула в ответ.

Служанка потопталась на месте, словно обиженная таким безучастным согласием, но вскоре ее шаги затихли в коридоре, и Мэри, отодвинув бумаги, наконец встала, пересекла холл и направилась в библиотеку. Дверь была закрыта, поэтому она чуть замешкалась, решая, что лучше: побеспокоить мужа или не дать ему перетрудиться. Когда же в холл вернулась Тримл и объявила, что обед подан, Мэри отбросила прочь сомнения и открыла дверь.

Неда за столом не оказалось. Она поискала глазами, ожидая увидеть его у книжных полок. До ее сознания не сразу дошло, что в библиотеке никого нет.

— Мистер Бойн, вероятно, наверху, — обратилась она к прислуге. — Будьте добры, сообщите ему, что обед готов.

Тримл застыла в нерешительности, колеблясь между обязанностью подчиниться и явной несуразностью поручения. В конце концов она отважилась:

— Прошу простить, мэм, но мистер Бойн не наверху.

— Разве он не у себя? Вы уверены?

— Совершенно уверена, мэм.

Мэри взглянула на часы.

— А где же он?

— Он вышел, — сообщила горничная с удовлетворенным видом человека, почтительно дождавшегося вопроса, который логичнее следовало бы задать с самого начала.

Значит, ее догадка была верна и Нед пошел ей навстречу. Поскольку они разминулись, он, скорее всего, выбрал кратчайший путь через южный выход, а не в обход через двор. Мэри направилась через холл к застекленной двери, ведущей в тисовый сад, но служанка, после очередного мимолетного колебания, остановила госпожу:

— Прошу прощения, мэм, мистер Бойн в сад не выходил.

Мэри повернулась к ней.

— Куда же он пошел? И когда?!

— Он вышел через парадную дверь на аллею, мэм.

Тримл принципиально не отвечала больше чем на один вопрос за раз.

— На аллею? В такое время?

Мэри подошла к двери и выглянула во двор — туннель из голых лип был так же пуст, как и прежде.

— И мистер Бойн ничего не просил передать?

Тримл, видимо, сдалась и перестала сопротивляться воцарившемуся хаосу.

— Нет, мэм, просто ушел с тем джентльменом.

— С каким джентльменом? — Мэри резко обернулась.

— С тем, что к нему приходил, — терпеливо объяснила служанка.

— К нему приходил джентльмен? Когда? Объясните же толком, Тримл!

Не будь Мэри так голодна и не гори таким желанием срочно посоветоваться с мужем по поводу теплиц, она ни за что не выказала бы подобного раздражения прислуге; и даже сейчас она владела собой настолько, что сразу заметила в глазах Тримл оскорбленное выражение послушной под-

чиненной, с которой обошлись несправедливо.

— Не могу сказать точно, в котором часу, мэм, потому как я его не впускала, — ответила та, деликатно оставляя без внимания непоследовательность госпожи.

— Не впускали?

— Нет, мэм. Я одевалась, когда прозвенел колокольчик, поэтому Агнес…

— Так узнайте у Агнес!

Служанка сохраняла вид терпеливого достоинства.

— Агнес спрашивать бесполезно, мэм, поскольку она обожглась, когда подрезала фитиль у новой лампы, доставленной из города… — Мэри знала, что Тримл не одобряла новых ламп. — Так что миссис Докетт послала судомойку.

Мэри еще раз сверилась с часами.

— Уже третий час! Пойдите и спросите у судомойки, не просил ли мистер Бойн что-либо передать.

Она без промедления отправилась в столовую, куда служанка вскоре доставила ей ответы: дескать, джентльмен приходил около одиннадцати, и мистер Бойн ничего не передавал. Имени посетителя судомойка не знала, так как он написал его на листочке и отдал ей в сложенном виде,

требуя немедля отнести мистеру Бойну.

Обедая в одиночестве, Мэри пребывала в растерянности, а когда подали кофе в гостиной, почувствовала первые признаки беспокойства. Нед не имел обыкновения отлучаться без предупреждения, тем более в столь неурочный час. Его загадочное исчезновение тревожило еще и тем, что ей никак не удавалось установить личность посетителя, которому муж почему-то подчинился. Опыт жены очень занятого инженера научил Мэри по-философски относиться к неожиданным визитам и внеурочным часам, однако с тех пор, как муж отошел от дел, в их жизни утвердился чуть ли не бенедиктинский распорядок. Нед словно хотел наверстать упущенное, восполнить потраченные на суету годы с их обедами на ходу и ужинами в грохочущих вагонах-ресторанах и соблюдал пунктуальность и монотонность даже в самых мелочах, не одобряя спонтанности жены и заявляя, что утонченный вкус способен находить безграничное удовольствие в привычной размеренности.

После некоторых раздумий Мэри сочла, что муж решил избавиться от навязчивого визитера, проводив того до станции или хотя бы до полпути. Придя к такому заключению, она немного

успокоилась, переговорила с садовником, а потом отправилась пешком на почту; до деревни было около мили, и, когда она повернула домой, уже начали сгущаться сумерки.

Она шла по тропе вдоль холмов и, видимо, разминулась с Недом, который, наверное, возвращался от станции по шоссе. Она была уверена, что он придет первым, — уверена настолько, что, войдя в дом, не стала расспрашивать Тримл, а прямиком направилась в библиотеку. Однако библиотека по-прежнему пустовала. Мэри, которая обычно хорошо запоминала увиденное, сразу заметила, что бумаги на столе мужа лежали точно так же, как до обеда.

Внезапно ее охватил страх перед неизвестностью. Закрыв за собой дверь, она застыла на пороге молчаливой комнаты; ей казалось, что сам ужас обрел форму и дышал, затаившись среди причудливых теней. Она напрягала зрение, почти различая чье-то отстраненное присутствие и чувствуя, как за ней наблюдают. Отшатнувшись от этой неосязаемой угрозы, Мэри нащупала колокольчик и резко дернула за веревку.

Тримл не замедлила явиться с лампой в руке.

— Можете нести чай, если мистер Бойн дома.

— Слушаюсь, мэм. Только мистер Бойн не до-

ма, — отозвалась служанка, ставя лампу.

— Не дома? Он приходил и снова ушел?

— Нет, мэм, он не возвращался.

На этот раз страх вцепился в нее когтями и больше не отпускал.

— С тех пор как ушел с тем… джентльменом?

— С тех пор как ушел с тем джентльменом.

— Но кто же он? — В голосе Мэри прозвучали визгливые нотки, как у человека, пытающегося перекричать гам.

— Не могу сказать, мэм.

В свете лампы обычно цветущая и румяная Тримл выглядела осунувшейся, словно и ее охватили дурные предчувствия.

— Но судомойка-то должна знать, разве не она впустила его в дом?

— Она тоже не знает, мэм, потому что он написал имя на клочке бумаги.

Несмотря на волнение, Мэри подметила, что обе они перестали называть незнакомца джентльменом, что до сих пор удерживало их разговор в рамках приличий, и перешли на неопределенное местоимение. И одновременно ее пронзила мысль о сложенном листочке.

— Должно же у него быть имя! Где та записка?

Она принялась шарить среди разбросанных на

столе бумаг, и ее взгляд упал на незаконченное письмо, написанное мужем, поперек которого лежала ручка, будто писавшего внезапно прервали.

«Дорогой Парвис… — Что еще за Парвис? — Я только что получил ваше сообщение о смерти Элвелла, и хотя, похоже, опасность миновала, думаю, будет осмотрительнее…»

Мэри отбросила листок и продолжила поиски; однако среди беспорядочного вороха бумаг и рукописей никакой сложенной записки не нашлось.

— Так ведь судомойка его видела! Пошлите за ней, — велела она, удивляясь, что не сразу додумалась до такого простого решения.

Тримл мгновенно исчезла, будто ей не терпелось поскорее убраться из комнаты. К тому времени, когда она появилась вновь, ведя за собой смущенную девушку, Мэри взяла себя в руки и заготовила вопросы.

Джентльмен был незнакомый — да, да, понятно, но что он сказал? И самое главное — как выглядел? С первым вопросом разобрались быстро, потому что говорил он мало: всего лишь спросил мистера Бойна и, черкнув что-то на листочке, потребовал незамедлительно передать

послание.

— Так ты не знаешь, что было в записке? Ты не уверена, что он написал свое имя?

Судомойка уверена не была, а про имя подумала, потому что перед тем спросила, как о нем доложить.

— А когда ты отдала записку мистеру Бойну, что тот сказал?

Вроде бы мистер Бойн ничего не говорил, хотя точно она не помнит, поскольку вручила ему записку, а пока он ее разворачивал, посетитель уже перешагнул порог, и она поскорее вышла, оставив джентльменов в библиотеке.

— Если ты оставила их в библиотеке, с чего ты взяла, что они вышли?

Допрос вызвал у свидетельницы такой конфуз, что потребовалось вмешательство Тримл: виртуозно задавая наводящие вопросы, она добилась признания, что, не успев пересечь холл, девушка услышала за собой голоса джентльменов и обернулась как раз тогда, когда те выходили из дома.

— Ну хорошо, раз ты дважды видела незнакомого джентльмена, ты же можешь описать, как он выглядел?

Задача оказалась не по силам девушке, чья способность облекать мысли в слова, очевидно,

достигла своего предела. Уже одно то, что ее заставили встречать гостя у парадной двери, настолько противоречило установленному порядку вещей, что выбило бедняжку из колеи, и теперь она, после немалых усилий, смогла лишь пробормотать:

— Шляпа у него, мэм, была какая-то не такая…

— Что значит «не такая»? Какая же?! — выпалила Мэри и тотчас припомнила увиденный утром образ. — Ты хочешь сказать, с широкими полями, и лицо бледное… моложавое?..

Побелевшими губами Мэри продолжала допрашивать прислугу, ответы которой, даже если и были вразумительными, смелись бурным потоком собственных догадок хозяйки дома. Незнакомец — незнакомец в саду! Как же она не подумала о нем раньше? Она больше не нуждалась ни в чьем описании: она знала, как выглядел человек, который приходил к ее мужу и увел его. Но кто он и почему Нед его послушался?

IV

Без всякой причины, словно чья-то зловещая ухмылка из темноты, на Мэри нахлынуло воспоминание о том, какой маленькой казалась им Англия — как часто они шутили, что «в такой

стране чертовски трудно потеряться».

«Чертовски трудно потеряться!» — говаривал Нед. Теперь же, когда страну прочесывали с фонарями от побережья до побережья, а официальный розыск перекинулся даже через проливы, теперь, когда имя Бойна красовалось на стенах городов и деревень, а портреты его — какое мучение! — разошлись по всей стране, будто он был опасным преступником, теперь этот компактный, густо заселенный и так тщательно охраняемый, учтенный и упорядоченный остров показал себя сфинксом, который скрывает ужасные тайны и глядит в страдальческие глаза несчастной жены, злорадствуя, что знает нечто, о чем другим неведомо!

Со дня исчезновения Бойна прошли две недели, а о нем по-прежнему не было ни слуху ни духу. Не поступало даже обычных ложных сообщений, которые неизменно пробуждают в истерзанных душах надежду. Никто, кроме судомойки, не видел, как хозяин покинул дом, никто не видел сопровождавшего его «джентльмена». Расспросы в окрестностях Линга тоже ничего не дали: никто не припомнил чужака. И никто не встречал Эдварда Бойна — ни одного, ни в компании — в близлежащих деревнях, на дорогах и железно-

дорожных станциях. Солнечный английский полдень, словно непроглядная киммерийская ночь, поглотил его без следа.

Пока официальные инстанции вели напряженное расследование, Мэри перебрала все бумаги мужа в поисках каких-либо намеков на предшествующие затруднения или неисполненные обязательства, которые могли бы пролить свет на его внезапное исчезновение. Увы! Если у Бойна и имелись какие-то секреты, они канули в никуда подобно клочку бумаги с именем посетителя. У нее не осталось никаких путеводных нитей, за исключением — если это действительно было исключением — письма мужа, за которым, видимо, и застал его загадочный визитер. Однако того письма, многократно перечитанного и в конце концов отданного полиции, было недостаточно, чтобы строить какие-то предположения.

«Я только что получил ваше сообщение о смерти Элвелла, и хотя, похоже, опасность миновала, думаю, будет осмотрительнее…» И все. «Опасность» легко объяснялась газетной вырезкой, из которой Мэри узнала об иске против ее мужа, поданном одним из акционеров «Голубой звезды». Письмо проливало свет лишь на тот факт, что, несмотря на заверения мужа об от-

зыве иска и подтверждение смерти истца, он все еще опасался последствий разбирательства. Несколько дней Мэри по телеграфу разыскивала Парвиса, которому было адресовано письмо, но даже после выяснения, что адресат — адвокат из Уокеши, никаких новых сведений по иску Элвелла обнаружить не удалось. Парвис не принимал непосредственного участия в деле и был в курсе событий лишь как знакомый и как потенциальный посредник. Более того, он заверил, что понятия не имеет, какого рода помощь могла понадобиться Бойну.

Последующие долгие недели ничего не добавили к этому безуспешному результату. Хотя расследование продолжалось, Мэри не чувствовала в поисках былого рвения, и даже ход времени, казалось, замедлился. Как будто первые дни в ужасе бросились наутек от того кошмарного полудня, но по мере удаления от него постепенно успокаивались, пока наконец не потекли в обычном темпе. Нечто подобное происходило и с людьми: о деле не забыли, но с каждым днем, с каждым часом оно занимало умы все меньше, ему отводили все меньше места и неизбежно переключали внимание на новые проблемы, непрерывно всплывающие в бурлящем котле

человеческих переживаний.

Притупилось и горе самой Мэри Бойн. Сознание все еще металось от одного предположения к другому, но колебания эти замедлились, стали ритмичнее. Время от времени брала верх усталость, и тогда Мэри, словно под действием яда, парализующего тело, но не затрагивающего разум, осознавала, что смирилась с ужасом, с его постоянным присутствием как с неотъемлемой частью жизни. Такое состояние растягивалось на часы и даже дни, пока не завладело ею окончательно. Она наблюдала за каждодневными хлопотами равнодушным взором дикаря, которого не впечатляют бессмысленные процессы цивилизации. Она воспринимала и себя частью рутины, зубцом шестеренки, безвольно вращавшимся по кругу, почти считала себя неодушевленным предметом, с которого нужно смахивать пыль и двигать вместе со столами и стульями. Несмотря на уговоры друзей и рекомендации врачей «сменить обстановку», апатия удерживала Мэри в Линге. Друзья полагали, что причиной ее отказа была надежда на возвращение мужа в то место, откуда он исчез, и об этой воображаемой верности начали слагать легенды. Однако в действительности она не питала на этот счет никаких иллюзий:

в поглотившую ее пропасть страданий больше не проникал луч надежды. Она знала, что Бойна не вернуть, что он ушел из ее жизни так же безвозвратно, как если бы в тот день на пороге его поджидала сама смерть. Со временем Мэри отвергла все теории по поводу таинственного исчезновения, появлявшиеся в прессе, у полиции, в собственном истерзанном воображении. В ее обессилившем разуме не осталось места для иных версий трагедии, кроме простого факта, что мужа больше нет.

Нет, ни она, ни кто-либо другой так и не узнали, что с ним стало. Знал только дом — и знала библиотека, где Мэри коротала долгие одинокие вечера. Именно здесь состоялся последний акт, именно сюда вошел незнакомец и произнес те слова, что заставили Бойна встать и последовать за ним. Пол, по которому она ступала, помнил его шаги; книги на полках видели его лицо; порой даже мрачные стены, казалось, были готовы вот-вот заговорить. Однако тайна осталась неразгаданной, и не было смысла ждать разгадки. Линг был не из тех жилищ, что разбалтывают доверенные им секреты. Сама его репутация свидетельствовала о том, что он всегда был немым соучастником событий и неподкупным хранителем тайн. И

Мэри Бойн, оставшись один на один с домом, как никто понимала, что никакими доступными человеку средствами не сможет заставить его нарушить молчание.

V

— Я не говорю, что он совершил бесчестный поступок, хотя и честным его тоже не назовешь. Обычный бизнес.

При этих словах Мэри вздрогнула и подняла глаза на собеседника.

Получасом ранее ей принесли карточку с надписью «мистер Парвис», и стало ясно, что это имя не покидало ее подсознание с тех самых пор, как она впервые прочла его в незаконченном письме Бойна. В библиотеке ее поджидал невысокий тщедушный мужчина с лысиной и в золотых очках. При виде человека, к которому была обращена последняя мысль мужа, ей стало не по себе.

Парвис изложил цель своего визита учтиво, но без лишних предисловий — посетитель явно не привык терять времени даром. Адвокат «заглянул» в Англию по делу и, будучи проездом в Дорсетшире, не мог не проведать миссис Бойн и не спросить, если представится случай, о ее намерениях касательно семейства Боба Элвелла.

От этих слов в душе Мэри зародился смутный страх. Значит, ему все же известен смысл той незаконченной фразы из письма? Вопрос заметно удивил гостя, только теперь обнаружившего степень ее неосведомленности. Неужели она и вправду так мало знает о деле?

— Я ничего не знаю и… прошу вас рассказать, — смущенно ответила она.

И посетитель пустился в объяснения. Впервые перед Мэри, имеющей самые туманные представления о занятиях мужа, во всей неприглядности предстала история с шахтой «Голубая звезда».

Нед Бойн разбогател за счет ловко провернутой биржевой махинации, «обставив» менее расторопного компаньона — молодого Роберта Элвелла, который в свое время и привлек Бойна к затее с «Голубой звездой».

Мэри вскрикнула, и Парвис наградил ее урезонивающим взглядом поверх равнодушно блеснувших очков.

— Бобу Элвеллу попросту не хватило ума; будь он попроворнее, точно так же обошел бы Бойна. В бизнесе такое происходит сплошь и рядом. Естественный отбор, как говорят ученые, понимаете? — добавил мистер Парвис, очень довольный удачно подобранной аналогией.

Мэри буквально съежилась, собираясь задать следующий вопрос; от слов, готовых слететь с губ, накатывала тошнота.

— Вы намекаете на то, что муж поступил бесчестно?

Мистер Парвис невозмутимо обдумал вопрос.

— Вовсе нет. — Он оглядел длинные ряды книг, будто надеясь найти в них подходящую формулировку. — Я не говорю, что он совершил бесчестный поступок, хотя и честным его тоже не назовешь. Обычный бизнес. — В его представлении такое определение не нуждалось в дальнейших пояснениях.

Мэри в ужасе смотрела на гостя. Он казался ей бездушным посланником зла.

— Однако адвокаты мистера Элвелла, похоже, рассудили иначе, раз посоветовали ему отозвать иск.

— О да, они знали, что никаких законных претензий у него не было, и посоветовали ему отступиться. Тогда-то он и впал в отчаяние. Видите ли, основную часть вложенных в «Голубую звезду» денег он взял взаймы и тем самым попал в безнадежное положение. Он стрелял в себя, лишь поняв, что не имеет шансов выиграть дело.

Мэри захлестнула волна ужаса.

— Стрелял в себя?! Он покончил жизнь самоубийством?

— Не совсем. Строго говоря, умер он лишь два месяца спустя. — Бесстрастный голос Парвиса звучал как граммофон, воспроизводивший запись.

— То есть ему не удалось сразу застрелиться? И он предпринял новую попытку?

— Новой попытки не понадобилось, — угрюмо ответил Парвис.

Они молча сидели друг против друга: посетитель задумчиво вертел на пальце очки, Мэри в оцепенении сжимала руки на коленях.

— Но почему же вы… — начала она вновь едва слышным голосом, — когда я написала вам после исчезновения мужа, почему вы ответили, что не поняли, о чем в письме речь?

Парвис ничуть не смутился.

— Я и не понял, строго говоря. А если бы и понял, не стал бы распространяться. Дело Элвелла было улажено, как только отозвали иск. Я не располагал никакими сведениями, которые могли бы помочь вам найти мужа.

Мэри посмотрела на него в упор.

— Тогда зачем же вы рассказываете это теперь?

И вновь Парвис ответил без промедления:

— Ну, во-первых, я полагал, что вы знали куда больше, — я имею в виду обстоятельства смерти Элвелла. А теперь об инциденте вновь заговорили, и я решил на всякий случай поставить вас в известность.

Она молчала, и он продолжал:

— Дело в том, что о бедственном положении Элвелла до недавнего времени никто понятия не имел. Его жена — очень гордая женщина — не жаловалась и держалась до последнего. Она продолжала работать, пока не заболела (если не ошибаюсь, что-то с сердцем), потом стала брать шитье на дом. Но поскольку на ней лежала еще забота о детях и свекрови, она в конце концов не выдержала и обратилась за помощью. История привлекла внимание, попала в газеты, в их поддержку начался сбор средств… Видите ли, Боба Элвелла любили, в числе пожертвователей значились довольно известные люди, и народ стал задумываться… — Парвис извлек из кармана газету. — Вот, — продолжал он, — тут подробный очерк из «Вестей» — смахивает, конечно, на мелодраму. Полагаю, вы и сами все поймете.

Мэри медленно развернула протянутую газету, с содроганием вспоминая вечер, когда в той са-

мой комнате вырезка из тех же «Вестей» впервые пошатнула ее душевное спокойствие.

Взгляд скользнул по броскому заголовку «Вдова жертвы Бойна вынуждена обратиться за помощью» и задержался на двух изображениях. На первом она узнала мужа — снимок был сделан в год их приезда в Англию. Эта фотография, которая нравилась ей больше других, стояла на столике в спальне. При виде лица на портрете она зажмурилась от боли, чувствуя, что не в силах о нем читать.

— Я подумал, что вы не откажетесь внести свою лепту… — донесся голос Парвиса.

Она с усилием разжала веки, и взгляд ее упал на второй снимок. Черты лица щуплого молодого человека скрывала тень от широкополой шляпы. Где же она видела его раньше? Мэри растерянно уставилась на портрет, в висках бешено застучало сердце.

— Это он! — вскрикнула она, отпрянув. — Тот человек, что приходил к мужу!

Мэри едва осознавала, что Парвис вскочил на ноги и в тревоге склонился над ней.

— Точно он, он! Я уверена! — твердила она, почти срываясь на крик.

Вопросы Парвиса звучали откуда-то издалека,

будто окутанные туманом:

— Миссис Бойн, вам дурно? Позвать кого-нибудь? Принести воды?

— Нет, нет, нет! — Она вскочила с дивана, судорожно сжимая газету. — Говорю вам, это он! Я его знаю!

Парвис забрал у нее газету и прищурился, вглядываясь в снимок.

— Не может быть, миссис Бойн. На фотографии — Роберт Элвелл.

— Роберт Элвелл? — Она обвела комнату ничего не видящим взором. — Так значит, за ним приходил Роберт Элвелл…

— Приходил за Бойном? В день его исчезновения? — Парвис заговорил тише и, заботливо приобняв ее за плечи, усадил обратно на диван. — Элвелл тогда был уже мертв. Припоминаете?

Мэри не сводила глаз с портрета, не слыша адвоката.

— Вы же помните начало письма ко мне Бойна, которое вы нашли на столе? Ваш муж писал его после известия о смерти Элвелла. — В бесстрастном тоне Парвиса послышалась странная дрожь. — Ну конечно, конечно же, помните!

Да, к своему ужасу, она помнила: Элвелл умер за день до исчезновения Неда; вот фотография

Элвелла; это человек, который подошел к ней в саду. Подняв голову, Мэри медленно оглядела библиотеку. Библиотека могла подтвердить, что именно он в тот день отвлек Бойна от письма. Сквозь туман в голове до нее донесся бой полузабытых слов — слов, произнесенных Алидой Стэйр на лужайке в Пангборне. Тогда Бойны еще не видели дом в Линге и тем более не думали, что однажды там поселятся.

— Я говорила с этим человеком в саду, — упрямо повторила Мэри, глядя на Парвиса.

Тот пытался скрыть волнение под маской того, что наверняка считал выражением терпеливого сочувствия, но уголки его губ посинели от напряжения.

«Он решил, что я сошла с ума», — подумала она и вдруг поняла, что может легко доказать свои странные заявления.

Дождавшись, когда перестанет дрожать голос, Мэри подняла на Парвиса глаза и спокойно спросила:

— Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос. Когда Роберт Элвелл пытался покончить с собой?

— Когда?.. Когда? — запинаясь, переспросил Парвис.

— Да, в какой день? Попробуйте вспомнить

число. — На лице адвоката проступил страх. — У меня есть причина спрашивать.

— Да, да, конечно, только я не помню. Месяца два назад.

— Мне нужна точная дата.

— Мы можем прочесть… — Парвис протянул руку и взял газету. — Смотрите. В октябре…

— Двадцатого, верно? — перебила Мэри.

— Верно, — подтвердил он и уставился на нее. — Выходит, вы все-таки знали?

— Поняла только теперь, — ответила она, глядя куда-то мимо. — Воскресенье, двадцатого октября — день, когда он приходил в первый раз.

— Приходил… сюда? — едва слышно спросил Парвис.

— Да.

— Так вы видели его дважды?

— Да, дважды, — выдохнула Мэри. — Первый раз — двадцатого октября; я запомнила дату, потому что в тот день мы впервые поднялись на Мелдон-Стип.

Она горько усмехнулась про себя: не будь того восхождения, она бы забыла.

Парвис по-прежнему не спускал с нее глаз, будто пытался заглянуть ей в душу.

— Мы заметили его с крыши, — продолжала

Мэри. — Он шел по липовой аллее к дому и был одет так же, как на этой фотографии. Муж увидел его первым и, явно перепугавшись, сбежал вниз. Однако внизу никого не оказалось — незнакомец исчез.

— Элвелл исчез? — шепотом переспросил Парвис.

— Да. — Их приглушенные голоса будто искали друг друга на ощупь. — Теперь мне все ясно. Он уже тогда пытался прийти, но выжил и поэтому не смог до нас добраться. Он ждал два месяца и только когда умер, вернулся за Недом!

Мэри кивнула с победным видом ребенка, собравшего сложный пазл. А потом вдруг в отчаянии схватилась за голову.

— О Господи! Ведь это я послала его к Неду! Я сама направила его в библиотеку!

Книги словно навалились на нее, погребая под собой; откуда-то издалека донесся крик Парвиса, пытающегося пробиться к ней через завалы. Мэри не чувствовала его касаний и не понимала его слов. Среди шума она отчетливо слышала лишь одно — голос Алиды Стэйр на лужайке в Пангборне:

«Понимаешь только впоследствии, спустя долгое время…»

1910

Торжество ночи

I

Было ясно, что сани из Веймора не прибыли, и продрогший молодой пассажир из Бостона, который рассчитывал запрыгнуть в них сразу же, как сойдет с поезда на станции Нортридж, очутился один на безлюдной платформе, беззащитный перед натиском зимней ночи.

Пронизывающий ветер дул с заснеженных полей и заледеневших лесов Нью-Гемпшира. Казалось, он пронесся по бескрайним просторам окоченевшего безмолвия, наполнив их точ-

но таким же холодным ревом и отточив свое острие о точно такой же тоскливый черно-белый пейзаж. Зловещий, колючий, как лезвие, ветер попеременно оглушал и атаковал свою жертву — подобно матадору, который то взмахивает плащом, то мечет бандерильи. Пришедшая на ум метафора тотчас напомнила молодому человеку об отсутствии у него подходящего плаща — пальтишко, годное для умеренного бостонского климата, на здешних суровых высотах защищало не лучше бумаги. Джордж Факсон отметил про себя, что место названо на редкость удачно. Станция Нортридж, или Северный кряж, лепилась на открытом уступе над долиной, откуда поднялся привезший его поезд, и вихрь то и дело прочесывал уступ своими стальными зубьями — одинокому путнику чудилось, что он слышит их скрежет по деревянным стенам станции. Других строений поблизости не было: деревня находилась гораздо дальше по дороге, и туда — поскольку сани из Веймора не приехали — Факсон мог добраться лишь по сугробам высотой в несколько футов.

Он прекрасно понимал, что произошло: хозяйка наверняка забыла о его приезде. Несмотря на молодость, Факсон успел накопить печальный

опыт и знал, что наниматели, как правило, забывают именно о тех, у кого нет средств нанять собственный экипаж. Однако сказать, что миссис Калм просто-напросто о нем не вспомнила, было бы слишком жестоко. Похожие ситуации в прошлом склоняли его к мысли, что, скорее всего, она попросила горничную передать дворецкому, чтобы тот позвонил кучеру и велел одному из конюхов (если у того не было иных поручений) съездить на станцию за новым секретарем… вот только какой уважающий себя конюх не забыл бы о поручении в такую ночь?

Тащиться по снежным заносам до деревни, а там найти сани, которые отвезли бы его в Веймор? А если по прибытии на место никому в голову не придет спросить, во сколько обошлась ему подобная добросовестность? Опять же, горький опыт научил молодого человека избегать таких неприятных ситуаций и подсказал, что дешевле выйдет заночевать на постоялом дворе Нортриджа, а миссис Калм уведомить о своем приезде по телефону. Приняв такое решение, он уже готов было вверить свой багаж маячившему впереди смотрителю с фонарем, как вдруг услыхал обнадеживающий звон колокольчиков.

К станции подкатили двое саней, и из первых

выпрыгнул юноша, закутанный в меха.

— Наши сани? Нет, они не из Веймора, — прозвучал в ответ голос юноши, взбежавшего на платформу. Голос был настолько приятным, что, вопреки смыслу сказанного, у Факсона полегчало на душе.

На лицо говорящего упал блуждающий отсвет станционного фонаря, явив черты, отрадно гармонирующие с голосом. Юноша был очень красив — на вид не больше двадцати, подумал Факсон; однако дышавшее свежестью лицо было чересчур худым и прозрачным, словно бодрому духу приходилось уживаться с некой физической слабостью. Секретарь, пожалуй, быстрее многих подмечал признаки такого дисбаланса, поскольку сам имел не очень устойчивую психику, хотя и полагал, что это всего лишь делало его более чувствительной натурой.

— А вы ждали сани из Веймора? — обратился юноша к Факсону, встав подле него, как стройная меховая статуэтка.

Приезжий объяснил, в какое попал затруднение. Собеседник махнул рукой: «Ох уж эта миссис Калм!» — и замечание мгновенно сблизило двух незнакомцев.

— Так, значит, вы и есть… — Юноша вопроси-

тельно улыбнулся.

— Ее новый секретарь? Да. Только, судя по всему, на сегодня у нее для меня поручений нет.

Смех Факсона еще больше укрепил внезапно возникшее между ними чувство товарищества. Новый знакомый тоже рассмеялся.

— Миссис Калм, — пояснил он, — как раз сегодня обедала у моего дядюшки и упоминала, что вы прибудете вечером. Однако помнить об этом семь часов спустя — непосильная для нее задача.

— Что ж, — философски заметил Факсон, — по крайней мере, понятно, для чего ей понадобился секретарь. Ладно, заночую в гостинице Нортриджа.

— Не заночуете! Она сгорела на прошлой неделе.

— Вот проклятие! — воскликнул Факсон. Впрочем, комичность ситуации пересилила разочарование. В последние годы его преследовала полоса невезений, к которым приходилось безропотно приспосабливаться, и он научился относиться к ним с юмором. — Должно же тут быть место, где я смогу устроиться на ночлег?

— Конечно, только вас оно вряд ли устроит! К тому же до Нортриджа отсюда три мили, а до нашего дома чуть ближе, в противоположную сто-

рону. — По неясному жесту собеседника Факсон догадался, что тот хочет представиться. — Фрэнк Райнер, я гощу у дяди в Овердейле. Мне поручено встретить двух его друзей из Нью-Йорка, которые должны подъехать с минуты на минуту. Если вы не против немного подождать, я уверен, Овердейл понравится вам больше Нортриджа. Мы тут на несколько дней — отдыхаем от города, но в доме всегда полно места для гостей.

— А ваш дядюшка?.. — запротестовал было Факсон, смутно догадываясь, что ответ его едва различимого в темноте друга, как по волшебству, тотчас развеет все сомнения.

— О дядюшке не беспокойтесь — да вы сами увидите! Я за него ручаюсь. Вы, полагаю, о нем слышали — его зовут Джон Лавингтон.

Джон Лавингтон! Смешной вопрос — кто ж о нем не слыхал! Даже человека на такой неприметной должности, как секретарь миссис Калм, не миновали слухи о Джоне Лавингтоне, его богатстве, картинах, связях, пожертвованиях и гостеприимстве — они разносились повсюду, как гул водопада среди молчаливых гор. По правде говоря, единственным местом, в котором меньше всего ожидаешь встретиться с Джоном Лавингтоном, была та глушь, которая окружала теперь

наших собеседников, — во всяком случае, в час ее наиполнейшей безлюдности. Однако именно в том и проявлялась блистательная вездесущность Лавингтона: он и тут всех удивил.

— Да, я наслышан про вашего дядю.

— Значит, вы согласны? Ждать осталось не больше пяти минут, — уговаривал Райнер тоном, не признающим существование каких-либо светских условностей, и Факсон неожиданно для себя принял приглашение с той же легкостью, с какой оно было сделано.

Поезд из Нью-Йорка задержался и прибыл не через пять, а через пятнадцать минут. За это время, прохаживаясь взад-вперед по заиндевелому перрону, Факсон начал понимать, почему так запросто принял приглашение едва знакомого человека. Фрэнк Райнер принадлежал к числу тех особенных людей, которые мгновенно создают доверительную и непринужденную атмосферу, упрощающую любое общение. Ему удавалось это не вследствие каких-то умений или уловок, а чисто благодаря юности в сочетании с искренностью — оба качества проявлялись в улыбке настолько подкупающей, что Факсон восхитился тем, на что способна природа, когда ей вздумается гармонично сопоставить внешность с

характером.

Он узнал, что молодой человек — единственный племянник и воспитанник Джона Лавингтона — проживал с дядей после кончины своей матушки, сестры большого человека. Мистер Лавингтон, сказал Райнер, был для него «настоящей опорой» — «Как, впрочем, и для всех», — и такое положение, по всей видимости, ему вполне подходило. Безмятежное существование юноши омрачал лишь физический недуг, подмеченный секретарем ранее: молодой Райнер страдал от чахотки, которая зашла так далеко, что, по мнению известнейших светил, ссылка в Аризону или Нью-Мексико была неизбежной.

— Слава богу, дядюшка не ринулся паковать мой багаж, как поступили бы на его месте многие. Он прислушался к альтернативному мнению. Чьему? Да одного страшно умного малого — молодой еще врач, но с кучей новаторских идей, который поднял на смех совет о срочном отъезде и заверил, что мне и в Нью-Йорке ничто не грозит, если я обещаю не злоупотреблять всякого рода вечеринками и время от времени наведываться в Нортридж подышать свежим воздухом. Так что меня не сослали лишь благодаря дядиным стараниям — да и чувствую я себя гораздо лучше с

тех пор, как тот медик заверил, что беспокоиться не о чем.

Молодой человек признался, что обожает всякого рода вечеринки, танцы и прочие подобные увеселения. Слушая его, Факсон подумал, что врач, не позволивший лишить его всех этих удовольствий, оказался, пожалуй, более тонким психологом, чем его именитые коллеги.

— Вам, знаете ли, все же лучше поберечься. — Внезапное чувство братской заботы, заставившее Факсона произнести эти слова, побудило его взять Фрэнка Райнера под руку.

Тот с благодарностью сжал ее.

— Ну разумеется, я так и делаю, честное слово! Да и дядюшка постоянно обо мне печется.

— Но если дядя так о вас печется, что он говорит по поводу вашего глотания ледяных кинжалов в этой сибирской глуши?

Райнер небрежно поднял меховой воротник.

— Да дело не в холоде, он мне не вредит.

— И не в вечеринках с танцами? Тогда в чем же? — поддразнил его Факсон, на что собеседник со смехом ответил:

— Мой дядя винит во всем скуку, и, надо сказать, с ним трудно не согласиться!

Смех вызвал у Райнера приступ удушливого

кашля, и Факсон, все еще державший нового друга под руку, поспешил с ним в укрытие неотапливаемого зала ожидания.

Райнер тяжело опустился на скамейку у стены и стянул с себя меховые рукавицы, чтобы достать носовой платок. Он сдвинул на затылок шапку и провел платком по взмокшему побледневшему лбу, при этом на щеках сохранялся здоровый румянец. И тут взгляд Факсона упал на оголенную руку: она была такой тонкой, бескровной и безжизненной, что походила на руку старика.

«Как странно — свежий румянец, а руки умирающего», — подумал он, невольно жалея, что Райнер снял рукавицу.

Свисток скорого поезда заставил молодых людей вскочить на ноги, а через минуту из вагона в ночную стужу вывалились два укутанных в меха джентльмена. Фрэнк Райнер представил прибывших как мистера Грисбена и мистера Балка, и пока их багаж грузили во вторые сани, Факсон в тусклом свете станционного фонаря успел разглядеть седовласых, по виду довольно преуспевающих дельцов.

Они по-дружески обменялись приветствиями с племянником Лавингтона, и мистер Грисбен, говоривший, видимо, за обоих, закончил тираду

сердечным «...и еще много-много таких же, дорогой мальчик!», из чего Факсон сделал вывод, что их приезд совпал с днем рождения. Однако удостовериться сразу не смог, поскольку ему отвели место рядом с кучером, в то время как Фрэнк Райнер сел с гостями в сани.

Резвые кони (других от Джона Лавингтона никто и не ожидал) быстро доставили их к высоким воротам, освещенной сторожке и аллее, где выровненный снег скорее походил на мраморный пол. В конце аллеи вырисовывались очертания огромного дома, большая часть которого, за исключением одного гостеприимно освещенного крыла, была погружена в темноту. Уже в следующую минуту Факсона обдало потоком тепла и света, ошеломило обилие тепличных растений и снующих туда-сюда слуг, за которыми открывался огромный, похожий на декорации зал с дубовой мебелью. В центре этого нереального интерьера стоял тщательно одетый низенький человечек — его заурядная внешность никоим образом не соответствовала красочному образу великого Джона Лавингтона.

Удивление, вызванное таким контрастом, не покидало Факсона все время, пока он торопливо переодевался в отведенной ему роскошной

спальне. «Не пойму, как он ухитряется», — только и подумал гость, так и не сумев увязать фурор, который Лавингтон производил в обществе, со скованностью и невзрачным обликом хозяина дома. Мистер Лавингтон, которому Райнер мимолетом поведал о невзгодах секретаря миссис Калм, приветствовал гостя с сухим искусственным радушием, которое в точности соответствовало его узкому лицу, черствой руке и запаху надушенного шейного платка.

— Чувствуйте себя как дома… как дома! — повторил он таким тоном, будто сам был не в состоянии исполнить то, что требовал от гостя. — Друзья Фрэнка… всегда рад… будьте как дома!

II

Несмотря на ароматное тепло и изощренное убранство спальни, почувствовать себя как дома Факсону никак не удавалось. Ему несказанно повезло найти приют под роскошной сенью Овердейла, и он всецело наслаждался физическим комфортом. И все-таки, вопреки ожиданиям, в доме отчего-то было холодно и неуютно. Факсон смутно догадывался, что влияние сильной — сильно подавляющей — личности мистера Лавингтона неким таинственным образом рас-

пространялось на каждую пядь его жилища. Впрочем, не исключено, что Факсон просто устал и проголодался, к тому же не осознавал, насколько продрог, пока не оказался в тепле, а может, ему вообще опостылели пребывание в чужих домах и перспектива всю жизнь обивать чужие пороги.

— Надеюсь, вы не умираете с голоду? — возник в дверях тонкий силуэт Райнера. — Дяде надо обсудить кое-что с мистером Грисбеном, и обед подадут лишь через полчаса. За вами зайти или найдете дорогу сами? Спускайтесь прямо в столовую — вторая дверь слева по галерее.

Юноша исчез, оставив за собой лучик тепла, а гость, вздохнув с облегчением, сел у огня и закурил сигарету.

Теперь, без спешки оглядываясь по сторонам, он поразился прежде незамеченному обстоятельству. Комнату наполняли цветы — простую холостяцкую спальню в доме, который протопили всего на несколько дней посреди нью-гемпширской зимы! Цветы стояли повсюду, причем не как попало, а так же продуманно и со вкусом, как парниковые растения в передней. На письменном столе стояла ваза аронников, на журнальном столике у кресла — букет гвоздик неописуемого оттенка, а от фрезий в стеклянных и фарфоровых

чашах исходил нежнейший аромат. Для такого количества цветов требовались акры застекленных теплиц, хотя именно эта деталь интересовала гостя меньше всего. Сами цветы, их качество, выбор и композиция говорили о чьей-то — а чьей еще, как не Джона Лавингтона? — очевидной и давней страсти именно к этой форме красоты. Что ж, постичь хозяина дома — каким он предстал перед Факсоном — становилось все труднее!

Спустя полчаса молодой человек, вконец изголодавшись, направился в столовую. Он не помнил, каким путем шел в свою комнату, и теперь, выйдя из нее, с недоумением обнаружил две лестницы, судя по всему, обе парадные. Он начал спускаться по той, что справа, и внизу увидел длинную галерею, которую упоминал Райнер. Впереди не было ни души, а поскольку Фрэнк сказал «вторая слева», Факсон, за неимением иных подсказок, открыл вторую дверь слева.

Он шагнул в квадратную комнату с темными стенами, увешанными картинами. В первую секунду ему показалось, что за столом, освещенным тусклыми лампами, ужинают мистер Лавингтон и его гости; однако он быстро понял, что вместо блюд на столе разложены бумаги и что он ввалился в кабинет хозяина. Незваный гость замер,

и Фрэнк Райнер поднял голову.

— Смотрите-ка, мистер Факсон. Может, попросим его?..

Мистер Лавингтон, восседавший в торце стола, встретил улыбку племянника с выражением спокойной доброжелательности.

— Отчего бы нет. Проходите, мистер Факсон. Если вас не затруднит…

Мистер Грисбен, сидевший напротив хозяина дома, повернулся к двери.

— У мистера Факсона, разумеется, американское гражданство?

Фрэнк Райнер рассмеялся.

— Скажете тоже! Ой, дядя Джек, опять эти шариковые ручки! Где у вас обычные перья?

Мистер Балк медленно и как бы неохотно поднял руку и заговорил приглушенным, едва слышным голосом:

— Минуту! Признаете ли вы, что это…

— Моя последняя воля и завещание? — Райнер рассмеялся еще пуще. — Не скажу насчет «последней», но она точно первая.

— Такова общепринятая формулировка, — пояснил мистер Балк.

Райнер обмакнул перо в чернильницу, которую подтолкнул к нему дядя, и поставил на документе

изящную подпись.

— Вот так.

Факсон, поняв наконец, чего от него хотят, и догадавшись, что его юный друг подписывает завещание по достижении совершеннолетия, встал позади мистера Грисбена, ожидая своей очереди поставить подпись на документе. Расписавшись, Райнер уже было собрался передать бумагу через стол мистеру Балку, но тот, снова подняв руку, произнес:

— А печать?..

— Ох, еще и печать нужна?

Взглянув поверх мистера Грисбена, Факсон заметил недовольную морщинку между бесстрастных глаз Лавингтона.

— В самом деле, Фрэнк!

«Легкомысленность племянника дядю явно раздражает», — подумал Факсон.

— У кого печать? — продолжал Фрэнк, оглядывая стол. — Я что-то ее не вижу.

— Достаточно сургуча, — вмешался мистер Грисбен. — Лавингтон, у вас сургуч есть?

— Наверняка в одном из ящиков. К своему стыду, я понятия не имею, где секретарь все это хранит. Он должен был позаботиться о том, чтобы вместе с документами прислали и сургуч.

— Да черт с ним! — Фрэнк Райнер оттолкнул от себя бумагу. — Это не иначе как перст Божий. Я голоден как волк. Давайте сначала поужинаем, дядя Джек.

— У меня наверху должна быть печать, — вдруг сказал Факсон.

Мистер Лавингтон, к которому вернулся невозмутимый вид, одарил его едва заметной улыбкой.

— Вы уж не сочтите за беспокойство…

— О Господи, только не сейчас! Давайте сначала поедим!

Джон Лавингтон продолжал вежливо улыбаться, и гость, словно зачарованный этой полуулыбкой, выскочил из комнаты и помчался наверх. Достав печать из портфеля, он стремглав сбежал вниз и открыл дверь кабинета. Внутри все молчали — видимо, нетерпение и голод не располагали к разговорам. Факсон положил печать возле Райнера, а мистер Грисбен чиркнул спичкой и поднес ее к свече. Наблюдая, как воск стекает на бумагу, секретарь вновь отметил болезненную худобу и немощность руки, взявшей свечу. Неужели дядя никогда не замечал рук своего воспитанника и даже и теперь ничего не видит?

Подумав так, Факсон поднял глаза на хозяина

дома — великий человек смотрел на племянника все с той же спокойной доброжелательностью, и Факсон только сейчас обратил внимание на то, что в комнате появился еще один господин — тот, видимо, вошел, пока сам он бегал за печатью. Стоявший за спиной Лавингтона был примерно одного с ним возраста, похожего сложения и так же пристально смотрел на юного Райнера. Сходство между ним и хозяином дома — вероятно, усиленное тем, что абажуры от настольных ламп отбрасывали тень на человека за креслом, — поразило Факсона не так сильно, как контраст в выражении их лиц. Наблюдая за племянником, который неуклюже пытался капнуть воск и приложить печать, Джон Лавингтон глядел на него ласково и немного с иронией, в то время как лицо другого человека, так необъяснимо походившего на хозяина дома, дышало неприкрытой ненавистью.

Факсон испытал такой шок, что даже забыл, где находится. Он будто издалека услышал голос Райнера: «Ваша очередь, мистер Грисбен!», затем голос Грисбена: «Нет-нет, сначала мистер Факсон», и почувствовал, как ему в руку вложили перо. Факсон машинально взял его, не в силах пошевелиться или хотя бы понять, чего от него

хотят, и тут осознал, что мистер Грисбен по-отечески указывает место, где следует расписаться. Ему стоило больших усилий сосредоточиться и поставить подпись, а когда он наконец распрямился (со странным ощущением тяжести во всем теле), за спиной Лавингтона никого не было.

Факсон мгновенно почувствовал облегчение. Он не понял, как тот человек ухитрился так быстро и бесшумно исчезнуть, но поскольку дверь за мистером Лавингтоном закрывала портьера, решил, что незнакомец просто скользнул за нее. Так или иначе, он ушел, и ощущение тяжести как рукой сняло. Молодой Райнер зажег сигарету, мистер Балк расписался на документе. Мистер Лавингтон, переставший сверлить глазами племянника, изучал необычную белую орхидею, стоящую у подлокотника. Все как по волшебству встало на свои места, ничто больше не тяготило, и Факсон поймал себя на том, что улыбается в ответ на долгожданное приглашение хозяина дома:

— А теперь, мистер Факсон, идемте ужинать!

III

— Ума не приложу, как меня угораздило зайти не в ту дверь; я думал, вы сказали: вторая слева, — извинялся Факсон, пока они с Фрэнком Райнером

следовали за дядей и его гостями по галерее.

— Правильно, только я, видимо, не упомянул, по какой из лестниц. По той, что ближе к вашей спальне, нужная дверь была бы четвертой справа. Дом очень путаный, потому что дядя каждый год обязательно что-нибудь да пристраивает. Вот эту комнату для картин современных художников он добавил прошлым летом.

Юный Райнер остановился, открыл одну из дверей и коснулся электрического выключателя, отчего на стенах продолговатой комнаты, увешанной полотнами французских импрессионистов, загорелись лампы.

Факсон шагнул внутрь, завороженный искрящимся Моне, но Райнер схватил его за рукав.

— Дядя купил ее на прошлой неделе… Не будем задерживаться! Я вам все покажу после ужина — вернее, дядя покажет, он их просто обожает!

— Он действительно способен обожать?

Райнер замер — вопрос явно застал его врасплох.

— Конечно! Особенно цветы и картины! Вы же не могли не заметить цветов? Дядя, наверное, произвел на вас впечатление черствого человека — поначалу все так думают, — а на самом деле он очень увлекающаяся натура.

Факсон взглянул на собеседника.

— У вашего дяди есть брат?

— Брат? Нет, и никогда не было. Только сестра — моя мать.

— Тогда, быть может, другой родственник, который на него похож? Кого с ним легко перепутать?

— Что-то я о таком не слышал. Он вам кого-то напомнил?

— Да.

— Странно. Надо будет спросить, нет ли у него двойника. Идемте же!

Однако Факсон не сразу повиновался, задержавшись перед еще одной картиной, так что прошло несколько минут, прежде чем молодые люди наконец вошли в столовую. Просторное помещение было обставлено все в том же изысканно-классическом стиле и украшено со вкусом подобранными цветами. Секретарь тотчас отметил, что за столом сидели трое; того, кто стоял за Лавингтоном, не было, и для него не поставили приборы.

Мистер Грисбен что-то говорил, а хозяин дома, сидевший лицом к двери, уставился в тарелку нетронутого супа и задумчиво вертел в маленькой сморщенной руке ложку.

— Поздно называть их слухами — сегодня утром, когда мы покидали город, они чертовски походили на факты, — неожиданно язвительным тоном произнес мистер Грисбен.

Мистер Лавингтон отложил ложку и лукаво улыбнулся.

— Факты, говорите? А что такое факты? Лишь то, что в данную минуту кажется правдой…

— Вы не получали известей из города? — настаивал мистер Грисбен.

— Ни слова. Так что, знаете ли… Балк, добавьте себе еще petite marmite[21]. Мистер Факсон, садитесь между Фрэнком и мистером Грисбеном, прошу вас.

Ужин состоял из череды замысловатых блюд, вносимых похожим на священника дворецким в сопровождении трех рослых лакеев, и пышное зрелище явно доставляло Лавингтону массу удовольствия. «Не иначе как еще одна пробоина в его броне, — подумал Факсон, — вот это все и цветы». Он заметил, что с их появлением хозяин дома не резко, но решительно сменил тему, однако было очевидно, что она по-прежнему занимает умы джентльменов постарше, так как чуть позже

[21] Примечания: 21

Блюдо французской кухни — суп из мяса, курицы и овощей, приготовленный в глиняном горшке.

мистер Балк голосом единственно выжившего при обвале шахты заметил:

— Если это случится, то станет величайшим крахом с девяносто третьего года.

Мистер Лавингтон сидел с вежливо-скучающим видом.

— Нынче Уолл-стрит куда устойчивее, чем раньше. Они научились лучше заботиться о вверенном им состоянии.

— Возможно, но…

— Кстати, о состоянии, — прервал мистер Грисбен. — Фрэнк, ты следишь за своим здоровьем?

Щеки юного Райнера порозовели.

— Ну разумеется! Ради чего еще я стал бы сюда приезжать?

— Сюда, как я понимаю, ты выбираешься от силы дня на три в месяц. А остальное время проводишь в людных ресторанах и на душных балах в городе. Тебе ведь советовали отправиться в Нью-Мексико?

— Да, но мой новый врач говорит, что все это чушь.

— Гм, по тебе не скажешь, что твой новый врач прав, — отрезал мистер Грисбен.

Фрэнк побледнел, под искрящимися глазами проступили темные круги. В тот же миг дядя на-

правил на племянника пристальный взор. В нем было столько тревоги, что, казалось, он заслонил юношу от бесцеремонности мистера Грисбена.

— Мы считаем, что Фрэнку гораздо лучше, — заговорил он. — Его новый доктор…

Вошел дворецкий и что-то шепнул хозяину на ухо, отчего тот внезапно переменился в лице. Бесцветное от природы лицо не столько побледнело, сколько потускнело, осунулось, превратилось в какое-то размытое пятно. Он чуть привстал, потом с натянутой улыбкой сел и обвел собравшихся застывшим взглядом.

— Прошу меня извинить… Важный звонок. Питерс, подавайте следующее блюдо.

И мистер Лавингтон мелкими шажками вышел за дверь, которую распахнул перед ним лакей.

На мгновение в столовой воцарилась тишина, затем мистер Грисбен вновь обратился к Райнеру:

— Тебе следовало бы поехать, мой мальчик, ох как следовало бы!

На лицо юноши набежала тень.

— Мой дядя так не считает.

— Ты уже не ребенок, чтобы всецело полагаться на дядюшкино мнение. С сегодняшнего дня ты совершеннолетний, верно? А дядя тебе потакает,

только и всего.

Слова, очевидно, попали в цель, ибо Райнер усмехнулся и, зардевшись, опустил глаза.

— Новый доктор…

— Да ты сам подумай, Фрэнк! Вы с дядей перебрали двадцать докторов, прежде чем нашли одного, который сказал то, что ты хотел услышать.

Веселое лицо Райнера омрачило беспокойство.

— Ох уж… скажете тоже… Вы сами как поступили бы? — пробормотал он.

— Собрал бы вещи и прыгнул в первый же поезд. — Мистер Грисбен наклонился и ласково накрыл ладонью руку юноши. — Послушай, у моего племянника Джима Грисбена там огромное ранчо. Он примет тебя с распростертыми объятиями. Пускай твой новый доктор и не видит в том пользы, но ведь он не сказал, что тебе это навредит, правда же? Ну, тогда попробуй и сам проверь. По крайней мере, ты на время отдохнешь от душных театров и ночных ресторанов… И всего прочего… Что скажете, Балк?

— Поезжай, — кивнул мистер Балк. — Поезжай без промедления! — добавил он, будто вид юноши внезапно пробудил в нем неотложное желание поддержать коллегу.

Райнер побледнел, силясь улыбнуться.

— Неужели я настолько плохо выгляжу?

Мистер Грисбен поддел вилкой черепашье мясо и произнес:

— Ты выглядишь как жертва землетрясения.

Блюдо из черепахи обошло стол, вызвав восхищение у троих гостей (Райнер, как подметил Факсон, к мясу не притронулся), затем дверь распахнулась, и в комнату вошел хозяин дома. Выглядел он гораздо спокойнее. Он сел, взял салфетку и заглянул в украшенное золотыми монограммами меню.

— Нет, филе больше не приносите… Пожалуй, немного черепахи… — Мистер Лавингтон чинно оглядел стол. — Прошу извинить меня за долгое отсутствие. Из-за метели повреждены провода, пришлось черт знает сколько дожидаться связи. Похоже, грядет буран.

— Пока вас не было, дядя Джек, — начал юный Райнер, — мистер Грисбен дал мне совет.

— Вот как? — спросил мистер Лавингтон, накладывая себе в тарелку черепашьего мяса. — И что же он посоветовал?

— Он считает, мне стоит прокатиться до Нью-Мексико.

— Я предложил ему поехать прямиком к моему

племяннику в Санта-Пас и пожить там до следующего дня рождения. — Мистер Лавингтон жестом велел дворецкому передать черепаху мистеру Грисбену, который, кладя себе добавку, вновь обратился к Райнеру: — Джим сейчас как раз в Нью-Йорке и послезавтра возвращается в личном автомобиле Олифанта[22]. Если ты поедешь, я попрошу Олифанта найти для тебя местечко. Уверен, неделя-другая езды верхом и полноценного сна — и ты и думать забудешь о докторе, прописавшем Нью-Йорк.

Неожиданно для себя Факсон подал голос:

— Я был однажды в тех местах — потрясающая жизнь. Даже знал одного больного — очень тяжелый случай, — он там буквально преобразился!

— Звучит и вправду заманчиво, — рассмеялся Райнер, и было видно, что он взволнован.

Дядя ласково взглянул на юношу.

— Возможно, Грисбен прав. Это неплохой шанс…

У Факсона перехватило дыхание: человек, которого он раньше смутно различил в сумраке кабинета, теперь отчетливо вырисовывался за

---

[22] Примечания: 22

Роберт Моррисон Олифант (1824–1918) — американский бизнесмен, работавший в Нью-Йорке и Китае в конце XIX века и занимавший в течение 20 лет пост президента компании Delaware and Hudson Railroad.

мистером Лавингтоном.

— Вот видишь, Фрэнк, и дядя не возражает. А прокатиться на машине с Олифантом — само по себе приключение! Так что отмени пару дюжин вечеринок и будь послезавтра в пять на Центральном вокзале.

Мистер Грисбен, словно ища поддержки, перевел взгляд на хозяина дома, и Факсон в страхе замер, следя за направлением серых добрых глаз. Он ожидал, что, подняв их на Лавингтона, Грисбен увидит джентльмена за стулом и, наконец, станет ясно, что происходит. Однако выражение лица мистера Грисбена осталось таким же безмятежным, и Факсон, к своему ужасу, понял, что тот незнакомца не видит.

Первым побуждением секретаря было отвернуться, отвлечься, призвать на помощь шампанское, которым услужливый дворецкий вновь наполнил стоящий перед ним бокал; однако некая непреодолимая, неподвластная ему сила не давала отвести взгляд от человека, который его так пугал.

Черты лица стоявшего за Лавингтоном господина проступали теперь более явственно, отчего их сходство стало еще разительнее; и снова, пока сам дядя продолжал с любовью смотреть

на племянника, зловещий взгляд его двойника выражал неприкрытую угрозу.

Усилием воли, почти болезненным рывком Факсон отвел глаза и оглядел сидящих за столом: никто не подавал ни малейших признаков беспокойства и явно не видел того, что видел он. Никогда еще молодой человек не чувствовал себя таким одиноким.

— Над этим определенно стоит подумать, — продолжал меж тем мистер Лавингтон.

Райнер просиял, а лицо неизвестного исказила смертельная усталость от давней и неудовлетворенной ненависти. С каждой минутой становилось все очевиднее: наблюдатель за стулом не просто озлоблен, он безмерно утомлен. Накопленная ненависть словно выплеснулась из бездны бесплодных усилий и несбывшихся надежд, и это сделало его более жалким — и более отчаянным.

Факсон присмотрелся к мистеру Лавингтону, безотчетно ожидая увидеть перемену и в нем, однако заметил ее не сразу. Застывшая улыбка была словно наглухо привинчена к ничего не выражающему лицу, как газовый светильник к побеленной стене. Постепенно неподвижность улыбки сделала ее зловещей: было ясно, что хозяин дома боится обнаружить свои истинные

чувства, что он тоже смертельно устал, и от этого открытия у Факсона кровь застыла в жилах. Опустив глаза в тарелку с нетронутой едой, молодой человек поймал манящий блик шампанского, и его затошнило.

— Об этом мы еще поговорим, — донесся голос мистера Лавингтона, продолжавшего обсуждать будущее племянника. — Давайте сначала выкурим по сигаре. Нет, не здесь, Питерс. — Он направил улыбку на молодого гостя. — Я хотел бы после кофе показать вам свои картины.

— Кстати, дядя Джек, мистер Факсон интересуется, нет ли у тебя двойника.

— Двойника? — все так же улыбаясь, повторил Лавингтон. — Насколько я знаю, нет. А что, мистер Факсон, вы видели кого-то похожего?

Молодой человек с ужасом подумал: «Боже, если я посмотрю на него, они уставятся на меня оба!» Силясь не поднимать глаз, он хотел было поднести бокал с шампанским к губам, но рука не подчинилась, и он невольно глянул на мистера Лавингтона. Вежливый взгляд хозяина дома был устремлен на него, а человек за стулом, по счастью, продолжал наблюдать за Райнером.

— Так вы видели моего двойника, мистер Факсон?

Вдруг он повернется, если ответить утвердительно? У Факсона во рту пересохло.

— Нет… — с трудом произнес он.

— Вообще-то я не удивлюсь, если у меня их целая дюжина — с моей-то заурядной внешностью, — как ни в чем не бывало продолжал мистер Лавингтон.

— Я ошибся… с кем-то спутал, — услышал Факсон собственный запинающийся голос.

Хозяин дома отодвинул стул и привстал, как вдруг мистер Грисбен подался вперед.

— Лавингтон! Как мы могли забыть? Мы же не выпили за здоровье Фрэнка!

Мистер Лавингтон сел обратно.

— Мой дорогой мальчик!.. Питерс, еще бутылку… — Он повернулся к племяннику: — После такой оплошности с моей стороны я не смею претендовать на тост… Но Фрэнк и так знает… Давайте вы, Грисбен!

Юноша засиял.

— Нет-нет, дядя Джек! Мистер Грисбен не обидится. Сегодня вы просто обязаны!

Дворецкий наполнил бокалы. Мистеру Лавингтону он налил в последнюю очередь, и когда тот протянул к бокалу свою маленькую руку, Факсон отвел взгляд.

— Что ж… Желаю тебе, как желал все эти годы, всего наилучшего… и молю Бога, чтобы впереди тебя ждали здоровье и счастье… и еще много… много лет, дорогой мальчик!

Собравшиеся подняли бокалы, Факсон машинально потянулся за своим. Взгляд его по-прежнему был прикован к столу, он как в бреду твердил себе: «Не смотри туда… Не смотри!»

Пальцы сжали бокал, поднесли его к губам. Руки остальных проделали то же движение. Он услышал сердечное «Верно! Верно!» мистера Грисбена и гулкое эхо мистера Балка. Край бокала коснулся губ, а он все повторял: «Не смотри… не смотри!» — и поднял глаза.

Ему потребовались неимоверные усилия, чтобы не расплескать наполненный до краев бокал и вернуть его нетронутым на место. На это ушло несколько кошмарных секунд, и сосредоточенность на задаче спасла Факсона — он не закричал, не сорвался в разверзшуюся перед ним бездну. Благодаря маневрам с бокалом он сумел усидеть на месте, подчинить себе мышцы, ничем себя не выдать. Однако как только стеклянная ножка коснулась стола, последняя удерживающая его на месте нить оборвалась. Он вскочил и бросился вон из комнаты.

IV

В галерее инстинкт самосохранения заставил Факсона обернуться и жестом остановить выбежавшего за ним Райнера. Он буркнул что-то насчет головокружения и необходимости недолго побыть одному; юноша сочувственно кивнул и вернулся в столовую.

У подножия лестницы Факсон налетел на слугу.

— Я хотел бы позвонить в Веймор, — выговорил он пересохшими губами.

— Простите, сэр, связи нет. Мы уже час не можем дозвониться до Нью-Йорка для мистера Лавингтона.

Факсон стремглав ворвался в свою комнату и запер дверь на засов. Мягкий свет ламп падал на мебель, цветы, книги; в камине слабо мерцало полено. Молодой человек бросился на постель, уткнув лицо в подушки. В комнате, как и во всем доме, царила глубокая тишина: ничто не напоминало о таинственных и мрачных видениях в столовой, откуда он сбежал, а с закрытыми глазами и вовсе казалось, что на него снизошли забвение и покой. Однако длилось это недолго — веки распахнулись, и перед ним возник

кошмарный образ. Жуткое зрелище навсегда запечатлелось в зрачках, оставив неизгладимое клеймо на теле и в душе. Но почему именно у него — только у него? За что он один был определен в свидетели сего ужасного видения? Господи, он-то здесь при чем?! Явись образ любому другому из присутствующих, они смогли бы узнать и обезвредить его; а так он один — безоружный и беззащитный наблюдатель, которому никто не поверит и кого просто не поймут, вздумай он описать увиденное, — стал единственной жертвой этого чудовищного откровения!

Внезапно на лестнице скрипнули ступени. Факсон сел и прислушался. Наверное, кто-то шел его проведать, узнать, как он себя чувствует, и просить, если ему лучше, присоединиться к остальным курящим. Он осторожно приоткрыл дверь — шаги, без сомнения, принадлежали юному Райнеру. Факсон выглянул в коридор, вспомнил о второй лестнице и опрометью кинулся к ней. Он желал лишь одного: немедленно выбраться из дома. Больше ни секунды не вдыхать этот отравленный воздух! Господи, он-то здесь при чем?!

Добежав до противоположного конца галереи, Факсон увидел дверь, через которую вошел. Па-

радная была пуста, на столе лежали его пальто и шапка. Наскоро накинув пальто, он отпер засов и бросился в очищающие объятия ночи.

* * *

Стояла беспросветная мгла и такой лютый мороз, что на миг перехватило дыхание. Однако секретарь сразу заметил, что пурга стихла, и это утвердило его в намерении бежать. Он заторопился по утоптанному снегу аллеи меж деревьев, с каждым шагом в голове все больше прояснялось. Стремление спастись по-прежнему гнало его прочь, но молодой человек начал понимать, что бежит от ужаса, порожденного собственным сознанием, и что настоящей причиной бегства было желание скрыть свое смятение, спрятаться от чужих глаз, пока не восстановится душевное равновесие.

Факсон вспомнил, как предавался бесплодным размышлениям о своих невзгодах в поезде и как горечь перешла в отчаяние, когда выяснилось, что сани из Веймора за ним не приехали. Хотя он и шутил с Райнером над забывчивостью миссис Калм, приятного в этом было мало. Всему виной неприкаянность: не имея в жизни опоры, он позволял всякой ерунде выбить у себя почву

из-под ног. Холод, отсутствие надежд и свербящее чувство невостребованных способностей лишь подтолкнули его к той опасной грани, над которой уже не раз зависал загнанный разум молодого секретаря.

Иначе как объяснить, что, вопреки всякому здравому смыслу, именно ему, постороннему человеку, выпало на долю это испытание? Что оно значило, какое имело к нему отношение и как он должен был себя повести?.. Или как раз в силу вечной неприкаянности, неимения собственного угла и опоры в жизни, защищающей его от внешнего мира, в нем и развилась повышенная восприимчивость к чужим несчастьям?

Мысль заставила Факсона содрогнуться. Нет! Нельзя примириться с такой страшной участью; против этого восставало все его естество. Уж лучше пусть он окажется больным, одураченным или даже безумным, но только не единственным очевидцем подобных предостережений!

Добежав до ворот, он остановился перед темной сторожкой. Поднявшийся ветер хлестал снегом по лицу. Молодой человек так замерз, что начал колебаться. Не стоит ли вернуться и подвергнуть свой рассудок новому испытанию? Он еще раз взглянул на темную аллею, ведущую к дому.

Сквозь деревья пробивалась одинокая полоска света, вызывая в памяти лампы, цветы и лица собравшихся в той роковой комнате.

Вспомнив, как примерно в миле от Овердейла кучер показывал дорогу на Нортридж, Факсон зашагал в том направлении. Ветер тотчас ударил в лицо и мгновенно превратил мокрый снег на усах и ресницах в лед. Такие же мельчайшие льдинки миллионами лезвий царапали горло и легкие, но беглец упорно продвигался вперед, преследуемый видением теплой комнаты. Ноги утопали в глубоких, неровных сугробах. Ветер, как гранитный утес, преграждал ему путь. Молодой человек спотыкался о затвердевшие колеи, проваливался в снег, хватал ртом воздух и без сил замирал, словно незримая рука вцеплялась в него железной хваткой; а затем с усилием делал очередной шаг, сжимаясь всем телом, чтобы противостоять натиску пронизывающей до костей стужи. Из непроглядной тьмы в него летел снег; раз или два он останавливался и смотрел по сторонам, боясь, что пропустил дорогу в Нортридж, однако, не видя никаких поворотов, двигался дальше.

Наконец, уверенный, что прошел больше мили, Факсон сделал передышку и оглянулся. Ему мгно-

венно полегчало: прежде всего оттого, что ветер больше не дул в лицо, а еще потому, что вдалеке замаячил свет фонаря. Сани! Сани, которые, быть может, подвезут его до деревни! Подгоняемый надеждой, он поспешил назад, навстречу свету. Огонек приближался медленно, мотаясь из стороны в сторону и делая какие-то непонятные зигзаги. До саней оставалось всего несколько ярдов, а Факсон так и не услышал звона колокольчиков. Затем фонарь замер у обочины, как будто его нес человек, и этот человек вконец закоченел. Мысль заставила Факсона припустить, и пару минут спустя он склонился над недвижной фигурой, привалившейся к сугробу. Фонарь лежал тут же на снегу, и Факсон, испуганно подняв его, осветил лицо Фрэнка Райнера.

— Райнер! Какого черта вы тут делаете?

На бледном лице юноши мелькнула слабая улыбка.

— А вы, позвольте вас спросить? — парировал он и, взяв Факсона под локоть, поднялся на ноги. — Смотрите-ка, я вас догнал! — весело добавил он.

Факсон стоял в замешательстве, сердце защемило. Лицо Фрэнка было совершенно серым.

— Что за безумие… — начал он.

— Вот именно что безумие. Ради Бога, зачем вы это сделали?

— Что я сделал?.. Да я… Я просто вышел проветриться… Я часто гуляю по ночам.

Фрэнк Райнер расхохотался.

— Даже по таким ночам? Значит, вы не сбежали?

— Сбежал?

— Из-за того, что я вас чем-то обидел. Мой дядя решил, что вы обиделись.

Факсон схватил его за руку.

— Вас послал за мной дядя?!

— Не то чтобы послал, но устроил мне нешуточный разнос за то, что я не поднялся к вам, когда вам сделалось дурно. А потом мы обнаружили, что вас нет, и страшно испугались — дядя был сам не свой, — я и сказал, что догоню вас… Вы правда не больны?

— Болен? Бог с вами, в жизни не чувствовал себя лучше. — Факсон поднял фонарь. — Идемте, надо поскорей вернуться. Просто в столовой стояла ужасная духота.

— Вот и я надеялся, что дело только в этом.

Какое-то время они плелись молча, затем Факсон спросил:

— Вы очень устали?

— Совсем не устал. Тем более что ветер теперь попутный.

— Ну ладно, хотя вам лучше помолчать.

Несмотря на то что у них был фонарь, шли они медленнее, чем Факсон один навстречу пурге. Воспользовавшись тем, что его попутчик споткнулся на колее, он предложил:

— Возьмите меня под руку.

— Еле на ногах стою, — выдохнул Райнер и подчинился.

— Я тоже. Кто ж тут устоит?

— Ну и задачку вы мне задали! Если бы не слуга, который случайно вас увидел…

— Да-да, я понял. А теперь будьте любезны, помолчите.

Райнер усмехнулся и повис на руке приятеля.

— Да мне холод нипочем…

Первые минуты после того, как его нагнал Райнер, Факсон тревожился лишь за юношу. Однако каждый шаг, неумолимо приближавший их к месту, откуда он вырвался, все настойчивее напоминал о зловещих причинах побега. Нет, он не болен, не одурачен и не безумен; ему выпала роль очевидца, призванного предупредить и уберечь; а он вместо этого неминуемо толкал жертву навстречу погибели!

От захлестнувших его чувств молодой человек почти перестал двигаться. Но что он мог сделать, что? Главным сейчас было вернуть Райнера в дом, уложить в постель и уже потом решать, как действовать.

Снегопад усилился; по обе стороны дороги открылись поля, и боковой ветер мгновенно вонзил в путников мириады колючих игл. Райнер остановился, чтобы перевести дыхание, и еще сильнее налег на руку товарища.

— Когда дойдем до сторожки, — спросил вдруг Факсон, — оттуда можно будет позвонить в конюшню, чтобы прислали сани?

— Если в сторожке не уснули.

— Ладно, разберемся. Молчите!

И они поплелись дальше…

Наконец фонарь высветил колею, уходившую от дороги под сень деревьев.

Факсон воспрял духом.

— Вот и ворота! Через пять минут будем в тепле.

Взглянув поверх живой изгороди, он заметил в дальнем конце темной аллеи слабый свет. Свет той самой комнаты, каждая деталь которой навеки запечатлелась в его сознании; жуткая сцена вновь всплыла перед глазами. Нет — нельзя до-

пустить, чтобы мальчик туда вернулся!

Факсон забарабанил в дверь, едва они достигли сторожки.

«Пусть хотя бы войдет внутрь и выпьет чего-нибудь горячего, — думал он. — А там я уж найду предлог…»

На стук никто не ответил, и Райнер, подождав, предложил:

— Слушайте, идемте лучше в дом.

— Нет!

— Я вполне способен…

— Нет, вам в дом нельзя!

Факсон начал колотить в дверь с удвоенной силой, и наконец на лестнице послышались шаги.

Райнер прислонился к косяку, и, когда дверь открылась, свет упал на его бледное лицо и застывший взгляд. Факсон схватил друга за руку и втащил внутрь.

— До чего же там холодно, — выдохнул юноша.

И вдруг, словно невидимые ножницы разом перерезали все мышцы, у него подкосились ноги, и он осел, повиснув на руке Факсона.

Вдвоем со сторожем они кое-как подняли юношу, занесли на кухню и уложили на диван у плиты.

Пробормотав, что предупредит всех в доме, сто-

рож выскочил наружу. Факсон слышал его слова, не вникая в их смысл: никакие дурные предвестия больше не имели значения в сравнении со свершившейся бедой. Он опустился на колени, расстегнул меховой воротник на шее Райнера и почувствовал на пальцах теплую влагу. Он глянул на них — руки были в крови…

V

Вдоль желтой реки тянулся бесконечный ряд пальм. У пристани стоял маленький пароходик, и Джордж Факсон, сидя на веранде деревянной гостиницы, безучастно наблюдал за тем, как кули[23] сносят груз по трапу.

Похожую картину он лицезрел уже два месяца. Почти пять лет пролетело с тех пор, как он сошел с поезда в Нортридже и принялся выискивать глазами сани, которые должны были доставить его в Веймор — Веймор, которого он так и не увидел!.. Из пролетевших месяцев — особенно их первой половины — в памяти ничего не сохранилось. Даже сейчас он не мог сказать точно, как попал обратно в Бостон, как добрался до дома кузена и

---

[23] Примечания: 23

Носильщик, грузчик, чернорабочий в Индии, Китае, Японии, Индонезии.

как потом угодил в тихую палату с видом на голые деревья в снегу. Он сидел и разглядывал однообразный пейзаж, пока однажды его не навестил товарищ по Гарварду и не пригласил поехать с ним по делам на Малайский полуостров.

— Ты пережил сильное потрясение, и тебе не мешает сменить обстановку, — сказал он.

Доктор, совершавший обход на следующий день, уже знал об этих планах и поддержал идею.

— Годик спокойной жизни пойдет вам на пользу, — заверил он. — Отдохните, насладитесь природой.

Тогда Факсон впервые почувствовал слабые проблески любопытства.

— А что со мной было?

— Скорее всего, вы переусердствовали. Нервный срыв у вас, похоже, намечался еще до поездки в Нью-Гемпшир прошлой зимой. А смерть того бедного мальчика сразила вас окончательно.

Ах да, Райнер умер. Это он помнил…

Они отбыли на Восток, и мало-помалу в его изможденный организм и заиндевелую душу стала возвращаться жизнь. Друг проявлял терпение и такт, они двигались не спеша и мало разговаривали. Поначалу Факсон боялся всего, что могло

напомнить о прошлом. Он почти не заглядывал в газеты и не вскрыл без замирания сердца ни единого письма. Не то чтобы его одолевали какие-то конкретные страхи, просто за всем знакомым и привычным тянулся огромный мрачный шлейф. Слишком глубоко заглянул он в бездну… И все же к нему понемногу возвращались силы и здоровье, а с ними просыпалось и любопытство. Он вновь начал интересоваться внешним миром и даже чувствовал легкое разочарование, когда хозяин отеля сообщал, что писем для него нет. Друг отправился в длительную экспедицию в джунгли, и Факсон маялся от одиночества, безделья и скуки. Он встал и побрел в душную читальню.

Там он нашел домино, пазл, в котором не хватало половины кусочков, несколько экземпляров «Сионистского вестника»[24] и стопку нью-йоркских и лондонских газет. Начав их листать, он с досадой отметил, что они устарели. Очевидно, номера посвежее умыкнули более удачливые путешественники. Перебирая газеты, Факсон в первую очередь отыскивал американские. Они оказались самыми давнишними — последние вышли в декабре — январе. Однако для Факсона

---

[24] Примечания: 24

Zion's Herald — независимая методистская газета, выходившая в Бостоне с 1823 года.

они дышали новизной, поскольку относились именно к тому периоду, когда он практически выпал из жизни. До недавнего времени ему и в голову не приходило узнать, что с тех пор творилось в мире, а теперь внезапно захотелось все наверстать.

Чтобы продлить удовольствие, Факсон решил разложить номера в хронологическом порядке. Он нашел и расправил самый ранний — дата щелкнула в сознании, как ключ в замке. Семнадцатое декабря: день после его приезда в Нортридж. На первой же странице красовалось броское сообщение: «Крах компании „Опал цемент“. В деле замешан Лавингтон. Уолл-стрит сотрясают разоблачения в чудовищной коррупции».

Он начал читать. Покончив с первой газетой, потянулся за следующей. Эта вышла тремя днями позже, однако расследование по делу «Опал цемент» продолжало заполнять первые полосы. От репортажей об алчности и крахе взгляд Факсона переместился к некрологам, и он прочел: «Райнер. Скоропостижно, в Нортридже, Нью-Гемпшир, Фрэнсис Джон, единственный сын покойного…»

На глаза набежали слезы, Факсон уронил газету и долго сидел, спрятав лицо в ладони. Подняв

вновь голову, он увидел, что нечаянно задел остальные газеты, и те упали к его ногам. Взгляд машинально скользнул по самой верхней из них. «Джон Лавингтон подготовил план по реконструкции компании, и он готов вложить десять миллионов из собственных средств… План поступил на рассмотрение в окружную прокуратуру».

Десять миллионов… десять миллионов собственных средств… Откуда, если Лавингтон разорился?.. Факсон с криком вскочил. Так вот что означало странное предостережение! И если бы он не сбежал, не кинулся сломя голову в ночь, он мог бы разрушить чары беззакония, заставить темные силы отступить!

Он схватил кипу газет и стал лихорадочно просматривать их одну за другой в поисках рубрики «Вступившие в силу завещания». Нужный абзац нашелся в последнем номере — Факсону почудилось, что на него устремлен угасающий взгляд самого Райнера.

Вот — вот что он натворил! Высшие силы сострадания избрали его своим посланником, призвали предупредить и уберечь, а он не внял их призыву, умыл руки и сбежал. Буквально умыл руки!

Факсон мысленно перенесся в сторожку, где,

поднявшись с колен возле Райнера, увидел, что руки у него в крови…

1914

Керфол

I

— Тебе сам Бог велел его купить, — настаивал приятель, у которого я гостил. — Идеальное место для закоренелого одиночки вроде тебя! К тому же ты станешь обладателем самого романтического замка в Бретани. Теперешние владельцы вконец разорены и отдадут дом за бесценок. Купи непременно!

Я не имел ни малейшего желания соответствовать образу, навязанному мне Ланривеном (наоборот, несмотря на мою кажущуюся нелюди-

мость, в глубине души я всегда мечтал о семейном уюте), и все же одним осенним днем отправился в Керфол. Приятель ехал по делам в Кемпер и по пути высадил меня на пустынном, заросшем вереском перекрестке.

— Первый поворот направо, потом второй налево, — сказал он. — Дальше все время прямо, пока не выйдешь на ведущую к замку аллею. У местных дорогу не спрашивай — они только делают вид, что понимают по-французски, и наверняка тебя запутают. Встретимся здесь же на закате… Да, и не забудь посетить гробницы в часовне!

Указания Ланривена мне не пригодились, потому что я, к своему удивлению, тут же забыл, где сворачивать направо, а где налево. Попадись мне какой-нибудь крестьянин, я непременно спросил бы дорогу и, скорее всего, заблудился бы; однако я не встретил ни души и, поплутав по вересковой пустоши, чудом свернул там, где надо, и вышел на аллею. Ничего похожего я в жизни не видел, поэтому мгновенно понял: это она! По обе стороны тянулись ввысь серые стволы, а ветви переплетались над головой, образуя своеобразный свод, сквозь который едва пробивался осенний свет. Я неплохо разбираюсь в деревьях, но до сих пор не пойму, что это был за дерево. Они одновременно

походили на могучие вязы, изящные тополя и пепельно-серые оливы в дождливый день, причем этот беспросветный туннель тянулся по меньшей мере на полмили. Если на свете и существовала дорога, которая определенно к чему-то вела, так это керфольская аллея. Ступив на нее, я почувствовал, как екнуло сердце.

Миновав деревья, я вышел к высокой стене с массивными воротами. От них меня отделяло открытое, поросшее травой пространство, к которому сходились другие такие же аллеи. За стеной высились шиферные крыши, подернутые серебристым мхом, колокольня часовни и верхушка замка. Ров вокруг давно зарос ежевикой и бурьяном, откидной мост заменили на каменный, а подъемную решетку — на железные ворота. Я долго стоял и озирался вокруг, вбирая в себя атмосферу этого древнего места.

«Лучше всего подождать, — решил я. — Авось выйдет сторож и проведет меня к гробницам…»

Правда, я надеялся, что выйдет он не скоро.

Я присел на камень и закурил — и тут же ощутил неуместность и бестактность своего поступка. Огромный дом смотрел на меня пустыми глазницами, безлюдные аллеи зловеще обступали со всех сторон, а тишина стояла такая,

что скрип спички о коробок разнесся вокруг, как визг тормозов. Я почти слышал, как она упала в траву. Хуже всего было сознание собственной ничтожности и пустой бравады, с которой я сидел и дымил в лицо представшей передо мной старины.

Истории Керфола я не знал — в Бретань приехал впервые, да и Ланривен прежде о замке не заговаривал, — но уже одного взгляда на эту громадину было достаточно, чтобы проникнуться уважением к ее древности. Я мог лишь гадать о прошлом, которое скрывали эти стены; наверняка не обошлось без многовекового переплетения жизней и смертей, что придает величественность всем старинным домам. И все же вид Керфола предполагал нечто большее: над ним довлел груз мрачных и жестоких воспоминаний, уходящих, подобно тем серым аллеям, в непроглядную тьму.

Никакое другое место не производило на меня впечатления такого полного и окончательного разрыва с настоящим. Замок стоял, вознося к небу гордые крыши и фронтоны, как надгробие самому себе.

«Гробницы в часовне? Да тут все — одна сплошная гробница!» — подумал я, на этот раз с надеж-

дой, что сторож не появится вовсе. Отдельным деталям, какими бы поразительными они ни были, уж точно не затмить общего впечатления; мне хотелось лишь продолжать сидеть вот так, не нарушая поглотившей меня тишины.

«Идеальное место для тебя! — сказал Ланривен. Надо же ляпнуть такое живому человеку, мол, Керфол для него — подходящее место! Неужели непонятно, что тут…» — Не сумев выразить переполнявшие меня чувства, я встал и медленно побрел к воротам. Вдруг страшно захотелось узнать больше — не увидеть, а именно узнать — о том, что скрыто от глаз, прочувствовать то, что готовы поведать эти стены…

«Вот только чтобы проникнуть внутрь, нужен сторож», — с досадой думал я, миновав мост и нерешительно подходя к воротам.

Легонько толкнув железную дверь, я открыл ее и пересек широкую галерею, chemin de ronde[25], тянувшуюся вдоль стены. Ее внутренний край упирался в деревянное заграждение, за которым начинался двор. Главное строение стояло прямо передо мной, и теперь я видел, что от половины фасада остались лишь руины с зияющими

[25] Примечания: 25

Боевой ход *(фр.)* — в древней и средневековой фортификации проход с бойницами вдоль крепостной стены.

окнами, сквозь которые проглядывали буйные заросли и деревья в саду. Остальная часть замка сохранила свою суровую красоту. С одной стороны фасад подпирала круглая башня, по другую сторону стояла ажурная часовня, а недалеко от входа изящный колодец увенчивали замшелые каменные вазоны. Перед входом росли несколько розовых кустов, а на одном подоконнике я даже приметил горшок с фуксиями.

Гнетущее ощущение чьего-то невидимого присутствия уступило место любопытству, вызванному моим давним интересом к архитектуре. Замок просто поражал, и мне страшно захотелось его исследовать. Окинув взглядом двор, я попытался определить, в какой стороне жил сторож, потом толкнул заграждение и шагнул внутрь. Мне тотчас преградила путь собака — вернее, собачонка, до того красивая, что на мгновение я забыл о великолепном месте, которое она охраняла. Позднее я узнал, что то была редкая китайская порода — пекинес. Маленькая, палевая, с огромными карими глазами и пушистой холкой: точь-в-точь хризантема. Помню, я подумал: «Таким собачонкам лишь бы потявкать, так что обязательно кто-нибудь выйдет».

Песик стоял и злобно — почти грозно — на

меня смотрел. Однако не тявкал и ничего не предпринимал. Я чуть подался вперед — собака отступила. Тут я заметил другого пса неопределенной породы, с грубой свалявшейся шерстью, который прихрамывал на одну лапу.

«Ну, теперь уж наверняка начнется», — только подумал я, как из-за двери выскользнула белая длинношерстная дворняга и присоединилась к двум первым. Я начал медленно двигаться к дому, и собаки попятились на полусогнутых лапах, не сводя с меня глаз.

«Выжидают, чтобы наброситься разом — у своры такое в ходу». Впрочем, я их совсем не боялся — собаки были небольшие и не свирепые на вид. К тому же не мешали мне разгуливать по двору: держались они поодаль — хотя и не отставали и не сводили с меня глаз.

Я присмотрелся к разрушенному фасаду и в одном из пустых оконных проемов заметил еще одного пса. Белый пойнтер с коричневым ухом выглядел старше и опытнее остальных.

«Этот уж точно спуску не даст», — решил я, но пес продолжал следить за мной из окна, за которым росли деревья. Я тоже уставился на него, прикидывая, спровоцирую ли таким образом ответную реакцию. Нас разделяло полдвора, мы

молча сверлили друг друга глазами. Пес оставался неподвижен, и в конце концов я отвернулся. Остальные собаки по-прежнему выжидали, только теперь к свите добавилась тощая черная борзая с глазами цвета бледного агата. Она заметно дрожала, выглядела пугливее остальных и держалась чуть поодаль. За все это время никто из нас не издал ни звука.

Так я простоял целых пять минут — все вокруг замерло в ожидании. Наконец я шагнул к палевой собачонке, чтобы ее погладить. И тут же отпрянул с нервным смехом. Песик не зарычал, не оскалился, а просто отступил и замер, не отводя глаз.

— Да и черт с тобой! — махнул я рукой и зашагал через двор к колодцу.

Собаки молча разбрелись по двору. Я осмотрел вазоны, подергал пару запертых дверей, оглядел сверху донизу немой фасад и повернулся к часовне. Тут я заметил, что собаки куда-то делись — все, кроме старого пойнтера, следившего за мной из окна. Избавившись от толпы непрошеных зевак, я воспрял духом.

«Наверняка в саду кто-нибудь есть», — предположил я и стал оглядываться по сторонам, ища возможность проникнуть за дом. Не найдя ничего

лучше, я перелез через ров и поросшую ежевикой стену и попал в сад. Там в неухоженных клумбах под равнодушным взором дома чахли герани и гортензии. Эта сторона выглядела проще и грубее фасада: длинная гранитная стена со скошенной крышей и почти без окон напоминала крепостную тюрьму. Я обогнул дальнее крыло, взошел по развалившимся ступеням и очутился в глубоком полумраке невероятно узкой садовой дорожки, где едва мог протиснуться человек, а росшие по бокам кусты сплетались прямо над головой. Их некогда яркая зелень потускнела и посерела под стать деревьям аллеи. Ветви этого призрака прошлого царапали мне лицо и с сухим шелестом отлетали назад. Наконец я вышел на поросшую травой chemin de ronde. По ней я вернулся к башне у ворот и посмотрел вниз — двор по-прежнему пустовал, даже собак было не видать. Я спустился по ступенькам в стене, и тут же передо мной предстала моя давешняя свита: палевый пекинес впереди отряда, дрожащая черная борзая — чуть позади.

— Чтоб вам пусто было! — рассерженно крикнул я и вздрогнул от разнесшегося эха.

Псы стояли неподвижно, глядя на меня. Поняв, что препятствовать моему приближению к замку

они не намерены, я не спеша присмотрелся к своре. Должно быть, этих собак запугали. Впрочем, голодными или облезлыми они не выглядели. Да и худыми тоже, за исключением разве что борзой. Скорее всего, хозяева просто не обращали на них внимания, никогда с ними не разговаривали, и постепенно тишина этого места укротила их резвость и пытливую натуру. Почему-то эта странная пассивность, почти человеческая вялость пронимали сильнее, нежели страдания голодных забитых животных. Растормошить бы их, заставить разыграться… но чем дольше я смотрел в их неподвижные усталые глаза, тем более нелепой представлялась эта затея. Разве можно резвиться, когда над тобой довлеет такой мрачный дом? Собаки, видимо, давно смекнули, что замок стерпит, а чего нет. Я даже вообразил, что они прочли мои мысли и жалеют за легкомыслие. Тем не менее их жалость, похоже, не могла пробиться сквозь плотный туман безразличия. До меня вдруг дошло, что нас разделяет гораздо больше, чем пара ярдов. От собак веяло общей памятью пережитого горя, после которого ничто не стоило ни рыка, ни взмаха хвостом.

— Ну вас всех, — в сердцах крикнул я, обращаясь к своре. — Можно подумать, вы призрака

увидали! Или тут и в самом деле бродит привидение, которому, кроме вас, некого пугать?

Собаки продолжали молча на меня смотреть…

* * *

Уже стемнело, когда на перекрестке замаячили фары автомобиля Ланривена, и вид их, надо сказать, меня сильно обрадовал. Я будто вырвался из самого одинокого места на свете, и одиночество это мне, как и следовало ожидать, совсем не понравилось. Друг вез из Кемпера своего поверенного, который собирался у нас заночевать, и, сидя рядом с толстым общительным незнакомцем, я не испытывал ни малейшего желания говорить о Керфоле…

Однако тем же вечером в гостиной, когда приятель с поверенным уединились в кабинете, мадам де Ланривен учинила мне допрос.

— Ну что, надумали покупать Керфол? — задорно спросила она, подняв глаза от вышивания.

— Пока нет. Честно говоря, я даже в дом не зашел, — объяснил я, как будто просто отложил решение и намерен вернуться туда вновь.

— Не может быть! Отчего так? Нынешние хозяева ждут не дождутся, чтобы избавиться от замка, и старому сторожу поручено…

— Охотно верю, только сторожа я не видел.

— Надо же, как жаль! Наверное, отъехал на рынок. Правда, обычно он оставляет свою дочь…

— Там не было ни души.

— Вот странно! Совсем никого?

— Только свора собак, причем, судя по всему, предоставленных самим себе.

Мадам де Ланривен опустила вышивку на колени и сложила руки. Несколько минут она в задумчивости смотрела на меня.

— Свора собак… вы их в самом деле видели?

— Еще бы! Только их и видел!

— А сколько? — почти шепотом спросила она. — Сколько их было? Мне всегда хотелось узнать…

Я с удивлением уставился на мадам де Ланривен, ибо полагал, что место ей хорошо знакомо.

— Вы никогда не бывали в Керфоле? — спросил я.

— Бывала, и не раз. Но не в такой день.

— Какой день?

— Вы уж простите, у меня совершенно вылетело из головы — и Эрве забыл. Иначе ни за что не отправили бы вас сегодня. Впрочем, кто ж поверит в такую чушь, правда?

— Вы о чем? — Я вслед за ней невольно перешел

на шепот, а про себя подумал: «Знал же, что там дело нечисто…»

Мадам де Ланривен кашлянула и ободряюще улыбнулась.

— Неужели Эрве не рассказывал вам историю Керфола? В ней даже замешан один его предок. В Бретани чуть ли не у каждого дома свои привидения, и порой с ними связаны весьма неприятные истории.

— А при чем здесь собаки?

— Понимаете, собаки и есть привидения Керфола. Во всяком случае, крестьяне говорят, что раз в году там появляются собаки-призраки. В этот день сторож с дочерью уезжают в Морле и напиваются. Женщины в Бретани, кстати, пьют как сапожники. — Она помолчала, выбирая шелковую нить, затем подняла на меня свои очаровательные, полные любопытства глаза парижанки. — Вы и правда видели целую свору? В Керфоле нет ни одной собаки.

II

На следующий день Ланривен выудил с самой дальней полки библиотеки увесистый том в потертом кожаном переплете.

— Вот она, как бишь ее? «Судебные ассизы гер-

цогства Бретани. Кемпер, 1702 год». Книга вышла лет через сто после керфольского дела, однако процесс задокументирован с юридической скрупулезностью. Прелюбопытное чтиво. Кстати, в деле замешан некто Эрве де Ланривен — не моего поля ягода, да ты и сам увидишь. Впрочем, родственник он очень дальний, по какой-то боковой ветке. Возьми, почитай на ночь. В темноте ты потом точно спать не станешь!

Свет я в ту ночь и правда не гасил, но главным образом потому, что зачитался и отложил книгу лишь на рассвете. Суд над Анной де Корно, женой лорда Керфола, длился почти месяц и, как верно подметил мой друг, записан был чуть ли не дословно. К тому же шрифт в книге оставлял желать лучшего…

Поначалу я думал воспроизвести ту запись полностью. Однако из-за множества повторов и постоянных уходов в сторону ее пришлось распутать и порядком сократить. Кое-где я все же сохранил исходный текст, потому что никакими другими словами не описать того, что я испытал в Керфоле. От себя, во всяком случае, я ничего не добавил.

III

В 16… году владелец Керфола Ив де Корно отправился в Локронан на pardon[26]. Богатый и влиятельный дворянин, которому тогда шел шестьдесят второй год, был все еще крепок и здоров, слыл отличным наездником и охотником, к тому же набожным человеком, о чем единодушно свидетельствовали соседи. Коренастый и приземистый, ноги из-за долгого пребывания в седле он ставил «колесом», имел смуглое лицо, крючковатый нос и крупные волосатые руки. Женился рано, вскоре потерял жену и сына и с тех пор жил в Керфоле один. Дважды в год он неделю или две проводил в красивом особняке у реки в Морле. Иногда отлучался по делам в Ренн и, по словам очевидцев, вел во время этих поездок совсем иной образ жизни, нежели в Керфоле, где занимался сугубо управлением владений, исправно посещал службу и лишь иногда охотился на кабана и птицу. Впрочем, слухи эти к делу не относятся, ибо среди местной знати он пользо-

[26] Примечания: 26

Прощение *(фр.)* — традиционный крестный ход паломников в Бретани. В бретонском городке Локронане каждые шесть лет проходит Большое Тромени — 12-километровое шествие, посвященное святому Ронану.

вался репутацией праведника, чуть ли не аскета. Никаких вольностей в отношении крестьянских женщин он себе не позволял, хотя дворяне в ту пору особо с челядью не церемонились. Поговаривали даже, что после смерти жены он ни разу не взглянул на другую, хотя доказать подобные вещи трудно, да и свидетельства на этот счет вряд ли надежны.

Так или иначе, на шестьдесят втором году жизни Ив де Корно отправился на pardon в Локронан, где увидал молодую красавицу из Дуарнене2 — та ехала почтить святого, восседая на лошади позади отца. Звали ее Анна де Барриган; она тоже происходила из древнего бретонского рода, просто менее знатного и влиятельного, чем род Ива де Корно; отец ее спустил все состояние в карты и жил чуть ли не как крестьянин в маленькой усадьбе на болотах… Я обещал не добавлять к сухому изложению фактов ничего от себя, однако не могу не прерваться, чтобы описать молодую даму, подъехавшую к кладбищу Локронана в ту самую минуту, когда перед воротами спешился барон де Корно. Я получил о ней представление по выцветшему портрету в кабинете Ланривена, выполненному настолько сдержанно и без прикрас, что он вполне мог принадлежать одному из

учеников Клуэ[27]. Единственным указанием на то, что это и есть Анна де Барриган, можно считать инициалы «А.Б.» и дату — спустя год после их свадьбы. На портрете изображена молодая женщина со слегка заостренным овалом лица, полными губами, чуть опущенными в уголках. У нее маленький носик, изящно изогнутые брови, проведенные тончайшим штрихом, как на китайской гравюре, высокий лоб и светлые густые волосы, подобранные в невысокую прическу. Глаза не большие и не маленькие, скорее всего, орехового цвета; взгляд одновременно кроткий и уверенный; красивые длинные руки сложены на груди…

Керфольский капеллан и другие свидетели утверждали, что по возвращении из Локронана, едва барон соскочил с коня, как велел немедля седлать другого, кликнул молодого пажа и в тот же вечер умчался на юг. На следующее утро за ним последовал управляющий с сундуками, погруженными на пару вьючных мулов. Через неделю Ив де Корно воротился в Керфол, послал за прислугой и прочими обитателями замка и

---

[27] Примечания: 27

Франсуа Клуэ (1515–1572) — живописец эпохи Французского Ренессанса и портретист при дворе королей Франциска I, Генриха II, Франциска II и Карла IX. Один из ведущих мастеров знаменитой школы Фонтенбло.

объявил, что в День Всех Святых женится на Анне де Барриган из Дуарнене[2]. В назначенный день сыграли свадьбу.

Согласно свидетельским показаниям обеих сторон последующие несколько лет супруги жили счастливо. Никто не обвинял Ива де Корно в дурном обращении с женой, и было ясно, что он вполне доволен совершенной сделкой. Более того, и капеллан, и прочие свидетели обвинения признали благотворное влияние молодой леди на мужа. Он стал менее придирчив к арендаторам, не так жесток с крестьянами и прислугой, с ним реже случались приступы угрюмого молчания, пугавшие домочадцев после того, как он овдовел. Что касается мадам де Корно, ее жизнь в Керфоле, по словам защиты, омрачало лишь одиночество, а когда барон отлучался по делам в Ренн или Морле (куда жену с собой не брал), ей без сопровождения не дозволялось выходить даже в сад. Впрочем, в суде никто не назвал ее несчастной, кроме одной служанки, припомнившей, как однажды застала госпожу в слезах. Мадам сетовала на свою злосчастную судьбу: мол, ей не суждено родить ребенка и нет у нее в жизни ничего своего. Однако жалобы эти отнесли к естественным чувствам жены, скучавшей

по мужу. Сам Ив де Корно, которого наверняка сильно печалило, что она не родила ему сына, по собственному признанию подсудимой, никогда ее в том не упрекал. Напротив, старался отвлечь, осыпая подарками и любезностями. Несмотря на огромное богатство, щедростью он никогда не отличался, однако на Анну денег не жалел. Шелка, украшения, наряды; он одаривал ее всем, что нравится женщинам. Любого странствующего торговца принимали в Керфоле с почестями, и хозяин ни разу не вернулся с пустыми руками из Морле, Ренна или Кемпера: всегда привозил нечто особенное и диковинное. Приведу здесь любопытный список даров за год, полученный на перекрестном допросе от горничной. Из Морле — резная джонка из слоновой кости с китайцами на веслах; какой-то моряк вез ее как подношение в храм Пресвятой Богородицы возле Плуманака; из Кемпера — платье, вышитое монахинями церкви Успения; из Ренна — серебряная роза, которая раскрывалась и являла янтарную Деву в короне из гранатов; опять из Морле — отрез дамасского бархата с золотой отделкой, купленный у сирийского еврея; а на Михайлов день того же года из Ренна — ожерелье или браслетку из изумрудов, жемчуга и рубинов, нанизанных как бусины на

золотую цепочку. По словам горничной, именно этот подарок больше всего порадовал мадам. Позже сие ценное украшение было предъявлено на суде и произвело сильное впечатление и на судей, и на присяжных.

Той же зимой барон вновь отлучился, на этот раз в Бордо, и привез нечто куда более диковинное и прелестное, чем украшение. Прибыв в Керфол зимним вечером, он застал жену у камина — та сидела и глядела на огонь. Муж поставил перед ней бархатную коробку и открыл крышку — оттуда выпрыгнула золотистая собачка!

«Какое чудо! — в восторге ахнула Анна де Корно, беря животное на руки. — Она похожа на птичку или бабочку!»

Собачка поставила лапки ей на плечи и посмотрела своими «точно христианскими» глазами. С тех пор Анна не отпускала от себя питомицу, постоянно гладила ее, разговаривала с ней, как с ребенком — собственно, та и стала ей заместо ребеночка. Ив де Корно был страшно доволен покупкой. Собаку принес ему моряк с ост-индийского торгового судна, который купил ее у паломника на базаре в Яффе, который, в свою очередь, украл ее у жены знатного китайского вельможи: вполне допустимый поступок,

поскольку паломник был христианином, а вельможа — язычником, обреченным на адский огонь. Ив де Корно выложил за собаку немалую сумму, ведь порода вошла в моду при дворе, и моряк знал ей цену; однако столь велика была радость Анны, что за удовольствие лицезреть, как жена смеется и играет с маленьким зверьком, муж, без сомнения, отдал бы и вдвое больше.

* * *

Пока все показания более-менее сходились, я мог плавно вести повествование, но дальше лавировать становится куда труднее. По возможности буду стараться придерживаться заявлений самой Анны, хотя под конец бедняжка совсем…

Итак, однажды зимней ночью, спустя год после того, как в Керфоле появилась собачка, Ив де Корно был найден мертвым. Его обнаружила и подняла тревогу супруга — он лежал на верхнем пролете лестницы, ведущей во двор. Несчастная пребывала в таком ужасе и смятении — да вдобавок была вся перепачкана в крови, — что сбежавшиеся домочадцы спросонья не смогли разобрать ни слова и решили, что хозяйка тронулась умом. Потом они увидели на площадке барона — тот лежал головой вперед, а по ступень-

кам стекала кровь. Лицо и шея были разодраны и будто бы проколоты острым предметом, на ноге зияла глубокая рана — порванная артерия, по-видимому, и стала причиной смерти. Как же барон там оказался и кто его убил?

Мадам де Корно заявила, что спала в своей постели, проснулась от криков, выбежала из спальни и нашла мужа на лестнице. Ее показания немедленно подвергли сомнениям. Во-первых, нехитрая проверка выявила, что из спальни невозможно услышать крики из-за толщины стен и длины коридора; во-вторых, сразу стало очевидно, что подсудимая не спала, так как, зовя на помощь, была полностью одета, а постель — нетронута. Кроме того, дверь внизу лестницы была приоткрыта, и капеллан (человек весьма наблюдательный) заметил, что платье хозяйки вымазано кровью в области коленей, а стены вдоль лестницы сохранили следы окровавленных рук, в силу чего возникло предположение, что когда барон упал, она стояла у двери и, поднимаясь к нему в темноте, перемазалась стекавшей по ступенькам кровью. С другой стороны, кровавые пятна на платье могли объясняться тем, что она опустилась на колени подле супруга, выбежав из спальни; однако открытая дверь в сад и

тот факт, что отпечатки пальцев на лестнице были направлены вверх, говорили не в ее пользу.

Несмотря на несостоятельность изложенной версии событий, обвиняемая твердо придерживалась своих показаний первые два дня, а на третий ей сообщили, что живущий по соседству молодой дворянин Эрве де Ланривен арестован в силу причастности к убийству. Сразу нашлись пара-тройка свидетелей, которые заявили, что всему округу известно о былой дружбе между Ланривеном и мадам де Корно, но поскольку тот уже больше года не появлялся в Бретани, люди перестали о них судачить. Правда, свидетели, выступившие с подобным заявлением, особого доверия не внушали. Одну из них — старую собирательницу трав — подозревали в колдовстве, другой оказался вечно пьяным подьячим из соседнего прихода, а третий — полоумным пастухом, у которого язык был без костей. Неудовлетворенному прокурору требовались более веские доказательства причастности Ланривена, нежели клятвенные заверения знахарки, что в ночь убийства тот карабкался по стене замка.

В те времена не считалось зазорным вымогать недостающие доказательства силой. Неизвестно, какого рода давлению подвергли Анну де

Корно, но на третий день в суде она «выглядела слабой и рассеянной», и когда ей предложили взять себя в руки и поклясться собственной честью и ранами Искупителя, она созналась, что действительно сошла вниз, чтобы поговорить с Эрве де Ланривеном (который все отрицал), и уже оттуда услышала шум на лестнице. Такое объяснение звучало куда правдоподобнее, и прокурор наконец довольно потер руки. Его ликование удвоилось, когда живущая в Керфоле челядь была принуждена (со всей искренностью) сознаться, что за год-два до смерти хозяин вновь стал гневным и вспыльчивым и что у него возобновились приступы угрюмого молчания. Все это свидетельствовало о том, что дела в Керфоле шли не лучшим образом, хотя каких-то явных признаков разлада между супругами никто не замечал.

Ответ Анны де Корно на вопрос о причине ночной встречи с Эрве де Ланривеном вызывал у присутствующих в суде улыбку. Она сказала, что ей было одиноко и она хотела перемолвиться словечком с молодым человеком.

— Других причин не было? — уточнил прокурор.

— Нет, клянусь крестом над головами ваших светлостей, — был ответ.

— Почему же ночью?

— Потому что в другое время я увидеться с ним не могла.

Так и представляю себе, как горностаевые воротнички переглядываются под распятием.

Последующие ответы Анны де Корно подтвердили, что чувствовала она себя в замужестве очень одинокой — «покинутой», как она выразилась. Да, муж редко ей грубил, но бывали дни, когда он с ней вовсе не разговаривал. Да, он никогда ее не бил и не угрожал ей, но держал в Керфоле как пленницу, а когда уезжал в Морле, или в Кемпер, или в Ренн, то вводил за ней такой строгий надзор, что она и цветка в саду не могла сорвать без ведома служанок.

«Я не королева, к чему такие почести?» — спросила она его однажды, на что муж ответил, что имеющему сокровище негоже оставлять ключ в замке[2].

«Тогда бери меня с собой», — попросила она, однако тот возразил, что жизнь в городе порочна и молодым женам лучше сидеть у домашнего очага.

— О чем же вы хотели говорить с Эрве де Ланривеном? — поинтересовался судья, и подсудимая ответила:

— Хотела просить его забрать меня с собой.

— Так вы признаете, что сошли к нему с мыслью об измене?

— Нет.

— Тогда к чему такая просьба?

— Я боялась за свою жизнь.

— Кто же ей угрожал?

— Мой муж.

— С чего вы решили?

— Он задушил мою собачку.

Могу себе представить улыбки в зале суда: во времена, когда любой вельможа имел право вешать своих крестьян и большинство дворян так и поступали, придушить домашнюю зверушку считалось сущим пустяком.

Тогда один из судей, видимо пожалев подсудимую, предложил ей пояснить свое заявление, и Анна поведала вот что.

Первые годы брака протекали уныло, хотя муж был к ней добр. Будь у нее ребенок, она была бы счастлива, а так дни тянулись долго, и часто шли дожди. Барон нередко уезжал и оставлял ее одну; и хотя он неизменно возвращался с подарком, от одиночества это не спасало. По крайней мере до тех пор, пока он не привез ей маленькую собачку с Востока: после этого жить стало куда

веселее. Супруг был явно доволен, что жене так полюбилась собачка, и даже позволил надеть ей на шею подаренную ранее браслетку и держать у себя в спальне.

Однажды Анна уснула в своей комнате, а собачка, по обыкновению, легла у нее в ногах. (Баронесса любила класть босые ноги на спину зверька.) Внезапно она пробудилась, почувствовав, что рядом кто-то стоит.

«Ты напоминаешь надгробие моей прабабушки Юлианы де Корно, — сказал муж с елейной улыбкой. — Она точно так же лежит в часовне с ногами на собаке».

От такого сравнения Анне стало не по себе.

«Что ж, когда я умру, поставь рядом и мое мраморное изваяние с собачкой».

«Ну, это мы еще посмотрим, — усмехнулся он, при этом нахмурив черные брови. — Собака — символ верности».

«Ты сомневаешься в том, что я заслужила право на надгробие с собакой?»

«Когда я в чем-то сомневаюсь, я выясняю правду. Я уже немолод, — добавил он, — и люди судачат, что тебе одиноко. Но если ты того заслужишь, клянусь: увековечу тебя с собакой».

«А я клянусь быть верной. Хотя бы ради надгро-

бия с моей милой собачкой».

Вскоре после того разговора барон отбыл по делам в кемперский суд, а его тетка, вдова крупного аристократа, приехала переночевать в Керфол по пути на pardon святой Барбаре. Женщиной она была знатной и набожной, Ив де Корно ее очень уважал, и когда она предложила Анне отправиться с ней, никто не посмел возразить; капеллан и тот одобрил паломничество. Таким образом, Анна отправилась в Роскоф, где впервые поговорила с Эрве де Ланривеном. Прежде он как-то приезжал в Керфол с отцом, но молодые люди не обменялись и десятком слов. Впрочем, и в этот раз они не простояли под каштаном у выхода из часовни и пяти минут.

«Мне вас жаль, — сказал молодой человек. Анну удивило, что ее жалеют, а Эрве добавил: — Если понадоблюсь, только позовите».

Анна лишь слегка улыбнулась в ответ, но впоследствии часто с радостью вспоминала эту встречу.

Она признала, что с тех пор виделась с ним лишь трижды. Она не уточнила, при каких обстоятельствах, предположительно из боязни кому-то навредить. Встречи были редкими и непродолжительными; в последний раз Эрве сообщил, что

отбывает за границу по делам, сопряженным с немалыми опасностями, и может задержаться на долгие месяцы. Он попросил у нее на память какую-нибудь вещицу, и она не придумала ничего лучше, как отдать цепочку, служившую ошейником для собаки, о чем впоследствии пожалела.

Барон в то время пребывал в отъезде. Спустя несколько дней он вернулся и, подняв на руки собачку, не увидел ожерелья. Жена сказала, что оно потерялось и что они с горничными потом целый день его искали. Анна в самом деле заставила прислугу искать цепочку — они все поверили, что собака обронила ее где-то в саду.

Муж на это ничего не ответил и за ужином пребывал в обычном расположении духа — ни хорошем, ни плохом: трудно сказать в каком. Он много рассказывал о том, что видел и делал в Ренне, хотя время от времени умолкал и пристально глядел на жену. Когда та поднялась в спальню, она обнаружила у себя на подушке мертвую собачонку. Анна наклонилась к еще теплому зверьку, но тотчас в ужасе отпрянула — питомицу задушили, дважды обернув вокруг шеи цепочку, которую она отдала Ланривену.

На заре она похоронила питомицу в саду, а браслетку спрятала на груди. Ни она, ни муж ни

словом не обмолвились о случившемся; только в тот же вечер он повесил крестьянина за кражу вязанки хвороста, а на следующий день забил до полусмерти молодого, еще не объезженного коня.

Тем временем зима окончательно вступила в свои права; один за другим пролетали короткие дни и тянулись длинные ночи. От Эрве де Ланривена вестей не было. Убил ли его муж или же просто выкрал цепочку — она не ведала. День за днем в окружении служанок с прялками у камина, ночь за ночью ворочаясь в постели, она с трепетом гадала о его судьбе. Порой барон с улыбкой взглядывал на супругу с другого конца стола — и тогда она не сомневалась: Ланривен мертв. Расспрашивать о нем она не могла, боясь, что муж обязательно узнает. Даже когда в замке гостила известная провидица, в кристальном шаре которой можно было увидеть весь мир и к которой побежали все горничные, Анна не посмела к ней обратиться.

Зима была долгой, темной и дождливой. Как-то в отсутствие Ива де Корно в Керфол заглянули цыгане с целой сворой дрессированных собак. Анна купила самую маленькую и умную: белую собачку с одним голубым и одним карим глазом.

Цыгане, видимо, с ней плохо обращались, потому что та сразу прильнула к новой хозяйке. В тот же вечер воротился муж, и, поднявшись к себе, Анна опять обнаружила на подушке задушенную собаку.

После этого она зареклась заводить собак. Но одной морозной ночью к воротам прибилась тощая борзая. Она скулила, Анна сжалилась и забрала беднягу к себе, строго-настрого запретив служанкам упоминать о ней при муже. Собаку спрятали в комнате, куда никто не заходил, и хозяйка тайком приносила ей еду в собственной тарелке, стелила теплую подстилку и ласкала, как ребеночка.

И опять через день после того, как Ив де Корно вернулся домой, у Анны на подушке лежала задушенная борзая. Несчастная баронесса тайком оплакала новую жертву и решила, что даже если встретит умирающую от голода собаку, ни за что не приведет ее в дом. Вскоре она увидала в саду щенка овчарки — пегого, с добрыми голубыми глазами, — он сидел на снегу с переломанной лапой. Ив де Корно находился в Ренне, поэтому Анна взяла щенка в дом, обогрела и накормила его, перевязала лапу и оставила у себя. За день до возвращения мужа она отдала пса крестьянке из

дальнего села, щедро заплатив той за уход и молчание. В ту же ночь она услышала скрежет под дверью спальни и открыла ее — хромой щенок, промокший и дрожащий, прыгнул на нее, жалобно скуля. Она спрятала его в своей постели, а на следующее утро, не успев отнести его крестьянке, услышала, как во двор въезжает супруг. Заперев собаку в сундуке, Анна вышла ему навстречу. Через час-другой она вернулась — задушенный щенок лежал у нее на подушке…

После этого она больше не помышляла о питомце, и одиночество сделалось поистине невыносимым. Иногда, думая, что никто не смотрит, она останавливалась погладить старого пойнтера у ворот. Однажды ее увидел выходящий из часовни барон, а на следующий день старого пса не стало…

Вся эта странная история растянулась на несколько заседаний суда, вызвав достаточно нетерпеливых комментариев и недоверчивых взглядов. Было совершенно очевидно, что судьи восприняли рассказ как детский лепет и что в глазах присяжных обвиняемая предстала не в лучшем свете. Безусловно, история необычная, но что она доказывала? Что Ив де Корно не любил собак, а его супруга, потакая собственной прихоти,

упорно пренебрегала его желаниями? А относительно того, что подобное пустяковое разногласие могло служить оправданием ее отношений — какого бы рода они ни были — с предполагаемым сообщником, то аргумент казался настолько нелепым, что даже адвокат подсудимой пожалел, что дал ей слово, и несколько раз предпринимал попытку оборвать ее рассказ. Однако Анна де Корно продолжала говорить, словно забыв, где находится, и переживая те события вновь.

Наконец судья, ранее проявивший снисхождение, спросил (полагаю, немного подавшись вперед из ряда задремавших коллег):

— Вы хотите убедить нас, что убили мужа потому, что он не позволял вам держать собак?

— Я мужа не убивала.

— А кто же его убил? Эрве де Ланривен?

— Нет.

— Тогда кто? Вы можете нам сказать?

— Могу. Собаки…

Тут Анна упала в обморок, и ее вынесли из зала.

* * *

Совершенно очевидно, что адвокат склонял подсудимую к отказу от подобной линии защи-

ты. Быть может, ее сбивчивые объяснения во время их первой личной беседы и показались ему убедительными, но теперь, произнесенные при свете дня в ходе судебного разбирательства на посмешище всего округа, вызвали у него лишь глубочайшие досаду и сожаление, и он был готов без колебаний принести подзащитную в жертву ради спасения своей репутации. Вот только настойчивый судья — движимый скорее любопытством, чем состраданием — явно желал дослушать историю до конца, поэтому на следующий день Анне де Корно было велено явиться и продолжить свои показания.

По словам подсудимой, после исчезновения сторожевого пса месяц-другой все было тихо. Супруг вел себя обычно: она не помнила ничего из ряда вон выходящего. В один из вечеров у замка остановилась лоточница, продававшая всякую всячину. Хотя безделушки Анну не интересовали, она пошла к торговке вместе с горничными и неожиданно для себя поддалась на уговоры и купила помандер[28] в форме груши с благовони-

[28] Примечания: 28

Украшение-аксессуар, распространенный в европейских странах в эпоху Средневековья и в раннее Новое время. Представляет собой своеобразный контейнер из нескольких отделений, куда помещались ароматические вещества, такие как амбра, мускус, цибет, душистые травы или благовония.

ями. Однажды она уже видела нечто подобное у цыганок. Померанцер был ей совсем не нужен, и она сама не понимала, зачем его купила. Торговка заверила, что его обладатель способен предвидеть будущее, чему Анна, впрочем, не поверила. Придя в свою комнату, она принялась вертеть его в руках, гадая, что за травы источают такой аромат. Открыв защелку, она нашла серую фасолину, завернутую в бумагу; на листочке красовались знакомый ей символ и записка от Эрве де Ланривена, в которой он сообщал, что вернулся и ночью, после захода луны, будет ждать у выхода во двор…

Анна бросила записку в огонь и задумалась. Надвигалась ночь, супруг был дома. Предупредить Ланривена она не могла, и ей ничего не оставалось, как сидеть и ждать…

Тут, как мне кажется, сонная публика в зале суда должна была оживиться. Даже самого дряхлого старика на скамье присяжных не могли оставить равнодушным чувства женщины, получившей подобное сообщение от молодого человека, живущего за двадцать миль, без малейшего шанса предупредить его.

Анна де Корно, как я понял, была женщиной бесхитростной, а потому в тот вечер совершила

ошибку, решив усыпить бдительность мужа повышенным вниманием. Спаивать его вином, как это обычно делается, не имело смысла: даже напиваясь, Ив де Корно не терял головы, и если и пил сверх меры, то исключительно потому, что сам того хотел, а не потому, что его соблазнила женщина — уж во всяком случае не жена, к которой он давно потерял всякий интерес. Читая отчет о процессе, я пришел к выводу, что у барона не осталось к ней никаких чувств, кроме ненависти за мнимую измену.

Как бы то ни было, она сделала попытку очаровать мужа, но тот довольно рано пожаловался на головную боль и отправился в кабинет, где иногда спал. Слуга отнес ему чашку глинтвейна и, вернувшись, объявил, что хозяин уснул и не велел беспокоить. Через час Анна приподняла гобелен у двери супруга и прислушалась: из кабинета доносилось ритмичное дыхание. Боясь обмана, она долго стояла босиком в коридоре, приложив ухо к щели… Мерно посапывающий человек за дверью, без сомнения, крепко спал. Успокоившись, она вернулась к себе в комнату и встала у окна, наблюдая, как луна садится за деревья. Луна скрылась; беззвездное, затянутое туманом небо совсем потемнело. Час настал, и

баронесса прокралась по коридору мимо двери мужа к лестнице (задержавшись на минуту, чтобы послушать его дыхание). Постояв на верхней площадке и удостоверившись, что за ней не следят, она начала спускаться в темноте. Ступени были такими крутыми и узкими, что приходилось идти очень медленно, чтобы не оступиться. Анна шла с единственной мыслью: открыть дверь, сказать Ланривену, чтобы тот немедленно уезжал, и сразу подняться обратно. Чуть раньше она проверила засов и даже немного его смазала; он все же скрипнул — негромко, но у нее зашлось сердце. Внезапно наверху раздались звуки…

— Какие именно звуки? — переспросил прокурор.

— Голос мужа — он осыпал меня проклятиями.

— И что потом?

— Дикий вопль и удар об пол.

— Где в это время находился Эрве де Ланривен?

— Снаружи, я едва различила его во мраке. Я сказала: «Уходите, ради Бога» — и захлопнула дверь.

— И что дальше?

— Я стояла у подножия лестницы и слушала.

— Что же вы услышали?

— Рычание и возню собак.

(Так и вижу уныние присяжных, разочарование публики и отчаяние адвоката. Опять эти собаки!..)

Дотошный судья не сдался:

— Каких собак?

— Не знаю…

Анна опустила голову и говорила так тихо, что судье пришлось переспрашивать:

— Что значит — не знаете?!

— Не знаю, что за собаки…

Судья не отставал:

— Постарайтесь как можно точнее описать все события. Как долго вы оставались у подножия лестницы?

— Считаные минуты.

— И что тем временем происходило наверху?

— Собаки продолжали рычать и хрипеть. Раз или два муж вскрикнул, в какой-то момент застонал и в конце концов умолк.

— А потом?

— Потом визг и чавканье собачьей стаи, которой кинули на растерзание волка.

(По залу пронесся гул отвращения; заслушавшийся было адвокат вновь предпринял попытку вмешаться. Однако упрямый судья продолжал

допытываться.)

— И все это время вы не думали подняться?

— Думала — и поднялась, чтобы их отогнать.

— Кого, собак?

— Да.

— Ну и?..

— Я поднялась в кромешной темноте, нащупала у мужа огниво, высекла искру и увидела его распростертое тело.

— А собаки?

— Собак не было.

— Куда ж они делись?

— Не знаю. Оттуда нет выхода… да и собак в Керфоле нет.

Тут она поднялась, вскинула руки и с протяжным криком рухнула на каменный пол.

Суд пришел в замешательство. Кто-то из присяжных завопил: «Дело явно для служителей церкви!» Лучшего исхода адвокат подзащитной не мог и желать.

После этого процесс увяз в дебрях перекрестных допросов и споров. Все до единого свидетели подтвердили, что в Керфоле нет собак — и не было уже несколько месяцев, поскольку хозяин дома их не терпел. Однако дознание никак не могло прийти к согласию по поводу ран убитого.

Один фельдшер признал в них следы укусов. Вновь заговорили о колдовстве, и представители обеих сторон забросали друг друга томами по некромантии.

В конечном итоге — по требованию все того же судьи — в зал опять вернули Анну де Корно и спросили, не знает ли она, откуда в доме могли взяться собаки. Та поклялась телом Искупителя, что не знает. Тогда судья задал последний вопрос:

— Если бы в своре, которую вы якобы слышали, были знакомые вам собаки, вы смогли бы узнать их на слух?

— Да.

— И вы их узнали?

— Да.

— Так что это были за собаки?

— Мои задушенные питомцы, — шепотом ответила она.

Анну вывели и больше в суд не вызывали.

Потом расследованием занималась церковь, и все кончилось тем, что судьи не договорились ни друг с другом, ни с церковной комиссией. Анна де Корно была передана на поруки семейству покойного мужа. Ее заперли в замке Керфол, где несчастная, прослыв безобидной сумасшедшей,

и умерла много лет спустя.

Так закончилась ее история. Что касается Эрве де Ланривена, то за информацией о его дальнейшей участи пришлось обратиться к одному из непрямых потомков рода. Достаточных улик против молодого человека не нашлось, а так как его семья пользовалась в герцогстве значительным влиянием, Эрве освободили, и он уехал в Париж. Мирская жизнь его, похоже, больше не привлекала, и он почти сразу попал под влияние знаменитого месье Арно д'Андильи и джентльменов из Порт-Рояля[29]. Через год или два он был принят в их орден и, не заслужив особых отличий, худо-бедно прозябал там еще лет двадцать до самой смерти. Ланривен показал мне его портрет, написанный учеником Филиппа де Шампаня[30]: печальные глаза, чувственный рот и невысокий лоб. Бедный Эрве де Ланривен:

---

[29] Примечания: 29

Речь идет о янсенизме — религиозном движении в католической церкви XVII–XVIII веков, зародившемся и получившем наибольшее распространение во Франции. Несмотря на преследования со стороны кардинала Ришелье, янсенистскую общину удалось основать в монастыре Порт-Рояль. Большинство ее членов принадлежало к фамилии Арно, включая Роберта Арно д'Андильи. В числе членов Порт-Рояля было много даровитых знаменитостей, величайший из которых — Блез Паскаль, вступивший в орден в 1655 году.

[30] Примечания: 30

Французский живописец и гравер XVII века фламандского происхождения.

какой бесславный конец!

И все же, глядя на поблекшее изображение в темном одеянии янсенистов, я почти завидовал его судьбе. Так или иначе, ему выпали в жизни две большие удачи: он познал взаимную любовь и, должно быть, беседовал с Паскалем…

1916

Мисс Мэри Паск

I

Рассказать миссис Бриджворт о событиях той ночи в Моргате я собрался с духом лишь следующей весной.

Во-первых, миссис Бриджворт пребывала в Америке; я же после упомянутой ночи еще несколько месяцев оставался за границей — Бог свидетель, отнюдь не ради удовольствия, а вследствие нервного срыва, который настиг меня по той якобы причине, что я слишком скоро вернулся к делам после подхваченной в Египте лихорадки. Но даже

живи я по соседству с Грейс Бриджворт, ни словом не обмолвился бы о случившемся — ни ей, ни кому-либо еще. Уж во всяком случае не раньше, чем окончательно оправившись и окрепнув в одном из тех изумительных швейцарских санаториев, где с вас сметают всю паутину и выколачивают пыль. Написать ей я тоже был не в состоянии — хоть бы от этого зависела моя жизнь. Мне потребовались немалое время и изрядная доля спасительной забывчивости, чтобы без содрогания воскресить в памяти события той ночи.

Поводом послужила совершеннейшая нелепость: мой ослабленный организм не устоял перед внезапным порывом добросовестности, свойственной уроженцам Новой Англии. Я тогда рисовал пейзажи в Бретани. Стояла очаровательная, но переменчивая осенняя погода, когда один день заливало солнце, а следующий вдруг накрывал неистовый шторм или затягивал сплошной туман. На Пуэнт-дю-Ра есть маленькая полузаброшенная гостиница; летом ее наводняют туристы, а к осени никого не остается — пустынный берег омывает только море. Именно там я и стоял, пытаясь запечатлеть движение волн, когда кто-то посоветовал: «Вам бы съездить на мыс такой-то, что начинается за Моргатом».

Так я и сделал — и застал сверкающий голубизной день, а на обратном пути название «Моргат» неожиданно всплыло в памяти: Моргат — Грейс Бриджворт — ее сестра Мэри Паск… «Кстати, моя дорогая Мэри поселилась недалеко от Моргата; если вам доведется быть в Бретани, проведайте ее. Она так одинока! Передать не могу, до чего меня это печалит».

Я довольно давно и неплохо знал миссис Бриджворт, тогда как ее старшую незамужнюю сестру Мэри видел лишь пару раз, да и то мельком. Прежде они были неразлучны, а когда Грейс вышла за моего старого друга Горация Бриджворта и переехала в Нью-Йорк, Мэри, к превеликой печали Грейс, наотрез отказалась оставить Европу, где сестры обосновались после смерти матери. Я так до конца и не понял, почему Мэри Паск не захотела последовать за ними в Америку. Грейс списывала все на «чересчур артистичную» натуру сестры, однако, учитывая крайне поверхностный интерес старшей мисс Паск к искусству, я подозревал, что она, вероятно, невзлюбила Горация Бриджворта. Существовало и иное объяснение — зная Горация, вполне правдоподобное: он, напротив, ей слишком понравился. Однако и эта версия при более близком знакомстве с

Мэри Паск отпадала (во всяком случае, для меня): чтобы эта круглолицая, розовощекая, невинно хлопающая глазами старая дева, с ее безвкусно обставленной квартиркой и какой-то невнятной, робкой благотворительностью, — и воспылала к Горацию?!.

В общем, дело было весьма запутанным — вернее, могло быть таковым, если хоть кого-нибудь заинтересовало бы настолько, чтобы его распутывать. Увы! Мэри Паск, как и сотни подобных ей стареющих дев, никого не интересовала и восторженно наполняла свое существование бесчисленными пустяками, заменявшими ей жизнь. Сказать по правде, меня и Грейс-то особо не занимала, разве что как жена давнего друга, всегда радушно принимавшая его приятелей. Эта недурная собой, энергичная и положительно скучная женщина была напрочь лишена воображения и всецело ушла в заботы о муже и детях. Ее привязанность к сестре и преклонение Мэри перед ней разделяла непреодолимая пропасть, которая неизменно пролегает между невостребованными чувствами одних и удовлетворенными потребностями других. Так или иначе, до замужества Грейс сестры были очень близки, и миссис Бриджворт со свойственной ей добросовестно-

стью продолжала пылко сокрушаться о разлуке с Мэри, счастливо живя от нее вдалеке. Поэтому когда она пожаловалась: «Вообразите, мы не виделись целую вечность — с тех пор как родилась малышка Молли! Нет чтобы приехать в Америку! Подумать только, Молли уже шесть, а она еще ни разу не видела свою милую тетушку…» — и добавила: «Если будете в Бретани, обещайте навестить мою Мэри», ее слова запали мне в те неизведанные глубины души, в которых застревают несуразные обязательства.

Вот как случилось, что в тот серебристо-голубой полдень цепочка ассоциаций «Моргат — Мэри Паск — обещание Грейс» внезапно пробудила во мне чувство долга. Я решил: покидаю кое-какие пожитки в сумку, засветло допишу пейзаж, проведаю мисс Паск, а после заночую в Моргате. Для этих целей я заказал шаткую одноколку и велел вознице ждать меня у гостиницы. Закончив картину, я выехал навстречу закату — на поиски Мэри Паск.

Неожиданно, словно чьи-то ладони накрыли глаза, с моря нахлынул туман. Буквально за минуту до этого мы ехали по обширной равнине, и закатное солнце окрашивало дорогу в багряные тона. Теперь же нас окружила глухая ночь.

Никто из встречных не смог толком объяснить, где живет мисс Паск; оставалось надеяться, что в рыбацкой деревушке, куда мы направлялись, нам улыбнется удача. И действительно, первый же старик указал нам прямо с порога: «Да вон, за холмом, где дорога сворачивает влево к морю; ну да, американка, вечно вся в белом. Точно там… возле Baie des Trépassés».

— И как же мы ее найдем? — пробурчал везший меня паренек. — Я этих мест совсем не знаю.

— Догадаемся по виду, — ответил я.

— Да тут ни зги ни видать! Лошадь того и гляди упадет, patron мне потом задаст.

В конце концов парнишку удалось уговорить; он вылез из повозки и повел спотыкающуюся лошадь под уздцы. Не знаю, сколько времени мы едва ли не на ощупь пробирались сквозь непроглядную тьму. Местами пелена рассеивалась, и тогда слабый отблеск нашего единственного фонаря высвечивал обыденные предметы — белый забор, коровью морду, придорожные камни; нереальные и зловещие без привычного окружения, они буквально набрасывались на нас и так же внезапно исчезали. После каждого такого видения тьма сгущалась сильнее; теперь не оставлявшее меня ощущение, что я сползаю

вниз по склону, переросло в ужас — будто я скатывался в пропасть. Я поспешно выпрыгнул из коляски и присоединился к плетущемуся рядом с лошадью вознице.

— Дальше не пойду, сэр, — хоть убейте! — пролепетал он.

— Да ладно тебе. Вон смотри — впереди свет!

В открывшемся прямо перед нами просвете тускло мерцали два огонька, за которыми угадывалась темная масса, похожая на фасад дома.

— Проводи меня дотуда, а после, если хочешь, возвращайся.

Нас вновь окутал туман, однако при виде огоньков парнишка несколько повеселел. Перед нами точно был дом, и он наверняка принадлежал мисс Паск, потому как навряд ли в такой глуши стал бы жить кто-то еще. К тому же старик в деревне ясно сказал «у моря», а я уже какое-то время безошибочно улавливал рокот волн — такой знакомый каждому в Бретани, что люди привыкли мерить расстояние до берега на слух, а не на глаз, — и не сомневался, что мы движемся в нужном направлении. Паренек вел лошадь под уздцы, не говоря ни слова. Туман был настолько непроглядным, что в свете фонаря мы видели лишь крупные капли влаги на лошадином крупе.

Вдруг возница остановился как вкопанный.

— Никакого дома нет — мы вот-вот сорвемся со скалы!

— Ты же сам видел огни!

— Да вроде бы видел… Только где они теперь, а? Туман поредел, смотрите — вон там можно различить деревья. И никаких огней.

— Наверное, хозяева легли спать, — весело отозвался я.

— Тогда, сэр, может, лучше вернуться?

— Вернуться? За два шага от ворот?!

Парень не ответил. Но ведь впереди точно угадывались ворота, а за поникшими деревьями — нечто напоминавшее дом. Впрочем, то мог быть и луг, а за ним океан… Океан, чей голодный зовущий рокот слышался все ближе и настойчивее. Недаром залив носил название усопших! И что могло побудить добродушную, румяную Мэри Паск похоронить себя в таком месте? Разумеется, парнишка не станет меня дожидаться, я это прекрасно понимал. Вот уж поистине Baie des Trépassés! Море бушевало так, словно фурии-хранительницы забыли его вовремя накормить.

Моя выставленная вперед рука уперлась во что-то твердое. Ворота! Вот же они! Я нащупал засов, отодвинул его и, задевая мокрые кусты,

направился к темному дому. Внутри ни отблеска свечи, ни огонька. Если дом действительно принадлежал мисс Паск, то допоздна она точно не засиживалась…

II

Ночь и туман слились воедино; тьма, как плотное одеяло, окутала все вокруг. Я тщетно шарил по стене в поисках колокольчика. Наконец пальцы нащупали дверное кольцо, и я постучал. Стук отозвался протяжным эхом в тишине, и с минуту-другую ничего не происходило.

— Говорю вам, сэр, в доме никого! — крикнул нетерпеливо топтавшийся у ворот парень.

Однако в доме кто-то был. Я услыхал внутри шаги, затем щелкнул затвор, и в дверях показалась голова старухи в крестьянском чепце. Свечу она поставила на столик позади себя, так что я не мог разглядеть обрамленного кружевами лица, но сгорбленные плечи и медлительные движения не оставляли сомнений в ее преклонном возрасте. Отблески света упали мне на лицо.

— Здесь проживает мисс Мэри Паск?

— Да, сэр. — В старческом голосе не слышалось удивления, и прозвучал он вполне дружелюбно. — Я ей передам, — добавила она и зашаркала

от двери.

— Она не согласится меня принять? — крикнул я вдогонку.

— Отчего ж? Скажете тоже! — Я мог поклясться, что слышал, как старуха хихикнула.

Тут я заметил, что удаляющаяся фигура была закутана в шаль, из-под которой торчал хлопковый зонтик. Очевидно, прислуга уходила на ночь домой, из чего я заключил, что Мэри Паск жила здесь в полном одиночестве.

Старуха скрылась, прихватив с собой свечу, и я вновь очутился в кромешной тьме. Спустя какое-то время на другой стороне дома хлопнула дверь, и по мощеной дорожке вдоль наружной стены застучали деревянные башмаки. Не иначе как старуха переобулась в кухне и ушла. Я не знал, сообщила ли она обо мне мисс Паск или просто оставила стоять в темноте, сыграв со мной понятную лишь ей одной скверную шутку. Шаги снаружи постепенно затихли, ворота со щелчком захлопнулись, и вокруг воцарилась полнейшая тишина.

«Интересно… — подумал было я; и в тот же миг мое замутненное сознание пронзила выскочившая из недр памяти мысль: — Так ведь Мэри Паск померла!»

Просто невероятно, насколько после лихорадки шалила память! Я ведь уже около года знал, что Мэри Паск скоропостижно скончалась прошедшей осенью. И хотя я думал о ней почти не переставая последние пару дней, напрочь забытый факт ее смерти вспомнился мне только сейчас!

Ну конечно! Разве не застал я Грейс Бриджворт в слезах и траурном крепе, когда зашел попрощаться накануне отплытия в Египет? Разве не видел собственными глазами телеграмму, гласившую: «Сестра внезапно скончалась просила захоронить в саду подробности письмом» — и отправленную из Бреста американским послом — другом семьи Бриджворт, которого я даже припоминал? Слова депеши явственно всплыли перед глазами.

Поначалу меня больше растревожил провал в памяти, нежели то, что я находился в погруженном во мрак доме, который либо пустовал, либо укрывал посторонних. Уже второй раз за короткое время я забывал прекрасно известный мне факт. Доктора были правы: я не полностью оправился от недуга… Что ж, ничего не оставалось, как вернуться в Моргат и отлежаться там день-другой, посвятив себя лишь еде и сну.

Пока я сокрушался о своей забывчивости, я потерял ориентацию и уже не помнил, где находится дверь. Я по очереди пошарил в карманах, ища спички — но откуда им было взяться, если доктора строго-настрого запретили мне курить? Отсутствие спичек вызвало досадное чувство беспомощности; я начал было прокладывать себе путь на ощупь, избегая невидимой мебели, как вдруг на шершавую стену лестницы упал свет. Проследив за его направлением, я увидел на площадке над собой фигуру в белом: кто-то смотрел вниз, заслоняя свечу рукой. У меня кровь застыла в жилах — фигура до странности напоминала Мэри Паск, какой я знавал ее прежде.

— А, это вы! — донесся до меня надтреснутый голос, похожий не то на старушечье кваканье, не то на мальчишеский фальцет.

Белая фигура начала неуклюже спускаться, шелестя просторным одеянием; звука шагов по деревянным ступеням я не услышал. Ничего удивительного! Я взирал на жуткое видение, не в силах проронить ни слова. «Никого там нет, — убеждал я себя, — ровным счетом никого. Это все несварение желудка, или зрение шалит, или еще какой изъян в организме…»

Однако свеча, без сомнения, горела, она при-

близилась и осветила пространство вокруг. Я оглянулся по сторонам и заприметил дверную ручку. Вы же понимаете, я своими глазами видел телеграмму и Грейс в крепе…

— Что с вами? Вы нервничаете? Уверяю вас, вы нисколько меня не побеспокоили! — проскрипела белая фигура и, слабо усмехнувшись, добавила: — Последнее время ко мне мало кто заглядывает…

Теперь она окончательно спустилась и встала против меня, дрожащей рукой подняв свечу и всматриваясь мне в лицо.

— А вы не изменились — во всяком случае, не так, как того можно было ожидать. Чего не скажешь обо мне, верно? — печально хмыкнула она и вдруг коснулась моей руки. Я опустил глаза с мыслью: «Вот тут-то меня не проведешь».

Я всегда обращаю особое внимание на руки. Ключ к характеру, который другие ищут в глазах, очертании губ, форме черепа, я нахожу в изгибе ногтей, линии кончиков пальцев, в том, как ладонь, цветущая или бледная, гладкая или морщинистая, переходит в запястье. Я отчетливо помнил руки Мэри Паск — карикатуру на нее саму: пухлые и розовые, но преждевременно увядшие и бесполезные. Одна из них, вне всякого

сомнения, легла мне на рукав: теперь она сморщилась и стала похожа на те пятнистые поганки, которые при малейшем прикосновении превращаются в прах… О Господи, в прах!

Я воззрился на морщинистые пальцы с тупыми кончиками — раньше нежно-розовые, а теперь посиневшие под желтеющими ногтями, — и все мое естество пронзил ужас.

— Проходите же, проходите, — просипела она, склонив седую неопрятную голову набок и хлопая выпученными глазами. Хуже всего было то, что она продолжала по-детски неумело и неуместно кокетничать. Она потянула меня за рукав, будто зацепила стальным тросом.

Мы вошли в комнату, где все оставалось «нетронутым» — так говорят в подобных случаях? Обычно, когда человек умирает, жилье приводят в порядок, мебель распродают, какие-то памятные реликвии отправляют родственникам. Здесь же, в силу некой нездоровой набожности (предположительно, по указанию Грейс), все осталось таким, каким, вероятно, было при жизни хозяйки. Я не был настроен подмечать детали, но в слабых бликах свечи мелькнули потрепанные подушки, разнородные медные горшочки и ваза с увядшей веткой какого-то растения. Интерьер

настоящей Мэри Паск.

Белеющая фигура пересекла комнату и приблизилась к камину, зажгла еще две свечи, а третью поставила на стол. Никогда не считал себя суеверным, но — три свечи?! Едва отдавая себе отчет в том, что делаю, я поспешно наклонился и задул одну из них. За спиной раздался смех.

— Три свечи? Вас до сих пор смущают такие пустяки? Меня, знаете ли, они больше не заботят. — Она усмехнулась. — Это такое облегчение… такое ощущение свободы…

К бегущим у меня по спине мурашкам добавились новые.

— Ну же, присядьте со мной рядом, — умоляющим голосом произнесла она, опускаясь на софу. — Я целую вечность не видела живой души!

От последних слов меня бросило в дрожь, а когда она откинулась на спинку белого дивана и поманила своей непогребенной рукой, у меня и вовсе возникло желание повернуться и убежать. Однако застывшее в отблесках свечи старческое лицо с неестественно красными щеками, похожими на восковые яблоки, казалось, уличало меня в трусости, напоминая, что, живая или мертвая, Мэри Паск не обидела бы и мухи.

— Садитесь же! — настойчиво повторила она, и я примостился на противоположном краю софы. — Так любезно с вашей стороны… Вас, должно быть, понудила Грейс? — Она опять хихикнула; неуместный смех то и дело прерывал ее речь. — Надо же! Поистине небывалое событие — со времени моей смерти, знаете ли, никто не заходит.

На меня словно опрокинули ведро холодной воды; я посмотрел на нее в упор — и встретил привычный обезоруживающий взгляд. Я откашлялся и заговорил, что стоило невероятных усилий:

— Вы… живете здесь одна?

— Ах, как приятно слышать ваш голос! Я все еще помню голоса, хотя теперь их почти и не слышу, — задумчиво прошелестела она. — Да, одна. Старая прислуга, которую вы видели, уходит на ночь к себе. Не хочет оставаться тут в темноте… нет мочи, говорит. Смешно, верно? Впрочем, мне все равно, я люблю темноту. — Она наклонилась ко мне, все так же несуразно улыбаясь. — Мертвые быстро с ней свыкаются.

Я вскочил на ноги, издав нечленораздельный вопль. Продолжать разговор — да что там! — даже смотреть на нее я был не в силах.

— Ох, простите… больно вспоминать? — сочув-

ственно произнесла она; ее глаза заблестели, голова сокрушенно поникла. — Хотя, надо сказать… Я даже рада, что сестра так сильно огорчилась… Я давно мечтала услышать об этом, но не смела надеяться. Грейс такая забывчивая…

Она встала и поплыла по комнате в направлении двери.

«Слава Богу, — мысленно выдохнул я, — уходит».

— Вы бывали тут при свете дня? — спросила она, внезапно обернувшись.

Я замотал головой.

— Здесь удивительно красиво. Вот только днем меня не застать. Пришлось бы выбирать: я или пейзаж. Мне ненавистен свет — от него болит голова. Так что я целыми днями сплю. Как раз пробудилась, когда вы пришли. — Ее улыбка становилась все более уверенной. — Хотите знать, где я обычно сплю? Вон там — в саду! — От ее смеха в жилах застыла кровь. — Есть там один укромный уголок в тени, куда не заглядывает солнце. Порой я не просыпаюсь до самых звезд.

При упоминании о саде перед глазами возникла телеграмма консула, и я подумал: «А что, не так уж ей и плохо. Бог даст, она нынче счастливее, чем при жизни». Хотя оно, наверное, так и было,

счастливым я себя отнюдь не чувствовал, уж точно не в ее обществе. Видя, как она скользнула к двери, я непроизвольно сорвался с места, желая оказаться там первым. В порыве трусости я обогнал белеющую фигуру — однако секунду спустя ее пальцы ухватились за щеколду, а сама она прильнула к двери; просторное одеяние свисало до пола, как погребальный саван. Она склонила голову набок и пристально уставилась на меня из-под лишенных ресниц век.

— Уже уходите?

Онемев от страха, я молча кивнул.

— Неужто? Так скоро? — Она по-прежнему не сводила с меня глаз, и я увидел, как в них заблестели и скатились по щекам две слезинки. — Не уходите, — мягко продолжила она. — Мне так одиноко…

Бормоча нечто бессвязное, я уставился на посиневшую руку, державшую дверь. Как вдруг за нами распахнулось окно и в комнату из зияющей черноты ворвался порыв ветра. Стоявшая на камине свеча погасла. Я оглянулся, нервно ища последнюю свечу.

— Вас смущает рев ветра? А меня он радует — больше мне и поговорить-то не с кем. После внезапной кончины люди меня избегают. Глупо,

верно? До чего же эти селяне суеверны! Знаете, одиночество бывает просто невыносимо… — Голос надломился от усилия выдавить из себя смешок; она качнулась в мою сторону, так же цепко держа щеколду. — Одиночество, одиночество! Если б вы только знали, как мне одиноко! Я солгала вам, когда сказала, что мне все равно. А теперь вот вы пришли, такое знакомое, доброе лицо… и говорите, что уходите! О нет, нет, не уходи́те! Иначе зачем было приходить? Это жестоко… Я думала, что познала одиночество, когда Грейс вышла замуж. Она была убеждена, что не переставала обо мне заботиться, но куда там! Продолжала называть меня «моя дорогая», а сама думала о муже и детях. Я считала, что такого одиночества не бывает и после смерти. Как я ошибалась!.. Хуже одиночества, что я испытала за прошедший год, не было никогда — никогда! Временами я сижу тут и мечтаю: «Вот бы появился мужчина, которому я приглянулась бы». — Она натужно хихикнула. — «А что, такое случается, даже когда молодость прошла… знаете, мужчина, который тоже хлебнул горя… Но до сих пор никто не приходил. И вот появляетесь вы… и ни с того ни с сего торопитесь уйти!» — Она вдруг бросилась мне на шею. — «О, прошу вас, останьтесь,

останьтесь… на одну лишь ночь… Тут так тихо и покойно… Никто не узнает… сюда никто не заходит, нас никто не побеспокоит».

Ну почему я не закрыл окно, когда налетел первый порыв? Мог ведь догадаться, что за ним последует другой, куда сильнее. Он и не заставил себя ждать: решетка с лязгом ударила в стену, комната наполнилась ревом моря и клубами влажного тумана. Последняя свеча упала на пол. Свет погас, и все поглотила тьма — стихия с неистовым ревом отшвырнула нас в разные стороны. Казалось, сердце перестало биться; я хватал ртом воздух, с каждым судорожным глотком покрываясь потом. Дверь — дверь! Я стоял перед ней, когда погасла свеча. Что-то белое и извивающееся словно осы́палось передо мной, растворившись в ночи, и, обогнув то место, где оно исчезло, я коснулся рукой щеколды. Вокруг ноги обвился кусок какой-то призрачной материи — шарфа или рукава; я рывком выдернул ногу и, высвободившись от этого последнего препятствия, распахнул дверь.

Уже в передней я услышал в темноте за спиной завывания; не помня себя от ужаса, я нащупал входную дверь, с силой рванул ее и выскочил наружу. Жалостливые всхлипывания остались

по ту сторону захлопнувшейся двери, и я упал в целительные объятия ветра и тумана.

III

Оправившись достаточно, чтобы отважиться припомнить события той ночи, я обнаружил, что от одной лишь мысли меня незамедлительно бросало в жар и сердце подкатывало к горлу. Бесполезно… Ведь я отчетливо помнил Грейс Бриджворт в траурном крепе и слезах, с телеграммой в руках, а потом сидел на одной софе с ее сестрой и говорил с ней — той, что уже как год была мертва!

Вырваться из проклятого замкнутого круга никак не удавалось. Разумно было, конечно, списать все на горячку, с которой я проснулся на следующее утро; однако реальность пережитого не оставляла сомнений. Что, если я действительно общался с привидением, а не просто метался в бреду? Что, если кое-что все же осталось от Мэри Паск — достаточно осязаемое, чтобы излить невысказанные страдания одинокой души и наконец выразить то, что при жизни бедная женщина была вынуждена сдерживать и скрывать? Эта мысль меня настолько тронула, что, будучи в ослабленном состоянии, я даже всплакнул.

Полагаю, мир знавал немало таких женщин, и после смерти, если выпадал шанс, они, верно, не гнушались им воспользоваться… На ум не раз приходили древние сказания и легенды о Коринфской невесте, средневековых вампирах — но я так и не выбрал, кому же уподобить плачевный образ Мэри Паск!

Мой надломленный разум блуждал среди видений и догадок, и чем дольше я размышлял, тем сильнее убеждался, что той ночью в самом деле разговаривал с неким пережитком былой Мэри Паск. В конце концов я твердо решил после выздоровления вновь отправиться в те края (на этот раз при свете дня) и посетить могилку в саду — тот «укромный уголок в тени, куда не заглядывает солнце». Порадовать несчастный призрак хотя бы букетиком цветов…

Увы! Доктора рассудили иначе, и, признаться, моя ослабевшая воля с готовностью им подчинилась. Во всяком случае, я уступил их увещеваниям и прямо из отеля позволил отвезти себя к поезду из Парижа, а затем, как багаж, был отправлен в швейцарский санаторий. Разумеется, я намеревался вернуться, когда достаточно окрепну… а до тех пор мысли мои, с каждым разом все более нежные, но более эпизодические, обращались от

заснеженных гор к той завывающей осенней ночи над Baie des Trepassés и к откровению умершей Мэри Паск, которая стала для меня куда более реальной, чем когда-либо при жизни.

IV

Зачем вообще рассказывать об этом Грейс Бриджворт? То, чему мне довелось стать свидетелем, ее, в сущности, не касалось. Разве не обязан я был похоронить доверенную мне тайну в глубине души — там, где покоится необъяснимое и незабываемое? Тем более что у такой женщины, как Грейс, подобный рассказ наверняка не вызвал бы ни понимания, ни доверия. Она просто-напросто сочла бы меня «чудаком» — и была бы далеко не единственной. Поэтому моей первой задачей по возвращении в Нью-Йорк было убедить всех в том, что я всецело восстановил свое душевное и физическое здоровье; общение с Мэри Паск едва ли для того подходило. Учитывая обстоятельства, разумнее всего было попридержать язык.

Спустя время меня все же начали одолевать мысли о могиле. Позаботилась ли Грейс надлежащим образом о надгробии? Заброшенный вид дома заронил во мне подозрение, что она, похоже, ничего в этом отношении не сделала: просто отло-

жила все хлопоты до того, как доведется поехать в Европу. «Грейс такая забывчивая», — сетовал несчастный призрак… Не было решительно никакого вреда в том, чтобы (тактично) намекнуть об уходе за могилкой. Более того: меня начала мучить совесть, что я не вернулся и лично не проверил, в каком она состоянии.

Грейс и Гораций, по обыкновению, приняли меня с искренним дружелюбием, и вскоре я взял в привычку заглядывать к ним на ужин — особенно когда полагал, что других гостей не намечалось. Тем не менее возможность обсудить волновавшую меня тему представилась не сразу — ждать пришлось не одну неделю. И вот однажды вечером, когда Гораций ужинал с приятелями в чисто мужской компании, я застал Грейс дома одну. Я обратил внимание на фотографию ее сестры — старую и выцветшую, которая, казалось, смотрела на меня с упреком.

— Кстати, Грейс… — неуверенно начал я. — Не помню, говорил ли вам, что накануне своего тяжелого рецидива я таки заезжал к вашей сестре.

Миссис Бриджворт мгновенно оживилась.

— Нет, вы об этом не упоминали! Как мило, что вы туда наведались! — Глаза ее привычно увлажнились. — Я ужасно рада это слышать! — Она

понизила голос и почти шепотом спросила: — И что же, вы видели Мэри?

Вопрос застал меня врасплох. Я непонимающе глядел на пухлое, залитое необременительными слезами лицо Грейс.

— Я все чаще корю себя, что забросила дорогую сестру, — добавила она дрогнувшим голосом. — Но прошу вас, расскажите — мне не терпится услышать все подробности.

В горле у меня пересохло; я почувствовал себя почти так же, как в присутствии самой Мэри Паск. Раньше я не припоминал за Грейс Бриджворт никаких странностей. Наконец я заставил себя разжать губы.

— Что ж, я, право, не знаю… — Я через силу улыбнулся.

— Так вы ее видели?

Я кивнул, продолжая улыбаться.

Грейс внезапно спала с лица — буквально осунулась на глазах!

— Сестра что, плохо выглядит? И вы не хотите меня расстраивать, да? Неужели она так переменилась?

Я покачал головой. По правде говоря, меня поразило, сколь мало изменилась мисс Паск. Разница между живой и мертвой Мэри на поверку

оказалась несущественной — не считая того, что после кончины она выглядела более реальной, чем при жизни.

Грейс по-прежнему жадно всматривалась мне в лицо.

— Вы должны все рассказать, — умоляла она. — Знаю, мне давно следовало туда съездить…

— Да уж, пожалуй… — Я замялся. — Хотя бы о могилке позаботиться…

Хозяйка села прямо, не спуская с меня глаз. Слезы высохли, озабоченность медленно сползла с лица, уступив место выражению ужаса. Она осторожно, почти боязливо протянула руку и накрыла ею мою.

— Дорогой мой… — начала она.

— К сожалению, — прервал я, — сам я могилу так и не увидел… потому как слег на следующий же день.

— Да, да, разумеется. Я понимаю. — Она помолчала, затем неожиданно спросила: — Вы уверены, что вообще туда ездили?

— Уверен ли? Помилуй Бог! — Настала моя очередь удивленно на нее воззриться. — Вы намекаете, что я не окончательно пришел в себя?

— О нет, что вы… конечно нет… Но я не понимаю…

— Чего не понимаете? Я заходил в дом… и все видел, кроме… кроме могилы Мэри.

— Могилы Мэри?! — Грейс вскочила и попятилась к стене, прижимая руки к груди. Несколько мгновений она смотрела на меня во все глаза, затем нерешительно шагнула обратно. — Хотя, погодите… что, если вы… — Наполовину с опаской, наполовину с облегчением она приблизилась, все так же не спуская с меня глаз. — Быть может, вы просто не слыхали?

— О чем?

— О том, что было напечатано во всех газетах! Вы их вообще читаете? Я порывалась вам написать… По-моему, даже писала… во всяком случае, подумала точно: «Он наверняка прочел в газете». Вы же знаете, как лень мне браться за перо…

— Так о чем писали газеты?

— Ну как же, что она не умерла… Мэри жива, друг мой! Никакой могилы нет! У нее был каталептический транс… редчайший случай, по словам докторов. Неужели она не рассказала вам при встрече? — Миссис Бриджворт залилась истерическим смехом: — Уж, во всяком случае, не преминула сообщить, что жива?

— Н-нет… — заикаясь, ответил я, — этого она не сказала.

Мы потом еще долго говорили — Гораций вернулся далеко за полночь. Грейс никак не могла успокоиться и все твердила, что то был единственный раз, когда бедная Мэри попала в газеты.

Я сидел и терпеливо слушал, не испытывая ни малейшего интереса к ее болтовне. Меня с тех пор вообще ничто связанное с Мэри Паск больше не интересовало.

1926

Привороженный

I

Снег по-прежнему валил, когда Оррин Босворт, владелец фермы к югу от Сирого Холма, подкатил сани к воротам Сола Ратледжа. Он был страшно удивлен, завидев впереди еще пару саней, из которых вышли два закутанных по самые уши человека. Босворт изумился еще больше, узнав в них пастора Хиббена из Норт-Ашмора и Сильвестра Бранда — вдовца со старой фермы Медвежий Утес, что на склоне Сирого Холма.

Жители округа Хемлок нечасто заезжали в

ворота Сола Ратледжа, да еще посреди зимы, да еще (как сам Босворт) по приглашению миссис Ратледж, которая даже в их нелюдимом краю слыла женщиной замкнутой и неприветливой. Происходящее взволновало бы и менее впечатлительного парня, чем Оррин Босворт.

Пока он въезжал во двор между ветхими белыми столбами с витыми вазонами, другие двое уже заводили лошадей в сарай. Босворт вошел следом, привязал своего коня, и все трое принялись отряхивать с себя снег и растирать закоченевшие пальцы.

— Как жизнь, пастор?

— Приветствую, Оррин…

Мужчины пожали друг другу руки.

— Здоро́во, Босворт, — буркнул Сильвестр Бранд. Он вообще не отличался радушием, а тут еще возился с уздечкой и попоной.

Оррин, самый из них молодой и общительный, повернулся к пастору Хиббену, чье рябое, замшелое лицо с вечно прищуренными глазками отпугивало все же меньше, нежели рубленая физиономия Бранда.

— С чего бы это нас вдруг созвали? — закинул удочку Босворт. — Мне от миссис Ратледж приглашение пришло.

Пастор кивнул.

— Мне тоже… Энди Понд вчера передал. Не стряслось бы беды какой…

Из-за плотной завесы снегопада проступал унылый особняк Ратледжей — обшарпанный фасад, как и воротные столбы, сохранял следы былой роскоши, что при нынешней запущенности делало его еще более убогим. Босворта всегда поражало, откуда в глухомани между Стылым Краем и Норт-Ашмором взялся такой дом. Соседи рассказывали, что когда-то похожими домами тут был застроен целый городок. Назывался он по имени полковника Ашмора, английского офицера-роялиста, по прихоти которого и возникло это поселение в горах. Самого полковника вместе с семьей задолго до Революции убили индейцы. В подтверждение этой истории там и сям на заросших склонах еще торчали из земли полуразрушенные подвалы домов поменьше, да на дискосе в заброшенной епископальной церкви Стылого Края было выгравировано имя полковника Ашмора — тот преподнес его в дар городской церквушке в 1723 году. От самой церквушки ничего не осталось — видимо, нехитрая деревянная постройка дотла сгорела при пожаре, спалившем и остальные дома. Даже летом мест-

ность выглядела покинутой и безрадостной, и народ недоумевал, с какого перепугу отец Сола Ратледжа решил там поселиться.

— Такого захолустья надо еще поискать… — протянул пастор Хиббен. — Хотя по милям не так уж и далеко.

— Удаленность выражается не только в милях, — глубокомысленно заметил Оррин Босворт, и все трое направились к дому.

Как правило, обитатели округа Хемлок парадной дверью не пользовались. Однако привычный черный ход через кухню показался всем троим неподобающим для такого особенного случая.

Они не ошиблись: не успел пастор постучать, как дверь распахнулась и на пороге предстала миссис Ратледж.

— Проходите в гостиную, — проговорила она бесстрастным тоном.

Следуя за остальными, Босворт подумал: «Стряслось у них что или нет, по ней ни в жизнь не догадаться».

В самом деле, с трудом верилось, что мелкое лицо Пруденс Ратледж способно хоть что-либо выражать: настолько ограниченной была его поверхность и настолько застывшими черты. Оделась хозяйка соответственно случаю: платье

из черной бязи в белый горошек, сколотый золотой брошью кружевной воротничок и серая шерстяная шаль, перекрещенная под грудью и завязанная узлом на спине. На ее крохотном личике выделялись разве что брови, выгнутые дугой над тусклым, заслоненным очками взглядом. Темные, разделенные на пробор волосы плотно прижимали к голове кончики ушей и заканчивались свернутой в пучок косичкой. И без того узкая голова казалась еще у́же из-за длинной тонкой шеи с выступающими, как жгуты, прожилками. Картину довершали холодные, почти бесцветные глаза и гладкая белая кожа. На вид было не определить, тридцать пять ей или шестьдесят.

Комната, куда миссис Ратледж провела гостей, во времена Ашмора, очевидно, была столовой. Теперь она служила гостиной, где между искусно рифленых панелей старого деревянного камина чернела печь, водруженная на цинковый лист. Недавно разожженный огонь едва тлел, и воздух был одновременно удушливым и холодным.

— Энди Понд, — крикнула хозяйка куда-то в подсобку, — сходи позови мистера Ратледжа. Он небось в дровянике или где-нибудь возле амбара… Прошу садиться, — обратилась она к гостям.

Мужчины сконфуженно опустились на стоящие рядком стулья, миссис Ратледж присела на четвертый возле шаткого столика для бисера. Она по очереди оглядела собравшихся.

— Полагаю, вам не терпится узнать, для чего я вас созвала, — проговорила она все тем же невыразительным голосом. Оррин Босворт и пастор Хиббен согласно замычали; Сильвестр Бранд промолчал, уперев взгляд из-под развесистых бровей в покачивающийся носок своего громадного сапожища. — Надеюсь, вы не подумали, что приглашены на вечеринку?

Ее прохладный политес не вызвал понимания, и миссис Ратледж продолжала:

— Дело вот в чем. У нас случились неприятности, и нам… с мистером Ратледжем… необходим совет. — Она прокашлялась и, глядя перед собой бесцветными глазами, тихо произнесла: — На мистера Ратледжа нагнали порчу.

Пастор резко вскинул голову; его губы тронула недоверчивая улыбка.

— Что нагнали?

— Что слышали! Говорю вам: его приворожили.

Трое гостей молчали. Наконец Босворт, который был понаходчивее, а может, понахальнее

остальных, не без иронии спросил:

— В каком смысле, миссис Ратледж, в библейском?

Метнув на него взгляд, она сказала:

— А вы у него спросите.

Пастор закашлялся.

— Может, вы все же посвятите нас в дело до прихода мужа?

Миссис Ратледж уставилась на стиснутые на коленях руки, словно обдумывала вопрос. Босворт заметил, что веки у нее такие же белые, как лицо, поэтому с опущенными глазами она походила на незрячую мраморную статую. Смотреть на это было неприятно, и он перевел взгляд на табличку над камином, гласившую: «Душа согрешающая, она умрет»[31].

— Нет, — наконец произнесла она. — Я подожду.

Ни с того ни с сего Сильвестр Бранд встал и пнул ногой стул.

— Не знаток я, — пробасил он, — и в ваших библейских премудростях не разбираюсь. И вообще мне сегодня еще в Ялый Луг ехать — у меня там дельце намечается.

---

[31] Примечания: 31
Книга пророка Иезекииля, глава 18 (Иез. 18).

Миссис Ратледж подняла тощую руку. Сморщенная и загрубевшая от тяжелого труда и холода, рука тем не менее была такой же непроглядно белой, как и лицо.

— Да мы вас долго не задержим, — сказала она. — Присядьте, прошу вас.

Фермер остался стоять в нерешительности, пунцовая нижняя губа дернулась.

— Так вот же пастор — это больше по его части…

— Я попросила бы вас остаться, — спокойно промолвила миссис Ратледж, и Бранд сел.

Все четверо притихли, очевидно прислушиваясь к звуку шагов. Прошла минута-другая, прежде чем миссис Ратледж вновь заговорила.

— Старая лачуга у Ламерова пруда, — неожиданно сообщила она. — Они там встречаются.

Оррину показалось, что сквозь огрубелую кожу старого фермера проступил румянец. Пастор подался вперед.

— Кто «они», миссис Ратледж?

— Муженек мой и… эта…

Сильвестр Бранд заерзал на стуле.

— Что еще за «эта»? — резко спросил он, словно вдруг очнулся от забытья.

Миссис Ратледж не шелохнулась, только повер-

нула голову на тощей шее.

— Ваша дочь, Сильвестр Бранд.

Старик вскочил на ноги, нечленораздельно мыча.

— Моя… дочь?! Да вы… Что за чертовню вы несете? Моя дочь?! Вранье все… наглая клевета…

— Ваша дочь Ора, мистер Бранд, — четко произнесла миссис Ратледж.

У Босворта по спине пробежал холодок. Не в силах дольше смотреть на Бранда, он перевел взгляд на рябую физиономию Хиббена, побелевшую до оттенка миссис Ратледж. Глаза пастора горели в этой белизне, точно угли средь пепла.

Бранд хохотнул — звук вышел хриплым и скрипучим, как у человека, чьи пружины веселья давно заржавели.

— Моя дочь Ора? — повторил он.

— Да.

— Моя покойная дочь?

— Он так утверждает.

— Кто, ваш муж?

— Да, так говорит мистер Ратледж.

Оррин Босворт почувствовал приступ удушья, словно отбивался от длиннорукого чудовища в кошмарном сне, и посмотрел на Сильвестра Бранда — к его изумлению, лицо фермера приняло

обычное непроницаемое выражение.

— Это все? — презрительно хмыкнул он, поднимаясь со стула.

— Все?! Вам недостаточно? — возмутилась миссис Ратледж. — Вы когда вообще в последний раз видели Сола Ратледжа? — набросилась она на всех сразу.

Босворт припомнил, что не общался с ним чуть ли не год; пастор видел его разок осенью, да и то мельком, на почте в Норт-Ашморе. Тот и в самом деле выглядел неважно. Бранд молчал, застыв в нерешительности.

— Вот обождите чуток, и сами увидите. И услышите с его собственных слов. Я ж для того вас и созвала, чтобы вы своими глазами убедились. Тогда по-другому заговорите, — добавила она, резко повернув голову к Сильвестру Бранду.

Пастор поднял тощую руку, как бы прося слова.

— А ваш муж знает, зачем мы здесь?

Миссис Ратледж кивнула.

— То есть мы тут с его согласия?..

Она холодно взглянула на пастора.

— Я решила, так будет лучше.

По спине Босворта вновь поползли мурашки. Чтобы отвлечься от неприятных ощущений, он с

жаром включился в разговор.

— Не могли бы вы пояснить, миссис Ратледж, в чем именно выражаются те напасти, о которых вы говорите… Отчего вам так кажется?..

С минуту она молча смотрела на Оррина. Затем подалась вперед, нависнув над бисерным столиком.

— Мне не кажется, — сказала она, растянув бескровные губы в тонкую улыбку. — Я точно знаю.

— Допустим, но откуда?

Миссис Ратледж склонилась еще ближе и упер-лась локтями в стол.

— Я их видела, — едва слышно проговорила она.

В сумеречном свете, проникавшем сквозь снежную пелену за окнами, прищуренные глазки пастора, казалось, заметали искры.

— Вашего мужа и покойницу?

— Моего мужа и покойницу.

— Сола Ратледжа и Ору Бранд?

— Их самых.

С грохотом уронив стул, побагровевший Сильвестр Бранд вновь вскочил на ноги, изрыгая проклятия.

— Ложь, черт вас дери! Гнусная, бесовская ложь…

— Бранд, друг мой, опомнись, — увещевал пастор.

— Нет уж! А ну прочь с дороги! Дайте мне этого Сола Ратледжа, я ему покажу…

— А вот и он, — пискнула миссис Ратледж.

Стукнула парадная дверь, раздались знакомые притоптывания и хлопки — вошедший стряхивал с себя снег, прежде чем шагнуть в святая святых — гостиную.

Затем их взору предстал сам Сол Ратледж.

II

Свет из обращенного на север окна ударил вошедшему в лицо, и Босворт решил, что перед ним утопленник — точнее, «утопившийся», — которого достали из-подо льда. Правда, в метель с цветом и чертами лица происходят странные метаморфозы; вот в чем дело, думал Оррин, чудной свет из окна преобразил здорового крепкого мужика, каким Сол был годом раньше, в хилого доходягу в дверях.

Пастор залепетал, пытаясь сгладить жуткое впечатление:

— Ну вот, Сол… Скорей присаживайся к печке. Да ты, никак, заразу какую подхватил?

Увы, жалкая попытка разрядить обстановку ни

к чему не привела. Ратледж молчал и не двигался. Отсутствующий вид и отталкивающая внешность делали его похожим на ходячего мертвеца.

Бранд грубо схватил его за плечо.

— Скажи-ка, Ратледж, что за напраслину возводит на тебя жена?

Сол Ратледж не шелохнулся.

— Не напраслина это, — пробурчал он.

Рука Бранда упала с плеча Сола. Несмотря на браваду, вид и голос Ратледжа произвели на фермера сильное впечатление.

— Не напраслина? Хочешь сказать, ты с ума спятил?

— Сол не врет и не спятил, — вступилась миссис Ратледж. — Говорю же вам: я их видела.

— Его и покойницу? — усмехнулся Бранд.

— Да.

— У Ламерова пруда?

— Именно.

— И когда же, позвольте узнать?

— Позавчера.

Необычная компания притихла. В конце концов молчание прервал пастор:

— Ты как хочешь, Бранд, а по-моему, неплохо бы во всем разобраться.

Старик застыл с тупым видом: голова втянута в

плечи, сгустки пены в уголках отвисшей нижней губы.

«Есть в нем что-то звериное и первобытное», — подумал Босворт.

— Что ж, давайте разбираться, — вздохнул Бранд, медленно оседая на стул.

Двое других мужчин и миссис Ратледж оставались на месте. Стоящий перед ними Сол Ратледж выглядел как преступник на суде, или, скорее, как больной перед врачебной комиссией. Глядя на прежде смуглое, а ныне поблекшее впалое лицо и ввалившиеся щеки, которые будто высосала изнутри некая скрытая порча, Оррин Босворт, трезвый и здравомыслящий человек, поймал себя на мысли, что, возможно, супруги говорят правду и что все они вот-вот будут посвящены в какую-то ужасную тайну. Перемена, произошедшая с Солом Ратледжем за год, заставляла поверить в то, что раньше представлялось немыслимым. Да уж, пастор прав, неплохо бы во всем разобраться…

— Может, присядешь, Сол? Давай к нам поближе, — предложил пастор.

Миссис Ратледж пододвинула мужу стул, тот сел. Затем вытянул вперед руки, сжал костлявыми смуглыми пальцами колени и застыл, уставившись в одну точку.

— Ну так вот, Сол, — продолжал пастор. — По словам твоей супруги, у тебя неприятности и ты думаешь, что мы сумеем тебе как-то помочь.

Серые глаза Ратледжа открылись чуть шире.

— Не-е, не думаю. Это ей приспичило узнать, нельзя ли что-то сделать.

— И все же полагаю, что раз ты согласился нас собрать, то не станешь возражать, если мы зададим тебе несколько вопросов?

Немного помолчав, Ратледж с натугой ответил:

— Не стану.

— Прекрасно. Итак, ты слышал, что сказала твоя жена?

Ратледж едва заметно кивнул.

— И ты можешь как-то объяснить?..

— Да что там объяснять — я их видела! — встряла миссис Ратледж.

Все притихли. Тогда Босворт, силясь говорить непринужденно, спросил:

— Это правда, Сол?

— Правда.

Бранд поднял тяжелую голову.

— Ты хочешь сказать… вот так, глядя нам прямо в глаза, ты смеешь…

Пастор поднял руку.

— Обожди, друг мой. Мы все желаем докопаться

до истины, так ведь? — Он повернулся к Ратледжу. — Мы слышали слова миссис Ратледж. А что на это скажешь ты?

— Что тут скажешь? Она нас выследила.

— То есть ты утверждаешь, что был с… что принял ту, с кем был, за… — тонкий голос пастора перешел в тоненький писк, — Ору Бранд?

Сол Ратледж слабо кивнул.

— И ты знал… или полагал, что она… покойница?

Ратледж снова чуть наклонил голову. За окном по-прежнему валил снег, и Босворту чудилось, что это саван опустился с небес, чтобы накрыть их в одной общей могиле.

— Подумай, что ты несешь! Бога побойся! Ора… несчастное дитя… уж год как померла. Ты сам был на похоронах, Сол. Как только язык поворачивается?

— А что ему еще прикажете делать? — вставила миссис Ратледж.

Все опять умолкли. У Босворта идей больше не осталось, Бранд, казалось, вновь погрузился в мрачные раздумья. Пастор Хиббен соединил кончики дрожащих пальцев и облизнул губы.

— Вы позавчера в первый раз встретились? — спросил он. Ратледж чуть мотнул головой. — Нет?

А в какой?..

— Да, почитай, уж год как.

— Господи, Твоя воля! Выходит, с тех самых пор?..

— Да вы на него-то посмотрите! — вмешалась жена.

Трое мужчин опустили глаза.

Минуту спустя, худо-бедно взяв себя в руки, Оррин взглянул на пастора.

— Пусть Сол сам все расскажет. Разве нас не затем позвали?

— Верно, — кивнул пастор и повернулся к Ратледжу. — Попробуй рассказать все по порядку… когда это началось?

Повисло очередное молчание. Затем Ратледж крепче стиснул тощие колени и, по-прежнему устремив перед собой стеклянный немигающий взгляд, заговорил.

— Ну, значит… Дело давнее. Я еще и на миссис Ратледж женат не был… — Голос Сола звучал механически, будто ему надиктовывал или даже говорил за него кто-то другой. — Знаете, — добавил он, — мы с Орой собирались пожениться.

Сильвестр Бранд вскинул голову.

— Это как понимать? — перебил он.

— Встречались мы с ней. Она еще девчонкой

была, только мистер Бранд ее отослал. А когда она вернулась — года три прошло, — я уже был женат.

— Так и есть, — пробурчал Бранд и вновь погрузился в раздумья.

— Ты виделся с ней после ее возвращения?

— С живой? — переспросил Ратледж.

Собравшиеся невольно содрогнулись.

— Ну… разумеется, — неуверенно ответил пастор.

Ратледж на мгновенье задумался.

— Один раз… Было много народу. На ярмарке в Стылом Крае.

— Вы с ней говорили?

— Всего минуту.

— О чем же?

— Она сказала, что болеет и скоро умрет, — отвечал он надтреснувшим голосом. — И что после смерти вернется ко мне.

— И что ты ответил?

— Ничего.

— А подумал что?

— Да тоже ничего. А как услыхал о ее смерти, тотчас вспомнил — думаю, это она меня позвала.

Он облизнул пересохшие губы.

— Позвала в ту заброшенную лачугу у пруда? —

Ратледж едва заметно кивнул, и пастор уточнил:
— Откуда ты знал, куда идти?

— Она меня туда… манила.

Наступила долгая пауза. Босворт почти физически ощущал мучительную тяжесть, с которой все подыскивали следующий вопрос. Миссис Ратледж раз или два разжала и сжала тонкие губы, как выброшенная на берег устрица в надежде на скорый прилив. Ратледж ждал.

— Ну так что, Сол, — внезапно нашелся пастор, — расскажешь нам, что было дальше?

— Это все. Больше рассказывать нечего.

Пастор понизил голос:

— Стало быть, она тебя манит?

— Ну да.

— И часто?

— Когда как…

— Ну хорошо, она тебя манит, но сам-то ты что ж? Не в силах удержаться?

Ратледж первый раз устало повернул голову к собеседнику. Призрачная улыбка коснулась его бескровных губ.

— Без толку. Она не отстанет…

Снова воцарилось молчание. О чем еще в такой ситуации спрашивать? Присутствие миссис Ратледж исключало сам собой напрашивающийся

вопрос. Пастор Хиббен пребывал в явном смятении. Наконец он заговорил строгим голосом:

— Ты согрешил, Сол, и сам это знаешь. Ты пробовал молиться?

Ратледж покачал головой.

— А не помолиться ли нам прямо сейчас?

Ратледж наградил духовного отца равнодушным взглядом.

— Ежели вам, ребята, помолиться охота, я не прочь, — сказал он.

Миссис Ратледж не выдержала:

— Молитвы тут не помогут! В таких делах от них никакого проку. Не затем я вас звала. Вы, пастор, чай, не забыли прошлый случай в приходе, хоть с тех пор и минуло тридцать лет. Помните Лефферта Нэша — помогли ему молитвы? Я была еще ребенком, но прекрасно помню, как родичи зимними вечерами судачили о Лефферте Нэше и Ханне Кори. Ей вогнали кол в грудь — вот что его исцелило!

Босворт громко ахнул.

Сильвестр Бранд поднял голову.

— К чему припоминать ту давнишнюю историю, разве у нас такой же случай?

— А разве нет? Разве моего мужа не захороводили, как того Лефферта? Пастор вон знает…

Хиббен нервно заерзал на стуле.

— Грех это, — повторил он. — Допустим, ваш муж совершенно искренне считает себя «привороженным». Но как доказать, что… покойница — призрак бедной Оры?

— Доказать? Вам мало его собственных слов? И того, что она сама ему призналась? И того, что я их видела?! — Миссис Ратледж почти срывалась на крик.

Трое мужчин совсем притихли. И тут ее прорвало:

— Кол в грудь! Проверенное средство — и единственное! Пастор знает!

— Тревожить мертвых — грех.

— По-вашему, пусть живые чахнут, как чахнет мой муж? Это, по-вашему, не грех?!

Она вскочила и выхватила семейную Библию из корзины в углу. Грохнув книгой об стол и смочив слюной синюшный кончик пальца, она принялась судорожно листать страницы. Дойдя до нужной, придавила ее рукой, как каменным пресс-папье.

— Вот, пожалуйста, — сказала она и заунывным голосом прочла: — «Ворожеи не оставляй в живых». Исход, между прочим, — добавила она, для пущей убедительности оставив книгу

раскрытой.

* * *

Босворт по очереди переводил беспокойный взгляд на сидящих за столом. Будучи моложе остальных, он жил в ногу со временем и не сомневался, что в каком-нибудь трактире Ялого Луга они с приятелями просто посмеялись бы над подобными байками. Однако недаром он родился в тени Сирого Холма и все детство мерз и голодал в лютые зимы округа Хемлок. После смерти родителей Оррин взял на себя управление фермой и сумел увеличить доходы, усовершенствовав методы хозяйствования и снабжая растущий поток летних постояльцев, прибывающих по Стоутсбери-роуд, молоком и овощами. Он был избран членом управления Норт-Ашмора и, несмотря на молодость, достиг солидного положения в округе. И все же прошлое пустило в нем глубокие корни. Он помнил, как его еще мальчонкой дважды в год возили на унылую ферму, что на холме за владениями Сильвестра Бранда, навестить материну тетку. Крессидору Чени много лет держали взаперти в пустой комнате с железными решетками на окнах. Маленький Оррин знал Крессидору седой старушкой, которую ее сестры к приезду

гостей «приводили в порядок». Мальчик недоумевал, для чего на окнах решетки.

«Она как канарейка в клетке», — сказал он как-то матери.

Подумав немного, та ответила:

«Наверное, тете Крессидоре и в самом деле живется одиноко».

В следующий раз, когда они отправились на гору, мальчик вез канарейку в деревянной клетушке. Ему не терпелось порадовать старую тетю.

При виде пташки застывшее лицо Крессидоры просияло, глаза заблестели.

«Мое», — прохрипела она, накрыв клетку маленькой костлявой рукой.

«Конечно, тетя Кресси», — кивнула растроганная миссис Босворт.

Тут птица, испугавшись тени от руки, переполошилась и забила крыльями. Умиротворенное лицо тети Крессидоры мгновенно исказилось.

«Ах ты, чертовка!» — завизжала она, вытащила перепуганную птичку и свернула ей шею. Малыша Оррина потащили из комнаты, а тетка все визжала: «Чертовка! Чертовка!», выдергивая из теплого тельца перья.

Спускаясь с холма, мать не переставала пла-

кать, приговаривая: «Никому не говори, что бедная тетушка не в своем уме, иначе ее заберут в психушку, что в Ялом Луге, и на весь наш род ляжет позор. Обещай!» И мальчик пообещал.

Давнишняя сцена всплыла в памяти, а вместе с ней и отголоски тайн, секретов и слухов, которые, оказывается, все это время хранились в его подсознании. Теперь он засомневался: вдруг знакомые ему старики, «верившие во все такое», не так уж и не правы? Не зря же в Норт-Ашморе сожгли когда-то ведьму? Не зря же толпы отдыхающих до сих пор съезжаются к приходу, где ее судили, и к пруду, куда ее окунули и она всплыла?..[32] Пастор Хиббен верил — Босворт знал наверняка. Иначе стали бы люди со всей округи обращаться к нему, когда их скот заболевал непонятными болезнями или ребенок в семье начинал кататься по полу с пеной у рта, из-за чего приходилось держать его под замком? Нет, церковь церковью, а пастор знал наверняка…

А Бранд? До Босворта внезапно дошло: жен-

---

[32] Примечания: 32

Испытание водой (также известно как «Макание ведьм», от англ. Witch dunking) — разновидность ордалий, применявшаяся для «определения» ведьм: подозреваемую в колдовстве связывали и бросали в воду. Свидетельством невиновности являлось утопление подозреваемой — считалось, что вода, как стихия чистоты, не примет «нечистого человека». Соответственно, если подозреваемая всплывала, это свидетельствовало о ее принадлежности к ведьмам.

щина, которую сожгли в Норт-Ашморе, носила фамилию Бранд. Одна порода, тут не поспоришь. Бранды обитали в округе Хемлок с тех пор, как сюда впервые пришли белые люди. Оррин еще ребенком слышал разговоры родителей о том, что зря Сильвестр Бранд женился на своей двоюродной сестре, негоже, мол, — родная кровь. Только девочки у них родились здоровые, и когда миссис Бранд захворала и померла, никто и не заподозрил у нее душевного недуга. К тому же не сыскать было в округе девочек красивей Оры и Ванессы. Отец их это хорошо понимал. Он экономил как мог и в конце концов наскреб старшей Оре на учебу по бухгалтерии в Ялом Луге.

«Вот выйдет твоя сестра замуж, я и тебя пошлю учиться», — повторял он малышке Венни, своей любимице. Увы, замуж Ора так и не вышла. Три года, что ее не было, Венни беззаботно резвилась на склонах Сирого Холма, а по возвращении старшая сестра заболела и умерла. С тех пор Бранд замкнулся и одичал. Фермером он был работящим, только на бесплодных акрах Медвежьего Утеса ничего не росло. После смерти жены вроде даже начал попивать — время от времени его видели в кабаках Стоутсбери. Впрочем, нечасто. В основном он горбатился на своей каменистой

земле и растил дочерей. На заброшенном кладбище Стылого Края стоял покосившийся камень с именем его жены, а годом позже он похоронил рядом старшую дочь. Порой осенью на закате деревенские замечали, как он медленно бредет между могилами и стоит потом, подолгу глядя на два надгробия. Цветов, однако, не сажал и не приносил — ни он, ни Венни. Та вообще росла буйной и неприкаянной…

* * *

— Исход это, — повторила миссис Ратледж.

Гости по-прежнему молчали, неловко теребя в руках шапки. Ратледж сидел перед ними все с тем же остекленелым взглядом, который так страшил Босворта. Что он там видел?..

— Неужто ни у кого из вас, здоровяков, не хватит духу… — набросилась на них хозяйка дома.

Пастор Хиббен остановил ее жестом.

— Так не пойдет, миссис Ратледж. Дух тут ни при чем. Нам бы для начала… воочию убедиться…

— Верно, — подхватил Босворт, которому сразу полегчало, будто с души свалился неподъемный камень.

Оба дружно повернулись к Бранду — тот с мрач-

ной улыбкой молчал.

— Так ведь, Бранд? — настойчиво спросил пастор.

— Убедиться, что мертвецы ходят?

— Сдается мне, ты тоже не прочь уладить это дело?

Старый фермер расправил плечи.

— Не прочь, да. Только в духов я не верю. Как, позвольте узнать, вы собрались улаживать дело?

Немного поколебавшись, Хиббен тихо, но твердо ответил:

— Я не вижу иного способа, кроме того, что предлагает миссис Ратледж.

Воцарилась тишина.

— Вот как? — фыркнул Бранд. — Хотите их, значит, подкараулить?

Пастор заговорил еще тише:

— Если бедное дитя… то бишь твоя дочь… в самом деле приходит, неужели ты не желаешь ей упокоиться с миром? Необъяснимые явления случаются… Кто из нас станет это отрицать?

— Я ж их видела! — опять вставила миссис Ратледж.

И вновь повисло тягостное молчание. Вдруг Бранд в упор посмотрел на Ратледжа.

— Слышь ты, Сол Ратледж, вот ты возвел свой

мерзкий поклеп, так сам его и улаживай. Иначе тебе несдобровать. Говоришь, к тебе ходит моя покойная дочка?.. — Он с трудом перевел дыхание и выкрикнул: — Когда?! Скажи, и я приду.

Ратледж чуть опустил голову и уставился в окно.

— Чаще всего на закате.

— Ты о том заранее узнаешь?

Ратледж кивнул.

— Ну так завтра — завтра будет?

Опять кивок.

Бранд повернулся к двери.

— Я приду.

Ни на кого не глядя и не проронив больше ни слова, старик шагнул за порог. Пастор поднял глаза на миссис Ратледж.

— Мы тоже придем, — сказал он, будто его спрашивали.

Хозяйка ничего не ответила, и Босворт заметил, что она дрожит. Он был по-настоящему рад, когда на них с Хиббеном вновь повалил снег.

III

Решив, что Бранду надо побыть одному, они задержались на крыльце. Босворт начал рыться в карманах, ища трубку, которую и не думал

раскуривать.

Однако Бранд подошел к ним сам.

— Будете завтра у Ламерова пруда? — спросил он. — Перед закатом. Мне нужны свидетели.

Оба кивнули; Бранд залез в сани, стегнул лошадь и укатил под отяжелевшие от снега ели. Двое мужчин поплелись в сарай.

— Вы-то что обо всем этом думаете, пастор? — прервал молчание Оррин.

Тот покачал головой.

— Мужик сильно сдал, не поспоришь. Из него будто кровь сосут.

На морозе Босворт начал приходить в чувство.

— Сдается мне, он и впрямь какую-то заразу подхватил.

— Вот только… зараза у него душевная. Разум явно помутился.

Босворт пожал плечами.

— В нашем округе не впервой.

— Это точно, — согласился Хиббен. — Одиночество — оно все равно что червь в мозгу.

— Ладно, завтра, поди, узнаем, — подытожил Оррин.

Он влез в сани и уже трогался с места, как его окликнул пастор. Оказалось, у лошади отвалилась подкова и он просил Босворта подбросить

его на кузницу возле Норт-Ашмора, если тому не сильно в объезд. Пастор боялся, что старая кляча поскользнется на мерзлом снегу, и хотел уговорить кузнеца вернуться с ним к Ратледжу и подковать ее прямо здесь. Оррин подвинулся, освобождая место под медвежьей шкурой, и сани выехали за ворота под удивленное ржание пасторской кобылы.

Домой Босворт поехал бы другой дорогой, но согласился сделать крюк. Кратчайший путь до кузницы пролегал вдоль Ламерова пруда, и Босворт, раз уж ввязался в это дело, решил заодно проверить проклятое место. Ехали молча.

Снегопад прекратился, и по хрустальному небу расползался зеленоватый закат. Колючий ветер открытых высот ледяными иглами впивался в лицо, зато когда они спустились в низину к пруду, все стихло и замерло, как нераскачанный колокол.

— Вон та развалина… небось и есть их лачуга? — предположил пастор, когда дорога пошла вдоль края пруда.

— Она самая. Отец рассказывал, что ее давным-давно сколотил какой-то чудаковатый отшельник. С тех пор там никто не живет, разве что цыгане заходят.

Босворт натянул вожжи и присмотрелся к ветхой постройке за обагренными закатом соснами. День еще не угас, но под деревьями уже сгустились сумерки. Наверху между двумя голыми узловатыми ветками сияла вечерняя звезда — словно одинокий белый парусник в зеленом море.

От бескрайнего неба взгляд Оррина опустился на бело-голубые волны снега. «Как странно, — с волнением думал он, — что здесь, в ледяной глуши, в полуразвалившемся доме, который он столько раз проезжал, ни о чем не подозревая, происходили загадочные, непостижимые вещи. По вон тому самому склону от кладбища Стылого Края спускалась к пруду та, что они звали „Орой“». Его сердце учащенно забилось.

— Глядите-ка!

Он выпрыгнул из саней и, спотыкаясь, побежал вдоль берега к заснеженному склону. На снегу четко проступали отпечатки женских ног — два, потом еще три, потом еще, — они вели в сторону дома. Подоспел пастор, и оба уставились на следы.

— Бог мой — босиком! — ахнул Хиббен. — Стало быть, она, покойница…

Босворт ничего не ответил, хотя, конечно,

понимал, что ни одна живая душа не пойдет по мерзлой земле босиком. Теперь они воочию убедились, как того желал пастор. И что с этим было делать?

— Может, обогнуть пруд и подъехать к лачуге? — бесцветным голосом предложил пастор. — Авось…

Небольшая отсрочка обрадовала обоих. Они вернулись к саням и поехали дальше. Через пару сотен ярдов дорожка вдоль заросшего берега резко уходила вправо, следуя за изгибом пруда. За поворотом стояли сани Бранда — лошадь привязана к дереву, самого фермера не видать. Оррин и пастор переглянулись. Пруд был Бранду совсем не по дороге.

Очевидно, он поддался тому же самому порыву, что заставил их остановить здесь лошадь и поспешить к заброшенной лачуге. Заметил ли Бранд призрачные следы на снегу? Не потому ли вышел из саней и исчез в направлении дома?..

— Господи, хоть бы подольше не темнело, — пробормотал Оррин себе под нос, дрожа всем телом под медвежьей шкурой.

Он привязал своего коня рядом с лошадью Бранда, и, не говоря ни слова, они с пастором заковыляли по снегу, следуя вмятинам от огромных

сапожищ фермера. Завидели они его уже через несколько ярдов. Тот их не слышал и, когда Оррин окликнул его по имени, резко встал и оглянулся. В сумерках его тяжелое лицо выглядело темным пятном — фермер смотрел на них хмуро, но без удивления.

— Захотелось взглянуть на дом, — буркнул он.

Пастор прокашлялся.

— Ну да, вот и нам тоже… Только сомневаюсь, что мы хоть что-нибудь увидим… — И он невесело усмехнулся.

Бранд, похоже, его не услышал и продолжал пробираться через лес. Все трое одновременно вышли на поляну перед домом, словно оставив тьму позади в чаще. Вечерняя звезда освещала девственный снег, и Бранд, войдя в это яркое пятно, вдруг остановился как вкопанный и указал на неглубокие следы, ведущие к дому.

— Босые… — прошептал он.

Пастор пропищал дрогнувшим голосом:

— Следы покойницы.

Сильвестр Бранд не шелохнулся.

— Следы покойницы, — повторил он.

Пастор Хиббен испуганно тронул его за плечо.

— Идем отсюда, Бранд. Ради Бога, пошли.

Несчастный отец стоял и неотрывно смотрел

на следы на громадном белом полотне — их будто оставила лисица или белка.

«Живые так не ступают, — подумал Босворт. — Даже Ора Бранд при жизни не смогла бы…»

Он промерз до мозга костей, зубы стучали.

Внезапно Бранд развернулся к ним.

— Пора! — скомандовал он и двинулся вперед, нагнув голову на бычьей шее.

— Что? — охнул пастор. — Зачем?! Он ведь сказал «завтра»…

Его трясло как осиновый лист.

— Нет, сейчас! — рявкнул Бранд и толкнул дверь.

Та не поддалась, и он с силой надавил на нее плечом. Дверь опрокинулась, как игральная карта, и Бранд исчез в кромешной тьме. Оррин и пастор, поколебавшись лишь секунду, последовали за ним.

Дальше события развивались так стремительно, что у Босворта в памяти все смешалось. После ослепляющего снега они словно нырнули в непроглядный мрак. Шаря по стене рукой, он почувствовал, как в нее вонзилась заноза, и тут в самом темном углу забелело что-то эфемерное и призрачное. Раздался выстрел, затем крик…

Бранд, пошатываясь, прошел мимо Оррина и,

задев его, вывалился на еще не угасший дневной свет. Заходящее солнце, внезапно пробившись между деревьями, коснулось его лица: оно сделалось багровым, будто налилось кровью. Старик тупо озирался по сторонам, держа в руке револьвер.

— Стало быть, они и вправду хотят… — Бранд захохотал, а затем опустил голову и воззрился на оружие. — Тогда уж лучше здесь, чем на кладбище. Теперь им ее не откопать!

Двое мужчин схватили его сзади и выбили из руки револьвер.

IV

На следующий день, когда Босворт вошел в дом на обед, его сестра Лоретта, помогавшая по хозяйству, спросила, слыхал ли он новость.

Все утро Оррин пилил дрова и, несмотря на мороз и неутихавший с ночи снегопад, был весь в холодном поту, как человек, которого лихорадит.

— Какую новость?

— Венни Бранд слегла с воспалением легких. К ним заходил пастор. Похоже, она при смерти.

Босворт поднял на сестру отрешенный взгляд. Ему казалось, что их разделяют мили.

— Венни Бранд? — переспросил он.

— Ты всегда ее недолюбливал, Оррин.

— Она еще ребенок. Я ее толком не знаю.

— Ну так вот, — повторила Лоретта, беззлобно смакуя плохую новость, как это свойственно лишенным воображения людям. — Бедняжка, похоже, умирает. — Чуть помолчав, она добавила: — Бранда это просто убьет, ведь он останется совсем один.

Босворт поднялся.

— Сивой надо ногу перевязать, — буркнул он и вышел под нескончаемый снег.

Венни Бранд хоронили на третий день. Пастор прочел заупокойную, Оррин Босворт помогал нести гроб. Народ собрался со всей округи: снегопад наконец стих, а похороны в любое время года были редким поводом выйти в свет, так что их не пропускали. И уж тем более похороны юной красавицы Ванессы Бранд (несмотря на смуглую кожу, многие считали ее красивой), что придавало ее скоропостижной кончине очарование трагедии.

— Говорят, у нее был отек легких… Она вроде и раньше часто болела бронхитом… Я всегда говорила, что девчушки-то обе хиленькие. Ора вон, бедная, — тоже зачахла на глазах!.. Так у Бранда на ферме еще и холод какой… Да и мать их

вроде как от того же скончалась. Среди ее родни до старости вообще никто не доживает… А вон, смотрите, Бедлоу пошел — говорят, они с Венни обручены были… Ой, это вы простите, миссис Ратледж… Вы чуть дальше вдоль скамьи пройдите — там место рядом с нашей бабушкой…

Миссис Ратледж уверенно продвигалась по узкому проходу неказистой деревянной церквушки. Она вырядилась в свой лучший капор — монументальное сооружение, которое года три пролежало в сундуке, с самых похорон старухи Силси. Все женщины его помнили. Под этой громадой ее узкое личико на тощей длинной шее казалось бледнее обычного, но вместо привычной брюзгливости выражало по подобающему случаю застывшую скорбь.

«Ни дать ни взять каменная статуя — готовое надгробие для Венни», — подумал Босворт, когда она проходила мимо, и сам содрогнулся от такой мрачной мысли.

Миссис Ратледж склонилась над псалтырем, и ее опущенные веки опять напомнили ему мраморные глазницы. В костлявых пальцах, сжимавших книгу, не было ни кровинки. Таких рук Оррин не видел с тех самых пор, как тетя Кресси-дора Чини душила всполошившуюся канарейку.

После мессы за упокой гроб Венни Бранд опустили в могилу сестры, и соседи начали потихоньку расходиться. Босворт, который перед тем нес гроб, чувствовал, что не может уйти, не выразив соболезнований убитому горем отцу. Он подождал, пока Бранд с пастором отойдут от могилы, и трое мужчин встали рядом, ничего не говоря. Каменное лицо Бранда, испещренное морщинами, словно железными прутьями, походило на дверь склепа.

Наконец пастор взял его руку и произнес:

— Господь дал…

Бранд едва кивнул и зашагал к стойлу. Босворт его догнал.

— Хотите, проедусь с вами до дома? — предложил он.

Сильвестр Бранд даже головы не повернул.

— До дома? Какого еще дома? — был ответ, и Оррин отстал.

Пока мужчины снимали с лошадей попоны и разворачивали сани, Лоретта Босворт болтала с другими женщинами. Поджидая сестру, Оррин заметил над толпой высокий капор миссис Ратледж. Энди Понд, работник фермы Ратледжей, вывозил сани.

— Что-то Сола сегодня не видать, миссис Рат-

ледж? — просипел один старик, по-черепашьи вытянув голову на сморщенной шее и вглядываясь в мраморное лицо миссис Ратледж.

Босворт услышал, как та отчеканила ответ:

— Увы, не смог. Сегодня в Стоутсбери хоронят его тетку Минорку Камминс, пришлось ехать туда. Вот уж, воистину, все мы под Богом ходим.

Пока она шла к саням, в которых поджидал Энди Понд, к ней нерешительно подступил пастор. Босворт тоже невольно приблизился.

— Рад слышать, что Сол оклемался, — донеслись слова пастора.

Миссис Ратледж повернула голову на негнущейся шее и подняла мраморные веки.

— Во всяком случае, спать ему будет спокойнее. Да и ей, поди, — она ж там теперь не одна, — добавила миссис Ратледж тише, дернув подбородком в сторону черневшего на кладбищенском снегу пятна. Затем уселась в сани и громко сказала, обращаясь к Энди Понду: — Раз уж мы всяк выбрались в такую даль, съездим-ка заодно к Хираму Принглу за ящиком мыла.

1926

Мистер Джонс

I

Леди Джейн Линк была не такой, как другие: узнав, что унаследовала Беллз — роскошное старинное имение, принадлежавшее Линкам из Тадни на протяжении чуть ли не шестисот лет, — она решила посетить свои новые владения инкогнито. Она как раз гостила у подруги в Кенте и на следующее утро, одолжив автомобиль, отправилась в близлежащую деревню Тадни-Блейзес.

День выдался солнечный и безветренный.

Осенние краски покрывали долины и склоны Сассекса, его густые девственные леса и неспешно струящиеся по болотам ручьи. Еще дальше, на горизонте нечеткой полоской переливался Данженесс — городок, казалось, дрейфовал в призрачном море, хотя, вероятно, то было просто небо.

Деревушка пребывала в тихой дреме: несколько ветхих домов, прикорнувших у пруда с утками, серебристый шпиль, отяжелевшие от росы сады. Тадни-Блейзес вообще когда-нибудь просыпалась?

Оставив машину под присмотром гусей на малюсенькой площади, леди Джейн толкнула белую калитку (на воротах с грифонами висел внушительный замок) и пошла через парк в направлении резных дымовых труб. Никто, похоже, ее не заметил.

В глубине парка взору открылся длинный невысокий особняк; древние кирпичные стены нависли над заросшим рвом, так глубоко уйдя в него корнями, что он напоминал могучий кедр с раскинутыми в стороны красными ветвями. Леди Джейн залюбовалась, затаив дыхание.

Лужайки и парк наполняла тишина, скопившаяся за долгие годы уединения. В Беллз вот уже

шестьдесят лет никто не жил — с тех самых пор, как последний лорд Тадни, младший отпрыск семейства, без гроша за душой отбыл в Канаду попытать счастье за морем. Да и при нем, пока он и его овдовевшая мать на правах бедных родственников занимали одну из сторожек, великолепный дом оставался безлюдным и безмолвным, как фамильный склеп.

Леди Джейн, представительница очень дальней родни, к которой в результате отошли и графский титул, и обширные владения, никогда не бывала в Беллз и едва о нем слышала. Череда смертей и прихоть незнакомого старика сделали ее наследницей этой необычайной красоты, и она страшно радовалась, что увидела все лишь теперь, глазами неискушенного человека, жившего совсем другой, далекой от всего этого жизнью.

«Не дай бог, я давно бы к этому привыкла и сейчас стояла и прикидывала бы, во сколько обойдется починка крыши или проводка отопления».

Джейн шел тридцать пятый год, она привыкла жить независимо и самостоятельно принимать решения. Они с сестрами росли без роскоши, но в достатке; рано оставив родительский дом, леди Джейн снимала жилье в Лондоне, путешество-

вала по экзотическим местам, отучилась одно лето в Испании, другое — в Италии, написала пару практичных путеводителей по городам, о которых обычно пишут в романтическом ключе. И вот теперь, проведя лето на юге Франции, она стояла, по колено утопая в мокром папоротнике, и созерцала Беллз в лучах сентябрьского солнца, больше напоминавшего свет луны.

— В жизни отсюда не уеду! — воскликнула Джейн; сердце переполняли чувства, будто она только что поклялась в любви.

Сбежав с последнего склона, она очутилась в когда-то ухоженном, а ныне запущенном саду со скульптурно выстриженными тисами и плотными, как стены, изгородями из остролиста. К дому примыкала приземистая готическая часовня. Дверь была приоткрыта, что леди Джейн сочла хорошим знаком: видимо, предки ее поджидали. На крыльце валялось засиженное мухами расписание служб, стояла подставка для зонтиков, у двери лежал потрепанный коврик для ног; часовня наверняка служила деревенской церковью. Мысль о добрососедских отношениях согревала душу. Внутри по краю отсыревшей плитки алтаря шла ажурная перегородка, за которой угадывались надгробия и медные таблички. Леди Джейн

с любопытством их изучила. Некоторые надписи громогласно заявляли о былой славе, другие нашептывали о чем-то далеком и неизвестном, и новая владелица устыдилась, что так мало знала об истории собственного рода. Впрочем, ни у Крофтов, ни у Линков особых заслуг не оказалось, они лишь удерживали то, что имели, постепенно накапливая земли и привилегии. «В основном за счет выгодных браков», — с легким презрением подумала леди Джейн.

Тут взгляд ее упал на одно из менее богато украшенных надгробий: простой саркофаг из серого мрамора, вделанный в стену, а над ним — бюст молодого человека с красивым надменным лицом, байроновской шеей и откинутыми назад локонами.

«Перегрин Винцент Теобальд Линк, барон Клаудс, пятнадцатый виконт Тадни из Беллз, владелец имений Тадни, Тадни-Блейзес, Аппер-Линк, Линк-Линнет…» Длинный и скучный перечень титулов, званий, придворных и графских регалий заканчивался словами: «Родился 1 мая 1790 года, скончался от чумы в Алеппо в 1828 году». А ниже мелкими корявыми буквами, будто едва хватило места, было приписано: «Также его супруга».

Ни именем, ни датой, ни титулами виконтессу

Тадни не удостоили. Она «также» скончалась от чумы в Алеппо или «также» лежит в саркофаге, который ее тщеславный супруг, несомненно, повелел изготовить для собственного упокоя, не ведая, что встретит свой конец в какой-то сирийской канаве? Напрасно леди Джейн напрягала память: она знала лишь, что последний лорд Тадни умер бездетным и все его владения перешли к Крофтам-Линкам; эти обстоятельства в конечном итоге и привели ее к ступеням алтаря, где она, смиренно преклонив колени, поклялась бережно хранить вверенное ей наследство.

Пройдя по двору, леди Джейн остановилась перед парадной дверью своего нового дома. В простом твидовом костюме и тяжелых, перепачканных грязью ботинках она чувствовала себя непрошеным туристом и не сразу отважилась позвонить.

«Лучше бы я приехала не одна», — пронеслось в голове. Для молодой женщины, гордившейся тем, как, работая над своими путеводителями, не раз брала приступом самые что ни на есть тщательно охраняемые двери, мысль была непривычной. Впрочем, по сравнению с Беллз те места выглядели приветливыми и легкодоступными.

Наконец она позвонила, и по дому разнеслось

эхо — оно словно всполошилось и с удивлением спрашивало, что происходит. В ближайшем окне просматривалась длинная комната с зачехленной мебелью. Дальний ее конец уходил во мрак, и Джейн поймала себя на мысли, что оттуда за ней могут наблюдать.

«На первых порах, чтобы развеять эту мрачность, придется почаще приглашать гостей», — подумала новая владелица.

Она опять позвонила, и опять звон долго не затихал. Однако никто не вышел.

Прождав какое-то время, она сообразила, что смотритель, вероятно, живет где-то за домом, и, толкнув калитку в садовой ограде, прошла на задний двор. У стены из бордового кирпича раскинулась запущенная магнолия с единственным запоздалым цветком гигантского размера. Джейн позвонила в дверь с надписью «Для прислуги». Этот звонок, тоже какой-то заспанный, прозвучал все же чуть бодрее первого, словно не настолько отвык от работы и еще помнил, для чего нужен. Джейн вновь почудилось, что за ней наблюдают, на этот раз откуда-то сверху, из-за опущенной шторы.

Щелкнул затвор, и из-за двери показалась болезненного вида девушка; испуганно моргая,

будто спросонья, она уставилась на посетительницу.

— Простите, — начала Джейн, — мне можно осмотреть дом?

— Осмотреть дом?

— Я остановилась тут неподалеку… Интересуюсь старыми особняками и хотела бы заглянуть в ваш, можно?

Девушка отступила назад.

— Дом закрыт для посетителей.

— Да нет, вы не поняли… Я не затем… — Джейн лихорадочно искала в уме подходящий предлог. — Видите ли, — заговорила она более уверенно, — я знакома кое с кем из нортумберлендской родни.

— Вы родственница, мэм?

— Ну да… дальняя.

Именно этого она сообщать не собиралась, однако других вариантов, похоже, не было. Сонная девушка в замешательстве теребила передник.

— Я вас очень прошу, — не отступала Джейн, вынув полкроны.

Девушка побледнела.

— Не могу, мэм. Без спроса не могу… — Было совершенно очевидно, что она борется с искушением.

— Так спросите. — Леди Джейн сунула монету в нерешительно протянутую ладонь, и девушка скрылась за дверью. Отсутствовала она долго, и посетительница уже решила, что ее полкроны просто прибрали к рукам.

— Ну и дура же ты, Джейн, — проворчала она, по обыкновению разозлившись не на других, а на себя.

За дверью послышались вялые и неохотные шаги: впускать ее явно не собирались. Ситуация становилась просто комичной.

Приоткрыв щелку, девушка унылым голосом сообщила:

— Мистер Джонс не велит никого пускать в дом.

Мгновение обе женщины смотрели друг на друга, и Джейн уловила в глазах незнакомки страх.

— Мистер Джонс? Вот как?.. Не надо, оставьте себе, — добавила она, отмахнувшись от протянутой монеты.

— Благодарю, мэм.

Дверь захлопнулась, и леди Джейн осталась стоять перед неприступным ликом собственного дома.

II

— То есть, по сути, тебя прогнали? И ты ушла несолоно хлебавши?

Вечером за ужином рассказ леди Джейн был встречен общим смехом с примесью недоверия.

— Не может быть! — недоумевала одна подруга. — Ты хочешь сказать, что попросила осмотреть дом, а тебя не пустили? И кто же не пустил?

— Мистер Джонс.

— Мистер Джонс?

— Да. Заявил, что в дом никого впускать не велено.

— Что еще за мистер Джонс?

— Полагаю, смотритель. Я его не видела.

— Как это? Почему? — хором спросили присутствующие, и она смущенно пробормотала:

— Я, похоже, струсила.

— Струсила? Ты?! — Над столом прокатился новый взрыв смеха. — Испугалась мистера Джонса?

— Судя по всему…

Леди Джейн смеялась со всеми, но в душе понимала, что в самом деле испугалась.

Давний друг их семьи, писатель Эдвард Стрей-

мер, слушал с отсутствующим видом, глядя в пустую чашку перед собой. Когда же хозяйка дома отодвинула от стола стул, намереваясь встать, он встрепенулся и посмотрел на Джейн.

— Я тут кое-что вспомнил… Давно, еще юнцом, я тоже ездил в Беллз. Лет тридцать тому назад. — Он поднял глаза на хозяйку дома. — Меня туда возила твоя мама. И нас не впустили.

Его слова никого не впечатлили; кто-то из гостей даже заметил, что Беллз, в отличие от других имений в округе, всегда славился своей неприступностью.

— Верно, — согласился Стреймер, — но дело в том, что отказали нам в точности теми же словами: «Мистер Джонс не велит никого впускать в дом».

— Неужели? Стало быть, он тридцать лет назад уже там заправлял? Да, общительный парень!.. Ладно, Джейн, по крайней мере со сторожем тебе повезло.

Гости переместились в гостиную, и разговор зашел о другом. Стреймер, однако, подсел к леди Джейн.

— Тебе не кажется странным, что нам с разницей в тридцать лет дали одинаковый от ворот поворот?

Джейн взглянула на него с любопытством.

— Действительно... И вы тогда тоже не настояли на том, чтобы войти?

— Нет, конечно! Пытаться было просто бесполезно.

— Вот и у меня такое чувство, — согласилась она.

— Не волнуйся, дорогая, — вмешалась в разговор хозяйка дома, проходя мимо них к роялю. — На следующей неделе мы так или иначе проникнем в Беллз, и никакой мистер Джонс не сможет нам помешать.

— Интересно только, увидим ли мы самого мистера Джонса, — пробормотал Стреймер.

III

Как многие старинные дома, Беллз был совсем не велик: узкий, всего в два этажа, с комнатами для слуг под самой крышей, с извилистыми переходами и избыточными лестницами. «Если большую гостиную закрыть, — думала Джейн, — можно обойтись малым штатом прислуги» — другого она и не могла бы себе позволить. К ее облегчению, особенного ухода дом не требовал.

Не пробыв в нем и часа, она уже решила все бросить ради Беллз. Прежние планы и стремле-

ния, несовместимые с жизнью в имении, были выкинуты, как изношенная одежда, а те, что раньше едва ли приходили ей на ум или от чего она воротила нос в юности, незаметно подкрадывались и завладевали сознанием. Жизни людей, которым она была обязана своим появлением, теперь казались ей примером или назиданием. Сама ветхость древнего особняка тронула новую хозяйку больше, чем тронули бы роскошь и великолепие. Даже после долгого запустения эти стены сохраняли ауру повседневных забот, хождения туда-сюда давно умерших людей, для которых дом был не музеем, не летописной страницей, а колыбелью, детской, обителью, а иногда, без сомнения, и тюрьмой. Ах, если бы те мраморные губы в усыпальнице могли разомкнуться! Вот бы послушать рассказы о старом доме, что накрыл своим безмолвным сводом грехи и печали, капризы и уступки своих обитателей! Вскоре она добавит к той длинной истории новую главу, может, поскромнее и пообыденнее ранних хроник, зато более свободную и разнообразную, чем не вошедшие в летописи жизни погребенных тут прапрабабушек и прапратетушек, которые, наверное, и не заметили, как перекочевали из постелей в могилы.

«Их складывали, слой за слоем, как опавшие листья, — думала Джейн, — чтобы вечно хранить зарождающееся под ними живое». Во всяком случае, свое родовое имение они сохранили в целости. А это многого стоило. Леди Джейн чувствовала, что дорожит оказанным ей доверием.

Она сидела в саду и, глядя на розоватые, блестевшие от сырости и старости стены, решала, какие комнаты взять себе, а в каких поселить Стреймера и прочих друзей из Кента, которых пригласила на скромное новоселье. Затем она встала и пошла в дом.

Настало время заняться делами, ведь новая хозяйка приехала без слуг, не послушав даже матери, предлагавшей ей взять давно служившую у них горничную. Леди Джейн хотелось начать с чистого листа, и она не сомневалась, что наберет пару-тройку слуг по соседству. У миссис Клемм, розовощекой пожилой экономки, с реверансом встретившей наследницу на пороге, наверняка найдутся люди на примете.

Войдя в библиотеку, миссис Клемм опять присела в реверансе. Одета она была в черное шелковое платье с расходившейся от талии юбкой и плоским лифом. Блестящие накладные волосы венчал черный кружевной чепец с когда-

то фиолетовыми, а ныне посеревшими лентами; от броши-камеи под вязаным воротничком свисала тяжелая цепочка для часов. Округлое, румяное лицо лежало на воротничке, как красное яблоко на белой тарелке: гладкое, ровное, с поджатыми губами, похожими на черные семечки глазами и пухлыми румяными щеками, кожа на которых была так натянута, что лишь очень внимательный взгляд мог заметить мелкие морщины, делающие ее похожей на старый сухарь.

Миссис Клемм заверила, что с прислугой проблем не будет. Сама она неплохо стряпала. Сноровка, конечно, уже не та, зато племянница подсобит. Ее светлость совершенно права, незачем нанимать посторонних. Народ сейчас неблагонадежный, к тому же Беллз мало кому по душе. Некоторые его так вообще на дух не переносят. Миссис Клемм выразила надежду, что ее светлость будет не из их числа. При этом она криво улыбнулась — словно ее обтянутые щеки царапнули булавкой.

А насчет подручных… мальчик не подойдет? Она могла бы прислать внучатого племянника. А то с женской прислугой тут… ежели ее светлость считает, что без них не справимся… Из Тадни-Блейзес? Навряд ли… В Тадни-Блейзес больше

мертвых, чем живых. Те, что не разъехались, лежат на кладбище… домá вон один за другим заколачивают… от смерти не убежишь, правда же? Щеки миссис Клемм вновь прорезала улыбка-царапина, на этот раз вместе с неприятной ямочкой.

— Вы не подумайте, миледи, моя племянница Джорджиана очень работящая. Это она давеча вас впустила…

— Не впустила, — поправила леди Джейн.

— Ох, миледи, как неловко-то вышло. Ваша светлость хоть бы намекнули… Сама-то бедняжка Джорджиана не догадалась; ей, бестолковой, лучше вообще дверь не открывать.

— Ваша племянница всего лишь подчинилась приказу. Она честно сходила за разрешением к мистеру Джонсу.

Беспокойно потеребив морщинистыми руками подол фартука, экономка быстрым взглядом окинула комнату и только потом посмотрела на леди Джейн.

— Все так, миледи, но я ей сказала, что она должна была догадаться…

— А кто такой мистер Джонс?

Лицо миссис Клемм вновь прорезала улыбка — на этот раз жалкая и подобострастная.

— Видите ли, миледи, он, почитай, тоже одной ногой в могиле…

Ответ и впрямь неожиданный.

— Вот как? Что ж, сочувствую. И все-таки, кто он?

— Ну, он… мне вроде как двоюродный дед… родной брат моей бабки.

— Понятно. — Джейн с любопытством присмотрелась к собеседнице. — Должно быть, очень старый?

— Да, миледи, очень старый. Зато мне, — добавила миссис Клемм, и на щеке опять мелькнула ямочка, — не так много лет, как наверняка подумала ваша светлость. Годы в Беллз состарят кого угодно.

— Возможно, — кивнула леди Джейн, — однако на мистера Джонса это, похоже, не распространяется. Он, полагаю, так же хорошо сохранился, как и вы?

— Ой нет, совсем не так хорошо, — поспешно заверила миссис Клемм, явно обидевшись на такое сравнение.

— Во всяком случае, он до сих пор присматривает за домом, как и тридцать лет назад.

— Тридцать лет назад? — Миссис Клемм оставила в покое передник, руки повисли по бокам.

— Разве он не служил здесь тридцать лет назад?

— О да, миледи, конечно; он тут столько, сколько я себя помню.

— Надо же, вот так выслуга! И какие же у него обязанности?

Миссис Клемм ответила не сразу; руки по-прежнему неподвижно висели в складках платья. Леди Джейн заметила, что пальцы экономки крепко сжаты, как будто она сдерживалась изо всех сил.

— Начинал он мальчонкой на кухне, потом стал лакеем, потом дворецким. Право же, миледи, трудно сказать, что за обязанности у старого слуги, который столько лет прослужил в одном доме…

— К тому же в пустом.

— Да, миледи. На его плечах все — то одно, то другое. Покойный граф его очень ценил.

— Покойный граф! Да ведь он здесь никогда не бывал! Он всю жизнь провел в Канаде.

Миссис Клемм казалась несколько озадаченной.

— Все так, миледи. (При этом тон ее говорил: «Ты еще будешь рассказывать мне историю Беллз!») Я имею в виду его письма. Могу их показать. А перед тем был его светлость, шестнадцатый

виконт. Он-то сюда однажды заезжал.

— Ах вот как? — Леди Джейн опять со стыдом вспомнила, как мало знала о предках. Она поднялась с кресла. — Всем этим отсутствующим светлостям крайне повезло с таким верным блюстителем их интересов. Я бы хотела увидеть мистера Джонса… чтобы его поблагодарить. Вы меня к нему не проводите?

— Прямо сейчас? — Миссис Клемм отступила назад, и Джейн показалось, что румяные щеки слегка побледнели. — Сегодня никак, миледи.

— Отчего же? Он нездоров?

— Не то слово! Он, почитай, одной ногой в могиле, — повторила миссис Клемм, видимо считая эту фразу наиболее точным описанием самочувствия мистера Джонса.

— Он может даже не понять, кто перед ним?

Миссис Клемм на мгновение задумалась.

— Такого я не говорила, миледи. — Экономка словно боялась, что ее обвинят в неуважении. — Он-то поймет, а вот вы — навряд ли… — Она осеклась и тотчас добавила: — Я имею в виду, в его теперешнем состоянии.

— Неужели он так плох? Бедняга. А о нем хорошо заботятся?

— О да, миледи, мы делаем все, что можем, и

даже больше. Однако я подумала, — тут миссис Клемм призывно звякнула ключами, — не угодно ли вашей светлости осмотреть дом? Если вы не имеете ничего против, я предложила бы начать со столового белья.

IV

— Как поживает мистер Джонс? — спросил Стреймер у леди Джейн несколько дней спустя, когда вся компания из Кента собралась вокруг импровизированного чайного столика в нише изгороди из остролиста.

Стояла теплая, безветренная погода, как и в тот день, когда Джейн впервые приехала в Беллз. Теперь она с улыбкой собственника оглядывала старые стены, которые словно улыбались в ответ и ласково подмигивали ей окнами.

— Что за мистер Джонс? — переспросил кто-то из гостей; их прошлый разговор, по-видимому, помнил только Стреймер.

Леди Джейн помедлила с ответом.

— Мистер Джонс — мой незримый страж, вернее, страж Беллз.

Теперь и остальные гости вспомнили, о ком речь.

— Незримый? Уж не хочешь ли ты сказать, что

до сих пор его не видела?

— Пока нет. И, возможно, вообще не увижу. Он очень стар и, боюсь, очень болен.

— Но при этом всем тут заправляет?

— Еще как! По-моему, — добавила Джейн, — он единственный, кто по-настоящему знает Беллз.

— Джейн, дорогая! Что это за куст у стены? Неужели Templetonia retusa? Так и есть! Кто-нибудь из вас слышал, чтобы она выдерживала английскую зиму? — Собравшиеся, все без исключения заядлые садоводы, устремились к росшему в укромном уголке сада кусту. — Я обязательно попробую посадить такую у южной стены у себя в Дипвее, — восторженно сказала подруга, у которой они гостили в Кенте.

Покончив с чаем, гости пошли осматривать дом. Короткий осенний день близился к закату. Компания съехалась не на выходные, а лишь на полдня, поэтому все долго сидели в саду и вошли в дом, лишь когда тот окутали сумерки. «Что ж, — думала леди Джейн, — пожалуй, это самое подходящее время для посещения так долго пустовавшего и не успевшего отогреться для новой жизни особняка».

Камин, который она распорядилась затопить заранее, встретил их искрящимся теплом, отчего

огромный зал казался уютным и гостеприимным. Портреты на стенах, итальянские секретеры, потертые кресла и ковры — все выглядело так, будто совсем недавно здесь кипела жизнь. У Джейн мелькнула мысль, что, возможно, миссис Клемм права и стоит оборудовать гостиную здесь, а закрыть, наоборот, ту, голубую…

— Ах, дорогая, до чего здесь уютно! Жаль только, окна выходят на север. На зиму эту комнату придется закрыть, иначе разоришься на отопление.

— Не знаю… — усомнилась леди Джейн. — Я поначалу вроде собиралась, но другой гостиной тут нет…

— Нет другой? Во всем доме? — Гости дружно рассмеялись и вышли в обитый панелями коридор.

Одна подруга, немного опередившая остальных, воскликнула:

— Так вот же! Идеальный вариант: окна на юг — и одно на запад. Наверняка эта комната — самая теплая в доме.

Гости вошли следом, и пространство наполнилось восторженными голосами.

— Очаровательные шторы с попугаями… а эта голубая вышивка на каминной ширме! Джейн, грех такой гостиной пустовать — ты только взгля-

ни на этот стол из лимонного дерева!

Леди Джейн задержалась на пороге.

— Тут дымоход коптит — и его уже не починишь.

— Да ладно тебе. Что за вздор! Ты с кем-нибудь советовалась?

— Я пришлю тебе отменного мастера…

— Особенно если провести однотрубную систему отопления… У нас в Дипвее…

Из-за плеча леди Джейн выглянул Стреймер.

— А что по этому поводу говорит мистер Джонс?

— Он сказал, что этой комнатой испокон веков никто не пользовался. Мне экономка передала. Она его внучатая племянница и, похоже, просто повторяет его указания.

Стреймер пожал плечами.

— Что ж, мистер Джонс в Беллз гораздо дольше тебя, ему виднее.

— Глупости! — фыркнула одна из дам. — Небось экономка с мистером Джонсом облюбовали ее для себя и не желают, чтобы их беспокоили. Вон, смотрите, зола в камине! Что я говорила?

Смеясь, леди Джейн повела друзей дальше. Предстояло показать сырую обшарпанную библиотеку, столовую, комнату для завтраков и те

спальни, где еще сохранилась какая-то мебель. Таких осталось немного; очевидно, бывшие владельцы Беллз мало-помалу распродавали движимое имущество.

Когда гости спустились, у входа их уже поджидали автомобили. В прихожей горела лампа, а остальные комнаты освещала лишь широкая полоска заката, лучи которого проникали через незанавешенные окна. На пороге одна из дам спохватилась, что потеряла сумочку, — и тут же вспомнила, что оставила ее на столе в голубой гостиной. В какой она стороне?

— Подожди, я принесу, — сказала Джейн.

Стреймер последовал за ней, на ходу спрашивая, не захватить ли фонарь.

— Не надо, я все вижу, — отмахнулась леди Джейн.

Переступив порог голубой комнаты, куда проникал свет из выходящего на запад окна, она замерла. В комнате кто-то был. Она не то чтобы увидела, а, скорее, ощутила чужое присутствие. Стреймер за спиной тоже застыл, не говоря ни слова. Джейн чудилось, что она видит согнувшегося над столом старика, который, отвернувшись, тут же растворился, будто его и не было. Лишь чуть шевельнулась вышитая занавеска в даль-

нем углу.

— Вот же сумочка, — сказала леди Джейн, и от этой обыденной, произнесенной вслух фразы мгновенно полегчало.

Вернувшись в переднюю, она встретилась глазами со Стреймером, но его взгляд не разрешил ее сомнений.

— Ну, до свидания, — сказал он с улыбкой, пожимая ей руку. — Оставляю тебя на поруки мистеру Джонсу. Смотри только, чтобы он не запретил пускать посетителей к тебе.

— А ты возвращайся и проверь, — улыбнулась она и слегка поежилась, когда огни последней машины скрылись за огромной темной изгородью.

V

Восторженная решимость леди Джейн во что бы то ни стало подружиться со старым домом продлилась недолго. Всего лишь пару дней спустя к ней вернулось неуютное ощущение, которое она испытала, впервые позвонив в парадную дверь. Недаром она на первых порах собиралась приглашать гостей, чтобы развеять эту мрачность. Особняк был слишком старым, слишком таинственным и погруженным в собственное туманное прошлое, чтобы одинокая маленькая

обитательница могла почувствовать себя здесь как дома.

Увы, в это время года среди знакомых леди Джейн незанятых людей найти было трудно. Семья ее жила далеко на севере, и едва ли кто-нибудь из них сподобился бы на поездку. Одна из сестер в ответ на приглашение прислала ей расписание охотничьего сезона, а мать написала: «Почему бы тебе не приехать к нам? Что хорошего в том, чтобы прозябать всю зиму одной в пустом доме? А летом вернемся туда все вместе».

Получив схожие ответы еще от пары друзей, Джейн вспомнила о Стреймере. Тот как раз заканчивал работу над романом и в такие периоды обычно уединялся за городом, где его никто не дергал. Беллз был идеальным убежищем, и, хотя кто-то из знакомых мог ее опередить, предложив свой дом Стреймеру, она решила попробовать.

«Прихвати с собой работу и оставайся тут, пока не закончишь роман. Причем дописывать не спеши! Обещаю, тебя здесь никто не побеспокоит… — Немного поколебавшись, она добавила: — Даже мистер Джонс» — и сразу почувствовала необъяснимое желание вычеркнуть последние слова.

«Ему может не понравиться», — подумала она,

причем «ему» относилось отнюдь не к Стреймеру.

Неужели недолгое одиночество успело сделало ее суеверной?.. Она вложила письмо в конверт и сама отнесла его на почту в Тадни-Блейзес. Два дня спустя Стреймер телеграфировал о своем прибытии.

* * *

Писатель приехал в холодный ненастный вечер перед самым ужином. Поднимаясь наверх, чтобы переодеться, леди Джейн окликнула друга:

— Есть будем в голубой гостиной.

Мимо прошла Джорджиана, неся гостю горячей воды. Она остановилась и устремила на госпожу ничего не выражающий взгляд. Поймав его, леди Джейн непринужденно сказала:

— Ты слышала, Джорджиана? Затопи камин в голубой гостиной.

Она все еще переодевалась к ужину, когда в дверь постучали. Высунувшееся из-за нее круглое лицо миссис Клемм на фоне обоев казалось красным яблоком в садовой листве.

— Ваша светлость не желает ужинать в большом зале? Джорджиана передала…

— Что я просила затопить камин в голубой

гостиной. В зале можно окоченеть.

— Так ведь в голубой гостиной коптит дымоход.

— Вот заодно и проверим. Если он и правда коптит, пошлем за мастером.

— Его не починить, миледи. Уж чего только не перепробовали…

Леди Джейн резко повернулась. Из другого конца коридора доносился надтреснутый голос Стреймера, распевавшего веселую охотничью песню.

— Миссис Клемм, затопите камин в голубой гостиной.

— Слушаю, миледи. — И экономка прикрыла за собой дверь.

* * *

— Все-таки передумала насчет голубой гостиной? — спросил Стреймер, когда леди Джейн повела его в направлении зала.

— Да, надеюсь, мы не задубеем. Мистер Джонс клянется, что из-за неисправной трубы в голубой гостиной находиться небезопасно. Так что пока не вызову печника из Стробриджа…

— Понятно. — Стреймер подбавил огня в большом камине. — Нам и тут неплохо, хотя

отопление этой громадины тебя разорит. Кстати, мистер Джонс, я вижу, по-прежнему правит бал.

Леди Джейн невесело усмехнулась.

— Расскажи-ка, — продолжал Стреймер, пока она мешала кофе в турке, — что о нем вообще известно? Мне уже любопытно.

Джейн опять усмехнулась, сознавая, что выдает свое смущение.

— Мне тоже.

— Да ну? Ты до сих пор его не видела?

— Нет. Он все еще очень болен.

— А что с ним такое? Что говорят доктора?

— Докторов он к себе не пускает.

— Слушай, а вдруг, если ему станет хуже… не знаю, конечно… тебя не обвинят в халатности?

— А что я могу сделать? Миссис Клемм говорит, что он переписывается с каким-то врачом. Как тут вмешаться?

— И кроме миссис Клемм посоветоваться не с кем?

Джейн на миг задумалась. А ведь она и правда так и не удосужилась как следует познакомиться с соседями.

— Я думала, хоть викарий зайдет. Но потом спросила, и оказалось, в Тадни-Блейзес викария больше нет. Сюда каждое второе воскресенье

приезжает священник из Стробриджа, который недавно в этих краях, и никто его толком не знает.

— А здешняя часовня разве не открыта? Та, которую ты нам показывала? На меня она произвела впечатление действующей.

— Я тоже так думала. Тут была приходская церковь Линк-Линнета и Лоуэр-Линка, но, похоже, ее давно закрыли. Прихожанам надоело далеко ходить, да их и самих почти не осталось. Миссис Клемм говорит, тут кто не умер, тот уехал. Та же история с Тадни-Блейзес.

Стреймер окинул взглядом громадную комнату — от круга тепла и света возле камина расходились угрюмые тени, которые словно жадно прислушивались из дальних углов.

— При таком запустении в центре жизнь на окраинах затухает сама собой.

Джейн проследила за его взглядом.

— Да, к сожалению. Я просто обязана оживить это место.

— Почему бы тебе не привлечь посетителей? Устроить день открытых дверей?

Леди Джейн задумалась. Сама по себе перспектива выглядела малопривлекательной — едва ли можно представить себе более муторное занятие.

Однако в качестве первого шага к наведению мостов между безжизненным домом и округой такое мероприятие могло оказаться полезным. В глубине души она питала надежду, что даже кучка равнодушно топающих по комнатам незнакомых людей поможет развеять мрачную обстановку и смахнет со стен пыль тяжких воспоминаний.

— А это кто? — внезапно спросил Стреймер.

Джейн вздрогнула и обернулась; писатель смотрел на портрет, который на мгновение выхватил из темноты отблеск пламени.

— Какая-то леди Тадни. — Она встала и подошла с лампой к портрету. — Это, часом, не Опи[33], как думаешь? Необычное лицо для той эпохи.

Стреймер поднес лампу к портрету молодой женщины в льняном платье с высокой талией и камеей под грудью. У нее было красивое бледное лицо, обрамленное белокурыми локонами, и какой-то отрешенный, застывший взгляд.

— Такое впечатление, что дом уже тогда пустовал, — пробормотала леди Джейн. — Интересно, кто она? Хотя постой: это, наверное, «Также его супруга».

---

[33] Примечания: 33
Джон Опи (1761–1807) — британский художник-портретист.

Стреймер непонимающе уставился на нее.

— Единственная надпись на ее надгробии. Жена Перегрина Винцента Теобальда, который умер от чумы в тысяча восемьсот двадцать восьмом году в Алеппо. Быть может, она его любила, и портрет писали со скорбящей вдовы.

— В двадцатые годы прошлого века так уже не одевались. — Стреймер приблизил лампу, пытаясь разобрать надпись на кайме платка из индийского шелка. — «Джулиана, виконтесса Тадни, 1818 год». Видимо, скорбеть она начала еще до кончины мужа.

Леди Джейн улыбнулась.

— Тогда будем надеяться, что после она скорбела меньше.

Стреймер посветил на край картины.

— Смотри-ка, где она позировала, — в голубой гостиной. Вот старая обшивка, и опирается леди на стол из лимонного дерева. Причем комнатой явно пользовались зимой.

За окном на заднем плане портрета виднелись занесенные снегом дорожки и заледенелые живые изгороди.

— Любопытно, — сказал Стреймер, — и очень печально — портрет на фоне зимнего пейзажа. Хорошо бы узнать о ней побольше. Ты еще не

заглядывала в семейные архивы?

— Нет. Мистер Джонс…

— Не велит, разумеется.

— Да нет, он не против, просто потерял ключ от хранилища. Миссис Клемм пыталась вызвать слесаря.

— Слесаря-то уж в деревне можно найти?

— В Тадни-Блейзес был один, да помер за неделю до моего приезда.

— Я так и знал!

— То есть?

— Сама посуди: ключ потерялся, дымоход коптит, слесарь помер… — Стреймер, все еще держа в руке лампу, устремил взгляд в дальний темный конец комнаты. — Пойдем-ка посмотрим, что сейчас делается в голубой гостиной.

Леди Джейн рассмеялась; все не так страшно, когда рядом есть кто-то, с кем можно посмеяться.

— Ну хорошо, идем…

Они прошли по коридору, на дальнем конце которого горела одна-единственная свеча, миновали лестницу, уходившую вверх темной воронкой. На пороге голубой гостиной Стреймер остановился.

— Ну держись, мистер Джонс!

Ужасно глупо, но у леди Джейн екнуло сердце:

только бы эти слова не вызвали призрачную фигуру, которую она видела в прошлый раз.

— Господи, ну и холод! — Стреймер осмотрелся по сторонам. — Та-ак, зола на месте. Очень странно. — Он пересек комнату и подошел к столу из лимонного дерева. — Вот тут она позировала для портрета, в этом самом кресле — смотри-ка!

— Не надо! — Возглас вырвался у Джейн помимо воли.

— Что не надо?

«Открывать ящики…» — намеревалась сказать она, увидев, как он протянул к ним руку.

— Я продрогла. По-моему, у меня начинается простуда. Идем отсюда, — пробормотала Джейн, пятясь к двери.

Стреймер послушно вышел следом. При свете лампы, скользнувшем по стене, Джейн почудилось, что занавеска на дальней двери колыхнулась, как в тот день. Вероятно, сквозняк…

Вернувшись в большой зал, она почувствовала себя как дома.

* * *

— Никакого мистера Джонса нет! — победно объявил Стреймер, когда они встретились на следующий день.

Утром леди Джейн отправилась на машине в Стробридж в надежде найти печника и слесаря. Поиски заняли больше времени, чем она предполагала, потому что у всех уже была работа поблизости и никто не ожидал приглашения в Беллз: окрестные жители и не помнили, когда в последний раз о нем слышали. Работники помоложе и вовсе не знали, где находится имение. Наконец леди Джейн сумела уломать ученика слесаря поехать с ней при условии, что, как только работа будет закончена, парнишку отвезут на ближайшую станцию. Что касается печника, тот всего лишь записал ее просьбу и уклончиво пообещал прислать кого-нибудь, если сможет.

«Хоть это и не по нашей части», — добавил он напоследок.

Вернулась Джейн расстроенная и порядком вымотанная. Стреймер как раз спускался вниз после утренних трудов.

— То есть как нет? — переспросила она.

— А вот так! Я решил повторить эксперимент

Глэмиса[34] — вычислить его комнату по окнам. К счастью, дом не такой уж и большой…

Леди Джейн не сдержала улыбку.

— Вот, значит, что ты называешь «уйти в работу»?

— Я не в состоянии работать, пока не разгадаю тайну. Очень уж Беллз подозрительное место.

— Это точно, — вздохнула она.

— Так вот, я не готов был сдаться и отправился искать старшего садовника.

— Но ведь садовника в Беллз…

— Нет. Знаю, миссис Клемм меня просветила. Умер в прошлом году. Твоя экономка просто сияет, сообщая об очередном покойнике, ты заметила?

Да, она заметила.

— Тогда я подумал: раз нет старшего садовника,

---

[34] Примечания: 34

Шотландский замок Глэмис был построен в XIV веке и служил резиденцией для многих поколений аристократов. Среди самых известных легенд, окружающих Глэмис, — история о существовании тайной комнаты, где якобы был заключен один из членов семьи Стратмор. Согласно преданию в этой комнате жил «ужасный монстр Глэмиса», ребенок с уродствами, который был заточен на всю жизнь, чтобы никто не узнал о его существовании. Под «экспериментом», скорее всего, подразумеваются попытки найти потайную комнату, описанные британским историком и исследователем Генри Джеймсом, который пропал при загадочных обстоятельствах во время визита в замок. Его дневники опубликованы в книге «Исчезновения в Шотландии» в 1911 году.

то должен быть хотя бы помощник. Я приметил одного малого, который сгребал листья в саду, и спросил у него. Разумеется, мистера Джонса он никогда не видел.

— Ты имеешь в виду полуслепого беднягу Джейкоба? Он вообще никого не видит.

— Пускай. Так вот, он поведал мне, что мистер Джонс не велит закладывать листья для компоста — причину я забыл. В общем, власть мистера Джонса распространяется и на сад.

— Так ведь ты сам сказал, что его нет!

— Погоди. Джейкоб хоть и незрячий, зато работает тут уже много лет и знает об этом месте куда больше, чем ты думаешь. Я разговорил его, спросил о доме и, по очереди тыкая в каждое окно, узнал, где чья комната. Мистер Джонс не живет ни в одной из них!

— Прошу прощения вашей светлости… — На пороге возникла миссис Клемм: лоснящиеся щеки, шуршащее платье, глаза как два буравчика. — Тот подмастерье, которого ваша светлость привезли с собой, я так понимаю, для починки замка́ в хранилище…

— Ну?..

— Он потерял какой-то инструмент и не смог без него ничего починить. Сын мясника повез его

на станцию.

Леди Джейн услышала, как Стреймер фыркнул. Она стояла, не спуская глаз с миссис Клемм, а та смотрела на нее — почтительно, но непреклонно.

— Он уехал? Прекрасно, я догоню его на машине.

— Боюсь, миледи, слишком поздно. У сына мясника мотоцикл… И потом, что он сможет сделать-то?

— Взломать замок! — в отчаянии крикнула леди Джейн.

— Господь с вами, миледи!.. — ужаснулась миссис Клемм самым что ни на есть почтительным тоном.

Она мгновение постояла на пороге, после чего удалилась. Леди Джейн и Стреймер обменялись многозначительными взглядами.

— Просто смешно! — возмущалась Джейн за обедом. Прислуживала, как всегда, пугливая и нерасторопная Джорджиана. — Да я сама взломаю эту дверь! Осторожней, Джорджиана, — добавила она, когда та со звоном уронила тарелку. — Я о дверях говорю, а не о посуде.

Служанка трясущимися руками кое-как собрала осколки и вышла. Джейн и Стреймер

вернулись в зал.

— Прелюбопытно, — заметил писатель.

— Да уж…

Сидевшая лицом к двери леди Джейн вздрогнула. В дверях стояла миссис Клемм, только на этот раз она выглядела подавленной, вялой, даже побледневшей, не считая пунцовых щек, которые, по-видимому, не брала никакая бледность.

— Прошу прощения, миледи. Ключ нашелся.

И она протянула дрожавшую, как у Джорджианы, руку.

VII

— Тут их нет, — объявил Стреймер пару часов спустя.

— Чего нет? — не поняла Джейн, оторвавшись от беспорядочной кипы бумаг. Она заморгала, силясь разглядеть его сквозь туман повисшей в воздухе желтоватой пыли.

— Никаких сведений нет. Я перебрал все документы первой половины девятнадцатого века и обнаружил в них пробел.

Она подошла и склонилась вместе с ним над столом.

— Пробел?

— Причем значительный. Не хватает доку-

ментов между тысяча восемьсот пятнадцатым и тысяча восемьсот тридцать пятым годом. А в других нет никаких упоминаний ни о Перегрине, ни о Джулиане.

С минуту они глядели друг на друга поверх стопки бумаг, и вдруг Стреймер воскликнул:

— Кто-то побывал здесь до нас, совсем недавно!

Леди Джейн в недоумении уставилась на друга, затем медленно опустила глаза на пол, куда указывал его палец.

— Ты носишь плоские туфли без каблука? — спросил он. — Да такого размера! Они даже мне велики. Нам повезло, что полы не успели подмести!

Джейн пробила дрожь — дрожь изнутри, совсем не такая, как озноб от спертого холодного воздуха, каким их обдало на чердаке с архивами семьи Тадни.

— Не говори глупостей! Это, конечно же, миссис Клемм — или племянница по ее приказу — пришла открыть ставни, когда услышала, что мы поднимаемся.

— Следы не миссис Клемм, и вообще обувь не женская. Она, должно быть, послала мужчину — вернее, старика, который к тому же еле дер-

жится на ногах.

— Значит, это мистер Джонс! — нервно сказала Джейн.

— Мистер Джонс… Он взял то, что хотел, и забрал… куда?

— Да брось ты, лучше уйдем. Я совсем окоченела, с меня на сегодня хватит.

Стреймер безропотно последовал за ней; холод в хранилище и впрямь был невыносимый.

— Когда-нибудь я приведу все архивы в порядок, — продолжала леди Джейн, спускаясь по ступенькам. — А сейчас как насчет энергичной прогулки, чтобы выбить из легких вековую пыль?

Он согласился и пошел к себе в комнату забрать кое-какие письма, чтобы отправить их на почте в Тадни-Блейзес.

Леди Джейн сошла вниз одна. День выдался замечательный. Солнце, прежде причудливо подсвечивавшее облака пыли на чердаке, теперь тянуло длинные косые лучи сквозь западное окно голубой гостиной и по полу в коридоре.

«Молодец Джорджиана, образцово поддерживает дубовые полы, особенно если учесть, сколько ей всего приходится делать, даже удиви…»

Джейн резко замерла, словно невидимая рука

дернула ее назад. Прямо перед ней по гладкому паркету уходили пыльные следы — следы широких плоских туфель — и исчезали в голубой гостиной. Она ощутила ту же пробиравшую изнутри дрожь, что и на чердаке. Осторожно обходя следы, Джейн тихо подкралась к двери, распахнула ее и в ярком осеннем свете увидела полупрозрачный, светящийся по краю силуэт склоненного над столом старика.

— Мистер Джонс!

Сзади послышались шаги — подошла миссис Клемм с пачкой писем.

— Вы звали, миледи?

— Я… да…

Когда Джейн вновь повернулась к столу, там никого не было.

— Кто это был? — спросила она у экономки.

— Где, миледи?

Оставив вопрос без ответа, леди Джейн решительно шагнула к вышитой занавеске, которая, как и в прошлый раз, слегка покачивалась.

— Куда ведет эта дверь?

— Никуда, миледи. Там… нет двери.

Миссис Клемм быстро прошмыгнула вперед и подняла занавеску, за которой открылся кусок грубо оштукатуренной стены. Очевидно, тут ко-

гда-то был проем, но его замуровали.

— Когда это сделали? — спросила Джейн.

— Заложили проход? Не могу сказать… На моей памяти всегда так было, — ответила экономка.

С минуту обе женщины стояли, в упор глядя друг на друга; наконец миссис Клемм медленно опустила взгляд и разжала руку. Занавеска свободно повисла.

— В старинных домах много чего такого, о чем никому не ведомо, — произнесла она.

— В моем доме я этого не допущу, — сказала леди Джейн и шагнула к столу, за которым видела — или вообразила, что видела, — согбенную фигуру мистера Джонса.

— Миледи! — Экономка в два счета преградила ей путь. — Что вы делаете?

— Хочу проверить ящики, — ответила хозяйка.

Побледневшая экономка по-прежнему не сходила с места, загораживая собой стол.

— Нет, миледи. Не надо.

— Это почему же?

Миссис Клемм в отчаянии скомкала черный шелковый передник.

— Потому что если вы… Там вещи мистера Джонса, и ему лучше не…

— Ага, так это его я только что видела?

Экономка разжала пальцы и открыла рот.

— Вы его видели? — шепотом произнесла она.

Прежде чем Джейн успела ответить, миссис Клемм вскинула руки к лицу, будто загораживаясь от яркого света или ужасного зрелища, которое давно отучилась видеть. Заслонив глаза, она выбежала в коридор и поспешила в крыло для слуг.

Леди Джейн постояла, глядя экономке вслед, затем дрожащими пальцами открыла ящик, схватила все, что в нем было — небольшую стопку бумаг, — и поспешила в большой зал.

Переступив порог, она взглянула на портрет печальной женщины в платье с высокой талией, которую они со Стреймером окрестили «Также его супруга». Обычно безучастный взгляд застывшей красавицы внезапно ожил — она словно пробудилась и внимательно следила за происходившим в доме.

— Что за чушь собачья! — пробормотала леди Джейн, отгоняя наваждение, и повернулась навстречу входящему Стреймеру.

VIII

Теперь у них были все недостающие бумаги. Торопливо разложив их на столе, Джейн и Стрей-

мер пожирали глазами свою находку. Особенно важной она не казалась, занимая в долгой истории Линков и Крофтов не больше места, чем эта стопка документов во всем объеме фамильных архивов. Однако уже одно то, что эти бумаги заполнили собой пробел в семейной хронике и позволили установить, что меланхоличная красавица действительно была женой Перегрина Винцента Теобальда Линка, «скончавшегося от чумы в Алеппо в 1828 году», подстегнули интерес дилетантов и вытеснили из головы странный инцидент в голубой гостиной.

Некоторое время они молча и методично перебирали листки, которые разделили поровну между собой. Вдруг Джейн, глядя на одну из пожелтевших страниц, испуганно вскрикнула:

— Не может быть! Опять?! Опять мистер Джонс?!

Стреймер поднял глаза от своих бумаг.

— У тебя тоже? Мне уже попалось немало писем от Перегрина Винцента, адресованных мистеру Джонсу. Виконт, похоже, безвылазно сидел за границей и хронически нуждался в деньгах. Долги, азартные игры и, конечно, женщины… не очень лестные записи, честно говоря.

— Да? Мое письмо адресовано не мистеру Джон-

су, зато он упомянут. Послушай.

И леди Джейн прочла вслух:

«Беллз, 20 февраля 1826 года… — Это письмо мужу от бедной „Также его супруги“. — Милорд, смирившись, как всегда, с бременем печальных обстоятельств, лишающих меня счастья чаще наслаждаться вашим обществом, я все же никак не могу уразуметь, чему я обязана тем строжайшим заточением, в котором мистер Джонс упорно — и, как он заявляет, по вашему прямому указанию, — меня держит. Вне всякого сомнения, милорд, найди вы возможность проводить со мной больше времени со дня нашей свадьбы, вы бы и сами убедились, что нет ни малейшей необходимости налагать на меня подобные ограничения. Увы, мой неисцелимый недуг лишает меня счастья говорить с вами или слышать ваш голос, который в иных обстоятельствах я любила бы больше всех прочих на свете. Однако, мой дражайший супруг, я прошу вас поверить, что разум мой ничуть не умален сим препятствием и, как и мое сердце, неустанно стремится к вам, и что сидеть одной взаперти в огромном доме, день за днем, месяц за месяцем, лишенной вашего общества, да и всякого общества, кроме слуг, которых вы велели приставить ко мне, — это наказание

более суровое, нежели я заслуживаю, и участь более жестокая, нежели я способна вытерпеть. Я попросила мистера Джонса, который, судя по всему, пользуется вашим безраздельным доверием, передать вам это письмо и мою последнюю просьбу — последнюю, ибо в случае неудачи я не намерена боле просить, — в том, чтобы вы дали свое согласие на мое знакомство с вашими друзьями по соседству, среди которых, я уверена, найдутся добрые сердца, готовые сжалиться над моим положением, чье общество скрасит мое одинокое существование и придаст мне сил переносить ваше нескончаемое отсутствие…»

Леди Джейн сложила письмо.

— Глухонемая, вот бедняжка! Это объясняет ее отрешенный взгляд…

— А это объясняет их брак, — подхватил Стреймер, расправляя жесткий пергамент. — Брачный договор виконтессы Тадни. Она — урожденная мисс Порталло, дочь Обадии Порталло, эсквайра, владельца замка Перфлю в Кармартершире и Бомбей-Хауса в Твикерхэме, торгующего с Ост-Индией, совладельца банкирского дома «Порталло и Прест» и так далее, и так далее. Состояние исчисляется в сотни тысяч.

— Довольно отвратительная история, если

сопоставить одно с другим: все эти миллионы и заточение в голубой гостиной. Полагаю, виконт получил ее деньги, но предпочел не афишировать, каким образом их добыл… — Джейн содрогнулась. — Только вообрази: день за днем, зима за зимой, год за годом… глухонемая, одинокая… под неусыпным оком мистера Джонса. Погоди-ка, в каком году они поженились?

— В тысяча восемьсот семнадцатом.

— А годом позже был написан тот портрет, на котором у нее уже застывший взгляд…

— Да-а, веселого мало, — протянул Стреймер. — И все же самым странным во всей истории остается мистер Джонс.

— Точно. Мистер Джонс — ее бдительный страж, — подхватила леди Джейн. — Может, он — предок нашего? Насколько я понимаю, должности прислуги в Беллз переходят по наследству.

— Ну, не знаю… — откликнулся Стреймер; его странный тон заставил Джейн удивленно поднять глаза. — Что, если это один и тот же человек? — предположил он с загадочной улыбкой.

— Один и тот же? — рассмеялась леди Джейн. — Ты считать разучился? Будь страж бедной леди Тадни сейчас жив, ему стукнуло бы…

— Я не говорил, что наш мистер Джонс жив, —

поправил Стреймер.

— Что? Ты… То есть?.. — заикаясь, выговорила она.

Писатель не успел ответить. За спиной хозяйки распахнулась дверь, и в комнату вбежала перепуганная и растрепанная Джорджиана, еще более невменяемая, чем обычно.

— Ох, миледи… моя тетя… не отвечает, — заикалась она, вне себя от ужаса.

Джейн с досадой вздохнула.

— Что значит «не отвечает»? Какого ты ждешь от нее ответа?

— Всего лишь жива она или… нет, миледи, — пробормотала та с полными слез глазами.

Леди Джейн продолжала раздраженно:

— Жива? С какой стати ей не быть живой?

— Ну, потому что она лежит там… как мертвая.

— Твоя тетя? Мертвая? Да я полчаса назад говорила с ней в голубой гостиной, — строго сказала Джейн. К тому времени причуды Джорджианы ей порядком поднадоели, но тут она вдруг почувствовала неладное. — Где она лежит?

— В своей постели, — завыла служанка, — и не говорит ничего.

Оттолкнув от себя бумаги, леди Джейн встала и поспешила к двери. Стреймер последовал за ней.

Поднимаясь по лестнице, она сообразила, что видела спальню экономки лишь однажды — во время первого формального осмотра в тот день, когда получила во владение Беллз. Джейн плохо представляла себе, где находится комната, и просто шла за Джорджианой. К ее удивлению, за дверью в коридоре обнаружилась узкая лестница в стене, о которой она раньше не знала. На самом верху они со Стреймером оказались на небольшой площадке, куда выходили две двери. Несмотря на сумятицу в голове, леди Джейн подметила, что эти комнаты, из которых по потайной лестнице можно было спуститься прямо в так называемые «апартаменты его светлости», должно быть, принадлежали личным слугам хозяина. В одной из них, надо полагать, и жил настоящий мистер Джонс — тот самый, из пожелтевших писем, которые Джейн утащила из ящика. Переступая порог, она вспомнила, как экономка пыталась помешать ей добраться до стола с его содержимым.

Спальня миссис Клемм, как и она сама, была опрятной, чисто убранной и очень холодной. Только экономка больше на саму себя не походила. Щеки по-прежнему блестели, как красные яблоки, ни один локон не выбился из ее парика;

даже ленты чепца симметрично лежали вдоль каждой щеки. Однако при жизни она выглядела иначе. С первого взгляда невозможно было понять, был ли невыразимый ужас в ее широко распахнутых глазах лишь отражением произошедшей с ней перемены или же ее причиной. Леди Джейн вздрогнула и замерла, Стреймер подошел к кровати.

— Рука еще теплая, но пульса нет. — Он оглядел комнату. — Здесь есть зеркало?

Дрожащая от страха Джорджиана вынула из комода и протянула Стреймеру зеркальце, тот поднес его к сжатым губам экономки…

— Мертва, — объявил он.

— Боже, бедная миссис Клемм! Но как же так?..

Джейн приблизилась и уже опускалась на колени, взяв неживую руку в свою, когда Стреймер тронул ее за плечо и молча предостерегающе поднял палец. Джорджиана скорчилась в дальнем углу комнаты, уткнув лицо в ладони.

— Смотри, — почти неслышно выдохнул Стреймер.

Он указал на шею миссис Клемм, и леди Джейн, наклонившись, ясно различила красные пятна — следы свежих синяков. Она вновь взглянула в распахнутые от ужаса глаза.

— Ее задушили, — прошептал Стреймер.

Дрожа от страха, Джейн закрыла веки покойницы. Джорджиана, все еще пряча лицо, судорожно всхлипывала в углу. В самом воздухе холодной, опрятной комнаты витало нечто такое, что не давало строить предположения и заставляло молчать о догадках. Леди Джейн и Стреймер стояли и смотрели друг на друга. В конце концов Стреймер подошел к Джорджиане и коснулся ее плеча. Девушка будто и не заметила прикосновения. Тогда он легонько ее потряс.

— Где мистер Джонс?

Джорджиана подняла опухшее от рыданий лицо: застывший взгляд широко открытых глаз, казалось, сохранял кошмарное видение.

— О, сэр, неужто она правда умерла?

Стреймер повторил вопрос более настойчивым тоном. Тогда девушка медленно, еле слышно повторила:

— Мистер Джонс?

— Вставай и сейчас же позови его к нам. Или скажи, где он.

Привыкшая повиноваться девушка с трудом встала, неуверенно опираясь о стену. Стреймер строго спросил, слышала ли она, что он сказал.

— Бедняжка, она напугана… — вмешалась леди

Джейн. — Скажи, Джорджиана, где нам найти мистера Джонса?

Служанка уставилась на хозяйку таким же невидящим взглядом, как и у покойницы.

— Вы его нигде не найдете, — медленно произнесла она.

— Это почему?

— Потому как он не здесь.

— А где? Где же? — не выдержал Стреймер.

Джорджиана, похоже, не поняла, о чем ее спросили. Она продолжала смотреть на леди Джейн жуткими глазами.

— Он в могиле… на кладбище, уже много-много лет. Еще до моего рождения… даже тетя видела его только в самом раннем детстве… Вот в чем весь ужас-то… Оттого она и слушалась — ему нельзя перечить… — Немигающий взгляд девушки переместился с леди Джейн на каменное лицо покойницы. — Напрасно вы полезли в его бумаги, миледи. Он за них ее и наказал… Те бумаги, он к ним никого не подпускал… Никого…

Тут Джорджиана простерла над головой руки и без чувств упала к ногам Стреймера.

1928

Бутылка «Перье»

I

После двухдневной тряски по каверзным тропам в старательном, но на ладан дышавшем «фордике», а потом еще пары суток верхом на норовистых лошадях юный Медфорд — студент Американской археологической школы в Афинах — недоумевал, что заставило его эксцентричного друга, англичанина Генри Алмодема, поселиться в пустыне.

Теперь он понял.

Молодой человек стоял на крыше, облокотив-

шись на парапет древнего сооружения — не то раннехристианской крепости, не то арабского дворца, — которое, по словам Алмодема, и было причиной; вернее, одной из причин. Внизу, во внутреннем дворике, с заходом солнца проснулся ветерок: он шелестел в пальмовых листьях, напоминая о дожде, и нес желанную прохладу странствующим в пустыне. Над побелевшим колодцем склонилась огромная развесистая смоковница, высасывающая жизнь из единственного источника влаги в этих стенах. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались таинственные пески, то маняще золотистые, когда их ласкало солнце, то угрожающе фиолетовые, когда оно их покидало.

Вид бескрайней пустыни подавлял. Изрядно утомленный с дороги, Медфорд поежился и отошел от края. Несомненно, убежище идеально подходило для ученого и женоненавистника — только такого, в котором неизлечимо присутствовали оба эти качества.

«Пойду-ка осмотрю дом», — сказал себе Медфорд, срочно нуждаясь в контакте с творением рук человеческих, чтобы воспрянуть духом.

В доме не нашлось никого, кроме расторопного батлера, говорящего на невообразимой смеси

кокни, средиземноморских наречий и диалектов пустыни, — то ли англичанина, то ли итальянца, то ли грека, — да пары носильщиков в бурнусах, которые, внеся багаж Медфорда в комнату, бесшумно растворились. Батлер сообщил, что мистер Алмодем отъехал. Один дружественно настроенный шейх позвал его на случайно обнаруженные где-то к югу руины. В спешке хозяин не успел написать, но передал устное послание с извинениями и сожалениями. Обещал вернуться к ночи или на следующее утро и выражал надежду, что мистер Медфорд будет чувствовать себя как дома.

Юный Медфорд знал, что Алмодем регулярно участвует в археологических экспедициях. Они служили официальным предлогом, под которым тот поселился в столь удаленном месте, причем в результате его бессистемных поисков уже были открыты несколько руин периода раннего христианства, представляющих немалый общественный интерес.

Медфорд был даже рад, что хозяин пренебрег приличиями, и, по правде говоря, испытал некоторое облегчение, узнав, что на некоторое время будет предоставлен самому себе. Предыдущим летом он переболел малярией и, хотя носил теперь

пробковый шлем, подозревал, что перегрелся на солнце. Он чувствовал одновременно небывалую усталость и блаженную негу.

Ах, что за место для отдыха! Тишина, уединение, бескрайние просторы! И в самом сердце пустыни — зеленые листья, вода, плетеные кресла под пальмами… Уютное, гостеприимное жилье. В самом деле, Алмодема можно было понять. Тому, кто устал от бесконечной суеты Запада, сами стены этой заброшенной крепости внушали покой.

Едва ступив на лестницу, ведущую с крыши, Медфорд увидел внизу батлера, поднимавшегося навстречу. Тот шел медленно, и Медфорд успел разглядеть землистого цвета лысеющую макушку со светлым поперечным шрамом, обрамленную пепельно-русыми волосами. До этого Медфорд успел обратить внимание лишь на лицо слуги — моложавое, но тоже землистое, выражение которого невозможно было описать иначе как удивленное.

Батлер посторонился, глядя вверх, и Медфорд решил, что удивленное выражение лицу придавали широко распахнутые голубые глаза, обрамленные белесыми ресницами; больше в нем, во всяком случае, ничего особенного не

было.

— Я насчет вина — какое подать к ужину, сэр? Шампанское или?..

— Не надо вина.

На дисциплинированных губах слуги промелькнуло не то неодобрение, не то насмешка, или и то и другое.

— Вы отказываетесь от вина, сэр?

Медфорд улыбнулся.

— Не подумайте, сухой закон[35] тут ни при чем.

Он был уверен, что человек, какой бы национальности тот ни был, его поймет; и слуга действительно понял.

— Ничего такого я и не подумал, сэр…

— И правильно… Просто я недавно болел, и врачи запретили мне алкоголь.

Батлер по-прежнему недоумевал.

— Может, хоть чуток мозельского — подкрасить воду, сэр?

— Нет, никакого вина, — ответил Медфорд, которому разговор начал докучать. Он оправился еще не настолько, чтобы не раздражаться на вопросы относительно собственного рациона. —

---

[35] Примечания: 35

«Сухой закон» был введён в 1920 году в США Восемнадцатой поправкой к Конституции и отменён в 1933 году.

Вас как зовут? — добавил он, чтобы сгладить резкость отказа.

— Гослинг, — ответил слуга, удивив Медфорда, который, впрочем, сам не знал, какое имя ожидал услышать.

— Вы, стало быть, англичанин?

— Да, сэр.

— Хотя в этих краях уже давно, не так ли?

О да, слишком долго, на его вкус, ответил Гослинг и добавил, что родился на Мальте, однако неплохо знает Англию. Его губы вновь неодобрительно скривились.

— Признаться, сэр, мне бы хоть одним глазком взглянуть на Уэмбли![36] Мистер Алмодем обещал, а опосля замял…

Видимо решив как-то сгладить свою бесцеремонность, он чинно попросил у Медфорда ключи и поинтересовался, где тот пожелает ужинать. Получив ответ, он все еще мешкал, причем с видом даже более удивленным, чем прежде.

— Так вам минеральной воды, сэр?

— Да, пожалуйста.

— Бутылка «Перье» подойдет?

«Перье» посреди пустыни!.. Медфорд с улыбкой

---

[36] Примечания: 36

В 1924–1925 годах в Уэмбли, тогдашнем пригороде Лондона, проходила Британская имперская выставка, посвященная колониям.

кивнул, отдал ключи и отправился осматривать свое пристанище.

Дом оказался меньше, чем он себе представлял, по крайней мере, его жилая часть — видавшие виды мощные стены из желтого камня, в арках и проемах которых одна над другой громоздились глиняные комнаты с опорами из кедра и местами отвалившейся пунцовой штукатуркой. Из этого древнего христианско-мусульманского нагромождения последний хозяин оборудовал для жизни несколько комнат на краю крепости. Все они выходили во внутренний дворик — тот самый, где перешептывались пальмы и над колодцем нависала смоковница. На потрескавшейся мраморной плитке стояли стулья и низенький столик, а из щелей прорастали герань и пурпурный вьюнок.

Мальчик с настороженным взглядом, в белой длинной рубахе, поливавший цветы, с приближением Медфорда словно испарился. Во всем окружении было нечто эфемерное и нереальное. Даже выходившая во двор длинная комната с аркадой, подушками из седельных сумок, диванами со шкурами газелей и грубыми традиционными коврами, даже столик, заваленный старыми «Таймсами» и свежими французскими и англий-

скими журналами, — в призрачном обманном воздухе все выглядело как мираж в пустыне.

Медфорд устроился в кресле под смоковницей и задремал, а когда проснулся, темно-синий купол над головой переливался звездами, а ночной ветерок перешептывался с пальмами.

Отдых… красота… покой. Молодец, Алмодем!

II

Молодец, Алмодем! Худо-бедно покончив с раскопками, которые археологическое общество поручило ему лет двадцать пять тому назад, он остался, приобрел бывший бастион крестоносцев и переключил свое внимание с древних развалин на средневековые. Однако и эти вылазки, как подозревал Медфорд, он предпринимал лишь изредка, когда удавалось стряхнуть с себя чары завладевшей им праздности.

Юный американец познакомился с Генри Алмодемом в Луксоре предшествующей зимой — за ужином у полковника Суордсли на благоухающей террасе под звездным небом Нила — и, видимо вызвав некий интерес археолога, получил приглашение последнего посетить его в пустыне годом позже.

То был единственный вечер, который они

провели вместе в компании старого Суордсли, изучавшего поочередно их обоих из-под отяжелевших от воспоминаний век, и пары-тройки очаровательных, ни на минуту не замолкавших дам из «Зимнего дворца»[37]. Зато обратно в Луксор они ехали вдвоем, и за время этой поездки под луной Медфорд решил, что разгадал сущность Генри Алмодема. Замкнутая и в то же время чувствительная натура, склонная к хронической праздности, чередовавшейся со всплесками высокоинтеллектуальной деятельности, а также к беспрестанному самоедству, изредка смягченному тайным довольством собой, и к полнейшему одиночеству в сочетании с неспособностью долго оное терпеть.

Медфорд подозревал и кое-что еще: нотки викторианского романтизма, которые чувствовались в удаленности и недоступности его убежища, в сознании того, что он — всем известный Генри Алмодем («тот самый, что живет в замке крестоносцев»), в постепенном застывании образа, присвоенного себе в молодости и затвердевшего

---

[37] Примечания: 37

«Зимний дворец» — один из самых фешенебельных отелей Африки. Открыт в 1907 году для именитых археологов и богатых туристов в Луксоре, вокруг которого шли активные археологические раскопки. В 1936–1937 годах в этом отеле трижды проживала Агата Кристи. Именно здесь она завершила свой роман «Смерть на Ниле».

с годами, и как будто чего-то более глубинного, даже гнетущего, хотя в последнем он уверен не был. Возможно, выбрав такой необычный образ жизни, Алмодем залечивал некую старую рану, давно затаенную обиду, которая когда-то унесла часть его души. В его осторожных движениях, в мечтательном взгляде на правильном, обрамленном сединой смуглом лице Медфорд уловил интеллектуальную и духовную вялость, которую порождала и оправдывала жизнь в романтическом замке.

«Отсюда действительно сложно выбраться!» — подумал Медфорд, глубже утопая в кресле.

— Ужин подан, сэр, — объявил Гослинг.

Стол был накрыт под сводом гостиной, переходящей в двор; тускло мерцающие свечи в полумраке казались розовым бассейном. Появляясь в их свете в белом пиджаке и бархатных туфлях, слуга с каждым разом выглядел все более сведущим и все более удивленным. А что за блюда!.. Неужели повар тоже мальтиец? Ах, мальтийцы — мастера на все руки!

Гослинг чопорно наклонился, чтобы наполнить бокал гостя вином.

— Не надо вина, — терпеливо напомнил Медфорд.

— Извиняйте, сэр. Тут такое дело…

— Вы, кажется, упоминали «Перье»?

— Да, сэр, но минеральная вода закончилась. Из-за жары мистер Алмодем осушил все запасы. Новая партия прибудет не раньше той недели. Нам приходится, знаете ли, уповать на идущие с юга караваны.

— Не страшно. Тогда простой воды. Буду очень признателен.

Слова повергли Гослинга чуть ли не в шок.

— Простой воды, сэр?! В наших-то краях?

Медфорд раздраженно поерзал.

— А что такого? Ну вскипятите, в конце концов. Я не стану… — Он отодвинул наполовину наполненный бокал.

— О… вскипятить? Конечно, сэр. — Голос слуги перешел почти на шепот. Он поставил на стол сочную смесь риса и баранины и исчез.

Медфорд откинулся на подушки, отдаваясь во власть ночи, прохлады и шелеста ветра в пальмовых листьях.

Одно великолепное блюдо сменялось другим. С появлением последнего Медфорда уже мучила нешуточная жажда. В это мгновение рядом с ним возник кувшин с водой.

— Кипяченая, сэр, и еще я выжал туда лимону.

— Прекрасно. Полагаю, к концу лета вода в этих местах всегда немного мутнеет?

— Так и есть, сэр. Но вам должно понравиться.

Медфорд сделал глоток.

— Лучше, чем «Перье»!

Он опорожнил бокал, откинулся и начал хлопать себя по карманам. Мгновенно перед ним появился поднос с сигарами и папиросами.

— Вы и… не курите, сэр?

Вместо ответа Медфорд приблизил сигару к протянутой зажигалке.

— А это, по-вашему, что?

— О, конечно, но я имел в виду другое. — Гослинг украдкой покосился на нефритово-янтарные трубки для опиума, разложенные на невысоком столике.

Медфорд отмахнулся от предложения и задумался: не это ли было другим секретом Алмодема — или одним из них? Ибо он начинал думать, что секретов могло быть множество; и все они наверняка надежно спрятаны за невозмутимым лицом Гослинга.

— От мистера Алмодема новостей пока нет?

Батлер, проворно собиравший посуду, видимо, не расслышал. Затем — отойдя за мерцающий фон свечей — переспросил:

— Новостей? Откуда им взяться, сэр? Телеграфа в пустыне нет, мы, поди, не в Лондоне. — Его уважительный тон отчасти скрасил сарказм. — Завтра к вечеру он как пить дать въедет в ворота. — Гослинг помолчал, подошел ближе и, смахивая последние крошки с края стола, добавил с сомнением: — Вы же намерены его дождаться, сэр?

Медфорд рассмеялся. Ночь действовала исцеляюще; душа уносилась в небеса. Время растворилось, суета и тревоги отступили.

— Дождаться? Да я готов прождать здесь хоть целый год!

— Вот как? Целый год? — бодро отозвался Гослинг, забрал последнюю посуду и исчез.

III

Медфорд хоть и сказал, что готов прождать год, уже на следующее утро убедился, что подобные заявления теряли здесь всякий смысл. В этих местах время не поддавалось измерению. Циферблат часов содержал бессмысленную, никому не нужную информацию. Вращение созвездий над полуразрушенными стенами крепости отмечало лишь обороты Земли, а мелкие, суетливые дергания человека ровным счетом ничего не значили.

Даже голод, этот неизменный бой внутренних часов, уменьшился до прихоти — слабого позыва, легко притупляемого орехами и медом. Жизнь текла с монотонной плавностью вечности.

К закату Медфорд стряхнул-таки с себя это феерическое ощущение нереальности, поднялся на крышу и окинул взглядом пустыню, надеясь разглядеть Алмодема. На юге темным покрывалом на светлом фоне проступали алебастровые горы. На западе вздымался огненный столп и, рассыпаясь на сливовые облака, превращал небо в фонтан из розовых лепестков, а пески под ним — в золото.

Никаких признаков приближающихся всадников не было. Медфорд тщетно высматривал отсутствующего хозяина дома, пока не стемнело и пунктуальный Гослинг не позвал в очередной раз к столу.

Поздним вечером Медфорд вяло перелистывал журналы — самые свежие были трехмесячной давности и уже застарелые на ощупь, — потом отшвырнул их, развалился на диване и задремал. Алмодем, должно быть, постоянно дремал, вот в чем дело. И каждый раз, прежде чем окончательно впасть в ступор, он пускался в одну из своих экспедиций по пустыне в поисках неизвестных

развалин. А что, вполне сносная жизнь.

Неслышно, с кофе в ажурном подстаканнике появился Гослинг.

— А в конюшне остались кони? — внезапно спросил Медфорд.

— Кони? Разве что вьючные клячи, сэр. Мистер Алмодем забрал с собой двух лучших скакунов.

— Я подумал, не выехать мне ли ему навстречу.

Гослинг задумался.

— Это можно, сэр.

— Вы не знаете, в какую сторону он направился?

— Не точно, сэр. Их повел помощник каида.

— Их? Алмодем уехал не один?

— С одним из наших людей, сэр. У них два чистокровных коня. Остался еще третий, но тот хромой. — Гослинг помолчал. — Вы знакомы со здешними тропами, сэр? Извиняйте, не припомню, чтобы видел вас прежде.

— Верно, — неохотно признался Медфорд. — Я здесь впервые.

— Ну… — Гослинг сопроводил свои слова наглядным жестом. — В таком случае вам и чистокровка не поможет.

— Что ж, будем надеяться, Алмодем сегодня

вернется.

— Конечно, сэр. Глядишь, завтракать будете вместе, — весело отозвался слуга.

Медфорд отпил кофе.

— Вы сказали, что не помните меня. А сами-то вы тут давно?

Ответ прозвучал незамедлительно:

— Одиннадцать лет и семь месяцев, сэр.

— Почти двенадцать лет! Срок немалый.

— И не говорите.

— Полагаю, вы не часто отсюда выбираетесь? — спросил Медфорд удаляющегося с подносом Гослинга.

Тот остановился, повернул голову и, подчеркивая каждое слово, ответил:

— Я не уезжал с тех пор, как мистер Алмодем меня сюда привез.

— Боже правый! У вас ни разу не было отпуска?

— Ни разу.

— Но ведь Алмодем сам иногда уезжает. В прошлом году я встретил его в Луксоре.

— Верно, сэр. Когда он тут, я нужен ему, чтобы его обслуживать, а когда его нет, я присматриваю за другими слугами. Так что сами понимаете…

— Понимаю, но это же чертовски долго!

— Ох как долго, сэр.

— А другие слуги? Им что — нельзя доверять?

— Что с них взять, с арабов-то? — пренебрежительно отозвался Гослинг.

— Неужели среди них нет ни одного надежного?

— Надежного? Да у них даже слова такого в языке нет.

Медфорд прикурил сигару, а когда поднял глаза, обнаружил, что батлер все еще стоит на почтительном расстоянии.

— Не то чтобы он не обещал, сэр… — как-то взволнованно произнес Гослинг.

— Что обещал?

— Дать мне отпуск, сэр. Не раз обещал… и не два.

— Но так никогда и не отпустил?

— Нет, сэр. Незаметно проходил день за днем…

— Ах, это прямо беда здешних мест… Вы меня не дожидайтесь, — добавил Медфорд. — Я еще посижу, подожду мистера Алмодема.

Глаза Гослинга стали еще шире.

— Здесь, сэр? Во дворе?

Молодой человек кивнул. Гослинг все стоял и таращился, будто превратился в лунном свете в беспокойного призрака терпеливого слуги, кото-

рый умер, так и не дождавшись своего отпуска.

— Заночуете во дворе, сэр? Один?! Я же вас не услышу, коли надумаете позвать! Ложитесь лучше в постель, сэр. Воздух тут по ночам нездоровый, чего доброго заболеете опять.

Медфорд со смехом вытянулся в кресле.

«Парню давно пора сменить обстановку», — подумал он. А вслух сказал:

— Обо мне не беспокойтесь. Это вам, Гослинг, надо поменьше нервничать. Когда вернется мистер Алмодем, я замолвлю за вас словечко и вы получите свой отпуск.

Гослинг замер. В течение минуты он не издал ни звука.

— В самом деле, сэр? Правда замолвите? — наконец переспросил он срывающимся голосом, переходящим в нервный смешок — реакцию человека, давно отвыкшего от подобных поблажек. — Благодарю, сэр. Покойной ночи, сэр.

И он ушел.

IV

— Вы, надеюсь, исправно кипятите мою воду? — Медфорд задержал руку на стакане, не отрывая его от стола.

Тон его был мягким, почти доверительным. По-

сле своего опрометчивого обещания заручиться отпуском для Гослинга Медфорд чувствовал, что они как будто подружились.

— Вашу воду? Конечно, сэр. Обязательно.

Медфорд уловил в голосе батлера легкий упрек, будто его оскорбил вопрос — особенно в свете новых установившихся между ними отношений. Он смерил гостя удивленным взглядом, в котором за профессиональной выдержкой проглядывало искреннее беспокойство.

— А то, знаете ли, сегодня поутру вода в ванне… — продолжал Медфорд.

Гослинг, который как раз принимал из рук бесшумного араба блюдо с восхитительно пахнувшим кускусом, прошипел сквозь зубы:

— Чертов туземец, подать как следует не умеет! Чтоб тебя!

Араб исчез, не произнеся ни звука, а Гослинг спокойно водрузил блюдо перед Медфордом.

— Все как один. — И он со злостью растер жирный след у себя на льняном рукаве.

— …А то, видите ли, сегодня поутру вода в ванне попросту воняла, — наконец досказал Медфорд, окуная вилку с ложкой в наполненную до краев тарелку.

— В ванне, сэр? — повторил Гослинг, сделав

ударение на слове «ванна». Удивление, перекрыв все другие эмоции, вновь наполнило вытаращенные на Медфорда глаза. — Это я недосмотрел…

— Здесь только один колодец, да? Тот, что во дворе?

Вопрос вывел Гослинга из задумчивости, в которую он погрузился после жалобы гостя.

— Да, сэр. Единственный.

— А что он собой представляет? Откуда там берется вода?

— О, всего-навсего цистерна с дождевой водой, сэр. Тут другого и не бывает. На моей памяти воды всегда хватало. Хотя в это время года с ней случаются всякие странности. Спросите вон у арабов — вам любой подтвердит. Они, конечно, те еще обманщики, но на этот счет не соврут.

Медфорд осторожно отпил из своего стакана.

— Вроде ничего, — сказал он.

На лице слуги отразилось искреннее облегчение.

— Я лично смотрю за тем, как ее кипятят, сэр. Каждый раз. А завтра, кажись, доставят «Перье».

— Ах, завтра… — Медфорд пожал плечами, делая еще глоток. — Завтра меня тут может уже и не быть.

— Неужто уезжаете, сэр? — воскликнул Го-

слинг.

Резко обернувшись, Медфорд успел заметить во взгляде батлера какое-то новое, непонятное выражение. Он мог дать голову на отсечение, что Гослинг относился к нему едва ли не с собачьей преданностью и желал удержать его, уговорить потерпеть и остаться подольше. Однако в это мгновение Медфорд был готов поклясться, что прочел в глазах Гослинга облегчение, а в голосе — надежду.

— Так скоро, сэр?

— Я тут уж пятый день! От мистера Алмодема по-прежнему никаких вестей, к тому же вы сами сказали, что он и вовсе мог забыть о моем приезде…

— О нет, сэр, не забыть! Просто когда его манят какие-нибудь старые развалины, он перестает замечать время — я только это имел в виду. Проходит день за днем… как во сне. Он небось думает, что вы вот-вот приедете, сэр.

Невозмутимое лицо Гослинга прорезала едва различимая улыбка. Медфорд впервые видел, чтобы батлер улыбался.

— Я все понимаю, только… — Медфорд замялся. Усыпленная бдительность с трудом продиралась через негу, в которую погружало это дурманящее

место с его легкодоступными удобствами. — Только как-то странно…

— Что странно, сэр? — насторожившись, переспросил Гослинг, ставя на стол сушеные финики и инжир.

— Да все, — ответил Медфорд.

Он откинулся на подушки и устремил взгляд через арку в бескрайнее небо — потоки синевы и золота заливали полдень. Наверное, слуга прав: Алмодем где-то там, под этим огненным навесом, погруженный в свои мечтания. Этот край полон колдовских чар…

— Кофий, сэр? — вежливо напомнил о себе Гослинг.

Медфорд взял у него чашку.

— Странно: вы вроде как не доверяете арабам, и в то же время непохоже, чтобы вас сильно беспокоило, что мистер Алмодем скитается с одним из них Бог весть где.

Слуга обдумал его слова, видимо признав в них некоторую логику.

— Вам не понять, сэр. Это тонкое дело: когда доверять им, а когда — нет. У них на уме одна выгода, сэр, да еще эта их так называемая религия. — Его презрению не было предела. — Чтобы понять, почему я не беспокоюсь о мистере Алмо-

деме, нужно немало пожить среди них и уметь калякать на их языке.

— Однако я… — начал было Медфорд, но осекся и склонился над кофе.

— Да, сэр?

— Однако я немало с ними путешествовал.

— Ах, путешествовали! — Даже уважительный тон Гослинга не мог скрасить насмешку над заявлением гостя.

— Я тут уже пять дней… — продолжил оборонительно Медфорд. От полуденного зноя не спасала даже тень, и юношу совсем разморило.

— Понимаю, сэр, что у джентльмена, как вы, куча всяких дел, так что время поджимает, так сказать, — рассудительно заметил Гослинг.

Он собрал со стола, водрузил гору посуды на пару появившихся из ниоткуда и так же внезапно исчезнувших арабских рук и наконец удалился сам, оставив Медфорда утопать в диване. В стране грез…

Полдень навис над ним, как огромный веларий из золотой ткани, натянутый на крепостные стены и опустившийся неподвижными складками на отяжелевшие пальмы. Когда позолота на горизонте обернулась густой синевой, а запад превратился в хрустальную арку над песками,

Медфорд усилием стряхнул с себя дрему и встал. На сей раз, вместо того чтобы подняться на крышу, он пошел в другую сторону…

…И с удивлением обнаружил, как мало знает об этом месте после пяти дней праздного блуждания и ожидания. Сегодняшняя ночь могла стать последней, проведенной здесь в одиночестве. Он прошел по сводчатому каменному проходу, который вел к обнесенному стеной загону. Сидевшие рядом на корточках пара-тройка арабов при его появлении поднялись и исчезли из виду, будто их поглотила каменная кладка.

Из стойла до слуха Медфорда донеслись стук копыт и фырканье. Он прошел под еще одной аркой и оказался среди лошадей и мулов. Какой-то араб в сумеречном свете чистил ретивого гнедого коня. Конюх тоже едва не испарился, однако Медфорд успел-таки схватить его за рукав.

— Продолжай спокойно, — сказал он по-арабски.

Молодой крепкий парень с вытянутым лицом бедуина остановился, вытаращив глаза.

— Не знал, что ваша светлость говорит на нашем языке.

— Как видишь, говорю, — подтвердил Медфорд.

Парень молчал, положив одну руку на шею беспокойно переступавшей лошади, а другую засунув в шерстяной кушак.

— Это и есть хромой конь? — спросил Медфорд.

— Хромой? — Взгляд араба скользнул по ногам животного. — Ну, в общем, да, — уклончиво ответил он.

Медфорд наклонился и ощупал колени и голени скакуна.

— По мне, так он в полном порядке. Я могу прокатиться на нем верхом, если мне того захочется?

Араб медлил под грузом ответственности, возложенной на него вопросом.

— Ваша светлость желает отправиться верхом ночью?

— Ну, я еще не решил. Может, захочу, а может, и нет.

Медфорд закурил и предложил другую папиросу арабу, который благодарно сверкнул белозубой улыбкой. Прикурив от одной спички, они как бы сблизились, и настороженность конюха немного отступила.

— Это один из коней мистера Алмодема? — поинтересовался Медфорд.

— Да, сэр, его любимец, — ответил тот, гордо похлопывая лошадь по крупу.

— Любимец? Что ж он не взял его с собой в такое длительное путешествие? — Араб молча уставился в землю. — Тебя это не удивляет?

Тот жестом дал понять, что удивляться, мол, не его дело. Оба хранили молчание, пока на них окончательно не опустилась фиолетовая ночь, затем Медфорд небрежно спросил:

— Где, по-твоему, сейчас твой хозяин?

Луна, невидимая в сиянии дня, внезапно завладела миром, и ее ослепительно-белый луч упал на столь же белый халат туземца, на его смуглое лицо и завязанный на макушке тюрбан из верблюжьей шерсти. Глаза конюха блестели, словно драгоценные камни.

— Будь на то воля Аллаха, мы бы знали!

— Но с ним, на твой взгляд, все в порядке? Или пора отправляться на поиски?

Араб, казалось, глубоко задумался, будто вопрос застал его врасплох. Обхватив шею лошади загорелой рукой, он внимательно изучал камни под ногами.

— Когда хозяина нет, наш начальник — Гослинг.

— И он так не считает?

— Пока нет, — вздохнул араб.

— А если мистер Алмодем задержится еще дольше?..

Парень молчал, и Медфорд сменил тему:

— Ты тут главный конюх?

— Да, ваша светлость.

Последовала новая пауза. Медфорд повернулся, чтобы уйти, и бросил через плечо:

— Полагаю, тебе известно, куда направился мистер Алмодем? В какую сторону?

— Конечно, ваша светлость.

— Тогда на рассвете поскачем за ним — ты и я. Будь готов за час до восхода солнца. И никому ни слова — ни Гослингу, никому. Мы найдем хозяина и без посторонней помощи.

На лице араба сверкнула улыбка.

— О, сэр, я уверен, что вы и хозяин встретитесь еще до заката! И никто об этом не узнает.

«Судьба Алмодема беспокоит его не меньше, чем меня», — отметил Медфорд и почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Ладно, будь наготове, — повторил он.

Юноша вернулся во двор; тот пустовал, за исключением похожих на призраки серебристых пальм и беломраморной смоковницы.

«Правильно я не сказал Гослингу, что говорю

по-арабски», — неожиданно подумал Медфорд.

Он сел, и вскоре из гостиной появился батлер и в пятый раз торжественно объявил, что ужин подан.

V

Медфорд так резко пробудился ото сна, что даже подскочил на кровати. В спальне кто-то был. Не то чтобы он что-то услышал или увидел (луна скрылась, и в комнате царила полная тишина), просто почувствовал неуловимое изменение в тех незримых потоках, которые всегда нас окружают.

Он схватил электрический фонарик и направил его на два удивленных глаза. У постели стоял Гослинг.

— Мистер Алмодем вернулся? — воскликнул Медфорд.

— Нет, сэр, еще нет. — Слуга намеренно говорил ровным, спокойным голосом. Эта подчеркнутая сдержанность заставила Медфорда содрогнуться — сам не зная почему, он почуял опасность. Он сел прямо и сурово взглянул на батлера.

— Тогда в чем дело?

— Не стоило, сэр, скрывать от меня, что вы говорите по-арабски… — с печальной укоризной

произнес Гослинг. — Не говоря уж о том, чтобы якшаться с Селимом и назначать с ним свиданку ни свет ни заря.

Медфорд нащупал спички и зажег свечу. Он не мог решить, прогнать тотчас Гослинга или послушать, что тот скажет. После мимолетного колебания любопытство все же победило.

— Как вам только в голову взбрело! Сперва я думал вас запереть. Проще простого. — Гослинг достал из кармана ключ и повертел им в воздухе. — Или еще проще: мог бы дать вам уехать. Но тут вспомнил про Уэмбли.

— Уэмбли? — повторил Медфорд. Он начал подозревать, что батлер рехнулся. Ничего удивительного, в подобном-то колдовском месте! Не исключено даже, что и Алмодем слегка тронулся умом — если, конечно, еще пребывал в мире, где такое возможно.

— Ну да, Уэмбли. Вы обещали замолвить словечко, чтобы мистер Алмодем отпустил меня в Англию и я еще успел бы посетить Уэмбли. У всех есть какая-нибудь мечта, верно? Вот и у меня, сэр. Я говорил о ней мистеру Алмодему не раз и не два, а он либо вовсе не слушал, либо притворялся, что слушает. Вечно у него: «Там видно будет, Гослинг, там видно будет» — какой уж отпуск. Короче, я

вас запру. — Слуга старался говорить бесстрастно, но в его своеобразном средиземноморском кокни слышалось еле сдерживаемое волнение.

— Запрете меня?

— Не дам вам уйти с этим убийцей. Вы ж не думаете, что вернетесь живым, а?

По телу Медфорда пробежала дрожь, как накануне, когда он решил, что араб тоже беспокоится об Алмодеме. Юноша натянуто усмехнулся.

— Понятия не имею, о чем вы. Но запереть себя не позволю.

Слова произвели совершенно неожиданный эффект: лицо Гослинга приняло плаксивое выражение, и с его бледных ресниц скатились две слезы.

— Вы попросту мне не верите, — жалобно проскулил он.

Медфорд откинулся на подушку. С ним в жизни не случалось ничего более странного. Парень выглядел смехотворно, однако слезы были настоящими. Плакал ли он по Алмодему, которого считал погибшим, или по Медфорду, который намеревался совершить ту же ошибку?

— Я тебе сразу поверю, — заверил его Медфорд, — если скажешь, где твой хозяин.

— Не могу, сэр.

— Ага, я так и думал!

— Потому как… откуда мне знать?

Медфорд спустил на пол одну ногу, сжимая в руке под одеялом револьвер.

— Тогда можешь идти. А сначала положи ключ на стол. И не вздумай вмешиваться в мои планы. Иначе я тебя пристрелю, — твердо добавил он.

— Ну, вы не застрелите британского подданного, ведь потом хлопот не оберешься. Хотя мне все равно, я и сам не раз о том помышлял. Особенно в сезон сирокко. Вам меня не напугать. Только незачем вам ехать.

Медфорд уже стоял на ногах, держа револьвер на виду. Гослинг безразлично смотрел на оружие.

— Значит, тебе известно, где Алмодем? И ты твердо намерен мне не говорить? — выкрикнул гость.

— Селим намерен, — возразил Гослинг, — и все остальные. Это они хотят убрать вас с дороги. А я их не подпускаю, обслуживаю вас сам. Теперь понимаете? И останетесь? Ради Бога, сэр! Послезавтра тут пройдет караван. Последуйте с ним, сэр, — другого выхода нет! Я ни за что не пущу вас ни с кем из арабов, даже если поклянетесь, что поскачете прямиком к морю и бросите это дело.

— Какое дело?

— Да ваше беспокойство по поводу мистера Алмодема, сэр. Беспокоиться тут не о чем. Кого угодно спросите. Другое дело, что, как только хозяин выехал за порог, они стащили у него из шкатулки все деньги, и если бы я не закрыл на это глаза, мне была бы крышка. Мерзавцам того и надо, чтобы заманить вас вслед за хозяином, — пришьют не моргнув глазом и засыпят песком вдали от караванных путей. Легкая добыча. Больше ничего, сэр. Клянусь.

Повисло долгое молчание.

Окрепшее предчувствие опасности прояснило сознание Медфорда. Разум силился разгадать окутавшую его тайну, но, с какой бы стороны он ни заходил, проникнуть в нее не удавалось. И хотя молодой человек не поверил и половине рассказа Гослинга, в нем жила странная убежденность в том, что в отношении себя слуге можно доверять.

«Может, он скрывает Бог весть что про Алмодема, однако насчет Селима, похоже, не лжет», — подумал Медфорд и опустил револьвер на стол.

— Ладно, — сказал он. — Раз вы против, отправляться на поиски мистера Алмодема я не стану. Но и с караваном не уеду; останусь ждать

его здесь.

Землистое лицо Гослинга побледнело.

— Пожалста, сэр. Останетесь — я за них не ручаюсь. Караван послезавтра доставит вас к берегу — проскачете, как по Роттен-Роу[38].

— Так, значит, ты уверен, что до послезавтра мистер Алмодем не вернется? — поймал его Медфорд.

— Ни в чем я не уверен, сэр.

— Даже в том, где он сейчас?

Гослинг на миг задумался.

— Тем более, сэр, его ужо долго нет, — молвил он с порога и закрыл за собой дверь.

Заснуть больше не получалось. Прислонившись к окну, Медфорд смотрел, как меркнут звезды и разгорается во всем своем великолепии рассвет. С возрождением жизни в этих древних стенах он удивлялся контрасту между фонтаном чистоты, заливавшим небеса, и злыми тайнами,

---

[38] Примечания: 38

Роттен-Роу (англ. Rotten Row) — дорога на южной стороне Гайд-парка в Лондоне. Когда в 1689 году Вильгельм III перенес свой двор в Кенсингтонский дворец, он обнаружил, что поездки оттуда в Вестминстер небезопасны. По всему пути установили 300 масляных ламп — так была создана первая в стране освещенная дорога. Известная как Роттен-Роу (от французского route du roi — «королевская дорога»), эта покрытая гравием широкая тропа длиной 1,3 км в XVIII и XIX веках стала местом, где знать собиралась на конные прогулки, и до сих пор используется для верховой езды и бега.

которые, подобно летучим мышам, гнездились в каменной кладке замка.

Он уже не знал, чему и кому верить. Может ли быть, что какой-то враг Алмодема заманил того в пустыню и подкупил его людей? Или у слуг была своя причина и Гослинг прав, утверждая, что и Медфорда постигнет та же участь, если он отсюда не уедет?

День разгорался все ярче, и Медфорд ощутил прилив сил. Непроницаемость тайны подстегивала его. Он решил остаться и выяснить всю правду.

VI

Все дни ванну Медфорда наполнял лично Гослинг, но в то утро слуга появился без воды, неся лишь поднос с завтраком. От юного гостя не укрылись мертвенная бледность и покрасневшие от слез веки батлера. Контраст был отталкивающим, и Медфорд испытал настоящую неприязнь к Гослингу.

— А ванна? — спросил он.

— Ну, сэр, вы давеча жаловались на воду…

— Разве ее нельзя вскипятить?

— Я кипятил.

— Тогда что же…

Гослинг понуро вышел и вернулся с медным кувшином.

— В это время года дождя не дождешься, — бурчал он, наливая воду в ванну.

«Колодец, должно быть, и правда опустел», — подумал Медфорд. Даже кипяченая, вода издавала тот же неприятный запах, что и накануне, хоть и чуть слабее. Но без ванны при такой жаре было не обойтись. Медфорд несколько раз зачерпнул воду чашей и, как мог, ополоснулся.

Весь день молодой человек провел в бесплодных раздумьях о своем положении. Он надеялся, что утром в голову придут новые мысли, однако пришли лишь мужество и решимость, которые в отсутствие ясной головы мало чем помогли. Он вдруг вспомнил, что после полудня возле крепости пройдет караван, направляющийся с побережья на юг. Медфорд запомнил дату, поскольку именно этот караван должен был привезти ящик «Перье».

«Что ж, хотя бы об этом я не пожалею», — подумал он с невольным содроганием. Нечто мерзкое и склизкое — то ли запах, то ли налет — осталось на коже с тех пор, как он искупался утром, и мысль о том, что придется снова пить эту воду, вызывала тошноту.

Но прежде всего Медфорд надеялся найти среди кочующих европейца или хотя бы местного чиновника с побережья, с которым можно было бы поделиться своими опасениями. Он долго прислушивался, затем поднялся на крышу и устремил взгляд на север — вдоль предполагаемой тропы, — однако в полуденном свете разглядел лишь трех бедуинов, ведущих груженых мулов к крепости.

Когда те поднялись по крутой тропе, он узнал пару людей Алмодема и сразу смекнул, что караван на юг не проходит прямо под их стенами и что арабы ездили пересечься с ним у какого-нибудь близлежащего оазиса за линией песчаных холмов. Проклиная собственную глупость, Медфорд устремился вниз, во двор, надеясь услышать новости об Алмодеме, хотя тот собирался на юг и в лучшем случае пересек лишь тропу, по которой шел караван. И все же кто-то мог что-то знать или слышать — ведь в пустыне слухи разносятся мгновенно.

Спустившись во двор, Медфорд услыхал со стороны конюшни гневные возгласы и споры. Он перегнулся через стену и прислушался. Прежде его поражала царившая здесь тишина. Видимо, Гослинг имел немалую власть над голосами

своих подчиненных. Теперь же все как с цепи сорвались, и громче всех раздавался голос самого Гослинга, обычно такой тихий и сдержанный.

Батлер, владеющий всеми диалектами пустыни, проклинал своих подчиненных на полудюжине языков.

— Какого черта вы ее не привезли, да еще спорите, что ее, мол, не было, а я говорю, была, и вы это знаете, мать вашу, просто забыли про нее, пока чесали языками с дружбанами с побережья, или же черт-те как привязали к лошади и потеряли по дороге — а сами ни ухом, ни рылом! Жалкое отродье, собачьи вы сыны! А ну марш назад и ищите, чтоб вас!

— Да клянусь Аллахом и могилой его Пророка, ты зря нас ругаешь. Ничего мы в оазисе не забывали и по дороге не теряли. Не было ее, вот тебе чистая правда!

— Чистая! Правда! Да будьте вы прокляты, вруны и пройдохи, вы… Да еще гость наш, как назло, одну воду пьет — вроде вас, брехунов, которым на самом деле лишь бы нализаться!

Улыбнувшись с облегчением, Медфорд отошел от парапета. Надо же так всполошиться из-за пропавшего ящика «Перье»! Просто гора с плеч упала. Если всегда такой сдержанный Гослинг

вышел из себя из-за подобного пустяка, волноваться и вправду не о чем. До чего абсурдными казались теперь Медфорду его подозрения!

Он был одновременно тронут заботой Гослинга и раздосадован на себя за то, что поддался колдовским восточным фантазиям.

Алмодем уехал по своим делам, и, скорее всего, его люди знали, куда и зачем. Пусть даже они ограбили хозяина и переругались из-за дележа, что с того? И разве Медфорд готов был поручиться, что эксцентричный приятель (с которым он и виделся-то лишь однажды), жалея о своем скороспешном приглашении, попросту не сбежал, чтобы не возиться с гостем?

Внезапно пришедшая в голову мысль выглядела настолько правдоподобной, что юноша усомнился, не отсиживается ли Алмодем в одном из потайных помещений мудреной крепости и ждет, когда гость наконец уедет.

Так вот почему Гослинг так старался выпроводить посетителя! Теперь стала ясна причина нервозности и порой противоречивого поведения батлера, и Медфорд, усмехнувшись собственной непонятливости, решил уехать на следующий же день. Успокоенный принятым решением, он задержался во дворе до позднего вечера, а с

наступлением ночи, по обыкновению, поднялся на крышу. На этот раз его взгляд, вместо того чтобы сканировать горизонт, был устремлен на многослойное строение, о котором он, пробыв тут шесть дней, знал ничтожно мало. Сводчатые комнаты, развернутые под причудливыми углами, настораживали закрытыми ставнями или таинственными росписями на окнах. За каким из них мог прятаться хозяин дома и в эту самую минуту подглядывать за гостем?

Мысль о том, что тот странный угрюмый человек с продолговатым смуглым лицом и копной седых волос, с его полунамеками на эгоизм и тиранию, с его болезненным погружением в себя, мог находиться в двух шагах, пронзила Медфорда острым чувством одиночества. Он оказался обузой, нежеланным гостем, а место, где, возможно, продолжал жить неведомый хозяин, стало мрачным, опасным.

«Ну и дурак же я! — думал молодой человек. — Он-то небось надеялся, что я, не застав его дома, тотчас соберу пожитки и отбуду! Решено, выезжаю на рассвете».

Гослинг не показывался с полудня. Наконец батлер с опозданием начал накрывать на стол с угрюмой, почти злобной миной — таким Мед-

форд видел его впервые. Он едва кивнул на приветливый окрик юноши: «Добрый вечер, никак ужин?» — и молча поставил перед ним тарелку. Стакан Медфорда пустовал, пока он не постучал по краю.

— Пить больше нечего, сэр. Арабы потеряли в пустыне ящик «Перье» или уронили его, перебив все бутылки. Врут, что воды не было. Поди узнай, они брехать горазды, — со внезапной свирепостью закончил Гослинг.

Он поставил очередное блюдо на стол; Медфорд заметил, что слугу будто лихорадило — так он дрожал.

— Дорогой мой, какая разница? Так и заболеть недолго! — воскликнул юноша, коснувшись руки батлера.

Тот отшатнулся, бормоча:

— Господи, ну почему я не поехал за ней сам? — и исчез.

Медфорд задумался. Похоже, бедняга Гослинг был на грани срыва. Ничего странного, самому бы не свихнуться в таком зловещем месте.

Слуга вскоре появился вновь — как всегда, уравновешенный и корректный — с десертом и бутылкой белого вина.

— Извиняйте, сэр.

Желая успокоить беднягу, Медфорд пригубил вино, встал из-за стола и вышел во двор. Он направился прямиком к смоковнице у колодца, но Гослинг, прошмыгнув вперед, поставил кресло и плетеный столик у дальней стены.

— Вам тут будет лучше, — сказал он. — В этом углу всегда дует ветерок. А я пока принесу кофий.

Он вновь исчез, и Медфорд сел, созерцая сооружение из кладки и глины и гадая, не намеренно ли его поместили на видное — или, наоборот, не видное — незримому наблюдателю место. Гослинг принес кофе и ушел, оставив Медфорда одного.

Посидев немного, он встал, закурил и начал ходить взад-вперед по двору. Луна еще не взошла, и древние стены окутывала мгла. Вскоре поднялся ветерок и затеял свои тайные переговоры с пальмами.

Медфорд вернулся в кресло и тотчас же представил себе взгляд незримого наблюдателя, жадно прикованный к красной искре его сигары. Ощущение было, прямо сказать, не из приятных; будто призрак Алмодема простер над ним в темноте руку. Юноша перебрался в гостиную, где с потолка свисали затененные светильники, но

под аркой стояла такая духота, что он опять вышел, прихватив с собой кресло, чтобы поставить его на старое место под смоковницей.

Здесь он был недосягаем одному особенно подозрительному окну, и ему сразу полегчало — хотя сюда не долетал ветерок, а эманации колодца ухудшали и без того спертый воздух.

«Воды, должно быть, совсем мало», — подумал он.

Не резкий, но явственно различимый запах отравлял чистоту ночи. И все же теперь, укрывшись от невидимых глаз, необъяснимым образом ставших его врагами, Медфорд почувствовал себя уютнее.

«Зарежь меня в пустыне кто-нибудь из местных слуг, я не удивился бы, если за этим стоял Алмодем», — сказал себе Медфорд и задремал.

Проснулся он, когда луна уже подняла свой громоздкий оранжевый диск над стенами и тьма во дворе чуть рассеялась. Стояла восхитительная ночь — вернее, такая ночь была бы восхитительной в любом другом месте. Медфорд ощутил отголосок недавно пережитой лихорадки и вспомнил, что Гослинг не советовал засиживаться допоздна во дворе.

«Наверное, из-за колодца, — догадался юно-

ша. — Я слишком близко к нему сел». Голова болела, и ему почудилось, что дурной тошнотворный запах пристал к лицу, как после утренней ванны.

Он встал и заглянул в колодец — посмотреть, сколько осталось воды. Луна висела еще низко, ее света не хватало, и Медфорд, перегнувшись, тщетно всматривался в глубокую черноту.

Внезапно чьи-то руки легли ему на плечи и толкнули вперед через край колодца. В следующую секунду, почти одновременно с собственной защитной реакцией Медфорд почувствовал, как его тянут назад, и, резко повернувшись, оказался лицом к лицу с Гослингом. Тот мгновенно ослабил хватку и опустил руки.

— Я думал, у вас приступ случился, сэр… Вы чуть не кувыркнулись, — заикаясь, пробормотал слуга.

Медфорд тем временем пришел в себя.

— Видимо, приступ случился у нас обоих, — рассмеялся он, — потому что вы как будто сами пытались меня столкнуть.

— Я, сэр?! — ахнул Гослинг. — Да я вас удерживал изо всех сил…

— Знаю, знаю.

— Что вы вообще тут делаете? Говорил же вам,

ночью во дворе вредно для здоровья, — раздраженно напомнил батлер.

Медфорд пристально рассматривал его, прислонясь к стенке колодца.

— По-моему, здесь куда ни плюнь вредно для здоровья.

Гослинг молчал.

— Так вы идете спать, сэр? — наконец спросил он.

— Нет, — ответил Медфорд. — Предпочитаю остаться.

Лицо батлера приняло злобное выражение.

— А я предпочитаю, чтобы вы ушли.

Гость вновь рассмеялся.

— Это почему? Уж не потому ли, что в это время во двор выходит мистер Алмодем?

Вопрос вызвал совершенно неожиданную реакцию. Гослинг попятился назад, прижав ладони ко рту, словно сдерживая крик.

— В чем дело? — спросил Медфорд. Причуды слуги начинали порядком действовать ему на нервы.

— Какое дело? — переспросил тот, все еще стоя поодаль, недосягаемый для косого света луны.

— Ну же! Признайся, что он здесь, и покончим с этим! — нетерпеливо выкрикнул Медфорд.

— Здесь? Что значит «здесь»? Вы его видели, да?

Не успел последний возглас сорваться с его губ, как Гослинг вскинул руки, шагнул вперед и рухнул как подкошенный у ног Медфорда.

Юноша снисходительно улыбнулся, глядя на распростертого перед ним жалкого человека. Догадки подтвердились: Гослинг водил его за нос.

— Встань же, несчастный. Не убивайся так — не твоя вина, что я догадался о ночных хождениях мистера Алмодема…

— Хождениях?! — простонал слуга, не поднимая головы.

— А разве нет? Не убьет же он тебя, в конце концов, если ты сознаешься?

— Убьет? Меня?! Это вас надо было убить! — Гослинг привстал и запрокинул кверху мертвенно-бледное лицо. — Ведь мог же, запросто! Вы ведь почувствовали, как я вас толкнул, да? Ходит тут, понимаешь, шпионит, вынюхивает… — Он буквально захлебывался словами.

Медфорд не шелохнулся. Убожество человека у его ног уже наделяло достаточной властью. Однако последние выкрики слуги направили прежние подозрения в новое русло. Стало быть, Алмодем действительно находился здесь, но где

именно и в каком состоянии? По спине Медфорда побежали мурашки.

— Так ты хотел меня столкнуть? Зачем? Чтобы я поскорее встретился с твоим хозяином?

Реакция не заставила себя ждать: Гослинг выпрямился и покорно склонил голову под обвинительным светом луны.

— О господи — я ж вас туды почти спихнул! Вы и сами поняли! Но вдруг я вспомнил про Уэмбли. Ваши слова, сэр, понимаете, они меня удержали. — Из глаз батлера брызнули слезы, но на этот раз Медфорд отшатнулся, как от брызг тела, упавшего в смердящий колодец.

Он молчал, не зная, вооружен Гослинг или нет, однако больше не испытывал страха. Несмотря на шок, сознание неожиданно прояснилось.

Слуга продолжал свои бредни:

— И надо же было закончиться «Перье»! Вы бы ни за что не догадались, если бы каждый день пили себе свой «Перье», верно же? А теперь вот говорите, что он тут бродит, — ясное дело! Я так и знал. Только что я мог поделать, когда вы приехали в тот же день?

Медфорд молча слушал.

— Поймите, он меня довел, клянусь, довел до бешенства в то самое утро. Верите? За неделю до

вашего приезда я собирался отплыть в Англию, в отпуск на целый месяц, сэр, — а задолжал-то он мне, по справедливости, полгода, — целый месяц в Хаммерсмите, сэр, в доме двоюродной сестры, собирался как следует насмотреться на выставку в Уэмбли. И вдруг он услыхал, что вы прибудете, сэр, и понимаете, здесь скучно и одиноко — он и так с ума сходил без развлечений, — а тут услыхал, что вы прибудете, и его унынье как рукой сняло, он чуть не рехнулся от радости и говорит: «продержу его у себя всю зиму», говорит, «выдающийся человек, Гослинг», говорит, «люблю таких». А когда я напомнил про обещанный отпуск, он как вытаращит свои лупешки: «Отпуск? — говорит. — Разумеется! В следующем году — там видно будет». В следующем году, сэр! Типа одолжение мне сделал! И так без малого двенадцать лет. Но в этот раз, если б вы не нагрянули, я б точно уехал, потому что хозяин ужо свыкся с Селимом, здоровье у него наладилось, — и я ему об этом сказал, и то, что человек должен иметь право, а то молодость проходит, и я так давно и верно ему служу, прикованный к этому самому месту, все равно что сторожевой пес, а он все «увидим» да «увидим» — и смеялся, сэр, эдакой ухмылкой, и прикуривал папиросу.

Типа «да ладно тебе, Гослинг». Он стоял на том же точно месте, где вы сейчас, сэр, и ужо пошел было к дому. Тогда-то я ему и врезал. Он своей тушей навалился на край колодца, а тут еще вы должны были с минуту на минуту… О господи!

Перейдя на нечленораздельное бормотание, Гослинг умолк.

На последних словах Медфорд невольно отступил назад. Оба стояли посреди двора и молча смотрели друг на друга. Одинокий лунный луч, нащупав лазейку между крепостными стенами, заглянул в зловещую тьму колодца.

1930

Зернышко граната[39]

I

Шарлотта Эшби задержалась на пороге. Яркий мартовский день сменили сумерки, гул и толчея города достигли своего апогея. Оставив городской шум за спиной, она на мгновение замерла в старинном, отделанном мрамором подъезде,

---

[39] Примечания: 39

Бог подземного мира Плутон похитил Персефону, дочь богини плодородия Деметры, и унес ее в царство мертвых. Мать умоляла Юпитера заступиться за дочь, и тот согласился. Однако Персефона нарушила обет воздержания в царстве мертвых, съев несколько гранатовых зерен. В наказание она несколько месяцев в году — по сути, всю зиму, — должна была проводить с Плутоном. — *Прим. автора.*

прежде чем вставить ключ в замок. В прихожей горел свет, и за задернутыми шторками двери все внутри виделось размытым пятном, в котором невозможно было разглядеть какие-либо детали. В первые месяцы после свадьбы Шарлотта обожала возвращаться в дом на тихой улице, давно покинутой деловыми конторами и модными магазинами. Контраст между бездушным ревом Нью-Йорка с его слепящими огнями, нагромождением транспорта, зданий, жизней, идей и этим укромным убежищем, которое она звала домом, неизменно согревал ее душу. Она нашла — или верила, что нашла, — свой крошечный островок в самом сердце урагана. Увы, в последнее время все изменилось, и она каждый раз колебалась на пороге, заставляя себя войти.

Стоя перед дверью, Шарлотта представляла себе знакомую картину: прихожая со старинными гравюрами на стенах, круто уходящая вверх лестница, а слева — библиотека мужа, полная книг, трубок и потертых кресел, располагающих к раздумьям. Как она любила эту комнату! Затем, наверху, ее гостиная, где после смерти первой жены Кеннета не меняли ни мебель, ни обои, потому что на ремонт вечно не хватало денег. Однако Шарлотта сумела переделать комнату под

себя, переставив кое-какие предметы, добавив больше книг и столик для свежих журналов. Еще во время своего единственного визита к первой миссис Эшби — холодной, надменной женщине, которую она едва знала, — Шарлотта с белой завистью озиралась по сторонам, чувствуя, что именно о такой комнате мечтала сама; и вот уже больше года она распоряжалась ею по своему усмотрению, спешила вернуться сюда зимними вечерами, чтобы засесть с книгой у огня, или ответить на письма за просторным столом, или просмотреть тетрадки мужниных детей, пока не заслышит его шаги.

Иногда к ней заходили друзья, чаще она оставалась одна — ей это нравилось больше всего, потому что таким образом она могла мысленно побыть с Кеннетом, вспомнить о том, что он сказал, когда они расставались утром, представить, что он скажет, когда поднимется по лестнице, застанет ее одну и прижмет к себе.

Теперь же вместо этого она думала лишь об одном: ждет ли на столике в прихожей письмо. Пока она не убедится, что его там нет, в голове ни для чего другого места не оставалось. Письмо всегда выглядело одинаково — квадратный серый конверт с надписью «Кеннету Эшби, эсквайру»,

выведенной размашисто, но как-то очень бледно. Шарлотту с самого начала удивляло, что человек с такой твердой рукой так слабо нажимает на перо — то ли чернила были на исходе, то ли запястью еле хватало сил. Причем, вопреки типично мужским изгибам, почерк явно принадлежал женщине. Бывают почерки бесполые, бывают явно мужские; а надпись на сером конверте, несмотря на уверенный, властный нажим, явно была выведена женской рукой. Кроме имени получателя не стояло ничего: ни адреса отправителя, ни штампа. Письмо, по всей видимости, доставляли лично, но кто? Конверт наверняка бросали в почтовый ящик, а горничная, когда закрывала шторки и включала свет, его оттуда извлекала. Во всяком случае, Шарлотта всегда находила его именно вечерами, после наступления темноты. Хотя после замужества писем пришло несколько — точнее, семь, — они так походили друг на друга, что в ее сознании слились в одно аморфное «оно».

Первое появилось сразу после их возвращения из долгого свадебного путешествия. Они ездили в Вест-Индию и в общей сложности отсутствовали в Нью-Йорке больше двух месяцев. Тогда, войдя в дом после ужина у свекрови, Шарлотта

увидела на столике в прихожей серый конверт. Она заметила его раньше, чем Кеннет, и сразу подумала: «Где-то я видела этот почерк», но так и не вспомнила, где именно. С тех пор она всякий раз безошибочно узнавала серый конверт с едва различимыми буквами, хотя в тот первый вечер не придала бы ему значения, если бы случайно не глянула на мужа, когда тот увидел письмо. Все произошло в одно мгновение: он взял конверт со стола и поднес к близоруким глазам, чтобы рассмотреть бледную надпись, затем резко выдернул другую руку, которой держал Шарлотту под локоть, и, повернувшись к жене спиной, отошел к висящему на стене светильнику. Она ждала какого-то возгласа, восклицания; ждала, что он откроет письмо, однако муж, не говоря ни слова, сунул конверт в карман и пошел в библиотеку. Она последовала за ним, они, по обыкновению, сели у камина и закурили; муж по-прежнему молчал, задумчиво откинув голову на спинку кресла и не сводя глаз с пламени. Наконец он провел рукой по лбу и сказал: «Тебе не показалось, что у матери было ужасно душно? У меня голова просто раскалывается. Ты не против, если я пойду уже лягу?»

Так случилось в первый раз. Шарлотта не ви-

дела, как муж реагировал на остальные письма. Обычно они приходили до его возвращения. Едва взглянув на столик, она оставляла конверт в прихожей, а сама шла наверх. Но даже не видя письма, она всякий раз могла бы догадаться о нем по лицу мужа, когда тот входил в столовую, — а в такие вечера он редко показывался до ужина. Кеннет явно предпочитал знакомиться с содержимым письма в одиночку, а когда выходил, то выглядел постаревшим, безжизненным, отсутствующим. Он едва замечал жену и порой молчал целый вечер напролет, а если и говорил, то делал замечания по поводу бытовых мелочей, выражал недовольство ведением хозяйства или раздраженно спрашивал, не находит ли она, что няня у Джойс слишком молодая и безалаберная, и не забывает ли, что у Питера слабое горло и мальчика следует хорошенько закутывать перед выходом в школу. В такие минуты Шарлотта припоминала предостережения друзей сразу после помолвки с Кеннетом: «Не боишься выходить замуж за вдовца с разбитым сердцем? Учти, Элси имела над ним безраздельную власть»; на что она обычно отшучивалась: «Значит, он будет только рад вздохнуть свободно». И, судя по всему, оказалась права. В первые месяцы брака новая

жена не сомневалась и не нуждалась ни в чьих подтверждениях в том, что муж с ней совершенно счастлив. Когда они вернулись после затянувшегося медового месяца, те же друзья восклицали: «Что ты сделала с Кеннетом? Он выглядит на двадцать лет моложе»; и она беззаботно отвечала: «Я просто выбила его из привычной колеи».

Однако в такие вечера Шарлотту беспокоили не столько беспричинные нападки Кеннета — он как будто бы делал их против воли, — сколько его взгляд после получения очередного письма. Взгляд этот не был ни враждебным, ни даже равнодушным — муж скорее производил впечатление человека, который вернулся из такого далека, что не понимает, где находится. Вот что пугало ее сильнее любых придирок.

Хотя Шарлотта с самого начала была уверена, что почерк на конверте женский, она долго не усматривала в загадочных письмах никакой романтической подоплеки. Она не сомневалась в любви мужа и в том, что всецело заполняет его жизнь, и подобная мысль даже не приходила ей в голову. С куда большей вероятностью письма, которые явно не доставляли ему ни малейшего удовольствия, были адресованы деловому адвокату, а не частному лицу. Наверное, от ка-

кой-нибудь назойливой клиентки — он и сам часто говаривал, что клиентки, как правило, назойливы, — которая не желала, чтобы ее письма вскрывала секретарша, поэтому относила их лично к нему домой. Причем, судя по тому, какой эффект производили ее письма, незнакомка доставляла массу хлопот. Тем не менее странно, даже учитывая высокий профессионализм Кеннета, что он ни разу не обмолвился и не пожаловался, что эта надоедливая особа докучает ему расспросами о деле. Время от времени он делал подобные полунамеки — разумеется, без имен и подробностей, — однако в отношении этой таинственной корреспондентки держал рот на замке.

Существовало и другое объяснение: то, что обтекаемо именуется «прошлыми связями». Шарлотта Эшби не была наивной женщиной и не питала иллюзий относительно замысловатой природы человеческих сердец. Она понимала, что у каждого в прошлом бывали интрижки. Тем не менее, выходя за Кеннета Эшби, она не получала на этот счет никаких напутствий от знакомых.

«Тебе придется потрудиться, — вместо этого говорили они. — Одно дело — выйти замуж за донжуана. Другое дело Кеннет: с тех пор как

встретил Элси Кордер, он ни разу не взглянул на другую женщину. Все годы их брака он больше походил на несчастного любовника, чем на довольного жизнью мужа. Он не позволит тебе в доме ни кресло передвинуть, ни лампу поменять, и что бы ты ни делала, будет мысленно сравнивать с тем, как поступила бы Элси».

Ни одно из тех предсказаний не сбылось, разве что у Шарлотты поначалу изредка возникали сомнения в собственной способности управляться с приемными детьми, но и они быстро рассеялись благодаря ее легкому характеру и очевидной любви к ней детей. Безутешный вдовец, близкие друзья которого утверждали, что после смерти первой жены его удержал от самоубийства лишь уход с головой в работу, двумя годами позже влюбился в Шарлотту Горс и вслед за стремительным ухаживанием женился и провел с ней экзотический медовый месяц. Он и по сей день оставался все тем же нежным, любящим мужем, как в их первые лучезарные недели. Прежде чем сделать предложение, он честно рассказал ей о своей любви к бывшей жене и отчаянии после ее внезапной смерти. При этом он никогда не считал свою жизнь конченой и не исключал возможности обновления. Кеннет просто и естественно

признался Шарлотте, что с самого их знакомства начал с надеждой смотреть в будущее. А когда после свадьбы они вернулись в дом, где он двенадцать лет прожил с первой женой, он очень сожалел, что не может позволить себе переделать все заново. Понимая, что у каждой женщины свои предпочтения относительно мебели и других мелочей, на которые мужчина никогда не обратит внимания, он просил ее менять все по собственному усмотрению, не советуясь с ним. В результате она почти ничего не изменила. Муж так искренне и непринужденно начал их новую жизнь в старой обстановке, что Шарлотта сразу успокоилась и даже пожалела, заметив, что портрет Элси Эшби, который висел над столом в библиотеке, в их отсутствие перевесили в детскую. Смутившись оттого, что явилась косвенной причиной такого изгнания, она упомянула портрет в разговоре с мужем, на что тот ответил: «О, я просто решил, что пусть лучше дети растут под ее присмотром».

Ответ вполне устроил и даже тронул Шарлотту. Со временем она, правда, согласилась, что чувствует себя в доме более уютно и уверенно, с тех пор как холодные глаза на красивом лице больше не следят за ней в библиотеке мужа.

Любовь Кеннета словно проникла в тайну, в которой Шарлотта едва ли признавалась самой себе: ей страстно хотелось завоевать мужа целиком, включая его прошлое.

Странно, однако, что в последнее время даже такой запас счастья не пересиливал беспокойство. Тревожное чувство не проходило, и именно сегодня — то ли она устала больше обычного, то ли из-за хлопот с поиском новой кухарки, то ли по какой другой до смешного банальной причине — у нее не было сил с собой бороться. Держа в руке ключ, Шарлотта оглянулась назад, на тихую улицу, на проносившиеся вдали по широкому проспекту огни и на небо, уже озаренное ночной жизнью города.

«Там, на улице, — думала она, — небоскребы, реклама, телефоны, телеграф, самолеты, кинотеатры, автомобили и прочие атрибуты двадцатого века, а у меня за дверью — нечто необъяснимое, что никак не вяжется с этой реальностью. Нечто старое как мир, таинственное, как сама жизнь… Что за бред! Что на меня сегодня нашло? Последнее письмо пришло три месяца назад — мы тогда ездили в пригород на Рождество… Кстати, до сих пор письма всегда ждали нас после возвращения откуда-нибудь. С чего я взяла, что оно появится

сегодня?»

Безо всякой причины — отчего делалось еще хуже — в какие-то дни она стояла перед занавешенной дверью, ежась и содрогаясь от предчувствия чего-то ужасного, невыносимого, а потом отпирала замок, входила — и ничего не обнаруживала. В редкие вечера ее опасения оправдывались, и на столике лежал серый конверт. Теперь же, со дня последнего письма, она дрожала от страха всякий раз, потому что больше не могла, открывая дверь, не думать о том, что ее ждет.

Все, довольно, так дольше продолжаться не может. Муж хоть бледнел и жаловался на головную боль в дни, когда получал письмо, потом вроде бы полностью приходил в себя. А она — нет. Ее не оставляло напряжение, и объяснялось оно просто: Кеннет знал, от кого письма и что в них, он был заранее готов к тому, с чем предстояло иметь дело, а потому лучше справлялся с ситуацией; она же оставалась один на один в темноте со своими догадками.

— Это невыносимо! Я не вытерплю больше ни дня! — крикнула Шарлотта в голос, вставляя ключ в замок.

Она открыла дверь и вошла. На столике в прихожей лежало письмо.

II

При виде письма она испытала чуть ли не радость. Дурные предчувствия оправдались, смутные тревоги железно подтверждены. Ее Кеннету пишет какая-то женщина — некая «прошлая связь», не иначе. А она-то, как дура, еще сомневалась, тщетно выискивала всякие несуразные объяснения!.. Шарлотта брезгливо взяла конверт в руку, вгляделась в слабо выведенные буквы, поднесла его к свету и различила внутри лишь очертания сложенного листка. Ну вот, теперь ей не будет покоя, пока не узнает, что там написано!

Муж был на работе; он редко приходил раньше полседьмого-семи, а сейчас не пробило и шести. Она вполне успевала подняться к себе, подержать письмо над чайником, который в это время обычно ждал ее на огне, удовлетворить свое любопытство и вернуть конверт на место. Никто ни о чем не узнает, и она наконец избавится от грызущей ее неопределенности. Альтернативой, конечно, было расспросить мужа, но это казалось куда сложнее.

Шарлотта зажала конверт между большим и указательным пальцами, поднесла его к свету,

затем начала подниматься по лестнице… и тут же сошла вниз и вернула его на место.

«Нет, не могу», — подосадовала она.

Что же делать? И думать нечего о том, чтобы подняться в свою уютную теплую комнату, налить себе чаю, просмотреть почту или почитать, пока «оно» лежит внизу. Ей не давала покоя мысль, что муж придет, возьмет серый конверт и запрется один в библиотеке, как делал всегда, когда получал одно из этих посланий.

Наконец Шарлотта решила: она притаится в библиотеке и собственными глазами понаблюдает за тем, как Кеннет обращается с письмом, когда поблизости никого нет. Она даже удивилась, что ей не пришло это в голову раньше. Оставив щелку и следя за ним из темноты, она узнает… Да, так и надо поступить!

Шарлотта приоткрыла дверь, задвинула кресло в угол, села и стала ждать.

На ее памяти она впервые пыталась выведать чужую тайну, однако никаких угрызений совести не испытывала. Она просто чувствовала себя так, словно продиралась сквозь удушливый туман, из которого нужно выбраться во что бы то ни стало.

Когда в замке щелкнул ключ, Шарлотта вскочила на ноги. По привычке порываясь броситься

мужу навстречу, она едва не забыла, зачем здесь спряталась, однако вовремя спохватилась и вновь села. Из своего укромного уголка она видела каждое его движение: вот Кеннет вошел, вынул ключ из двери, снял пальто и шляпу. Затем повернулся, чтобы бросить перчатки на столик, и увидел конверт. Свет падал на его лицо, и первым, что заметила Шарлотта, было удивление. Письма муж явно не ожидал — по крайней мере в тот день. Тем не менее он, похоже, сразу понял, что в нем. Какое-то время он стоял неподвижно, глядя на конверт, и краска медленно сходила с его лица. Кеннет как будто не решался к нему прикоснуться, но в конце концов протянул руку, вскрыл конверт, достал листок и шагнул к свету. При этом он повернулся к Шарлотте спиной, и теперь она видела лишь его склоненную голову и ссутуленные плечи. Послание умещалось, судя по всему, на одной странице, потому что муж ее не переворачивал, а просто долго стоял и вглядывался в текст. Жене, наблюдавшей за ним затаив дыхание, казалось, что за это время можно было перечитать написанное дюжину раз. Наконец муж шевельнулся: он поднес письмо к глазам, как будто вчитываясь в неразборчивый почерк, затем опустил голову… И тут жена увидела, как

его губы коснулись листка.

— Кеннет! — вскричала она, распахивая дверь.

Муж резко повернулся, сжимая в руке письмо.

— Откуда ты взялась? — недоуменно пробормотал он, как человек, едва очнувшийся ото сна.

— Поджидала тебя в библиотеке. — Шарлотта пыталась совладать с голосом. — Что происходит? От кого это письмо? На тебе лица нет.

Похоже, возбуждение жены подействовало на него успокаивающе. Он спешно сунул конверт в карман и усмехнулся.

— Лица нет? Просто тяжелый день на работе — пара сложных случаев. Устал как собака.

— Ты не выглядел усталым, когда вошел. Только когда вскрыл письмо…

Кеннет шагнул в библиотеку. От Шарлотты не укрылось то, как быстро муж взял себя в руки; умение владеть лицом и голосом было его профессиональным навыком. Она понимала, что преимущество не на ее стороне, но сил вилять и притворяться, чтобы выведать секрет, который он не желал раскрывать, у нее не было. Она страстно желала проникнуть в тайну — только так она могла помочь мужу справиться с этим бременем.

«Даже если речь идет о другой женщине», —

промелькнула в голове мысль.

— Кеннет, — продолжала она с учащенно бьющимся сердцем. — Я нарочно поджидала тебя здесь, чтобы увидеть, как ты откроешь письмо.

Его бледное лицо залилось краской, затем вновь побледнело.

— Вот это письмо? Почему именно это?

— Потому что я давно замечаю, как ужасно эти послания на тебя действуют.

У Кеннета на лбу пролегла незнакомая гневная складка, и жена впервые с удивлением подумала: «Какой же у него узкий лоб».

Тем временем муж полностью взял себя в руки и заговорил холодным, слегка насмешливым тоном прокурора, выступающего с обвинительной речью:

— Значит, ты из тех, кто наблюдает за людьми, когда они читают письма, не ведая, что за ними следят?

— Нет, не из тех. Раньше я так никогда не делала. Но мне нужно было узнать, о чем она регулярно тебе пишет.

— Вовсе не регулярно, — чуть подумав, ответил он.

— Что ж, тебе виднее. Ты небось дни считаешь. — От его тона у нее пропало всякое желание

проявлять великодушие. — Я знаю лишь то, что всякий раз, как эта женщина тебе пишет…

— С чего ты взяла, что это женщина?

— Почерк женский. Разве нет?

Он улыбнулся.

— Не стану отрицать. Я спросил только потому, что обычно его принимают за мужской.

Шарлотта нетерпеливо отмахнулась.

— Так о чем она тебе пишет?

Кеннет вновь на мгновение задумался.

— О делах.

— Правовых?

— В том числе.

— Ты ведешь ее дела?

— Да.

— И давно?

— Очень давно.

— Кеннет, дорогой, прошу тебя, скажи, кто она?

— Не могу. — Он помолчал, затем добавил, будто бы после некоторого колебания: — Профессиональная этика.

У Шарлотты неистово застучало в висках.

— Не смей так говорить!

— Почему же?

— Я видела, как ты поцеловал письмо!

Слова произвели столь обескураживающее действие, что она тут же о них пожалела. Лицо мужа, который до сих пор отвечал со снисходительным спокойствием, словно увещевал капризного ребенка, исказила гримаса ужаса и боли. С минуту он, казалось, не мог говорить; наконец, собравшись с силами, заикаясь, произнес:

— Текст очень бледный. Ты, верно, видела, как я поднес листок к глазам, чтобы разобрать написанное.

— Нет, я видела, как ты его поцеловал.

Кеннет молчал.

— Разве нет?

Его лицо опять приняло бесстрастное выражение.

— Допустим.

— Почему ты так спокойно мне об этом говоришь?!

— Да какая тебе разница? Я же сказал, письмо деловое. Или ты считаешь, что я лгу? Оно от старой знакомой, с которой я давно не виделся.

— Мужчины не целуют деловые письма, даже от давних подруг, если только они не были любовниками и по-прежнему не питают романтических чувств.

Кеннет чуть пожал плечами и отвернулся, буд-

то испытывал досаду на то, какой оборот принял разговор.

— Кеннет! — Шарлотта шагнула вперед и схватила мужа за рукав.

Тот остановился и с усталым видом накрыл ее руку своей.

— Ты мне не веришь? — мягко спросил он.

— Подумай сам. Ты получаешь эти письма у меня на глазах — вот уже несколько месяцев, с тех пор как мы вернулись из Вест-Индии. Первое поджидало тут в день приезда. И каждый раз я замечаю, что с тобой происходит нечто ужасное, вижу, как ты страдаешь, замыкаешься в себе, — словно какие-то силы пытаются нас разлучить.

— Нет, дорогая. Этому не бывать!

Она отступила назад и подняла на мужа полные мольбы глаза.

— Ну так докажи мне, дорогой. Это так просто!

Он через силу улыбнулся.

— Переубедить женщину, которая вбила себе что-то в голову, отнюдь не просто.

— Достаточно всего лишь показать мне письмо. — Кеннет отдернул руку и отпрянул, неистово мотая головой. — Нет? Ты не хочешь?

— Я не могу.

— Значит, автор писем — твоя любовница.

— Нет, дорогая, нет!

— Тогда бывшая любовница. Видимо, она пытается тебя вернуть, и ты мучаешься, разрываясь между нами. Бедный Кеннет!

— Клянусь, она никогда не была моей любовницей.

К глазам Шарлотты подступили слезы.

— Значит, дело обстоит еще хуже! Недоступные женщины куда сильнее притягивают мужчину. Это всем известно.

Она закрыла лицо руками. Муж молчал, не утешая и не опровергая, и в конце концов, кое-как утерев слезы, она робко подняла на него глаза.

— Кеннет, посуди сам! Мы так недавно женаты. Неужели ты не видишь, как я страдаю? Ты говоришь, что не можешь показать мне письмо, и отказываешься хоть что-либо объяснить.

— Я уже сказал тебе, что письмо деловое. Готов поклясться, если хочешь.

— Мужчины готовы поклясться в чем угодно, лишь бы женщина отстала. Если хочешь, чтобы я тебе поверила, назови мне хотя бы ее имя. Если ты это сделаешь, обещаю, что не стану просить показать мне письмо.

Повисло долгое молчание — Шарлотта чувствовала, как бешено колотит по ребрам сердце,

словно предупреждая об опасности, на которую она себя обрекала.

— Не могу, — наконец сказал он.

— Даже имени не назовешь?

— Нет.

— И больше ничего мне скажешь?

— Нет.

Новая пауза; на этот раз, казалось, оба исчерпали свои доводы и беспомощно стояли друг перед другом в непонимании.

Шарлотта учащенно дышала, прижав руки к груди и чувствуя себя так, словно пробежала изнуряющий марафон и не достигла цели. Она намеревалась вызвать у мужа сочувствие, а вместо этого лишь отдалила его. Из-за допущенной где-то ошибки он превратился в чужака — в загадочное, непостижимое существо, — на которого не действовали никакие доводы и уговоры. Удивительно, что в нем не было ни враждебности, ни даже нетерпения — только отрешенность, недоступность, которую она не могла преодолеть. Ее будто отвергли, выкинули, вычеркнули из жизни… И все же через минуту-другую, взглянув на мужа вновь, она поняла, что и он страдает не меньше. На его лице застыла боль; никогда серый конверт, появление которого омрачало

его существование, не вызывал столько муки, сколько теперешний разговор с женой.

В душе Шарлотты затеплилась надежда: возможно, не все еще потеряно. Она осторожно приблизилась и взяла мужа за руку.

— Бедный Кеннет! Если бы только знал, как мне тебя жаль… — Ей почудилось, что он слегка поморщился от такого проявления сочувствия, но тем не менее сжал ее пальцы в ответ. — Нет ничего хуже, чем неспособность любить долго, — продолжала она. — Как, наверное, ужасно внушать великую любовь, однако быть неспособным нести ее бремя в силу собственного непостоянства.

Муж взглянул на Шарлотту с печальным упреком.

— Вот уж в чем меня точно нельзя обвинить. Непостоянство!

Шарлотте показалось, что она на верном пути, и ее голос задрожал от волнения.

— А как же я и та, другая, женщина? И года не прошло, а ты уже дважды забыл Элси.

Она редко произносила имя первой жены, оно давалось ей с трудом. Вот и теперь она кинула его, словно бомбу, в пространство между ними и отступила, приготовясь услышать взрыв.

Кеннет не шелохнулся. Его лицо помрачнело.

— Я Элси не забывал.

Шарлотта не сдержала горькой усмешки.

— Тогда как же ты, бедный, между нами тремя…

— Вас не… — начал он и осекся, приложив руку ко лбу.

— Нас что?..

— Прости, я сам не знаю, что говорю. Голова просто раскалывается.

Похоже, у мужа и в самом деле болела голова, но Шарлотту слишком взбесила его уклончивость.

— Ну конечно, знакомая мигрень серого конверта!

Она прочла в его взгляде удивление.

— Я и забыл, как пристально за мной следили, — холодно проговорил он. — С твоего позволения я поднимусь и полежу час в темноте, авось мигрень пройдет.

Шарлотта колебалась. Затем с отчаянной решимостью заявила:

— Мне правда жаль, что у тебя болит голова. Но прежде чем ты уйдешь, я хочу сказать, что так этого не оставлю. Кто-то сеет между нами раздор, и я намерена во что бы то ни стало выяснить кто. — Она твердо взглянула на мужа. — Пусть

даже это будет стоить мне твоей любви. Если я не заслуживаю твоего доверия, мне от тебя ничего не нужно.

Он глядел на нее с мольбой.

— Дай мне время.

— Время? Для чего? Тебе достаточно сказать лишь слово.

— Время, чтобы доказать тебе мою любовь и преданность.

— Хорошо, я подожду.

Подойдя к двери, Кеннет нерешительно обернулся.

— Прошу тебя, любовь моя, подожди.

Шарлотта стояла, пока на лестнице раздавались усталые шаги мужа. Лишь услышав стук закрывшейся двери, она опустилась в кресло и закрыла лицо руками. Ее терзало раскаяние: она казалась себе черствой, бесчеловечной, вульгарной. «Как я могла сказать, что не сдамся, даже если это будет стоить мне его любви! Как только язык повернулся!» Она хотела тут же бежать за ним, взять опрометчивые слова обратно. Внезапно ее остановила мысль: «А ведь муж так или иначе добился своего: ему не только удалось сохранить свою тайну, но и запереться у себя в комнате наедине с письмом той женщины».

III

Она все еще пребывала в задумчивости, когда зашла удивленная горничная. Нет, ответила Шарлотта, она не станет переодеваться к ужину, и мистер Эшби ужинать не будет. Он очень устал и поднялся к себе, пусть горничная принесет попозже что-нибудь перекусить в гостиную.

Шарлотта поднялась в свою спальню. На кровати лежало приготовленное платье, вид которого напомнил о привычной рутине; ей стало казаться, что их странный разговор произошел в ином мире между двумя существами, которые были не Шарлоттой Горс и Кеннетом Эшби, а призраками, вызванными ее воспаленным воображением. Она припомнила год, прошедший с их свадьбы, неизменную преданность мужа, его настойчивую, порой едва ли не навязчивую нежность. Временами у нее возникало чувство, что он слишком привязан к ней, слишком от нее зависим, словно в пространстве между их душами не хватало воздуха. До чего нелепыми казались теперь обвинения в интриге с другой женщиной! Но как тогда объяснить…

Она с трудом подавила порыв пойти к мужу, попросить прощения, обернуть в шутку это

досадное недоразумение, потому что боялась навязывать ему свое общество. Кеннет был явно обеспокоен, расстроен, угнетен, к тому же дал ей понять, что предпочитает справляться с горем в одиночку. Было бы мудрее и добрее уважить его желание. Только до чего же странно и невыносимо находиться в соседней комнате и чувствовать себя на другом конце света!.. Она опять разнервничалась и уже почти жалела, что не набралась смелости вскрыть письмо, а после вернуть его на столик в прихожую. По крайней мере, секрет был бы раскрыт, а с ним, возможно, исчезло бы и наваждение. Ибо теперь вся эта история приобрела для Шарлотты зловещий оттенок: что, если некто намеренно преследует мужа, запугивая и не давая высвободиться? Раз или два она уловила в его уклончивом взгляде зов о помощи, желание во всем признаться, которое он тут же подавлял. Кеннет будто знал, что она могла ему помочь, если бы только догадалась, потому что сам не мог ей ничего сказать!

У нее мелькнула мысль зайти к его матери. Шарлотта очень любила миссис Эшби; крепкая, ясноглазая и бойкая на язык старушка сразу расположила к себе открытую и решительную невестку. Между ними установилась неглас-

ная связь с того самого дня, когда миссис Эшби впервые обедала с новой женой сына. Шарлотта встретила ее внизу, в библиотеке, и та, взглянув на пустую стену над столом, лаконично заметила:

«Смотрю, с Элси покончено?»

Шарлотта начала смущенно оправдываться, но свекровь ее перебила:

«Да брось ты. Нечего ее возвращать. Третий лишний».

Новая жена почувствовала, будто собеседница прочла ее мысли, и еле сдержалась, чтобы не обменяться со свекровью понимающей улыбкой; сейчас же она подумала, что подкупающая прямота миссис Эшби могла бы помочь докопаться до сути мучительной тайны. Однако ее опять накрыли сомнения — слишком уж такой шаг походил на предательство. Кто дал ей право вовлекать кого бы то ни было, пусть и ближайшую родню, в тайну, которую муж так тщательно пытается скрыть?

«Глядишь, он сам захочет поговорить с матерью, — подумала она и тут же спохватилась: — Какая разница? Мы с ним в любом случае должны уладить это между собой».

Пока она размышляла, раздался стук в дверь.

Вошедший затем Кеннет был одет к ужину и явно удивлен, что вечернее платье жены лежит нетронутым на кровати.

— Ты не собираешься ужинать?

— Я… я думала, тебе нездоровится и ты лег спать, — пролепетала она.

Муж натянуто улыбнулся.

— Я, конечно, не в лучшей форме, но это не повод голодать.

Несмотря на напряженное лицо, он выглядел спокойнее, чем час назад, когда поднялся к себе.

«Вот опять, — с досадой думала она, — он прочел письмо и как-то разобрался с тем, что в нем было. А я по-прежнему в полном неведении».

Шарлотта позвонила и торопливо распорядилась подать ужин — что-нибудь на скорую руку, поскольку и она, и мистер Эшби изрядно устали и просто хотят перекусить. Вскоре подали ужин, и оба сели за стол. Поначалу повисло неловкое молчание; затем Эшби завел разговор ни о чем, и атмосфера сделалась еще более гнетущей.

«Как же он устал! Как ужасно устал! — продолжала думать о своем Шарлотта, пока муж бубнил о муниципальной политике, авиации, выставке современной французской живописи, о здоровье старой тетушки и автоматической телефонной

коммутации. — Господи, как же он устал!»

Обычно после ужина наедине супруги шли в библиотеку; жена устраивалась на диване с вязанием, а муж садился в кресло под лампой и раскуривал трубку. Но в тот вечер, по молчаливому согласию избегая библиотеки, где состоялся их странный разговор, они поднялись в гостиную Шарлотты.

Когда они сели у камина и Кеннет отставил чашку с едва пригубленным кофе, Шарлотта спросила:

— Как насчет трубки?

— Не сегодня, — покачал он головой.

— Тебе надо пораньше лечь. Ты совершенно вымотан. Не иначе как тебя завалили работой.

— У всех нас время от времени случаются завалы.

Она поднялась с внезапной решимостью и встала перед ним.

— Я не допущу, чтобы ты тратил все свои силы на этот рабский труд. Хватит! К тому же ты, несомненно, болен. — Шарлотта склонилась над мужем и пощупала ему лоб. — Бедный мой Кеннет. Нам срочно нужен отпуск.

Он ошарашенно уставился на жену.

— Отпуск?

— Конечно! Ты разве не догадывался, что я собираюсь увезти тебя на Пасху? Давай недели через две отправимся на целый месяц в плаванье. На каком-нибудь большом круизном пароходе. — Она наклонилась и поцеловала его в лоб. — Я тоже устала, Кеннет.

Пропустив мимо ушей последние слова жены, он сел прямо, уперев руки в колени, слегка отстранился и непонимающе на нее посмотрел.

— Опять? Дорогая, это невозможно. Я не могу сейчас уехать.

— Что значит «опять», Кеннет? Мы в этом году по-настоящему еще не отдыхали.

— Мы с детьми ездили за город на Рождество.

— Я говорю про путешествие без детей, без прислуги, подальше от дома. От всего привычного и утомительного. Твоя мама с удовольствием присмотрит за Джойс и Питером.

Муж нахмурился и покачал головой.

— Нет, дорогая, я не могу оставить детей с матерью.

— Это еще почему? Она их обожает! Ты же оставлял их с ней, пока мы два месяца, если не больше, путешествовали по Вест-Индии?

Он вздохнул и тяжело поднялся на ноги.

— То было другое дело.

— Чем же другое?

— Я хочу сказать, что не понимал тогда… — Он замялся, подбирая слова. — Моя мать действительно обожает детей. Но она не всегда руководствуется здравым смыслом. Бабушки вечно балуют внуков. К тому же она может ляпнуть при них что попало, не думая. — Он обратил на жену почти жалостный взгляд. — Умоляю, не проси, дорогая.

Шарлотта молчала. Язык у миссис Эшби и в самом деле был острый, но она в жизни при внуках не позволяла себе высказываний, которые не одобрил бы самый щепетильный родитель. Шарлотта в недоумении смотрела на мужа.

— Я не понимаю…

Кеннет вновь устремил на нее полный мольбы и тревоги взгляд.

— Не пытайся, — пробормотал он.

— Не пытаться?

— Нет… пока нет. — Он прижал пальцы к вискам. — Неужели ты не видишь, что настаивать бесполезно? Я не могу уехать, как бы того ни хотел.

Шарлотта пристально всмотрелась в его лицо.

— Вопрос в том, действительно ли ты этого хочешь?

Мгновение он выдерживал ее взгляд, затем его губы задрожали, и он едва слышно произнес:

— Я хочу… всего, чего хочешь ты.

— Но не можешь?..

— Не спрашивай. Я не могу уехать — и все.

— Ты не можешь уехать из-за писем!

Кеннет, который до сих пор стоял перед ней в напряженной позе, теперь резко отвернулся и прошел несколько раз по комнате, глядя себе под ноги.

Шарлотта почувствовала обиду, а вместе с ней смутный страх.

— Так и есть, — сказала она. — Признайся, что жить без них не можешь.

Кеннет вдруг остановился, упал в кресло и закрыл лицо руками. По тому, как вздрагивали его плечи, Шарлотта догадалась, что он плачет. Она никогда не видела плачущих мужчин, кроме своего отца, который в ее далеком детстве оплакивал смерть матери. Те воспоминания до сих пор вызывали ужас. Вот и сейчас она испугалась, чувствуя, как мужа отрывают от нее, заманивают в какие-то таинственные сети и что она до последних сил должна бороться за его и свою свободу.

— Кеннет, Кеннет! — взмолилась она, опускаясь

перед ним на колени. — Послушай меня, пойми, как я страдаю. Это не мнительность, дорогой, я ничего себе не надумываю. Если бы я не видела, что творят с тобой эти письма, я бы и внимания на них не обратила. Не в моих правилах совать нос в чужие дела — да, да, послушай, — если бы я видела, что ты рад этим письмам, ждешь их, считая дни, что они дарят тебе то, чего я дать не в состоянии, — конечно, Кеннет, мне было бы больно, но по-другому, и я бы нашла в себе мужество прятать свои чувства и надеяться, что однажды ты полюбишь меня так же, как отправителя этих писем. Но я не могу спокойно смотреть, как ты напуган, как мучаешься и в то же время жить без них не можешь и даже не хочешь уехать, чтобы, не дай бог, не пропустить письмо в свое отсутствие. Или, может… — Она осеклась и вдруг с отчаянием выкрикнула: — Может, это она запрещает тебе уезжать?! Кеннет, ответь мне! Дело в этом? Она запрещает нам ехать вдвоем?

По-прежнему стоя на коленях, Шарлотта нежно отвела ладони мужа от его лица. Ей было стыдно и за свою настойчивость, и за его растерянное, мокрое от слез лицо, но она решила, что ни перед чем не остановится. Кеннет опустил глаза, его пронизывали нервные судороги. Она осознава-

ла, что заставила мужа страдать больше, чем страдала сама, но уже ничего не могла с собой поделать.

— Это правда? Она не позволяет нам уехать вместе?

Тот продолжал молчать, не поднимая глаз. Шарлотта чувствовала себя побежденной.

— Можешь не отвечать. Я и так вижу, что права, — сказала она и поднялась.

Муж внезапно очнулся и притянул ее обратно вниз. Его руки сжали ее ладони с такой силой, что кольца врезались в пальцы. В его жесте было что-то пугающее, судорожное — так цепляется за жизнь человек, висящий на краю пропасти. Он с мольбой вглядывался в лицо жены, словно в ней заключалось его спасение.

— Конечно, мы уедем вместе. Уедем, куда захочешь, — проговорил он тихим, растерянным голосом.

Он притянул ее к себе и, обняв, прижался губами к ее губам.

IV

Шарлотта думала, что сразу же уснет, однако продолжала сидеть у камина далеко за полночь, прислушиваясь к звукам в комнате мужа. Тот,

похоже, наоборот, отключился мгновенно после бурного вечера. Раз или два она подкрадывалась к двери и в слабом свете улицы, проникавшем через открытое окно его спальни, видела, как он метался в тяжелом сне — слабый и изможденный.

«Он, несомненно, болен, — заключила она. — И причина не в работе, а в таинственном преследовании».

Она облегченно вздохнула. Да, битва была не из легких, но она ее выиграла — во всяком случае, пока. Ах, вот бы у них была возможность уехать куда-нибудь прямо сейчас! Шарлотта понимала, что до праздников бесполезно просить его об отпуске. Тем временем необъяснимая сила, относительно которой она до сих пор оставалась в полном неведении, продолжала действовать против нее, а значит, предстояло сопротивляться ей день ото дня, пока они не уедут. Зато потом все будет иначе. Если она увезет мужа туда, где им никто не станет мешать, ей удастся вырвать его из-под власти злых чар. Убаюканная этой мыслью, она наконец уснула.

* * *

Проснулась Шарлотта поздно. Она села в постели, удивляясь и досадуя на себя за то, что проспала. Супруги любили завтракать вместе у камина в библиотеке; теперь, взглянув на часы, она сообразила, что муж давно ушел на работу.

Шарлотта вскочила с кровати и на всякий случай прошла в его комнату — там никого не было. Кеннет наверняка заглянул к ней перед уходом, увидел, что она еще спит, и спустился вниз, не потревожив. В их отношениях сохранялось достаточно романтики, и ей было ужасно жаль пропущенную утром встречу.

Она позвонила и спросила, ушел ли мистер Эшби. Да, почти час назад, ответила горничная. Он приказал не будить миссис Эшби и не пускать к ней детей, пока та за ними не пошлет… Да, он лично зашел в детскую и дал указания. Все выглядело вполне обычно, и все же Шарлотта, сама не зная почему, вдруг спросила:

— Мистер Эшби ничего больше не передал?

Ах да, спохватилась горничная, совсем забыла. Он перед самым уходом сказал, что похлопочет о билетах, и просил миссис Эшби собраться и быть готовой завтра отплыть.

Шарлотта машинально пробормотала «завтра» и в изумлении уставилась на горничную.

— Завтра? Вы уверены, что он сказал «завтра»?

— Совершенно уверена, мэм. Ума не приложу, как у меня вылетело из головы.

— Ничего страшного. Приготовьте мне, пожалуйста, ванну.

Шарлотта немедля занялась утренним туалетом и, расчесывая перед зеркалом волосы, поймала себя на том, что напевает. Одержав такую победу, она вновь почувствовала себя молодой. Неизвестная женщина исчезла, превратилась в пятнышко на горизонте, а та, что сияла на первом плане, улыбнулась в ответ отражению своих губ и глаз. Муж ее любит — любит так же страстно, как прежде. Он проникся ее переживаниями, понял, что их счастье зависит от того, как скоро они уедут и отыщут друг друга вновь после вчерашнего брожения в тумане. Шарлотта больше не задумывалась о том, что за сила вклинилась между ними; она смело дала отпор наваждению и развеяла его.

«Мужество — вот в чем секрет! Если бы только влюбленные не боялись рисковать своим счастьем и смотрели ему в глаза».

Зачесанные назад густые светлые волосы об-

рамляли голову, как ореол победы. Что ж, одни женщины умеют управляться с мужчинами, а другим не дано. «Красавица спасла рыцаря!» — пошутила про себя Шарлотта. Выглядела она и в самом деле великолепно.

Утро плыло словно в танце, подобно яркой ракушке на морской волне — точно такая волна вскоре унесет их далеко отсюда. Шарлотта заказала особенный ужин, проводила детей на занятия, велела достать чемоданы, попросила горничную проветрить летнюю одежду — ведь они наверняка отправятся в теплые края — и подумала, не стоит ли вынуть фланелевые костюмы Кеннета из камфорного сундука[40].

«Чудно́, однако, — размышляла она, — что я понятия не имею, куда мы едем!»

Она глянула на часы и, увидев, что уже близится полдень, решила позвонить мужу в контору. После продолжительной заминки секретарша сказала, что мистер Эшби забега́л утром, но почти сразу уехал… Когда он должен вернуться? Секретарша не знала; уходя, он сказал только, что торопится, потому что ему нужно за город.

За город! Шарлотта повесила трубку и в недо-

[40] Примечания: 40

Древесина камфорного лавра традиционно применяется как природный репеллент против моли и насекомых-древоточцев.

умении уставилась в пустоту. Что за новая загадка? Зачем мужу понадобилось уезжать из города? Куда? И почему из всех дней он выбрал именно канун их спонтанного отъезда? Ее охватило недоброе предчувствие. Не иначе как побежал к той женщине — испросить разрешения на поездку. Вот до какой степени он был повязан, а она-то уже возомнила себя победительницей!.. Шарлотта невесело рассмеялась и, пройдя по комнате, вновь села перед зеркалом. Как изменилось ее лицо! Улыбка на бледных губах казалась карикатурой на свою утреннюю версию.

Постепенно краски начали возвращаться. В конце концов, кое-чего она добилась, ведь муж делал то, чего хотела она, а не то, что требовала от него другая женщина. И вообще, резонно предположить, что из-за внезапного отъезда ему требовалось уладить кое-какие дела, и таинственный визит за город вовсе не обязательно имел отношение к отправительнице писем. Мог же он просто поехать к клиенту? Разумеется, в конторе Шарлотте ничего не сказали; даже такую скудную информацию, как факт отсутствия мистера Эшби, пришлось вытягивать из секретарши клещами. Так уж и быть, она пока продолжит приятные сборы, а о том, на какой из райских

остров ее повезут, узнает позже.

Часы шли, а точнее, неслись в вихре приготовлений. Наконец появление горничной, пришедшей задернуть шторы, отвлекло Шарлотту от ее трудов, и она с удивлением заметила, что уже пять, а она до сих пор не знает, куда они завтра едут!

Она еще раз позвонила в контору, и ей лишь повторили, что мистер Эшби не появлялся с самого утра. Она попросила позвать его напарника, но и тот ничего не смог добавить, поскольку его утренний поезд опоздал и он добрался до работы уже после отъезда Эшби. Постояв какое-то время в недоумении, Шарлотта решила позвонить свекрови. Кеннет наверняка заехал к матери перед тем, как отплыть на целый месяц. Уже одно то, что (несмотря на невнятные возражения мужа) детей придется оставить с бабушкой, должно было натолкнуть ее на мысль, что Кеннету с матерью предстоит многое обсудить. В другое время жена, вероятно, обиделась бы на то, что ее не включили в семейный совет, но сейчас это не имело значения — главное, что она отвоевала мужа у другой женщины.

Шарлотта радостно набрала номер миссис Эшби и, услышав в трубке знакомый приятный

голос, начала:

— Ну что, Кеннет вас удивил? Что думаете о нашем побеге?

Почти мгновенно, еще до того, как миссис Эшби успела раскрыть рот, Шарлотта поняла, каким будет ответ. Свекровь не видела сына, не получала от него никаких известий и не понимает, о чем говорит невестка. Шарлотта застыла в немом изумлении.

«Где же он тогда?» — пронеслось в голове.

Взяв себя в руки, она принялась объяснять миссис Эшби их внезапное решение, и к ней понемногу начала возвращаться уверенность в себе и в том, что ничто больше не встанет между ней и Кеннетом. Миссис Эшби восприняла новость спокойно и одобрительно. Она тоже заметила, что сын в последнее время выглядел нервным и изможденным, и согласилась с невесткой, что лучшее лекарство в таких случаях — смена обстановки.

— Я всегда только рада, если он едет куда-нибудь отдыхать. Элси ненавидела поездки и вечно находила предлоги, чтобы его не пускать. С тобой, слава богу, все по-другому.

Миссис Эшби ничуть не удивило то, что сын не успел сообщить ей об отъезде. Он явно торопится

закончить дела и, несомненно, заглянет к ней до ужина. Да и разговоров-то у них на два слова.

— Надеюсь, ты отучишь Кеннета бесконечно пережевывать вопросы, которые можно решить за пять минут. Раньше он таким не был, а вздумай он повести себя так на работе, мигом лишился бы всех своих клиентов… Конечно, забегай, дорогая, если тебе не сложно. Он наверняка объявится, как только ты придешь.

Ободряющий голос миссис Эшби продолжал звучать в ушах Шарлотты, пока она заканчивала свои приготовления.

Около семи раздался телефонный звонок — она метнулась к аппарату. Наконец-то все прояснится! Однако звонила секретарша мужа — сообщить, что мистер Эшби не возвращался и не давал о себе знать; добросовестная девушка решила проинформировать миссис Эшби, прежде чем закрыть офис.

— Все ясно, благодарю вас! — весело откликнулась Шарлотта и дрожащей рукой повесила трубку.

Оставалось надеяться, что он у матери. Она закрыла ящики и шкафы, надела шляпу, пальто и позвонила в детскую предупредить, что выйдет ненадолго к бабушке.

Миссис Эшби жила неподалеку, и во время короткой прогулки в прохладных весенних сумерках в каждом встречном Шарлотте мерещился муж. Она дошла до дома свекрови, так никого и не встретив, и застала ту одну. Старушка сидела у яркого огня со спицами, проворно мелькающими в руках, и, хотя Кеннет не звонил и не заходил, присутствие его матери вселило в Шарлотту уверенность. Странно, конечно, что Кеннет уехал на целый день, не поставив никого в известность, но, в конце концов, этого следовало ожидать. У такого востребованного адвоката, как он, столько дел, что любая непредвиденная перемена в планах неминуемо влечет за собой массу хлопот. Может, он отправился к клиенту в пригород и задержался; мать припомнила, как он рассказывал ей, что вел дела одного старого затворника в Нью-Джерси, который был страшно богат, но скупился на телефон. Не исключено, что Кеннет опять застрял у него.

И все же постепенно нервозность брала верх. Миссис Эшби спросила, в котором часу они отплывают на следующий день, и Шарлотте пришлось сказать, что она не знает; Кеннет просто передал ей через горничную, что позаботится о билетах. Ситуация донельзя абсурдная! Даже

миссис Эшби не стала спорить, хотя тут же добавила, что это свидетельствует лишь о том, что сын очень спешил.

— Боже, мама, уже почти восемь! Кеннет должен понимать, что я не могу так долго оставаться в неведении относительно завтрашнего отъезда.

— Не волнуйся, пароход, скорее всего, отходит только к вечеру. Иногда они вынуждены ждать прилива до полуночи. Видимо, Кеннет на то и рассчитывает. Голова на плечах у него, слава Богу, есть.

Шарлотта встала.

— Нет, с ним что-то случилось.

Миссис Эшби опустила вязанье и сняла очки.

— Если мы начнем себя накручивать…

— А вы правда не волнуетесь?

— Я волнуюсь только тогда, когда есть причины. Позвони и распорядись насчет ужина. Ты же у меня поешь? Кеннет точно заглянет сюда по дороге.

Шарлотта позвонила домой. Нет, сказала горничная, мистер Эшби не приходил и не звонил. Как только придет, она передаст ему, что миссис Эшби ужинает у его матери. Шарлотта перешла за свекровью в столовую и, сидя с пересохшим горлом перед пустой тарелкой, смотрела, как

миссис Эшби спокойно и деловито расправлялась с небольшим, но тщательно приготовленным блюдом.

— Ты бы поела, дитя мое, иначе доведешь себя, как Кеннет… Да, Джейн, будь добра, еще немного спаржи.

Она заставила невестку выпить бокал хереса и хотя бы надкусить тост. Затем обе вернулись в гостиную — в камине уже заново развели огонь, встряхнули и разгладили подушки в кресле миссис Эшби. Все выглядело привычным и безопасным; а где-то там, в зыбком сумраке ночи, таился ответ на их догадки, словно чей-то размытый силуэт, рыскающий у порога.

Наконец Шарлотта поднялась.

— Я лучше пойду. Кеннет сюда уже вряд ли зайдет.

Старушка благостно улыбнулась.

— Сейчас не так поздно, дорогая. Долго ли двум пташкам насытиться?

— Уже десятый час. — Шарлотта наклонилась поцеловать свекровь. — Я просто не в состоянии усидеть на месте.

Миссис Эшби отодвинула от себя вязанье и уперлась обеими руками в подлокотники.

— Тогда я пойду с тобой, — сказала она, вставая

из кресла.

Шарлотта возразила, что час поздний, что нет необходимости, что она позвонит, как только Кеннет объявится, однако миссис Эшби уже позвала горничную и ждала, опираясь на трость, пока принесут верхнюю одежду.

— Если заглянет мистер Кеннет, скажите ему, что я у них, — велела она напоследок прислуге, когда обе дамы садились в подъехавшее такси.

Во время короткой поездки Шарлотта благодарила Бога, что возвращается домой не одна. Близость миссис Эшби согревала, ее ясные глаза и бодрый вид вселяли уверенность в том, что все образуется. Когда такси остановилось, свекровь ободряюще накрыла ладонью руку Шарлотты.

— Вот увидишь, он уже дома.

Шарлотта позвонила, и они вошли. Ее сердце учащенно забилось, хотя спокойствие свекрови частично передалось и ей.

— Вот увидишь, увидишь, — повторяла миссис Эшби.

Однако горничная сказала, что мистер Эшби не приходил и никаких сообщений от него не было.

— Вы уверены, что телефон исправен? — спросила его мать, на что горничная ответила, что полчаса назад все работало, но она пойдет и

проверит.

Шарлотта сняла пальто и шляпку, и тут взгляд ее упал на столик — там лежал серый конверт с именем мужа. Она вскрикнула и тут же осознала, что впервые за многие месяцы вошла в дом, не вспомнив о письме.

— В чем дело, дорогая? — изумленно спросила миссис Эшби.

Шарлотта не ответила. Держа конверт в руках, она буравила его глазами, словно пытаясь проникнуть внутрь. Затем, следуя внезапному порыву, повернулась и протянула письмо свекрови.

— Вам знаком этот почерк?

Миссис Эшби взяла конверт, нащупала очки и, водрузив их на нос, приблизилась к свету.

— О нет! — воскликнула она и осеклась. Шарлотта заметила, что письмо дрожит в обычно твердой руке свекрови. — Дорогая, оно адресовано Кеннету… — тихо произнесла миссис Эшби. В ее укоряющем тоне слышался намек на бестактность невестки.

— Не имеет значения, — решительно отрезала та. — Вы знаете, чей это почерк?

Миссис Эшби протянула конверт обратно.

— Нет, — твердо сказала она.

Обе женщины вошли в библиотеку. Шарлотта включила свет и закрыла дверь, все еще сжимая в руке письмо.

— Я его открою, — объявила она.

Свекровь ошарашенно застыла.

— Дорогая… оно адресовано не тебе. Так не делается!

— Мне наплевать! — Шарлотта смотрела в упор на миссис Эшби. — Если из письма я смогу узнать, где Кеннет.

Румяные щеки миссис Эшби мгновенно побледнели; ее гладкая кожа сморщилась и увяла на глазах.

— С чего ты так решила?.. В нем не может быть…

Шарлотта не спускала глаз с изменившегося лица свекрови.

— Значит, почерк вам знаком? — наседала она.

— Почерк? Откуда? Сыну пишет столько народу… Я знаю только, что…

Миссис Эшби замолчала, глядя на невестку умоляюще, почти робко.

Шарлотта схватила ее за запястье.

— Мама, пожалуйста! Что? Что вам известно? Вы должны мне сказать!

— …что если женщина за мужниной спиной

вскрывает его письма, ничего хорошего не выйдет.

Для раздраженного слуха Шарлотты фраза прозвучала как выдержка из правил домостроя. Она засмеялась и выпустила запястье свекрови.

— И все? Из этого письма по-любому ничего хорошего не выйдет. Будь что будет, я его открою. — У нее больше не дрожали ни руки, ни голос. — С тех пор как мы с Кеннетом поженились, это уже девятое письмо, подписанное той же рукой, всегда в одинаковых серых конвертах. Я знаю их наперечет, потому что после каждого муж становится сам не свой. А потом часами отходит. Я с ним говорила. Умоляла сказать, от кого они, объясняла, что у меня нет больше сил смотреть, как они его убивают. Но он молчит, вернее, твердит, что ничего не может мне сказать. А вчера он пообещал, что мы уедем, — чтобы сбежать от них!

Миссис Эшби, шатаясь, подошла к ближайшему креслу и опустилась в него, склонив голову на грудь.

— Ох, — выдохнула она.

— Теперь вы понимаете…

— Он сам сказал, что хочет от них сбежать?

— Он хотел уехать — сбежать! Он еле выгова-

ривал слова, потому что плакал. Но я сказала ему, что знаю причину.

— А он что ответил?

— Он меня обнял и сказал, что уедет, куда я захочу.

— Слава Богу! — воскликнула миссис Эшби и замолчала, сгорбившись и пряча глаза от невестки. Наконец она подняла голову и спросила: — Ты уверена, что их было ровно девять?

— Совершенно уверена. Это девятое, я считала.

— И Кеннет наотрез отказался что-либо объяснить?

— Наотрез.

— А когда пришло первое? — Миссис Эшби едва шевелила побледневшими губами. — Ты не вспомнишь?

— Не вспомню? — Шарлотта невесело рассмеялась. — Первое пришло в день нашего возвращения из свадебного путешествия.

— Ах вот как? — Миссис Эшби вскинула голову и решительно сказала: — Тогда — да, открывай.

От неожиданности у Шарлотты кровь прилила к вискам, снова затряслись руки. Она попыталась вскрыть конверт, но он был заклеен так плотно, что понадобился нож для писем из слоновой кости. Пока она шарила на столе мужа среди

знакомых предметов, которых совсем недавно касались его руки, ее пронизывал ледяной холод — такой обычно исходит от личных вещей недавно умершего человека. Наконец нож нашелся, и звук рвущейся бумаги прорезал тишину комнаты, словно человеческий крик. Шарлотта вынула листок и поднесла его к лампе.

— Ну? — спросила миссис Эшби едва дыша.

Невестка не ответила. Сморщив лоб, она вглядывалась в страницу, все ближе и ближе наклоняясь к свету. То ли бумага так отсвечивала, то ли у Шарлотты что-то случилось со зрением, но, как она ни напрягала глаза, различить удавалось лишь несколько слабых штрихов — настолько бледных и нечетких, что слов было не разобрать.

— Я ничего не могу прочесть, — пробормотала она.

— В каком смысле, дорогая?

— Буквы совершенно неразличимы… Постойте.

Она вернулась к столу Кеннета и, сев поближе к настольной лампе, положила письмо под лупу. Все это время она чувствовала, как пристально свекровь следит за каждым ее движением.

— Ну? — едва слышно спросила миссис Эшби.

— Все еще непонятно. Не могу ничего разо-

брать.

— Там что, чистый лист?

— Не совсем. Здесь что-то написано. Вроде как «мой»… и еще, кажется, «приди». Похоже на «приди»…

Миссис Эшби была уже на ногах. В лице не осталось ни кровинки. Она подошла к столу и, опершись на него обеими руками, с трудом перевела дыхание.

— Дай-ка гляну, — пробормотала она, делая над собой видимое усилие.

«Она знает», — подумала Шарлотта и придвинула письмо свекрови. Та молча склонилась над столом, не касаясь бумаги.

Теперь Шарлотта неотрывно следила за ней — точно так же, как перед тем смотрела на нее миссис Эшби. Та нащупала очки, поднесла их к глазам и почти вплотную склонилась к письму, по-прежнему избегая к нему прикасаться. Свет лампы падал прямо на ее старческое лицо, и Шарлотта поймала себя на мысли о том, что эти ясные и открытые черты могут скрывать глубокие тайны. До сих пор лицо свекрови выражало лишь простые и понятные эмоции: радушие, удивление, сочувствие, иногда вспышки здорового гнева. Сейчас же в ней боролись страх и

ненависть, ужас и какое-то вызывающее неповиновение. Казалось, все враждующие внутри нее духи разом исказили ее лицо.

Наконец она подняла глаза.

— Я не могу… не могу, — произнесла она по-детски страдальческим голосом.

— Вы тоже не можете ничего разобрать?

Та покачала головой, и Шарлотта увидела, как по щекам старушки потекли слезы.

— Даже несмотря на знакомый почерк?

Миссис Эшби оставила вопрос без ответа.

— Я ничего не могу разобрать — ничего.

— Но почерк-то вам знаком? — дрожащими губами повторила Шарлотта.

Свекровь боязливо подняла голову и испуганным взглядом окинула тихую знакомую комнату.

— Не знаю, что и думать… Меня сразу поразило…

— Поразило сходство?

— То есть мне показалось…

— Да говорите же, мама! Вы сразу узнали ее почерк?

— Ох, погоди, погоди, дорогая.

— Чего еще ждать?!

Миссис Эшби медленно перевела взгляд на

голую стену за письменным столом сына. Проследив за взглядом, Шарлотта горько рассмеялась.

— Все ясно! И ждать больше нечего — вот ваш ответ! Вы же смотрите прямо туда, где висел ее портрет!

Старушка предостерегающе приставила бледный палец к губам.

— Ш-ш…

— Ой, меня уже ничем не напугаешь! — закричала Шарлотта.

Свекровь по-прежнему опиралась руками на стол, ее губы умоляюще скривились.

— Но ведь это безумие. Мы обе сошли с ума. Ты же понимаешь, что это невозможно.

Шарлотта посмотрела на нее с жалостью.

— Я уже давно ничему не удивляюсь.

— Даже такому?

— Особенно такому.

— Но письмо… в нем ничего нет…

— Кто знает? Кеннету виднее. Помню, он как-то сказал, что если привыкнуть к почерку, то угадываешь смысл написанного по малейшему штриху. Теперь я понимаю, о чем он говорил. Он привык к ее почерку.

— Тут и штрихов-то не разобрать, настолько они бледные.

Шарлотта опять засмеялась.

— Что ж, у привидений все бледное.

— Бог с тобой, дитя мое, не говори так!

— Отчего же, раз даже голые стены о том кричат? Какая разница, можем мы с вами прочесть ее послания или нет? Даже вам при взгляде на пустую стену мерещится ее лицо, так почему же он не может разобрать слов на чистом листе? Разве вы не понимаете, что она заполонила собой этот дом и теперь, когда, кроме Кеннета, ее никто больше не видит, стала ему еще ближе?!

Шарлотта опустилась на стул и закрыла лицо руками. Ее с головы до пят сотрясали рыдания. Она подняла глаза лишь тогда, когда почувствовала легкое прикосновение к плечу — над ней, склонившись, стояла свекровь. Лицо миссис Эшби осунулось и сморщилось, однако выглядело, как прежде, спокойным. Сквозь бурю в душе Шарлотта ощутила поддержку ее несгибаемого духа.

— Завтра — завтра что-нибудь да прояснится, вот увидишь…

— Завтра? — оборвала ее Шарлотта. — И кто, интересно, нам что-нибудь прояснит?

Миссис Эшби героически распрямилась.

— Кеннет, сам Кеннет, — громко и четко сказала она. Шарлотта молчала, и свекровь добавила:

— А пока нужно действовать. Сообщить в полицию. Незамедлительно! Мы должны принять все возможные меры.

Шарлотта с трудом поднялась на ноги; суставы ломило, как у старухи.

— И делать вид, что мы ожидаем от этого хоть какой-то прок?

— Именно! — решительно воскликнула миссис Эшби.

Тогда Шарлотта подошла к телефону и сняла трубку.

1931

Зеркало

I

Миссис Эттли никогда не видела ничего дурного в том, чтобы немного подбодрить чью-то страждущую душу.

Трудовые будни массажистки остались позади, и теперь она, удобно расположившись в кресле у камина и сложив натруженные руки на коленях, могла наконец не спеша и со всех сторон обдумать этот вопрос.

Миссис Эттли была уже настолько стара, что, когда вдова сына уезжала на целый день, сидеть

с бабушкой приходилось внучке Мойре. Теперь девушка со скучающим видом ждала, пока прислуга соберет на стол холодный ужин и можно будет перейти в гостиную.

— Ты не поверишь, милочка, — заговорила миссис Эттли, — в какое уныние порой впадают богатые люди в своих больших роскошных домах, где у них и помощников тьма, и посуда серебряная, и звонок, который всегда под рукой, если нужно подвинуть в камине дрова или дать собаке попить… И какой прок от массажистки, которая прорабатывает одни только мышцы и не утешает заодно и душу? Доктор Уэлбридж, кстати, повторял это всякий раз, как назначал массаж трудному пациенту. А мне-то он всегда оставлял самых трудных, — с гордостью добавила она.

Миссис Эттли умолкла, заметив (ибо даже сейчас от нее мало что ускользало), что Мойра больше не слушает, ничуть, однако, не обидевшись, ибо на закате дней своих много с чем смирилась.

«На дворе чудесная погода, — думала она, — и внучке, скорее всего, не терпится убежать в кино, а может, тому молодому человеку удалось пораньше закончить дела в Нью-Йорке…»

Миссис Эттли ушла в свои мысли, которые

вскоре, как часто бывает у стариков, начали просачиваться наружу.

— Ведь я добрая католичка и третьего дня так и сказала отцу Дивотту, что, мол, не боюсь предстать перед Всевышним, если он меня вдруг призовет. Хотя мне в любом случае придется ответить за то, как я поступила с миссис Клингсленд, ведь раз уж я так и не раскаялась, нет смысла рассказывать об этом отцу Дивотту. Верно же?

Миссис Эттли задумчиво вздохнула. Как многие богопослушные люди ее склада и сословия, она мнила, что сокрытый грех — по крайней мере, в том, что касается последствий, — грех как бы несовершенный, и это убеждение нередко помогало ей в нелегком деле примирения доктрины и практики.

II

Мойра Эттли, которая все это время отрешенно смотрела на пустынную воскресную улицу пригорода Нью-Джерси, в изумлении вытаращилась на бабушку.

— Миссис Клингсленд? А что такого ты сделала миссис Клингсленд?

До сих пор внучка слушала вполуха: обычное старческое бормотание не стоило того, чтобы в

него вникать. Однако с миссис Эттли так было не всегда. Она перестала оказывать услуги богачам еще до первых признаков финансового краха, и ее цепкая память хранила картины шикарного прошлого, о котором молодое поколение знало лишь понаслышке. Бабушка обладала даром несколькими точными словами воскрешать сцены невообразимо роскошной и праздной жизни; она была словно гид, что ведет посетителя по сумеречным дворцовым галереям, то и дело поднимая лампу к светящемуся Рембрандту или позолоченному Рубенсу. При упоминании миссис Клингсленд эти блики прошлого засияли перед Мойрой ярче обычного. В семействе Эттли миссис Клингсленд всегда отводилось особое место. Все знали (хотя никто не знал почему), что именно с ее помощью бабушка в свое время сумела обзавестись небольшим домом с садиком в Монтклере, где и продержалась всю Великую депрессию благодаря удачным инвестициям, сделанным по совету одного банкира, близкого друга миссис Клингсленд.

— У нее была масса друзей, и все высокого полета, как ты понимаешь. Она не раз говорила мне: «Кора (заметь, как мило с ее стороны было звать меня по имени), Кора, мистер Стоунер посовето-

вал мне купить акции „Голден Флайер“, а мистер Стоунер работает не где-нибудь, а в банке „Нэшнл Юнион“. Он, что называется, вводит меня в курс дела, и если хотите, вложите вместе со мной. Хуже, во всяком случае, от этого точно не будет». Так и вышло: те акции помогли мне продержаться все эти ужасные годы; а теперь, думаю, они меня переживут и поддержат вас, детей и внуков.

Упоминание почитаемого в семье имени внезапно привлекло внимание Мойры Эттли. Ее насторожили слова «то, как я поступила с миссис Клингсленд», и рассеянность мгновенно сменилась любопытством. Каким образом могла бабушка навредить благодетельнице, щедрость которой неустанно вспоминала? Мойра всегда считала бабушку доброй и порядочной женщиной — по крайней мере, в отношении детей и внуков та проявляла истинное великодушие; к тому же с трудом верилось, что она, пусть даже оступившись однажды в жизни, навредила не кому-нибудь, а миссис Клингсленд. Что бы бабушка ни натворила, она с этим, похоже, примирилась, однако мысль, что она так и не покаялась в содеянном, явно засела где-то у нее в подсознании.

— Бабуль, ты же не хочешь сказать, что навредила такому доброму другу, как миссис

Клингсленд?

Пронзительные глаза миссис Эттли блеснули из-под очков и испытующе уставились на внучку. Впрочем, уже через мгновение лицо ее приняло обычное выражение.

— Я и не говорю, что навредила. Во всяком случае, ничего дурного я ей не сделала. Бог с тобой, я бы ее в жизни не обидела! Я хотела только помочь. Но если пытаешься помочь слишком многим людям одновременно, дьявол обязательно заприметит. Видишь ли, милочка, в наше время квоты есть на все, даже на добрые дела.

Мойра сделала нетерпеливый жест. Философские разглагольствования бабули ее не интересовали.

— Ты сказала, что поступила как-то не так с миссис Клингсленд.

Проницательный взгляд миссис Эттли затуманили воспоминания. Она сидела молча, в трагическом бездействии сложив на коленях ладони.

— Интересно, а как поступила бы ты, — заговорила она вдруг, — если бы в одно прекрасное утро застала ее в шикарной постели с кружевом на простынях шириной в метр, и по тому, как она зарылась лицом в подушки, поняла, что она пла-

чет? Открыла бы как ни в чем не бывало сумку и достала оттуда кокосовое масло, и тальк, и лак для ногтей, и все прочее и ждала бы, как статуя, пока она не повернется? Или подошла бы, ласково потрепала за плечо, как ребенка, и спросила бы: «Ну же, дорогая, почему бы вам не поведать Коре Эттли, что случилось?» Во всяком случае, именно так я и сделала; и она, с залитым слезами лицом, как у святой мученицы на алтаре, в ответ на мое «Поделитесь своей бедой, авось я помогу» простонала: «Эту потерю ничто не восполнит».

«Какую потерю?» — спросила я, с перепугу решив, прости Господи, что речь о сыне (хотя слышала, как он весело насвистывал, поднимаясь по лестнице). А она сказала:

«Красоту, Кора, я потеряла свою красоту — сегодня утром я видела, как она выскользнула из спальни…»

Тут уж я не знала, смеяться мне или сердиться.

«Красоту? — переспросила я. — И больше ничего? А я-то грешным делом подумала о вашем муже или сыне, или, на худой конец, о состоянии. Если речь всего лишь о красоте, то я для того и пришла, чтобы вернуть ее вам вот этими самыми руками. И не стыдно вам, с вашим-то ангельским лицом, говорить мне о потерянной красоте?» —

Так прямо ей и сказала, потому как рассердилась не на шутку от такого кощунства.

— То есть она на себя зря наговаривала? — нетерпеливо допытывалась Мойра.

— Что потеряла свою красоту? — Миссис Эттли задумалась. — Понимаешь, милочка, тут как со штопкой: порой сядешь после полудня у окна, и при свете дня игла будто сама знает, куда идти; а уже через минуту смотришь и думаешь: «Зрение, что ли, подводит?» — потому что перед глазами все расплывается и свет незаметно покидает твой угол, хотя небо еще и не думало темнеть. В общем, с ней произошло нечто подобное…

Мойра, разумеется, никогда не штопала и не напрягала глаза в наступающих сумерках, поэтому опять перебила, все больше раздражаясь:

— Так что же дальше?

Миссис Эттли вновь задумалась.

— С тех пор она заставляла меня каждое утро повторять, что это неправда. А верила мне с каждым днем все меньше. И тогда она стала приставать к домочадцам, начиная с мужа, — бедолага и так терялся, если его спрашивали о чем-либо, кроме его бизнеса, клуба или лошадей, и, уж конечно, не замечал никаких изменений во внешности жены с того дня, когда лет двадцать

до того привел ее в дом.

Помолчав немного, миссис Эттли продолжала:

— Только что бы он ей ни говорил, даже если бы у него хватило ума подобрать нужные слова, ничего не помогало. С того самого утра, как она увидела у глаз первую морщинку, она считала себя старухой, и эта мысль никогда не покидала ее больше чем на несколько минут зараз. Конечно, когда миссис Клингсленд наряжалась, веселилась и принимала гостей, вера в свою красоту возвращалась к ней и ударяла в голову, как шампанское; вот только выветривалась эта вера быстрее, чем шампанское, и она взлетала, как девчонка, наверх и, даже не сбросив свои наряды, плюхалась перед каким-нибудь огромным зеркалом — зеркала были в ее комнате повсюду — и смотрела не отрываясь на свое отражение, пока по напудренным щекам не начинали течь слезы.

— Что ж тут удивительного? Никому не нравится стареть, — сказала Мойра, вновь впадая в безразличие.

Бабушка мечтательно улыбнулась.

— Ну, я бы не сказала… моя старость, к примеру, благодаря ее доброте проходит очень даже безмятежно…

Мойра встала и пожала плечами.

— И тем не менее ты обмолвилась, что поступила с ней дурно. Как я, по-твоему, должна это понимать?

Миссис Эттли не отвечала. Она сидела, закрыв глаза и откинув голову на маленькую подушечку, подложенную под шею. Ее губы шевелились, но слов было не разобрать. Мойра подумала, что бабушка вот-вот уснет, а проснувшись, больше не вспомнит, о чем собиралась рассказать.

— Ну и скукотища торчать здесь с тобой, когда ты засыпаешь на ходу и даже не можешь толком объяснить, что произошло у вас с миссис Клингсленд, — проворчала она.

Миссис Эттли резко встрепенулась.

III

— Ну ладно, — начала она. — Ты, может, знаешь, что во время войны все благородные дамы (да и не только благородные) побежали сломя голову ко всяким предсказательницам, или ясновидящим, или как их нынче принято называть. Женщинам не терпелось узнать, что сталось с их мужчинами, и они были готовы немало за это платить… Каких только историй я не наслушалась — причем расплачивались за подобные

услуги не одними деньгами! В этом деле хватало мошенников и шантажистов. По мне, так уж лучше пойти к цыганке на ярмарке… но тем дамам нужны были непременно ясновидящие.

Так вот, милочка, у меня чуть ли не с колыбели сильно развито шестое чувство. Я говорю не о гадании на кофейной гуще или раскладывании карт — это все для кухонной челяди. Нет, я всегда остро чувствовала, когда над кем-то, или рядом, или за чьим-то плечом маячило нечто… Моя мать, между прочим, как-то на закате увидала лепреконов на холмах Коннемара; по ее словам, от них жутко воняло[41]. Ну, в общем, я ходила по всяким богатым домам, делала господам массаж, ухаживала за лицом, и уж как я жалела бедолаг, из которых льстивые «прорицатели» обманом вытряхивали деньги… Однажды я все-таки не выдержала — сил не было смотреть, как несчастная женщина сходит с ума, потому что месяцы не получала известий от сына на фронте, — и я сжалилась, хотя и понимала, что это грех, и сказала ей: «Зайдите ко мне завтра, может, у меня

---

[41] Примечания: 41

Коннемара — географическая область в графстве Голуэй на западе Ирландии. Лепреконы — персонажи ирландского фольклора; они носят зеленую одежду и оттого почти неразличимы в траве. Узнать их можно только по вонючему табаку в трубках, которые они всюду носят с собой.

для вас будет весточка». И ты не поверишь, так и случилось! В ту ночь мне приснилось, что ей пришло сообщение с хорошими новостями, а назавтра она получила телеграмму, что ее сын сбежал из германского лагеря.

После этого богатые дамы потянулись ко мне вереницей, одна за другой… Ты, милочка, была еще слишком мала, чтобы помнить, но твоя мама могла бы тебе порассказать. Только она, конечно, болтать не станет, потому что вскоре об этом узнал наш священник, и пришлось мне с этим делом завязать… так что мать тебе ничего не скажет. Но я всегда говорила: а что мне оставалось делать? Я же тогда в самом деле видела и слышала то, что другим было не дано. Дамы, разумеется, приходили ко мне якобы на процедуры… Я не виновата, что слышала и видела то, чего так жаждали их истерзанные души.

Да и неважно уже. Я с отцом Дивоттом давно все прояснила. С тех пор, как видишь, никто за мной по пятам не ходит, и прошу я лишь об одном: чтобы меня оставили в покое в моем старческом кресле…

Ну а с миссис Клингсленд — там совсем другая история вышла. Начать с того, что она была моей любимой пациенткой. Ради другого она

была готова на все, если бы хоть на минуту могла перестать думать о себе. А это, я тебе скажу, для такой богатой дамы немало. Понимаешь, хотя деньги — все равно что броня, порой в ней бывают трещины, а миссис Клингсленд обладала любящей душой, просто никто не объяснил ей, что значит любить… Как же она удивилась бы, если бы ей это сказали! Она-то считала, что по уши утопает в любви и сама дарит ее направо и налево. А стоило появиться первым морщинкам вокруг глаз, тут же в себе разуверилась. И давай всех донимать, требовать от людей постоянных подтверждений своей красоте, причем все время искала новые жертвы, потому как старых знакомых быстро утомили ее бесконечные расспросы: «Вам не кажется, что я выгляжу не так хорошо, как прежде?» В доме бывало меньше и меньше народу, а те, что оставались, на взгляд простой массажистки вроде меня были не лучшего сорта. По-моему, бедной миссис Клингсленд они тоже не нравились.

Ну а как же дети, спросишь ты. Знаю, знаю. Она, конечно же, по-своему любила детей, но не так, как им хотелось бы. Старшая девочка — та вся в отца пошла: невзрачная и не шибко бойкая на язык. Собаки, да лошади, да спорт. Матери она

сторонилась и побаивалась, и мать отвечала ей тем же. Сын в детстве был ласковый, поэтому миссис Клингсленд могла его тискать и одевать в черные вельветовые штанишки, как того маленького лорда Как-его-там[42]. Только мальчик вырос из штанишек, его отправили в школу, и она заявила, что он больше не ее маленький ласковый малыш.

Конечно, у нее оставались еще близкие подруги — в основном ровесницы, пожилые дамы (а она уже была пожилой; перемены, бесспорно, наступили), которые частенько заглядывали к ней посплетничать. Но, Бог свидетель, толку от тех подруг было мало, ведь не могла она обойтись без взглядов мужчин, пораженных ее красотой. А это получить она больше не могла, разве что за плату. Да и то с натяжкой…

Понимаешь, дама она была неглупая и сразу вычисляла тех, кто пытался подмазаться к ней ради наживы. Раньше она смеялась над дамами в возрасте с двойными подбородками, таскавшимися по ночным клубам со своими юными дружками, высмеивала влюбчивых старух. А

[42] Примечания: 42

Видимо, имеется в виду «Маленький лорд Фаунтлерой» (*англ.* Little Lord Fauntleroy) — первый детский роман англо-американской писательницы и драматурга Фрэнсис Ходжсон Бёрнетт.

сама не сумела смириться с тем, что перестала вызывать любовь и восхищение, хотя знала ведь, что когда-нибудь станет старухой!

Помню, как одна моя пациентка, привлекательность которой и в молодые годы не выходила за рамки того, что можно купить на Пятой авеню, потешалась над миссис Клингсленд, над страхом той перед старостью и жаждой восхищения — а я, слушая ее, вдруг подумала: «А ведь мы обе даже не представляем себе, как страдает красивая женщина, когда теряет свою красоту. Для нас и тысяч таких, как мы, начать стареть — все равно что перейти из светлой теплой комнаты в чуть менее теплую и светлую; а для такой красавицы, как миссис Клингсленд, это все равно что шагнуть из залитого светом бального зала, заставленного цветами и канделябрами, на снег в зимнюю ночь». Мне аж язык пришлось прикусить, чтобы ненароком не высказать это вслух той пациентке…

IV

Миссис Клингсленд слегка воспряла духом, когда ее сынок повзрослел и уехал учиться. Она время от времени навещала его, или он приезжал домой на праздники. Он ходил с ней по ресто-

ранам или на танцы, и стоило какому-нибудь метрдотелю принять их за пару, так она потом не умолкала об этом целую неделю. Но как-то раз один швейцар сказал: «Лучше поторопитесь, мистер. Ваша мать вас заждалась, вон какой у нее унылый вид». После того ей разонравилось выходить в люди с сыном.

Какое-то время она утешалась тем, что рассказывала мне о своих былых победах, а я терпеливо слушала, потому как уж лучше ей было говорить со мной, чем со льстецами, которые вокруг нее вились.

Ты, милочка, не подумай, я вовсе не считаю миссис Клингсленд дурной женщиной. Она была ласкова с мужем и дружелюбна с детьми, просто они все меньше и меньше ее интересовали. Ей нужно было лишь зеркало, в которое можно без конца смотреться; а когда близкие люди уделяли ей достаточно внимания, чтобы послужить зеркалом (что случалось нечасто), ее не сильно радовало собственное отражение. Вскоре у ней выпал зуб, она начала красить волосы, даже в салон записалась, чтобы подтянуть лицо, но быстро струсила и сбежала оттуда, сделавшись похожей на привидение с обвисшим глазом, с которого те начали процедуры.

Вот тут-то я забеспокоилась по-настоящему. Миссис Клингсленд стала угрюмой, озлобленной; только мне и могла излить душу. Она не отпускала меня часами, оплачивая другие сеансы, которые мне приходилось отменять, и без конца повторяла одно и то же: мол, в молодости, когда она входила в бальный зал, или ресторан, или театр, все немедленно бросали свои дела и смотрели на нее — даже актеры на сцене, говорила она. И, Бог свидетель, так оно и было. Да только прошло…

Ну а что я могла сказать? Она сама все прекрасно знала. Беда в том, что ее стали окружать люди, которые мне совсем не нравились. Как ты понимаешь, милочка, многие не прочь нажиться на слабых женщинах, не желающих примириться со старостью. Однажды она показала любовное письмо от человека, которого, по ее словам, знала только понаслышке. Какой-то там иностранный граф, у которого, если не ошибаюсь, случились неприятности в его собственной стране… Миссис Клингсленд со смехом разорвала то письмо. Потом от него же пришло другое, но это она рвать не стала — по крайней мере, при мне.

— О, я знаю, что ему нужно, такие мужчины всегда вьются вокруг глупых старух с деньгами…

Ах, — вздохнула она, — в прежние времена все было иначе! Помнится, захожу я однажды в цветочный магазин, чтобы купить фиалки, и вижу юношу, пожалуй, чуть моложе меня, но я тогда все еще выглядела как девочка. При виде меня он умолк на полуслове и так побледнел, что я думала, в обморок упадет. В общем, купила я фиалки, а когда выходила, одна фиалка выпала из букета, и смотрю — он наклонился, поднял ее и спрятал на груди, как украденные деньги… И представь, несколько дней спустя я встретила его на званом обеде! Он оказался сыном одной моей подруги постарше, которая вышла замуж за англичанина, — вырос в Англии и только-только приехал в Нью-Йорк, чтобы устроиться на работу.

Она лежала, закрыв глаза, и на ее измученном лице блуждала мечтательная улыбка.

— Тогда я не отдавала себе отчет, но, наверное, то был единственный раз, когда я по-настоящему влюбилась…

Некоторое время миссис Клингсленд молчала, а затем я увидела, как по ее щекам текут слезы.

— Расскажите о нем побольше, бедная вы моя, — попросила я, решив, что пусть уж лучше предается воспоминаниям, чем водит шашни с тем скользким графом, чье письмо она не разо-

рвала.

— Да там и рассказывать-то особо нечего, — вздохнула она. — Мы виделись всего раза четыре или пять, а потом Гарри отплыл на «Титанике».

— Господи боже! — ахнула я. — Сколько же лет, получается, прошло?

— Годы тут ни при чем, Кора, — ответила она. — То, как он на меня смотрел… Никто в жизни так меня не боготворил.

— А он вам признавался? — спросила я, чтобы сделать ей приятное, хотя и чувствовала некоторую вину перед ее мужем.

— Не все обязательно проговаривать, — отвечала она, улыбаясь словно невеста. — Ах, если бы он не погиб, Кора… Печаль по нему и состарила меня раньше срока.

Раньше срока! Ей тогда уже порядком перевалило за пятьдесят.

Ну так вот. Спустя пару дней меня чуть удар не хватил, когда я, выходя от миссис Клингсленд, столкнулась в дверях с женщиной, которую узнала бы среди миллиона, даже встреться мы с ней в аду — где я непременно окажусь, если не буду начеку… Видишь ли, Мойра, я хоть и завязала со всей этой хиромантией и прочим гаданием, запрещенным церковью, какое-то время я враща-

лась в тех кругах (пока отец Дивотт не сделал мне внушение) и знала в лицо самых главных прорицательниц и их посредников. Так вот, женщина на пороге миссис Клингсленд была в числе самых отъявленных шарлатанов Нью-Йорка; я слышала, что она разоряла знать, продавая им то, что те хотели слышать, — все равно как подсаживала их на запретные препараты. Я вдруг вспомнила слухи о том, что она содержала какого-то иностранного графа, который высасывал из нее все соки, — и со всех ног бросилась домой, чтобы там сесть и хорошенько все обдумать.

О, я прекрасно понимала, к чему все идет. Либо эта мошенница внушит моей бедной леди, что граф от нее без ума, и таким образом подчинит своей воле, либо — того хуже — разговорит миссис Клингсленд и выведает историю про утонувшего юношу Гарри, после чего начнет передавать ей от него послания. Это может продолжаться до бесконечности и вытрясти из нее куда больше денег, чем тот же граф…

Вот и скажи, Мойра, могла ли я поступить иначе? Мне было так жаль бедняжку, ты себе не представляешь. Дух ее надломился, она на глазах угасала. Кому, как не мне, было уберечь ее от этих бандитов, причем действовать следовало неза-

медлительно, а уж со своей совестью я решила разобраться как-нибудь после — если смогу…

V

Мне в жизни не приходилось так напряженно думать, как в ту ночь. Ведь на что я решалась? На то, что и церковь, и сама я считала грехом, и если бы меня разоблачили, мне пришел бы конец — конец заработанной тридцатилетним трудом репутации лучшей массажистки Нью-Йорка, к тому же самой честной и уважаемой, каких только видывал свет!

Однако я спросила себя: что станется с миссис Клингсленд, если та женщина возьмет ее в оборот? Высосет из нее всю кровь, а потом кинет, беспомощную и безутешную? Я знавала семьи, где такое случалось, и ни за что не пожелала бы любимой пациентке подобной участи. Я всего лишь пеклась о том, чтобы она вновь поверила в себя, подобрела к другим… В общем, наутро мой план был готов и пущен в действие.

Не могу сказать, что взвалила на себя простую задачу; по сей день иногда удивляюсь собственной дерзости. Я прикинула, что та мошенница наверняка сделает ставку на утопленника, потому как была уверена, что миссис Клингсленд

в последний момент отвергнет графа. Что ж, думаю, тогда трюк с утопленником проверну я — вот только как?

Видишь ли, милочка, у богачей в разговорах и на письме принято выражаться изящно, а мы такому не обучены, и я боялась, если начну передавать ей послания, то выйдет фальшиво и она заподозрит подвох. Денек-другой я, может, и протянула бы, но на дольше меня бы не хватило. Только времени на раздумья у меня не было, так что на следующее утро я ей сказала:

— Прошлой ночью со мной случилась престранная штука. То ли рассказ ваш о молодом человеке с «Титаника» впечатлил, то ли вы так живо его описали, что он прям предстал у меня перед глазами…

Миссис Клингсленд мгновенно села на постели — глаза разгорелись, что твои угли.

— Ох, Кора, неужели он вам явился? Умоляю, скажите скорее, что произошло!

— Ну, лежу я, значит, в кровати и тут смотрю — видение. Я сразу поняла, что это он. Просил передать вам…

Мне пришлось обождать, потому как леди разрыдалась и, лишь немного успокоившись, могла снова слушать. А когда я заговорила, она ловила

каждое мое слово, как будто перед ней сам Спаситель. Вот бедняжка!

Для первого раза я особо не усердствовала. Он просил передать, говорю, что всегда вас любил. Она заглотнула послание, что твой мед, и потом еще долго его смаковала.

Однако спустя какое-то время вскинула голову и спросила:

— А что же он мне об этом никогда не говорил?

— Ну, — не растерялась я, — спрошу у него, если опять явится.

В тот день она не стала меня задерживать, боясь, что я поздно вернусь домой, а потому слишком устану и не услышу его, если он придет. «А он обязательно придет, Кора, я знаю! Вы должны быть наготове и все записать. Я хочу, чтобы вы записали за ним каждое слово, сразу же, и не дай Бог упустите хоть одно».

Вот так задача. Писать я никогда не умела, не говоря уже о том, чтобы сочинить послание от лица влюбленного молодого джентльмена, утонувшего вместе с «Титаником». С таким же успехом мне можно было поручить составление китайского словаря! Не то чтобы я не представляла себе его чувств, но я, хоть ты меня режь, не смогла бы их описать.

И тут случилось чудо: как говорит отец Дивотт, Провидение словно подслушивало нас за дверью. В тот же вечер, вернувшись домой, я обнаружила записку от пациентки — она просила навестить бедного молодого человека, с которым сдружилась, когда была побогаче, — кажется, он был воспитателем ее детей, — и который теперь умирал в жалкой ночлежке неподалеку, в Монтклере. Ну я, конечно, пошла и с первого взгляда поняла, почему он не удержался ни на той, ни на какой-либо другой работе: бедняга спился, был совсем плох. Это отдельная и довольно скверная история, которая, впрочем, имеет мало отношения к тому, о чем я тебе рассказываю.

Джентльмен он был образованный и соображал быстрее молнии — я и объяснить-то толком не успела, а он уже понял, что мне нужно, и написал короткое послание. Помню текст как сейчас: «Он был так ослеплен вашей красотой, что не мог и слова вымолвить, а после, когда увидел вас на том обеде, с обнаженными плечами и в жемчугах, то почувствовал, будто вас разделяет пропасть. Он бродил по улицам до утра, а вернувшись домой, написал вам письмо, но так и не решился его отправить».

Миссис Клингсленд упивалась теми словами,

как шампанским. Ослепленный ее красотой, онемевший от любви к ней… Именно этого она ждала столько лет! Правда, теперь ей хотелось услышать больше, отчего моя задача легче не становилась.

По счастью, у меня был помощник, а уж когда я намекнула ему, что к чему, он увлекся не меньше моего и даже переживал в те дни, когда я не приходила.

Боже, что за вопросы она задавала!

— Попросите его, раз в тот первый вечер у него перехватило дыхание, пусть опишет вам, во что я была одета. Такие вещи не забывают даже на том свете, правда же? И вы сказали, он обратил внимание на мои жемчуга?

На мое счастье, она так часто описывала то платье, что мне не составило труда подсказать молодому человеку детали; и это тянулось и тянулось, и каждый раз я так или иначе умудрялась дать ответ, который ее устраивал. Но однажды, когда Гарри прислал особенно трогательное сообщение с того света, она разрыдалась и воскликнула:

— Ну почему, почему же он никогда не говорил таких слов, пока мы были вместе!

Вот те на! Откуда мне было знать? Конечно, я

понимала, что поступаю нехорошо, даже безнравственно; с другой стороны, что дурного в том, чтобы подсобить несчастной больной в ее романе с призраком? К тому же я заранее помолилась о том, чтобы отец Дивотт ничего не узнал.

Так вот, я передала молодому человеку ее вопрос, и он тут же нашелся:

— А вы скажите, что им помешали. Некто ревновал и строил против него козни… Дайте скорей карандаш, я все запишу. — И он протянул трясущуюся руку к бумаге.

Передать тебе не могу, как ее обрадовало то послание!

— Я знала! Я всегда это знала! — Миссис Клингсленд обвила меня своими тоненькими ручками и расцеловала. — Повторите, Кора, как, он сказал, я выглядела, когда он увидел меня впервые?..

— Да вот так же, как сейчас, — ответила я, — потому что сейчас вы лет на двадцать помолодели.

И ведь так оно и было!

Я оправдывала себя тем, что она стала куда мягче и спокойнее. Перестала третировать людей, которые ей прислуживали, подобрела к дочери и мистеру Клингсленду. В доме воцарилась совсем другая атмосфера.

Порой она говорила:

— Кора, сколько, должно быть, в мире несчастных душ, которым некому протянуть руку помощи. Обещайте, что обратитесь ко мне, если встретите нуждающихся.

В общем, я заботилась о том молодом человеке, радовала его всяческими лакомствами. И ты ни за что не убедишь меня, что я поступала дурно, даже когда я попросила миссис Клингсленд помочь мне с починкой крыши.

Однажды я застала бедняжку в постели, она сидела с красными пятнами на худых щеках — спокойствие покинуло ее.

— В чем дело, миссис Клингсленд? Что случилось? — спросила я, хотя и без того поняла, в чем дело. Кто-то посеял в ней сомнения, подорвал ее веру в общение с духами, или как это зовется, и она довела себя до истерики, решив, что я все выдумала.

— Может, вы никакая не ясновидящая. — Ее взгляд был гневным и одновременно молящим. — Вдруг вы меня просто дурите?

Как ни странно, я действительно обиделась, причем не потому, что боялась быть уличенной, а потому, что — да хранят нас небеса! — сама поверила в существование этого Гарри и в его любовные переживания. Помню, я сильно оскор-

билась, что меня посчитали обманщицей. Однако сдержалась и как ни в чем не бывало передала очередное послание, словно ее и не слышала, а она постеснялась продолжать свои обвинения. Наша ссора продлилась с неделю, пока бедняжка не выдержала и, как наркоманка, начала канючить:

— Кора, я жить не могу без ваших весточек. То, что я получаю через других людей, нисколько не похоже на Гарри.

Мне до того стало ее жаль, что я чуть не расплакалась вместе с ней, и все же, взяв себя в руки, спокойно ответила:

— Миссис Клингсленд, я ради вас пошла супротив своей церкви и, рискуя бессмертием души, передавала вам с того света послания; если же вы нашли себе других помощников, мне от этого только лучше — сей же час пойду и помирюсь с небесами.

— Но другие послания мне не помогают, и я очень хочу вам верить, — всхлипывала она. — Вы поймите, я так несчастна, лежу ночами без сна, прокручиваю все в голове. Прошу, докажите, что Гарри действительно с вами говорит, иначе я умру.

Тут я принялась собирать свои вещи.

— Боюсь, доказать этого я не могу, — холодно ответила я и отвернулась, чтобы она не видела моих слез.

— Ну пожалуйста, Кора, вы непременно должны это сделать, иначе я умру! — взмолилась она, и, надо сказать, выглядела бедняжка и правда хуже некуда.

— Как вы, интересно, хотите, чтобы я это доказала? — спросила я. Несмотря на жалость к ней, разозлилась я не на шутку. К тому же с радостью свалила бы грех с души в тот же вечер в исповедальне.

Миссис Клингсленд подняла на меня свои огромные глаза — и я увидела в них отражение ее былой красоты.

— Есть только один способ, — прошептала она.

— Какой же? — все еще обиженно спросила я.

— Попросите его слово в слово повторить то письмо, которое он так и не решился отправить. Я сразу пойму, что вы в самом деле с ним общаетесь, и более в вас не усомнюсь.

Я аж присела.

— По-вашему, говорить с умершими — сущий пустяк, да?

— Думаю, он поймет, что я умираю, и сжалится надо мной, внемлет моей просьбе.

Я больше ничего не сказала, просто молча собрала сумку и ушла.

VI

Письмо, как неприступная гора, встало у меня на пути. И бедный молодой человек, когда я ему сказала, не обрадовался.

— Не знаю… слишком сложно, — покачал головой он. Тем не менее обещал подумать. Мы договорились, что я зайду на следующий день.

— Если бы я только знал побольше о ней… или о нем. Уж больно затруднительно сочинять признания в любви от мертвеца к женщине, которую никогда не видел, — добавил он, усмехнувшись.

Я не могла с ним не согласиться. Обычно трудность его даже подстегивала, тогда как меня новая просьба лишь повергла в уныние.

На следующий вечер, поднимаясь к нему по ступенькам, я почувствовала неладное — к горлу подкатило то самое шестое чувство.

«Ну и холод тут, на лестнице, — подумала я. — Небось и в комнате с утра никто не топил».

И все же меня страшил не холод; я чувствовала, что наверху поджидает нечто гораздо хуже. Я толкнула дверь и вошла.

— Вот и я, — начала я как можно бодрее. — У

меня с собой пинта шампанского и термос с горячим супом, но прежде чем ты их получишь, скажи мне…

Молодой человек лежал в кровати с открытыми глазами, но меня как будто не видел и ничего не ответил. Я через силу рассмеялась.

— Ну и ну! Настолько обленился, что даже ради шампанского головы не повернешь? А эта шмара, хозяйка твоя, уж и топить перестала? Комната холодная, как смерть…

На этом слове я осеклась. Он не шелохнулся и не заговорил, и я поняла, что холодом веет от него, а вовсе не от пустого очага. Я коснулась его руки и поднесла к губам треснувшее зеркальце — сомнений не оставалось: бедолага отошел к Создателю. Я закрыла ему веки и опустилась на колени у кровати.

— Не отпущу тебя без молитвы, бедняга, — прошептала я, вынимая четки.

И все же, как ни скорбело мое сердце, молилась я недолго, ведь следовало позвать служащих приюта. Наспех пробормотав молитву за упокой, я поднялась с колен и быстро осмотрелась — лучше было не оставлять ничего из того, что он для меня писал. От ужаса, что молодой человек помер, я начисто забыла о письме, а среди его книг и бу-

маг не попалось никаких намеков на загробные послания. Тогда я в последний раз оглянулась на него, чтобы благословить, и тут заметила на полу под кроватью листок, исписанный карандашом. Я его подняла — и, святая Дева, — это было оно! Я быстро сунула письмо в сумку, наклонилась и поцеловала несчастного. Потом уж позвала на помощь.

Я скорбела о бедном юноше как о сыне, да и день выдался напряженный: пришлось улаживать его дела и договариваться о похоронах с той самой дамой, которая когда-то с ним дружила. Со всеми этими хлопотами я так и не успела зайти к миссис Клингсленд — по правде сказать, я и думать о ней забыла и не вспомнила ни в тот день, ни на следующий. А еще через день мне передали от нее истерическую записку, мол, что случилось, что она ужасно больна и чтобы я все бросила и тотчас поспешила к ней.

Насчет болезни я особо не поверила. Я достаточно насмотрелась на богачей и привыкла не придавать значения всяким их страхам и кризисам. Миссис Клингсленд просто не терпелось узнать, добыла ли я письмо, и я понимала, что единственный шанс успокоить несчастную — это предъявить послание, как только переступлю

порог. А если не успокою, то ее тут же сцапают и утянут в бездну всякие пройдохи.

Какого же труда мне стоило переписать то письмо! Я так старалась, что едва обращала внимание на содержание, а если и обращала, то лишь на слова, которые казались мне чересчур простыми, недостаточно длинными для джентльмена, пишущего своей возлюбленной. В общем, милочка, к миссис Клингсленд я вошла с тяжелым сердцем. Никогда еще мне не хотелось выпутаться из опасной переделки так, как в тот день…

Я поднялась в ее комнату и обнаружила бедняжку в постели — она металась с пылающим взором, а лицо покрыли морщины, которые я столько времени и с таким усердием разглаживала. Вид несчастной меня растрогал. «Богачам настоящие беды неведомы, — размышляла я, — так они ухитряются надумать себе такую замену, что от настоящего горя и не отличишь».

— Ну что? — в горячке спросила она. — Кора, что с письмом? Вы принесли мне письмо?

Я достала его из сумки и протянула ей. А потом села и с замирающим сердцем принялась ждать. Ждала я долго, не глядя на нее; негоже пялиться на даму, которая читает письмо от воздыхателя, правда же?

Так вот, ждала я долго. Она то ли читала медленно, то ли перечитывала. Один раз она едва слышно вздохнула, а в другой сказала: «О нет, Гарри, нет, как глупо…» — и тихонько засмеялась. Потом она снова замолчала, да так надолго, что я наконец повернула голову и украдкой взглянула на нее. Миссис Клингсленд лежала на подушках: волосы разметались, письмо крепко зажато в руках, а лицо было таким гладким, как много лет назад, когда я пришла к ней впервые. Воистину эти несколько слов сделали для нее больше, чем все мои процедуры.

— Ну как? — спросила я, чуть улыбнувшись.

— Ах, Кора, наконец-то он заговорил со мной, по-настоящему заговорил.

По щекам бедняжки текли слезы. Я едва усидела на месте — так легко стало на душе.

— Теперь вы, надеюсь, мне поверили, мэм?

— Как я могла сомневаться в вас, Кора! — Она спрятала письмо в кружевах на груди. — И как же вам удалось его заполучить, дорогая?

«Свят, свят, свят, — думаю, — не дай Бог она попросит меня добыть ей еще одно». Я немного помолчала, а потом серьезно проговорила:

— Нелегкое это дело, мэм, — добиться от мертвеца подобного письма.

И тут меня как громом поразило: а ведь я не соврала, письмо-то от мертвеца!

— Ох, Кора, охотно вам верю. Теперь я смогу лелеять это сокровище годами. Только непременно скажите, как вас отблагодарить… Мне и жизни не хватит, чтобы расплатиться с вами.

Ее слова проникли мне в самое сердце — с минуту я даже не знала, что ответить. Конечно же, я рисковала ни больше ни меньше собственной душой, и этого она мне восполнить не могла; с другой стороны, я вроде как уберегла ее душу, отвадив от тех мерзких проходимцев, так что в результате я совсем запуталась. И тут мне пришла в голову мысль, от которой сразу полегчало.

— Знаете, мэм, позавчера я была у молодого человека — примерно того же возраста, что и ваш Гарри; бедный юноша лежал больной в убогой ночлежке, и я иногда его навещала…

Миссис Клингсленд в порыве сострадания села на кровати.

— Какой ужас, Кора! Почему же вы ничего мне не рассказывали? Ему срочно нужно подыскать жилье получше. У него доктор есть? А сиделка? Скорее же — дайте, я выпишу чек!

— Благодарю вас, мэм. Только ему уже ни сиделка, ни доктор не надобны. И обитает он нынче под

землей. Все, о чем я хотела вас попросить… — я замешкалась, хотя знала, что могу рассчитывать на королевское вознаграждение, — это немного денег, чтобы отслужить пару месс за упокой его души.

Мне стоило большого труда убедить ее в том, что ста долларов хватит на мессы до скончания века, и меня до сих пор утешает, что в тот день я больше никаких даров от нее не приняла. А еще я лично проследила за тем, чтобы отец Дивотт отслужил эти мессы и получил изрядную долю тех денег; так что он тоже стал своего рода соучастником, хотя сам об этом и не узнал.

1935

День Всех Святых

При всей странности и необъяснимости этой истории, на первый взгляд она — по крайней мере, в то время — представлялась довольно простой. Однако с годами, за неимением других очевидцев, кроме самой Сары Клейберн, дело обросло такими невероятными и до смешного недостоверными слухами, что назрела необходимость кому-нибудь, не совсем постороннему, хоть и не принимавшему в том непосредственного участия — напомню: когда это случилось, моя кузина находилась в доме одна (или ей так казалось), — задокументировать те немногие

сведения, за достоверность которых можно ручаться.

В ту пору я часто гостила в Уайтгейтсе (как испокон веков звалось это место) и была там как незадолго до, так и почти сразу после тех странных тридцати шести часов. Поскольку Джим Клейберн и его вдова приходились мне кузенами, а также ввиду нашего с ними тесного общения, обе семьи посчитали, что никто лучше меня не соберет воедино и не упорядочит факты, если их вообще можно назвать фактами и хоть как-то упорядочить. И вот я, насколько могла точно, записала суть моих бесед с Сарой — в те редкие моменты, когда ее удавалось разговорить, — о событиях тех загадочных выходных.

* * *

На днях я прочла у одного модного писателя, что с появлением электричества привидения исчезли. Какая чушь! Писатель этот хоть и любит в своих литературных изысках позаигрывать со сверхъестественным, к сути предмета даже близко не подошел. По мне, так никакой мрачный за́мок, в чьих башнях громыхают цепями безголовые призраки, не вселяет такой ужас, как комфортный загородный дом с холодильником и

центральным отоплением, при входе в который сразу делается не по себе! Вы, кстати, замечали, что призраков обычно видят не какие-нибудь неврастеники и впечатлительные натуры, а уравновешенные, лишенные воображения люди, которые в духов не верят и не боятся с ними столкнуться? Именно таким был случай с Сарой Клейберн и ее домом. Несмотря на почтенный возраст — дом построили году в 1780-м, — он был светлым, просторным, с высокими потолками и электричеством, отоплением и прочими современными удобствами; а хозяйка его была… под стать дому. Да и история эта, собственно, не о привидениях; я провела эту аналогию лишь для того, чтобы вы понимали, что за особа была моя кузина и насколько маловероятно подобное могло случиться именно в Уайтгейтсе и именно с ней.

Поскольку детей у супругов не было, после смерти Джима Клейберна все родственники решили, что его вдова откажется от Уайтгейтса и переедет либо в Нью-Йорк, либо в Бостон. Она происходила из почтенного колониального семейства, и многочисленная родня и друзья наверняка подыскали бы ей подходящее жилье в одном из двух городов. Но Сара редко поступала так, как

ожидали другие, и на этот раз сделала все с точностью до наоборот и осталась в Уайтгейтсе.

«Еще чего! Повернуться спиной к старому дому, вырвать семейные корни и отправиться жить в птичьей клетке в одном из этих небоскребов на Лексингтон-авеню? Променять мою добрую коннектикутскую баранину на кальмаров с пучком сорняков? Нет уж, увольте. Мой дом — здесь, и я останусь в нем, пока душеприказчики не передадут его по наследству ближайшему родственнику Джима — этому толстому тупице Пресли… Даже говорить о нем не хочу. Скажу только, что покуда я в своем уме, ноги его в доме не будет».

Так и случилось. Муж скончался, когда ей было немногим за пятьдесят, и толстяк Пресли не мог с ней тягаться. Пару лет назад эта крепкая, решительная женщина присутствовала на его похоронах — в подобающем трауре и с едва заметной улыбкой под вуалью.

Уайтгейтс был уютным, гостеприимным местом; дом стоял на возвышенности с видом на живописные извилины реки Коннектикут. От ближайшего города Норрингтона его отделяло миль пять или шесть, что работникам помоложе наверняка казалось непроходимой глушью. По счастью, Саре Клейберн досталась от свекрови

пара-тройка старых верных слуг — они были такой же неотъемлемой частью семейного наследия, как и крыша, под которой жили; я ни разу не слышала, чтобы кузина выражала недовольство ведением хозяйства.

В колониальные времена первый этаж этого квадратного дома вмещал четыре большие комнаты, разделенные холлом с дубовым полом; позади располагалась типичная кухонная пристройка, а все пространство под крышей занимал чердак. Позже, в начале восьмидесятых годов, когда все «колониальное» стало опять входить в моду, дед и бабушка Джима достроили еще два крыла под прямым углом к южному фасаду, так что «круг» перед парадным входом превратился в прямоугольный двор, посреди которого рос огромный вяз. Дом таким образом стал куда вместительнее, и три последних поколения Клейбернов с удовольствием принимали в нем гостей. При этом архитектор сохранил дух старого жилища и, увеличив размеры и удобство дома, не лишил его изначальной простоты. Земли вокруг было предостаточно; Джим Клейберн, как и его предки, вел вполне прибыльное хозяйство и занимал видное положение в штате. Все сходились на том, что Клейберны «благотворно влияют» на

жизнь округи, и жители Норрингтона радовались, узнав, что Сара не собирается уезжать.

«Хотя зимой ей будет тоскливо одной на холме», — добавляли они, когда дни стали короче и между вязами, росшими в четыре ряда вокруг городской площади, легли первые сугробы.

Теперь, когда я дала вам достаточное представление об Уайтгейтсе и его владельцах — полностью соответствовавших дому в том, что касается порядка и достоинства, — самое время перейти к изложению событий — не со слов кузины (так как ее сведения были слишком отрывочными и путаными), а в моем пересказе, который худо-бедно удалось составить по ее сбивчивым полунамекам и нервным недомолвкам. Если это произошло на самом деле — о чем я всецело предоставляю судить вам, — то, думаю, все должно было случиться именно так…

I

Утро выдалось промозглым, шел мокрый снег — хотя был всего лишь последний день октября, — но после обеда сквозь нависшие тучи выглянуло размытое солнце, и Саре Клейберн захотелось пройтись. Она любила ходить пешком и в это время года обыкновенно шагала мили

три-четыре по дороге в долину и возвращалась обратно через Шейкерский лес. Она совершила свой обычный маршрут и уже подходила к дому, когда нагнала просто одетую женщину, идущую в том же направлении. Не будь вокруг так безлюдно (поздней осенью на дороге к Уайтгейтсу редко кого встретишь), миссис Клейберн, наверное, и не обратила бы на прохожую внимания. В той не было ничего примечательного; мою кузину удивило лишь то, что женщина ей незнакома, ведь она гордилась тем, что знает, хотя бы с виду, большинство окрестных жителей. Уже почти стемнело, и хозяйка Уайтгейтса толком не разглядела лица, но сказала мне потом, что запомнила ту как женщину средних лет, невзрачную и бледную.

Миссис Клейберн поздоровалась и спросила:

— Вы направляетесь к дому?

— Да, мэм, — ответила незнакомка с легким акцентом, который в былые времена в долине Коннектикута назвали бы «иностранным», а нынешние ее обитатели, привыкшие к многообразию языков, едва бы заметили.

«Не берусь сказать, откуда она была, — говорила потом Сара. — Тогда меня поразило исключительно то, что я ее не знаю».

Она вежливо поинтересовалась у женщины, что ей нужно, и та ответила:

— Навестить одну знакомую.

Ответ не вызвал у миссис Клейберн никаких подозрений, поэтому, кивнув на прощание, она свернула с дороги в сад и больше ту женщину не видела. А получасом позже случилось нечто, отчего встреча с незнакомкой и вовсе вылетела у нее из головы. Обычно крепко стоящая на ногах миссис Клейберн у самого дома поскользнулась на замерзшей луже, подвернула лодыжку и беспомощно распласталась на земле.

* * *

Разумеется, дворецкий Прайс и горничная Агнес, старая шотландка, которую Сара унаследовала от свекрови, быстро сообразили, что надо делать. Пострадавшую уложили на диван и позвонили доктору Селгроуву из Норрингтона. Прибыв на место, тот осмотрел миссис Клейберн, сделал перевязку, прописал ей строгий постельный режим и неодобрительно покачал головой над ее лодыжкой, которая, как он опасался, была сломана. Тем не менее он согласился не накладывать ей гипс, если она поклянется не вставать с постели и вообще не шевелить ногой. Миссис

Клейберн с готовностью обещала, особенно после слов доктора о том, что любое резкое движение грозит продлением постельного режима. Для активной, хозяйственной натуры испытание было не из легких, и она проклинала собственную неуклюжесть. Однако делать было нечего, к тому же миссис Клейберн подумала, что теперь появится время просмотреть счета и накопившуюся корреспонденцию. И покорно устроилась на постели.

— Да, собственно, вы ничего не потеряете, не выходя несколько дней из дома. Вон сколько снега намело, и, похоже, это надолго, — заметил доктор, взглянув в окно, когда собирал свои инструменты. — Рановато, конечно, для снегопада. Хотя зимы по-любому не миновать, — философски добавил он. В дверях он остановился и сказал: — А не прислать ли вам сиделку из Норрингтона? Не то чтобы вам нужен был уход, до моего возвращения делать особо нечего. Просто уж больно тут одиноко, когда все заметает, и я подумал…

Сара Клейберн рассмеялась.

— Одиноко? С моими-то слугами? Вы разве забыли, сколько зим я провела здесь с ними одна? Двое служили у нас еще при свекрови.

— И то верно, — согласился доктор Селгроув. —

В этом смысле вам, конечно, повезло. Ладно, смотрите: сегодня у нас суббота. Сначала пусть спадет опухоль, а потом сделаем рентген. Я вернусь с рентгенологом в понедельник утром. Если понадоблюсь раньше, звоните.

И он ушел.

II

Поначалу нога не особенно беспокоила, однако к вечеру разболелась не на шутку. Как все здоровые и активные люди, миссис Клейберн оказалась никудышным пациентом. Непривычная к боли, она плохо с ней справлялась, а часы без сна и движения тянулись бесконечно. Перед уходом на ночь Агнес устроила хозяйку как можно удобнее. Она поставила у кровати графин с лимонадом и даже принесла (что позже показалось Саре подозрительным) поднос с бутербродами и чаем в термосе.

— Вдруг проголодаетесь ночью, мэм.

— Спасибо, хотя по ночам мне обычно есть не хочется. А тем более сегодня — у меня, похоже, температура, так что, скорее всего, захочу только пить.

— Я лимонад принесла.

— И достаточно. Остальное, будь добра, убери.

(Сару всегда раздражал «неопрятный» вид еды в комнате.)

— Хорошо, мэм. Только вдруг вам…

— Прошу тебя, забери, — нетерпеливо повторила миссис Клейберн.

— Как скажете, мэм.

Агнес ушла, но прежде, чем выйти, тихонько поставила поднос на столик за ширмой, отгораживавшей кровать от двери.

«Что за упрямая гусыня!» — подумала хозяйка. Впрочем, забота старой прислуги ее тронула.

Миссис Клейберн уснула, но вскоре сон прошел и больше не возвращался. Темные ночные часы тянулись бесконечно. Как же поздно наступает в ноябре рассвет!

— А тут еще и ногой нельзя двигать, — ворчала она.

Она лежала, прислушиваясь к тишине за дверью. Все в Уайтгейтсе по примеру хозяйки вставали рано, а значит, вот-вот должен был прийти кто-то из слуг. Она едва не позвонила Агнес, но сдержалась. Накануне горничная легла поздно, к тому же по воскресеньям домочадцам обычно давали поблажку. В голове крутились беспокойные мысли. «И чего я не дала ей поставить чай у кровати? Она ж предлагала. Может, встать

и попробовать до него дотянуться?» Но, вспомнив предостережение доктора, она побоялась. Все, что угодно, лишь бы не продлевать заточение…

А, вот и часы бьют. До чего громко, в тишине-то! Раз… два… три… четыре… пять… Как? Всего лишь пять?! Ручка двери повернется не раньше чем через три с лишним часа…

Наконец миссис Клейберн кое-как задремала.

Ее разбудил новый бой часов. Комната по-прежнему была погружена во тьму, и Сара насчитала всего шесть ударов… Может, попробовать усыпить себя стихами? Только вот беда: поэзию она читала редко, а засыпала хорошо, поэтому теперь не могла вспомнить ничего, что помогло бы от бессонницы. Нога будто свинцом налилась, бинты страшно жали — не иначе как лодыжка распухла… Миссис Клейберн продолжала лежать, вглядываясь в темные окна в надежде на первые проблески утра. Наконец сквозь ставни забрезжил бледный рассвет. Предметы между окном и кроватью один за другим обретали сперва очертания, потом объем и как будто незаметно сдвигались после своих тайных ночных перемещений. Тот, кто жил в старом доме, навряд ли поверит, что мебель по ночам неподвижна. Сара готова была поклясться, что столик на тонких

ножках поспешно встал на место.

«Боится, что его застукает Агнес», — пронеслось в голове. Похоже, воображение разыгралось после бессонной ночи — прежде мебель не вызывала у нее таких несуразных ассоциаций…

Она ждала очень долго и наконец услышала, как часы пробили восемь. Оставалось ждать четверть часа. Миссис Клейберн уставилась на маленькую стрелку будильника… десять минут… пять… всего пять! Агнес пунктуальна, как сама судьба… через две минуты будет. Две минуты миновали, а горничная не появилась. Бедняжка Агнес — накануне на ней лица не было. Не иначе как проспала с устатку, а то и вовсе заболела и пришлет вместо себя работницу. Миссис Клейберн ждала.

Она прождала еще с полчаса, а затем потянулась к звонку в изголовье кровати. Бедная старушенция — жаль, конечно, ее будить, но что поделать. Агнес не появилась, и хозяйка позвонила вновь, на этот раз более настойчиво. Затем позвонила еще и еще… Никто не приходил.

Подождав еще немного, миссис Клейберн решила: «Наверняка с электричеством перебои». Проверить это было нетрудно — стоило лишь включить ночник над кроватью (недаром

комната была оснащена всеми современными приспособлениями!). Она щелкнула выключателем — свет не зажегся. Все обесточено, а раз сегодня воскресенье, то до понедельника не починят. Если, конечно, просто-напросто не вылетела пробка, это Прайс поправит. Теперь уж точно кто-нибудь да войдет.

К девяти часам Саре ничего не оставалось, как признать: случилось нечто из ряда вон выходящее. Ее охватило неприятное предчувствие, однако она была не из тех, кто легко поддается панике. Нет чтобы провести телефон в комнату, а не на лестничную площадку! Она прикинула в уме расстояние до лестницы, вспомнила наказ доктора Селгроува… Доковыляет ли она туда с больной ногой? Оказаться в гипсе совсем не хотелось, но до телефона надо было дойти во что бы то ни стало.

Миссис Клейберн запахнулась в халат, взяла трость и, с трудом ступая, дохромала до двери. В спальне заботливая Агнес плотно заперла ставни, и свет сквозь них едва проникал, зато в коридоре яркость заснеженного утра подействовала успокаивающе. Таинственные и смутные страхи, одолевавшие Сару в потемках, при свете дня вмиг разбежались. Она осмотрелась по сторонам,

прислушалась. Тишина. Глубокая беспробудная тишина в доме, где, по идее, хлопотали пятеро слуг! Очень странно… Миссис Клейберн глянула в окно, надеясь увидеть кого-нибудь во дворе или на аллее. Но и там не было ни души, а снег, казалось, заполонил собой все вокруг; он падал и падал, слой за слоем накрывая дом и все вокруг тяжелым белым бархатом, отчего внутри становилось еще тише. Бесшумный мир — понимают ли люди, на что обрекают себя, когда жаждут тишины? Пусть поживут сначала в доме, одиноко стоящем посреди ноябрьской метели!

Сара проковыляла к площадке с телефоном. Сняв трубку, заметила, как дрожит рука.

Она позвонила в подсобку — никто не ответил. Позвонила опять. И опять тишина! Тишина была под стать снегу, что покрывал все новыми и новыми слоями крышу и карнизы. Кто из ее знакомых по-настоящему понимал, что значит тишина — и какой оглушительной она бывает, если к ней внимательно прислушаться?

Немного погодя миссис Клейберн набрала «Диспетчерскую». Молчание. Она перезвонила раза три, после чего опять набрала подсобку… Стало быть, нет ни электричества, ни телефонной связи. Неужели кто-то снизу нарочно пытается

отрезать ее от внешнего мира? Сердце учащенно забилось. По счастью, рядом с телефоном стоял стул, на который она опустилась, чтобы отдышаться — или, может, собраться с духом?

Агнес с экономкой спали в соседнем крыле. Идти недалеко — надо лишь взять себя в руки. Отважится ли? Разумеется! Она слыла женщиной неробкого десятка и сама в себе не сомневалась. Вот только бы тишина не давила…

Тут Сара сообразила, что из окна ближайшей ванной комнаты виден дымоход, ведущий из подсобки. В это время оттуда должен идти дым; и если он идет, то все не так страшно. Она доплелась до ванной, однако дыма в окно не увидела. Ее накрыло чувство одиночества. Что бы ни случилось внизу, к работе, похоже, никто не приступал. Кухарка не затопила печь, остальные слуги не начали хлопотать по дому.

Миссис Клейберн опустилась на стоявший рядом стул, пытаясь подавить приступ страха. Что предстанет ее глазам, если она продолжит свои поиски?

Боль в ноге мешала передвигаться, но сейчас Сару волновало лишь то, что она не могла идти быстрее. Каких бы усилий ей это ни стоило, она должна была выяснить, что происходит — или

произошло — внизу. И все же первым делом она решила зайти к своей горничной, а если той нет… что ж, тогда придется спуститься самой.

Она заковыляла вдоль стены и случайно оперлась на радиатор. Тот оказался холодным, как камень. Зимой в доме центральное отопление никогда не выключали полностью, и к восьми утра по комнатам обычно разливалось мягкое тепло. Ледяной холод труб озадачил хозяйку. За отоплением следил шофер — выходит, и он вместе с остальной прислугой причастен к происходящему? Дело принимало совсем уж неприятный оборот.

III

У комнаты Агнес хозяйка остановилась и постучала. Как она и ожидала, ответа не последовало. Тогда она толкнула дверь и вошла. Внутри было темно и очень холодно. Добравшись до окна, миссис Клейберн отворила ставни и медленно повернулась, страшась того, что предстанет ее глазам. Комната пустовала, однако Сару испугала не столько пустота, сколько царивший там безупречный, идеальный порядок. Будто никто здесь не одевался и не раздевался накануне, да и постель стояла нетронутой.

Миссис Клейберн на минуту прислонилась к стене, затем проковыляла к шкафу и открыла дверцу. Платья Агнес висели аккуратно в ряд. Сверху на полке лежали несколько старомодных шляп — прислуга латала и носила те, что перепадали от хозяйки. Миссис Клейберн знала их наперечет, поэтому сразу увидела, что одной не хватает. Не было и теплой шубы, которую она отдала Агнес прошедшей зимой.

Сомнений не оставалось: старая горничная ушла еще с вечера, поскольку явно не ложилась и не пользовалась туалетными принадлежностями. Агнес, которая принципиально не выходила с наступлением темноты, которая одинаково презирала и кино, и радио и которую невозможно было убедить, что немного безобидных развлечений еще никому не навредили, покинула дом на ночь глядя, в метель, оставив беспомощную хозяйку страдать одну! Куда она ушла? И зачем? Неужели, помогая Саре раздеться накануне, исполняя ее поручения и устраивая как можно удобнее на ночь, она уже замышляла свой таинственный побег? Или же что-то случилось — страшное и непредвиденное Нечто, разгадку которому миссис Клейберн теперь искала, — и это Нечто заставило старую служанку выйти за

порог в ненастную ночь? Быть может, внезапно заболел шофер или садовник, которые жили в гараже, а другой побежал в дом за Агнес? Да, скорее всего, так оно и было… Хотя объясняло это далеко не все.

Рядом со спальней горничной располагалась прачечная, а дальше — комната работницы. Миссис Клейберн дошла до ее двери и постучала.

— Мэри! — Никто не ответил, и она вошла.

Внутри царил такой же безупречный порядок, как и в комнате Агнес, и ничто не указывало на то, что тут кто-либо спал или переодевался. Значит, обе женщины ушли вместе — но куда?

Ледяная, безответная тишина в доме все больше тяготила миссис Клейберн. Дом никогда не казался ей большим; теперь же, в холодном свете заснеженного утра, он предстал громадным скоплением зловещих ниш и углов, куда страшно было заглянуть.

За комнатой работницы начиналась служебная лестница — кратчайший путь вниз. С каждым шагом боль в ноге становилась все сильнее, и тем не менее миссис Клейберн предпочла не спешить и вернуться назад, пройти по коридору и спуститься по парадной лестнице. Она сама не поняла, почему так решила, просто в тот момент

почувствовала, что лучше довериться не рассудку, а интуиции.

Саре уже не раз доводилось в одиночку обходить первый этаж, следуя за непонятными полуночными шорохами, однако теперь ее пугали не звуки, а неумолимая, зловещая тишина, ощущение, что дом даже при свете дня хранит свою ночную тайну и наблюдает за хозяйкой, как и она за ним. Возможно, входя в эти пустующие, идеально прибранные комнаты, она нарушала некий незримый сговор, в который существам из плоти и крови лучше не соваться.

На широкой, отполированной до блеска дубовой лестнице было так скользко, что идти приходилось, держась за перила и переступая по одной ступеньке зараз. Причем тишина будто бы опускалась вместе с ней — тяжелая, гнетущая, непроницаемая; она шла по пятам, не отставая ни на шаг, и не походила на привычную тишину. Саре казалось, что ее окружает не просто отсутствие звуков, не тонкая прослойка, за которой угадывается отдаленный шум жизни, а непробиваемая субстанция, заполонившая собой весь мир так, что в нем прекратились вся жизнь и всякое движение.

Да, страшно делалось именно от ощущения,

что у этой тишины нет предела, нет границ, за которыми начиналось бы что-то иное. Меж тем миссис Клейберн уже одолела лестницу и, прихрамывая, направилась через холл в гостиную. Она не знала, чего ждать, но не сомневалась, что и там застанет немую и безжизненную картину. Вот только какую? Застывшие трупы слуг, перерезанных маньяком-убийцей? А если она будет следующей — если он поджидает ее за тяжелыми шторами той самой гостиной, куда она собиралась войти? Будь что будет, она должна это выяснить. Двигала ею вовсе не смелость, нет — в ней не осталось ни капли отваги. Просто любой исход был лучше, чем пребывать в занесенном снегом доме в неведении, одна она там или нет.

«Я должна это выяснить, я должна это выяснить», — повторяла она как бессмысленную мантру.

Гостиная утопала в ослепляющем зимнем свете. Ставни были открыты, шторы не задернуты. Миссис Клейберн осмотрелась: никого нет, вся мебель на месте. Ее излюбленное кресло стояло возле камина, в очаге лежала кучка золы. Здесь она грелась перед злополучной прогулкой. Даже пустая кофейная чашка по-прежнему стояла на столике возле кресла. Очевидно, что слуги не

заходили сюда с тех пор, как она ушла накануне после обеда. Сара вдруг поняла, что в остальном доме найдет то же самое. Тот же порядок, холод и пустоту. Она ничего и никого не обнаружит. Никакие опасности, исходящие от обычных людей, ей не грозили. Бояться некого, в этих стенах она совершенно одна.

Нога нещадно болела, и миссис Клейберн присела, медленно обводя гостиную взглядом. Она твердо вознамерилась проверить остальные комнаты, хотя наперед знала, что ответа на мучивший ее вопрос нигде не найдет. Такую уверенность вселяло особое свойство накрывшей дом тишины — непроницаемой, без единой трещинки. Безмолвие было таким же холодным и сплошным, как снег, что беспрерывно падал за окном.

Неизвестно, как долго Сара просидела, прежде чем собраться с духом и продолжить обход. Нога перестала болеть, но, помня, что на нее нельзя опираться, кузина шла очень осторожно и хваталась за каждый предмет мебели, стоявший на пути. На нижнем этаже все ставни были открыты, все шторы раздвинуты, и хозяйка беспрепятственно осмотрела библиотеку, кабинет, столовую. Все на месте. В столовой было накрыто

для вчерашнего ужина, в столе из красного дерева отражались канделябры с незажженными свечами. Миссис Клейберн была не из тех женщин, что довольствуются яйцом всмятку на подносе у себя в комнате; она обязательно спускалась в столовую и ела «цивилизованно», как она это называла.

Теперь непроверенной оставалась только служебная часть дома. Из столовой хозяйка перешла в подсобку, где опять обнаружила все тот же безукоризненный порядок. Она открыла дверь, выглянула в устланный линолеумом коридор. Ее по-прежнему сопровождала тишина, которая бесшумно и настороженно двигалась рядом, словно страж, готовый наброситься на узника при малейшей попытке к бегству. Хромая, Сара потащилась на кухню. Там наверняка все тоже было пусто и прибрано, хотя убедиться не мешало.

В коридоре миссис Клейберн на минуту задержалась, облокотившись на подоконник.

«Ни дать ни взять „Мария Селеста“[43], — подумала она, вспомнив неразгаданную тайну, о

[43] Примечания: 43

«Мария Селеста» — название бригантины, которая по необъясненной до сих пор причине была оставлена командой и потом найдена в четырехстах милях от Гибралтара 4 декабря 1872 года. Классический пример корабля-призрака.

которой слышала в детстве. — „Мария Селеста“, только на terra firma[44]. Никто так и не узнал, что случилось на борту корабля. Как, наверное, никто не узнает, что случилось в этом доме. Включая меня».

При этой мысли охвативший ее страх преобразился. Теперь он, как ледяная ртуть, растекся по венам и скопился в лужу возле сердца. Сара поняла, что прежде понятия не имела, что такое настоящий страх, как, впрочем, и большинство ее знакомых. Это было какое-то совершенно новое ощущение…

Страх завладел ею настолько, что она не знала, как долго простояла у окна. Вдруг, поддавшись внезапному порыву, она направилась в судомойню. Оттуда, чуть отодвинув перегородку в стене, можно было незаметно заглянуть в кухню. Она подспудно чувствовала, что именно там найдет ключ к разгадке, что центр всего происходящего в доме расположен не где-нибудь, а в кухне.

Как и ожидалось, в судомойне было чисто и опрятно. Похоже, никто из домочадцев не был застигнут врасплох: нигде никаких следов спешки или беспорядка.

---

[44] Примечания: 44
Terra firma — суша *(лат.)*.

«Они будто все предусмотрели и загодя прибрались», — подумала она.

Миссис Клейберн поглядела на противоположную двери стену — перегородка была приоткрыта. Она подошла ближе, и вдруг тишину прорезал голос. На кухне негромким, но убедительным тоном говорил незнакомый мужчина.

Сара замерла, похолодев от ужаса. Причем природа страха вновь изменилась. До сих пор ее пугало нечто неопределенное, призрачное, исходившее от окружавшей тишины. Сейчас же она просто по-человечески испугалась бандитов. Господи, и что ж она раньше-то не вспомнила о револьвере, который после смерти мужа хранила у себя в спальне?

Она осторожно попятилась к двери, но на полпути трость выскользнула и с грохотом ударилась о плитку. Удар звонким эхом разнесся по пустому дому, и Сара в ужасе застыла на месте. Бежать бесполезно — она себя выдала, и кто бы ни находился в кухне, настиг бы ее в один миг…

К ее изумлению, голос не осекся, словно ни говоривший, ни его собеседники не слышали грохота. Скрытый от глаз мужчина говорил так тихо, что слов было не разобрать, но тон был настойчивым, чуть ли не угрожающим. В следующую

секунду миссис Клейберн поняла, что слышит незнакомый ей иностранный язык. И тогда желание узнать, в чем дело, пересилило страх. Она тихонько подкралась к перегородке и заглянула в кухню, которая, как и другие комнаты, оказалась пустой и прибранной. Лишь посреди до блеска начищенного стола стоял переносной радиоприемник, откуда и доносился тот самый голос.

По всей видимости, Саре сделалось нехорошо; во всяком случае, она почувствовала слабость, головокружение и очень смутно помнила, что было дальше. Спустя какое-то время она все же добралась до кладовки, нашла там бутылку то ли бренди, то ли виски и влила в себя изрядную порцию спиртного. Пока оно растекалось по венам, она на ощупь, дрожа от страха и поминутно останавливаясь, дотащилась по безлюдному нижнему этажу до лестницы, сумела кое-как подняться и дойти до спальни. Там она, похоже, вновь потеряла сознание и растянулась поперек порога…

Придя в себя, миссис Клейберн первым делом заперлась на замок, после чего отыскала револьвер мужа. Он был не заряжен, однако ей удалось найти и вставить в него патроны. Тут она вспомнила, что Агнес накануне так и не забрала

поднос с чаем и сэндвичами, и набросилась на еду. Впоследствии кузина упоминала, что, к ее удивлению, рядом с термосом стояла фляжка с бренди. Получалось, горничная заранее знала, что в ее отсутствие у хозяйки, которая обычно спиртного в рот не брала, возникнет необходимость взбодриться. Миссис Клейберн вылила бренди в чай и залпом его выпила.

После этого (как потом рассказывала кузина) она сама затопила камин и, немного согревшись, улеглась в постель, накрывшись всеми одеялами и пледами, какие только смогла найти. Остаток дня она провела в полузабытьи, мучаясь от боли и представляя себе, что так и будет лежать, покинутая и беспомощная, пока не умрет от холода и одиночества. Сара больше не сомневалась, что дом пуст — пуст целиком, от чердака до подвала. Она не могла сказать, откуда взялась такая уверенность; скорее всего, причина крылась все в том же особенном характере тишины, которая перед тем следовала за ней по пятам, а теперь накрыла с головой, как саван. Ведь любое, пусть даже слабое и невидимое, присутствие живого человека пустило бы в этой тишине едва заметную трещинку, вроде той, что оставляет камешек, брошенный в стекло…

IV

— Ну как, не полегчало? — спросил доктор, выпрямляясь после осмотра лодыжки и неодобрительно качая головой. — Сдается мне, кое-кто не послушался врача, так ведь? Вы, верно, не утерпели и встали-таки с постели? Разве доктор Селгроув не велел вам лежать до его прихода?

Миссис Клейберн знала нового врача лишь понаслышке. Обычно к ней ходил доктор Селгроув, но в то утро его срочно вызвали в Балтимор к умирающему пациенту, и он прислал вместо себя молодого коллегу, совсем недавно начавшего практиковать в Норрингтоне. Новый врач сильно смущался, отчего, как свойственно многим застенчивым людям, держался несколько развязно, и миссис Клейберн решила, что он ей не нравится. Однако не успела она открыть рот и выразить ему свое недовольство (а она мастерски умела выражать недовольство), как из-за спины доктора показалась Агнес — да, да, та самая Агнес, ее верная служанка, как всегда строгая и опрятная.

— Миссис Клейберн небось вставала и бродила ночью по дому, вместо того чтобы, как подобает, позвонить мне, — проговорила она с упреком.

Это было уже слишком! Несмотря на боль в

ноге, Сара расхохоталась.

— Позвонить тебе? Когда весь дом остался без электричества?

— Как «без электричества»? — Агнес ловко притворилась удивленной. — О чем вы? — Она нажала кнопку возле кровати, и в тишине комнаты раздался звонок. — Вчера перед уходом я нарочно убедилась, что он работает, а будь с ним что не так, я б вас одну не оставила, мэм. Переночевала бы рядом, в гардеробной.

Миссис Клейберн уставилась на нее, не веря своим ушам.

— Вчера перед уходом? Да я вчера весь день проторчала в доме одна!

Суровые черты горничной не дрогнули. Она смиренно сложила руки на накрахмаленном переднике.

— У вас не иначе как из-за боли все перепуталось, мэм. — Агнес взглянула на доктора.

— Нога наверняка сильно болела, — кивнул он.

— Очень сильно, — сердито отозвалась миссис Клейберн. — Только боль не шла ни в какое сравнение с ужасом от того, что меня с позавчерашнего дня оставили одну в пустом доме, без отопления, электричества и телефона.

Доктор глядел на нее в явном замешательстве. Землистое лицо Агнес слегка порозовело, якобы от обиды на несправедливое обвинение.

— Помилуйте, мэм, вчера вечером я своими руками затопила камин — смотрите, угли еще тлеют. И как раз собиралась разжечь огонь, когда пришел доктор.

— Это правда. Я застал ее на коленях перед камином, — подтвердил врач.

Миссис Клейберн вновь рассмеялась. Какой бы искусной ни была ложь, которой ее опутывали, она еще могла из нее высвободиться.

— Вчера вечером я разожгла огонь сама — больше было некому, — сообщила она доктору, украдкой наблюдая за горничной. — А потом дважды вставала, чтобы добавить углей, потому что дом был холодный, как могила. Центральное отопление, судя по всему, не работало аж с субботнего вечера.

Агнес сохранила учтивое выражение лица и лишь сокрушенно вздохнула, а новый доктор явно жалел, что оказался втянутым в непонятную перепалку, на которую у него не было времени. Он сказал, что привел с собой рентгенолога, но рентген сделать не сможет, потому что лодыжка совсем распухла. Затем извинился за спешку,

сославшись на то, что помимо своих пациентов должен обойти пациентов доктора Селгроува, и обещал вернуться вечером, чтобы решить насчет рентгена и, если его опасения подтвердятся, наложить гипс. Вручив рецепты Агнес, он откланялся.

Весь день миссис Клейберн промучилась с температурой и больной ногой. Продолжать пререкаться с Агнес не было сил, а других слуг она звать не стала. Ее клонило в сон, голова кружилась и плохо соображала. Агнес с работницей, по обыкновению, безупречно ухаживали за хозяйкой, и к вечеру, когда вернулся доктор, температура спáла. И все же Сара решила не заговаривать на волновавшую ее тему до возвращения доктора Селгроува. Тот должен был заехать в Уайтгейтс на следующий день, и молодой врач предпочел дождаться опытного коллегу и посоветоваться с ним насчет гипса, которого, как он боялся, теперь было не избежать.

V

После обеда миссис Клейберн позвонила мне, умоляя приехать, и я прибыла в Уайтгейтс на следующий же день. Выглядела кузина бледной и взвинченной; она лишь указала на свою загип-

сованную ногу и поблагодарила меня за то, что согласилась составить ей компанию. Оказалось, доктор Селгроув внезапно заболел в Балтиморе и пробудет там несколько дней, но замещающий его врач, по ее словам, вполне внушал доверие. О странных событиях, описанных выше, она тогда ни словом не обмолвилась, однако я сразу почувствовала, что кузина пережила сильное потрясение и что дело не только в переломе лодыжки, как бы та ни болела.

В один из вечеров Сара наконец заговорила о тех загадочных выходных, изложив все так, как запечатлелось в ее на редкость ясной и четкой памяти и как записано мной выше. Со времени моего приезда прошло уже несколько недель; кузина по-прежнему оставалась заточенной наверху и коротала дни между постелью и диваном. В эти нескончаемые недели она, по ее словам, много размышляла о случившемся. И хотя она все еще живо помнила события тех тридцати шести часов, безотчетного ужаса они больше не вызывали, и она решила не поднимать эту тему с Агнес и не расспрашивать других слуг. А вот болезнь доктора Селгроува оказалась не только серьезной, но и продолжительной. Он долго не возвращался, а потом им сообщили, что сразу по-

сле болезни он отправится в круиз по Вест-Индии, так что практику в Норрингтоне возобновит не раньше весны. Моя кузина прекрасно понимала, что доктор Селгроув — единственный, кто мог подтвердить, что между его осмотром и визитом преемника прошло полтора дня. А молодой врач, на плечи которого неожиданно свалились пациенты коллеги, смущенно признался мне (когда я отважилась переговорить с ним наедине), что доктор Селгроув второпях ничего не сообщил ему о миссис Клейберн, кроме краткой записи: «Перелом лодыжки. Необходим рентген».

Поначалу, зная властный характер моей кузины, решение не поднимать этот вопрос с прислугой меня удивило; однако, поразмыслив, я пришла к выводу, что она права. Слуги оставались такими же работящими, преданными, учтивыми и порядочными, как и до того непонятного случая. Она полагалась на них, чувствовала себя с ними безопасно и, естественно, предпочла по возможности об этом просто не думать. У Сары не было ни малейших сомнений в том, что в ее доме произошло нечто странное; я же, со своей стороны, не сомневалась, что она пережила шок, который не объяснишь одним лишь переломом лодыжки. Но даже я в конце концов согласилась,

что дальнейшие расспросы слуг или молодого доктора ничего не прояснят.

Всю ту зиму и лето я часто и подолгу гостила в Уайтгейтсе, а в начале октября к кузине полностью вернулись ее прежнее здоровье и бодрость духа. Доктора Селгроува отправили на лето в Швейцарию, и новая отсрочка окончательно стерла мистические выходные из ее памяти. Жизнь вошла в привычную колею; уезжая домой в Нью-Йорк, я оставляла Сару со спокойной душой и даже не вспомнила о неразгаданной тайне почти годичной давности.

В то время я жила одна в небольшой нью-йоркской квартирке и еще не успела толком обустроиться, как однажды поздним вечером — в последний день октября — в дверь позвонили. У прислуги был выходной, так что я открыла дверь сама и, к своему изумлению, увидела на пороге Сару Клейберн. Кузина куталась в шубу, шляпа почти закрывала бледное лицо; у нее был такой загнанный вид, что я поняла: произошло нечто ужасное.

— Боже, Сара! — ахнула я, не помня себя. — Откуда ты взялась в такой поздний час?

— Из Уайтгейтса. Опоздала на последний поезд, так что доехала на машине. — Она едва держалась

на ногах и, войдя, тяжело опустилась на скамью в прихожей. Я присела рядом и обняла ее.

— Скажи, ради бога, что случилось?

Она смотрела на меня невидящим взглядом.

— Я позвонила Никсону и заказала такси. Мы добирались пять с лишним часов. — Она огляделась по сторонам. — Сможешь приютить меня на ночь? Мой багаж внизу.

— Конечно, оставайся, сколько захочешь. Только ты, похоже, нездорова?..

Сара помотала головой.

— Нет, я просто напугана… до смерти напугана, — повторила она шепотом.

Голос звучал как-то странно, а руки, зажатые между моими ладонями, были ледяными. Я помогла ей подняться и отвела в комнатку для гостей. Квартира находилась в невысоком старинном здании, где у меня с персоналом установились более человеческие отношения, чем это обычно бывает в современных Вавилонских башнях. Я позвонила привратнику и попросила его принести вещи гостьи, а тем временем залила в грелку кипяток, согрела постель и уложила кузину. Я в жизни не видела ее такой безвольной и послушной, и это напугало меня больше, чем ее бледность. Она была не из тех, кого можно

раздеть и уложить спать, как младенца, и все же безропотно подчинилась, видимо понимая, что дошла до точки.

— Как же здесь хорошо, — промолвила она, чуть придя в себя, когда я подоткнула одеяло и поправила подушки. — Ты пока не уходи, ладно? Побудь со мной.

— Я выйду лишь на минутку — налить тебе чаю, — заверила я, и она успокоилась.

Я оставила дверь открытой, чтобы кузина слышала, как я вожусь в крохотной кухне напротив, потом принесла чай, который та благодарно выпила. Лицо ее немного порозовело. Я присела рядом, и какое-то время мы обе молчали. Она заговорила первая:

— Знаешь, прошел ровно год…

Я предпочла бы отложить все разговоры до утра, но в горящем взгляде прочла такую потребность облегчить душу, что принесенное снотворное решила даже не предлагать.

— Ровно год с тех пор, как что?.. — переспросила я тупо, все еще не видя связи между ее внезапным приездом и таинственным происшествием годом раньше в Уайтгейтсе.

Сара удивленно на меня уставилась.

— Год с тех пор, как я повстречала ту женщину.

Не помнишь? По дороге к дому в тот вечер, когда упала и сломала лодыжку? Тогда я не сообразила, а ведь это было накануне Дня Всех Святых.

Я сказала, что помню.

— Ну, так и сегодня канун Дня Всех Святых, верно? Ты лучше меня ориентируешься в церковных праздниках.

— Да, ты права.

— Я так и думала… В общем, я, по обыкновению, вышла пройтись. После обеда засиделась за письмами и счетами и вышла, когда уже начинало темнеть. Но вечер выдался замечательный. Так вот, подхожу к воротам и вижу женщину — ту самую… и опять она шла к дому…

Я сжала ее руку, которая теперь пылала и дрожала.

— Ты уверена? Ведь сама говоришь, что уже стемнело…

— Уверена, небо еще было чистое. Я ее сразу узнала, она меня тоже, причем явно не обрадовалась встрече. Я остановилась и, как в прошлый раз, спросила, куда она направляется. И она, все с тем же странным акцентом, дала тот же ответ: «Навестить одну знакомую». Тут меня злость взяла. «Ноги вашей не будет в моем доме, — говорю. — Слышите? Убирайтесь». А та засмеялась,

да-да, засмеялась — тихо, но отчетливо. Небо внезапно потемнело, как будто его заволокли тучи, и я, хоть и стояла недалеко, едва ее различала. Дело было на повороте, там, где у дороги ели растут; я шагнула к ней, взбешенная такой наглостью, а она скрылась за деревьями и пропала… Клянусь тебе: я буквально шла следом, но ее нигде не было… В общем, я бегом побежала домой, боясь, что она прошмыгнет в потемках мимо и опередит меня. Самое странное, что когда я подошла к двери, тучи разошлись и небо посветлело. В доме все было как обычно, слуги хлопотали по хозяйству, но я не могла отделаться от мысли, что незнакомка под покровом темноты все же проскользнула внутрь раньше меня. — Сара умолкла, чтобы перевести дыхание, потом продолжила: — Я прямо из прихожей позвонила Никсону и попросила прислать за мной машину с шофером, который отвез бы меня в Нью-Йорк. И представляешь, Никсон приехал за мной сам… — Она откинула голову на подушку, глаза смотрели испуганно, как у ребенка. — Очень мило с его стороны…

— Действительно, очень мило. А как насчет слуг?.. Я имею в виду, когда они поняли, что ты уезжаешь…

— Да, поднялась я, значит, к себе и вызва-

ла Агнес. Она вошла, как всегда, спокойная и невозмутимая. Я объявила ей, что через полчаса отправляюсь в Нью-Йорк по срочному делу, и тут она впервые себя выдала. Она даже не притворилась удивленной, не стала возражать — ты же помнишь, какая Агнес ворчунья. А еще я заметила в ее взгляде облегчение, которое она, как ни старалась, не успела скрыть. Так вот, она лишь сказала: «Хорошо, мэм» — и спросила, что мне собрать с собой. Можно подумать, я только и делаю, что срываюсь на ночь глядя в Нью-Йорк по срочным делам! Нет уж, на этот раз она совершила ошибку, не выказав ни малейшего удивления и даже не поинтересовавшись, почему я не еду на своей машине. И это — то, что она настолько потеряла голову, — напугало меня больше всего. Я прямо-таки видела, как Агнес радовалась моему отъезду, как боялась лишний раз рот раскрыть, то ли чтобы себя не выдать, то ли чтобы я не передумала.

Кузина долгое время лежала молча, в конце концов задышала ровнее и закрыла глаза. Видимо, ей полегчало, когда она выговорилась, и усталость взяла свое. Я тихонько встала, чтобы уйти, а она, слегка повернув голову, прошептала: «Больше я в Уайтгейтс не вернусь». И уснула.

Надеюсь, в приведенном выше изложении того странного происшествия, о котором рассказала мне кузина, я не упустила ничего важного. Что касается событий в Уайтгейтсе, за их достоверность я могу поручиться лично, а все остальное — куда ж без него! — чистые домыслы. На большее я и не претендую.

* * *

Так вот, Агнес, горничная моей кузины, была родом с острова Скай, а Гебриды, как известно, славятся своей потусторонностью — либо непосредственно в виде духов и призраков, либо в еще более жутком ощущении, что по ночам на этих суровых просторах собираются их незримые стражи. Во всяком случае, Сара решила, что именно Агнес — скорее всего, сама того не ведая — явилась проводником, через который потусторонние силы завладели простодушными слугами Уайтгейтса. Несмотря на то что за долгие годы службы у миссис Клейберн связь Агнес с невидимыми силами никак не проявилась, способность притягивать эти силы могла таиться в ней всегда и ждала лишь подкрепления. Таким подкреплением и стала та незнакомая женщина, которую кузина два года подряд встречала перед домом

накануне Дня Всех Святых. Дата, безусловно, подтверждает мою гипотезу, ибо даже в наш прозаичный век не все забыли, что канун Дня Всех Святых — ночь, когда мертвые выходят из могил, а на духов (как добрых, так и злых) перестают действовать запреты, по которым все остальные дни земля принадлежит живым.

Если совпадение описанных событий с датой не случайно — в чем лично я не сомневаюсь, — тогда незнакомка, появлявшаяся возле Уайтгейтса, была либо «фетчем»[45], либо, что куда вероятнее и куда страшнее, женщиной из плоти и крови, в которую вселилась ведьма. История колдовства, как известно, изобилует подобными случаями, так что она могла быть посланницей темных сил, заправляющих в таких делах, которой было велено созвать Агнес и других слуг в какую-нибудь пустошь неподалеку на полуночный ковен. О том, что происходит на ковенах и чем они так привлекают пугливых и суеверных, написано немало трудов, посвященных таинственным ритуалам. Всякому, кто не прочь из любопытства

---

[45] Примечания: 45

Фетч (*англ.* fetch) — дух-хранитель, встречающийся в мифологии североевропейских народов (скандинавов, кельтов, англосаксов). В разных традициях его еще называют фюльгья (*англ.* fylgja) — валькирия-хранительница, или тотемный дух. Фетчи могут принимать облик животных (ворона, змеи, дракона) или человека.

заглянуть разок на подобный шабаш, вскоре становится ясно, что любопытство перерастает в желание, а желание — в неодолимое влечение, которое рано или поздно вынуждает пренебречь любыми запретами, ибо те, кто однажды побывал на ковене, готовы на что угодно, лишь бы поучаствовать в нем вновь.

Таково мое — гипотетическое — объяснение того, что случилось в Уайтгейтсе. Кузина не раз говорила, что не верит, чтобы явления, которые худо-бедно вписываются в пустынный, мрачный пейзаж Гебридских островов, могли происходить в жизнерадостной и многолюдной Коннектикутской долине. Не знаю, верила она или нет, но бояться не перестала (такие парадоксы — не редкость) и, вопреки заявлениям, что логичное объяснение этой тайны обязательно найдется, на поиски его так никогда и не сподобилась.

— Ну уж нет, — отвечала Сара, содрогаясь всякий раз, как я заговаривала о возвращении в Уайтгейтс, — рисковать я не стану. Не дай бог, опять угораздит столкнуться с той женщиной…

И больше она туда не возвращалась.

1937

